426/246

КЛАУЗЕВИЦ

ШВЕЙЦАРСКИЙ ПОХОД СУВОРОВА 1799 ГОДА

ВОЕНИЗДАТ

ВОЕНИЗДАТ

CLAUSEWITZ

DIE FELDZÜGE VON 1799 IN ITALIEN UND DER SCHWEIZ

BERLIN

726/246

КЛАУЗЕВИЦ

ШВЕЙЦАРСКИЙ ПОХОД СУВОРОВА 1799 г.

Государственное военное издательство
Наркомата Обороны Союза ССР
МОСКВА 1939

3 экз

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

613857

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Вторая часть сочинения Клаузевица — «Поход 1799 г. в Италии и Швейцарии» — обнимает действия русских, австрийских и французских войск во вторую половину войны 1799 г., когда главные военные действия разыгрались в Швейцарии, куда были направлены из Италии русские войска под начальством фельдмаршала Суворова.

Клаузевиц одну из глав посвящает бессмертному Швейцарскому походу Суворова, представляющему для русского читателя совершенно особый интерес. Описание подвигов русских войск Клаузевицем, вполне добросовестное с точки зрения тех печатных материалов, которые находились в его распоряжении, не может вполне удовлетворить современного читателя, так как это описание дается в крайне сжатом виде. Автор останавливается главным образом на фактах, которые имеют отношение к стратегическим соображениям, он дает широкую картину военных действий на всем швейцарском театре военных действий и выясняет взаимное влияние трех театров войны 1799 г.— итальянского, швейцарского и южно-германского.

Главное место в книге Клаузевица, как и во всех его исторических работах, занимает критический разбор военных действий с точки зрения науки и военного искусства, что делает его книгу высоконаучным сочинением для изучения важнейших вопросов стратегии.

При чтении книги надо считаться с тем, что Клаузевиц был прусским офицером и что для него Суворов являлся только одним из главных действующих лиц похода 1799 г., наравне с эрцгерцогом Карлом и Массеной, поэтому нельзя найти в этой книге подробного описания действия русских войск, достойного памяти гениального русского полководца и его замечательных соратников.

Для своего труда Клаузевиц пользовался только австрийскими источниками, и то далеко не полными; русских же трудов или документов он не имел ни одного. Так что, например, руководящий общий приказ Суворова, отданный 5 сентября 1799 г. всем отрядам, действующим в Швейцарии, Клаузевиц имел в немецком переводе с французского перевода

и, конечно, с немалыми искажениями. В настоящем издании этот приказ приводится в русском оригинале, взятом из классического труда Д. Милютина «История войны между Россией и Францией», издание 2-е, 1857 г. Клаузевиц не знал поэтому истинных намерений и планов Суворова и должен был судить о них на основании австрийских источников или собственных догадок. Это необходимо иметь в виду при чтении интересных и очень убедительных выводов Клаузевица.

На основании труда Д. Милютина редакцией сделаны местами примечания и дополнения, необходимые для правильного освещения некоторых фактов и суждений Клаузевица о деятельности Суворова.

Из того же труда заимствованы и приложенные к настоящему изданию карты и планы, отсутствующие в труде Клаузевица.

ГЛАВА VI

В ШВЕЙЦАРИИ ГЛАВНЫЕ СИЛЫ ПРОТИВНИКОВ, ПОД КОМАНДОВАНИЕМ ЭРЦГЕРЦОГА КАРЛА и ГЕНЕРАЛА МАССЕНЫ, В ТЕЧЕНИЕ 3 МЕСЯЦЕВ СТОЯТ ДРУГ ПРОТИВ ДРУГА В БЕЗДЕЙСТВИИ. ЛЕКУРБ РАЗБИВАЕТ В ГОРАХ ЛЕВЫЙ ФЛАНГ АВСТРИЙЦЕВ [1]

(Схема 1)

Расположение обеих сторон

В Швейцарии мы оставили армии обеих сторон в тот момент, когда они, в ожидании новых решительных боев, наступательных или оборонительных, выстроились друг против друга длинными линиями отдельных отрядов. Таким образом, почти на целых 3 месяца образовалось затишье в операциях крупных масс, а именно с 6 июня, дня первого сражения под Цюрихом, до конца августа, когда эрцгерцог Карл ушел на Рейн [2].

За эти 3 месяца мы можем рассказать только о некоторых незначительных аванпостных стычках, затем, в середине августа, об операциях Лекурба против австрийского левого фланга, далее об оставленной эрцгерцогом попытке переправиться через реку Аар и о другой, также оставленной им попытке наступления против французского правого фланга. Таким образом, этот период времени в Швейцарии был беден событиями,

---

[1] Первая часть сочинения Клаузевица «Поход 1799 г. в Италии и Швейцарии» кончается моментом, когда вся Северная Италия оказалась во власти Суворова и победой при Нови 15 августа французская армия была отброшена за Апеннины в Ривьеру, т. е. на узкую полосу побережья Средиземного моря.

В VI главе 2-й части автор описывает события в Швейцарии в тот период, когда в Италии происходили решительные сражения при Требии и у Нови. Таким образом, автор подводит изложение к тому моменту, которым он закончил 1-ю часть.— *Ред.*

[2] Французы вступили в Швейцарию в 1798 г.; первоначальная цель их заключалась в обеспечении так называемых «естественных границ» Франции, предлогом же послужил призыв на помощь местных республиканцев. Французы очень скоро подчинили своему влиянию всю страну и окончательно очистили ее только в 1814 г.— *Ред.*

но тем богаче оказался он в отношении стратегических ситуаций. Во-первых, несмотря на то, что итальянский театр военных действий, благодаря тому значению, которое ему придавало австрийское правительство, а также благодаря энергии Суворова, превратился в главный театр военных действий, все же численность боевых сил в Швейцарии не намного уступала численности этих сил в Италии, а их бездеятельность являлась отнюдь не результатом плана, а следствием обстоятельств, возникших непосредственно на швейцарском театре военных действий. Применение боевых сил и на этом театре военных действий не могло не возбудить ряда существенных вопросов, относящихся главным образом к стратегической истории этой кампании. Во-вторых, даже немногие события в Швейцарии, все же, как мы уже знаем, не оказались без влияния и на Италию. Поэтому немаловажное значение имело и стратегическое взаимоотношение обоих театров военных действий, хотя и далеко не достигавшее той значительной степени, какую приписывает им некая фантастическая теория[1]. Наконец, после завоевания Пьемонта возникло совершенно другое распределение сил, при котором прежнее значение Италии должно было перейти к Швейцарии и Рейну. Эрцгерцог покинул Швейцарию, а Суворов вступил в нее. Смена этих ролей относится как раз к концу данного периода, и отзвуки этой смены придают очень важное значение стратегической обстановке, связанной с этой сменой.

Поэтому, пробегая этот трехмесячный, небогатый событиями период, мы все наше внимание направим главным образом на то, чтобы, насколько мы знаем, привести мотивы правительств и полководцев, послужившие причиной их действий или бездеятельности, и сравнить с ними требования, предъявляемые разумной теорией.

Прежде чем мы предадимся этому тихому, бездеятельному потоку размышлений, из которого только изредка будут всплывать, словно из-под земли, те или иные события, мы укажем точное расположение сил обеих сторон, поскольку нам придется представлять себе армии в течение столь длинного периода времени.

Французская армия состояла из 10 дивизий неравной силы:

1-я дивизия (Ксантрайль, затем Тюрро) стояла в Валлисе и составляла крайний правый фланг; ее следует рассматривать как особый отряд . . . . . 8 000 чел.

2-я дивизия (Лекурб) стояла в Люцерне и составляла собственно правый фланг . . . . . 8 500 »

Свой правый фланг Лекурб расположил в долине Гасли, у впадения реки Аар в Бриенцское озеро. Затем линия его расположения тянулась по долине, в которой находится Сарненское озеро, и через Штанц на Бекенрид подходила

[1] Клаузевиц под «фантастической теорией» имеет в виду сочинения Жомини.

к Люцернскому озеру. Левый фланг стоял между Герзау, на Люцернском озере, и Арт, на Цугском озере.

3-я дивизия (Шабран) стояла в Цуге и занимала пути, ведущие вдоль восточного берега Цугского озера, вдоль озера Эгери, спускавшиеся из высокоторных районов у реки Зиль. Левый фланг ее стоял уже на горе Альбис и тем самым упирался в Цюрихское озеро . . . . . 6 500 чел.

4-я дивизия (Сульт) была расквартирована в районе Бирменсдорфа, непосредственно позади Цюриха, и являлась, собственно говоря, правым флангом основной позиции на Альбисе или Ютли 6 000 »

5-я дивизия (Лорж) стояла в районе Урдорфа и составляла левый фланг основной позиции 8 500 »

6-я дивизия (Тарро) в Бруке и его окрестностях вела наблюдение за течением реки Лимат, от Бадена до впадения ее в реку Аар и от реки Аар до Рейна . . . . . 6 000 »

7-я дивизия (Клейн) стояла у Мелингена в резерве . . . . . 5 100 »

8-я дивизия (Ней) наблюдала за Рейном в долине Фрик . . . . . 5 000 »

9-я дивизия (Сугам) находилась в укрепленном лагере перед Базелем . . . . . 11 000 »

10-я дивизия (Моншуази) стояла в качестве гарнизонов внутри Швейцарии . . . . . 8 000 »

Итого . . . . 72 600 чел.

Против этого расположения австрийцы занимали следующие позиции:

Корпус Гаддика стоял у Аосты (85 км юго-западнее Домо д'Оссола), против обоих перевалов через Сен Бернар, на Симплоне, а бригаду Штрауха выделил в Валлис . . . . . 12 000 чел.

Корпус Елачича: бригада Бея стояла в долине реки Рейсы от Чортова моста до Альторфа 4 300 »

Сам Елачич стоял от Брунена на Люцернском озере на линии Швиц и Затель, Ротентурм, Эцель и Рихтеншвиль на Цюрихском озере . . 9 500 »

Главная армия эрцгерцога стояла за реками Лимат и Аар между Цюрихом и Детингеном . . 47 500 »

Для наблюдения за Рейном в долине Фрик . 5 600 »

В Граубюндене . . . . . 1 500 »

Итого . . . . 80 400 чел.

Главная квартира генерала Массены находилась в Бремгартене, а главная квартира эрцгерцога — в Клотене.

Швейцарцы не вошли в этот подсчет; их было на каждой стороне по 3 000—4 000 чел.

Впрочем, из 80 000 австрийцев 12 000 чел. генерала Гаддика принадлежали не к армии эрцгерцога, а к Итальянской. Нам пришлось их, однако, здесь включить в подсчет, отчасти потому, что они отвлекали дивизию Тюрро, принадлежавшую к армии Массены, а отчасти и потому, что, например, бригада из корпуса полковника Штрауха явно тяготела скорее к швейцарскому театру военных действий, чем к итальянскому.

Поскольку позиция к югу от Цюрихского озера представляла собой горный кордон, вдоль которого, вследствие августовской атаки Лекурба, разгорелось немало крупных боев, мы опишем эту позицию немного подробнее.

Расположение левого австрийского фланга, так же как и правого французского, имело целью прикрыть находившиеся позади них районы, а также поддерживать связь с итальянским театром военных действий. Конечно, протяжение кордона было слишком велико для образования цепи мелких постов, расположенных достаточно близко друг от друга, чтобы оказывать друг другу содействие в наблюдении за местностью и взаимную боевую поддержку, а именно это и входит, собственно говоря, в понятие сплошной цепи постов.

Однако природа высоких альпийских хребтов настолько затрудняла наступление и ограничивала его столь малым количеством исходных пунктов, что обороняющемуся не представляло особых затруднений встретить наступающего со сравнительно значительными силами. Основная трудность для обороняющихся заключалась в том, что главные горные хребты были слишком высоки и непригодны для устройства постов непосредственно на них; этим постам нехватало бы, в особенности, сообщений по фронту,— имелись лишь те, которые проходят по речным долинам, а при огромных размерах этих гор такие сообщения оказывались бы в нескольких милях позади. Например, если бы австрийцы на участке своих линий от Вазена до Атингаузена захотели устроить пост на Штейнберге, у входа в Майенталь, а другой пост на Сурененберге, то оба эти поста, удаленные свыше 2 миль друг от друга, не имели бы между собой никаких иных сообщений, кроме как по долине реки Рейсы, т. е. на расстоянии почти в 6 миль; а резерв, который стоял бы за обоими этими постами, мог быть расположен не ближе чем в 3 милях от них.

Это затруднение заставило австрийцев, владевших высоким Альпийским хребтом, тянущимся от реки Роны слева до реки Рейсы справа, перейти к совершенно противоположной системе, а именно — занимать оборонительную линию не на вершинах хребта, а в долинах, и места для оборонительных постов выбирать на выходах из поперечных долин, через которые спускались в большую долину пешеходные тропы.

Итак, позиции австрийцев были задуманы таким образом, что

Штраух, находясь с большей частью своих войск между Эрненом и Бригом на обоих берегах Роны и выставив там пару постов, мог преграждать долину этой реки, поперек которой он стоял, не поднимаясь на самые высокие вершины, покрытые глетчерами. В результате главная позиция Штрауха представляла собой отогнутый назад левый фланг всего расположения, а затем линия его расположения проходила вдоль реки Роны до перевала Гримзель. Тут она прикрывалась совершенно непроходимыми глетчерами и не требовала ни обороны, ни наблюдения. Через Гримзель проходит дорога из долины Аара в долину Роны. Там Штраух разместил свой правый фланг, и притом наверху, на самом перевале. Резерв его стоял в долине Роны у Мюнстера. От Гримзеля австрийская линия шла дальше вдоль реки Рейсы. Гримзельский пост прикрывал в то же время первый перевал из долины Роны, а именно через Фурку в долину Урзерн,— другими словами, в долину Рейсы; следующий перевал вел через Майенталь. Тут австрийцы расположили пост близ Вазена. От Майенталя до истоков протекающей недалеко от Штанца реки Аар линия снова прикрывалась непроходимыми глетчерами. Ведущий к этим истокам перевал Сурененберг являлся третьим перевалом в долине Рейсы, поэтому австрийцы устроили еще посты в Эрстфельде и Атингаузене, откуда ведет вниз разветвляющийся путь. Затем они имели пост на берегу Люцернского озера у Зеедорфа, так как из Исситаля вдоль озера ведет еще одна пешая тропа. Наконец, они имели пост и у Флюелена, севернее Альторфа, из-за находившейся там пристани.

Между Люцернским и Цюрихским озерами местность теряет свой высокогорный характер; проходы между Люцернским озером и рекой Зиль ограничиваются по большей части берегами озер Люцернского, Лаверцского и Эгери, — поэтому австрийцы устроили свои посты в Брунене, Швице и Зателе. Наконец, между рекой Зиль и Цюрихским озером гористый характер местности исчезает, и она становится лишь сильно волнистой. На протяжении 1 мили австрийцы расставили там 7 000 чел., отдельными, расположенным близко друг от друга постами.

Поскольку мы не располагаем обстоятельными данными о французской позиции, так как она не была атакована, то мы не можем и описать ее подробнее. Впрочем, позиция эта не имела столь большого значения, поскольку, образуя, по отношению к фронту в целом, сильно загнутую на флангах линию, она не подвергалась такой же опасности нападения, как австрийская. Дело в том, что сама природа вещей гораздо больше заставляла Массену вновь выдвинуть вперед свой правый фланг, чем эрцгерцога — еще больше загнуть свой левый фланг.

Мы утверждаем это, несмотря на то, что эрцгерцог говорил, будто он имел такой план и ему в этом помешал лишь отход генерала Гаддика. Во-первых, является вопросом — серьезно ли такое утверждение эрцгерцога? Во-вторых, после того как эрцгерцог убедился во всех связанных с этим затруднениях, не раздумал ли он сделать это, как часто случалось в его карьере полководца? В-третьих, он, конечно, был в состоянии

предпринять операцию, которая противоречила природе вещей, но критика поэтому должна рассматривать ее как маловероятную. Мы еще вернемся к данному вопросу, а пока ограничимся этим.

Расположение обеих главных армий между Цюрихским озером и Рейном являлось не столько позицией в полном смысле этого слова, сколько лагерным расположением на удобной местности. В распоряжении обеих армий имелись чрезвычайно сильные позиции: у французской армии — позиция на горе Ютли, у австрийской — на гребне высот восточного берега реки Лимат. На этом участке оборонительное положение занимали главным образом французы, ибо, в общем, все же наступал эрцгерцог, так как он одно время располагал перевесом сил, а с подходом русских, под командованием Римского-Корсакова, мог снова восстановить этот перевес. Меры, принятые французами, не соответствовали этим обстоятельствам. Таких мощных укреплений, которые они устроили на своей позиции под Цюрихом в июне 1799 г., здесь почти не было и следа. Две дивизии, Сульта и Лоржа, насчитывавшие вместе 15 000 чел., стояли, правда, позади Цюриха, готовые оборонять Ютли. Однако остальные 11 000 чел., под командованием Тарро и Клейна, были вынуждены занимать и оборонять линию до самого Рейна, протяжением в 6 миль. Поэтому в случае неприятельского наступления все сопротивление должно было быть рассчитано на то, чтобы сперва подтянуть к угрожаемому пункту большую часть из 26 000 чел. Так как высота гор Альбис и Ютли достигает около 360—420 м, а австрийской армии пришлось бы, сверх того, форсировать и реку Лимат, то требовалось немного усилий, чтобы сделать нападение на Ютли почти невозможным; для обороны хватило бы во всяком случае и 15 000 чел. Зато оборона реки Аар была гораздо более трудным делом, поскольку войска главной армии, которым предстояло содействовать обороне, должны были бы предварительно переправиться через реки Рейсу и Аар. Подобные условия не дали бы возможности организовать удачный отпор решительному полководцу.

По поводу распределения сил мы должны заметить еще следующее: если у эрцгерцога отнять Гаддика, а у Массены — Тюрро, то силы обеих армий были бы одинаково равны 68 000 чел.

Правый фланг французов, а именно Шабран и Лекурб, насчитывал 15 000 чел., левый фланг эрцгерцога, а именно Елачич и Зимбшен, имеет приблизительно такую же численность. Таким образом, и за их вычетом силы остаются равными. Однако из этого числа Массена держит 8 000 чел. внутри страны, 11 000 чел.— под Базелем, и эти силы не могут действовать против эрцгерцога. Правда, и эрцгерцог имеет 7 000 чел. на правом берегу Рейна. Однако Массена не может рассчитывать для решительного сражения на реке Лимат и на дивизию Нея. В результате, между Рейном и Цюрихом, где эрцгерцог имел 45 000 чел., Массена мог располагать всего лишь 26 000 чел. Поэтому можно считать, что эрцгерцог обладал на главном участке еще очень значительным превосходством сил; он был обязан этим отчасти тому, что Массена разбросал свои силы.

Бездействие обеих армий до середины августа

После отступления Массены, вследствие неудачного сражения 5 июня под Цюрихом, за реку Лимат, эрцгерцог 6 июня, т. е. уже в день отступления французов, отослал генерала Елачича с 9 батальонами и некоторым количеством кавалерии для усиления своего левого крыла. В том месте своего труда, в котором эрцгерцог описывает это мероприятие, он не говорит, что он связывал с этим какую-нибудь наступательную цель, и мы сами тоже признаемся, что данная мера показалась нам лишь результатом тревоги, как бы полковник Гавазини не оказался слишком слабым для прикрытия левого фланга эрцгерцога. Позднее, а именно во второй части своего труда, эрцгерцог еще раз возвращается к этой отправке войск, но придает ей, как мы сейчас увидим, совершенно другой характер.

Через 2 дня, 8 июня, эрцгерцог усилил свой авангард под командованием генерала Розенберга и произвел им рекогносцировку позиций Массены. Не только были захвачены лежащие у подножия Ютли деревни, но австрийцы продвинулись даже до Утикона, почти на самом Ютли, и захватили там редут. Только к вечеру французы собрали достаточно войск, чтобы снова прогнать австрийцев и отнять у них обратно все деревни, за исключением одной — Альтштетена.

Этот успех простой рекогносцировки должен вызвать у нас удивление. Стратегическая основа, на которую опираются все рассуждения данной главы, т. е. позиция на Ютли, вдруг совершенно исчезает. Действительно, что можно подумать о позиции, которую захватывают во время простой рекогносцировки и почти полностью удерживают за собой? Эрцгерцог говорит: «Массена слишком разбросал свои силы и не смог бы быстро оказать сопротивление, если бы эта операция явилась больше чем рекогносцировкой». Жомини говорит: «Вся линия Альбиса пала бы, если бы главные силы эрцгерцога были подготовлены для поддержки этой атаки».

Итак, мы видим, что серьезный удар привел бы к несомненному и даже очень легкому успеху.

Для того чтобы разрешить это противоречие, мы не имеем никаких данных, кроме выражения Жомини: «Республиканцы были застигнуты врасплох». И нам, безусловно, тоже приходится исходить из этой точки зрения. Очевидно, французы не думали, что осторожный эрцгерцог так быстро двинется вслед за ними. Они еще не устроились надлежащим образом. Возможно, этому содействовали и различные недоразумения, которые так легко возникают во всякой совершенно новой обстановке; в таком случае становится довольно понятным, почему позиция, которая поддавалась захвату с первого нечаянного нападения, без всякого кровопролития, все же впоследствии показалась австрийскому полководцу почти совершенно неприступной, по крайней мере с фронта. Нам будет трудновато совсем позабыть об этом случае и не сделать вывода, что

при том сравнительно незначительном количестве войск, которые Массена держал для обороны участка между Цюрихским озером и рекой Аар, было бы вполне возможно овладение этим участком с фронта, при использовании для этого значительного перевеса сил. Этот случай показывает нам, как совершенно негаданно близок бывает на войне исключительный успех, добиться которого можно смелым использованием благоприятного момента с незначительной затратой сил. Если при этом многое и зависит от случая, все же путь, по которому надлежит искать успеха, отнюдь не неизвестен теории. Этот путь — смелая атака, пока противник еще не вышел из кризиса.

Австрийцы сохранили за собой Альтштетен; Массена счел это для себя неудобным, и 15 июня, после боя, потребовавшего затраты сравнительно значительных сил и демонстраций, снова овладел этим пунктом.

Как бы благоприятен ни был успех упомянутой рекогносцировки, но все же эрцгерцог принял, повидимому, решение придерживаться обороны до ожидавшегося прибытия 30 000 русских войск Римского-Корсакова.

В оправдание такого решения эрцгерцог, в веренице своих соображений по этому поводу, приводит также и следующие основания, которые, как наиболее существенные, мы извлекли по мере возможности из различных вставок и хитросплетений его не слишком логичной манеры повествования.

1. Он считал свой численный перевес над противником не очень значительным.

Судя по обзору, приведенному нами выше, такого перевеса и в самом деле, в общем, не было. Однако на главном пункте, между Цюрихским озером и рекой Аар, перевес безусловно имелся. Кроме того, мы должны заметить, что наш обзор сил показывает их состояние на конец июля, а по собственному утверждению эрцгерцога, Массена получил к этому времени значительное подкрепление. Таким образом, следует предположить, что непосредственно после первого сражения 5 июня под Цюрихом Массена был слабее на 10 000 или 15 000 чел. Мы отмечаем это здесь не для того, чтобы опровергать рассуждения эрцгерцога (чем мы займемся позже), а для того, чтобы установить фактическое положение вещей.

2. Эрцгерцог говорил, что Массена был оттеснен, но не разбит, т. е., другими словами, нехватало того морального перевеса, который дается настоящей победой.

3. Позиция Массены была очень сильна. Нападение на самый фронт ее со стороны Цюриха эрцгерцог считал почти невозможным. Переход через реку Лимат дальше, вниз по течению, он считал делом очень трудным и неподходящим для достижения значительного результата; переправа же через Аар уже, собственно говоря, является не атакой позиции, а лишь маневром, которым можно заставить противника покинуть данную позицию. Но так как в последнем случае к достижению цели стремились не силой оружия, то приходилось бы удерживать на левом фланге такой

пункт, как Цюрих. Впоследствии, при дальнейшем наступлении правым флангом, пришлось бы принять во внимание также и сильную дивизию, которую Массена держал под Базелем. Все это требовало значительного превосходства сил, которого эрцгерцог, как ему казалось, не имел.

4. При обходе правого крыла французы были бы отогнаны к югу от Цюрихского озера, но возникла бы также и невыгодная обстановка, так как австрийцы не смогли бы поддержать свой левый фланг столь же легко и сильно, как французы свой правый.

5. Эрцгерцог думал, что французы на Рейне имели значительный численный перевес над корпусом Старая,— другими словами, были в состоянии опрокинуть этот корпус и прорваться к Шафгаузену — его естественному пути отступления.

Эрцгерцог подсчитывал, что от Базеля и Брейзаха (45 км севернее) французам потребуется около четырех переходов до Шафгаузена, в то время как эрцгерцогу от Бадена и Цюриха нужно сделать два перехода. Но поскольку эрцгерцог должен накинуть один день на получение сообщений об этом, он выводит заключение, что ему надо было иметь в запасе один переход, если он не хотел подвергнуться опасности потерять свои пути сообщения через Шафгаузен и ограничиться путями сообщения через Брегенц, которые на продолжительное время делаются непроходимыми. Как мы уже сказали выше, он не видел для себя возможности преодолеть все эти трудности одной решительной победой на реке Лимат, а потому и не хотел подвергаться подобному риску.

6. Наконец, эрцгерцог считал, что Швейцария, как объект наступления, не стоит всех жертв и опасностей и что во Франции, при общем недовольстве правительством, все же нельзя рассчитывать на восстание для поддержки вторжения чужеземных армий.

Все эти основания внушали эрцгерцогу убеждение, что обстановка в его положении повелевала придерживаться оборонительной тактики до тех пор, пока прибытие русских не даст ему надлежащего численного перевеса.

Мы должны признаться, что, стремясь придать логическую стройность этим основаниям, мы совершенно перевернули их последовательность. Эрцгерцог начинает с того, что выставляет решающим основанием опасность, грозившую его базе со стороны Рейна, из-за чего невозможна ни одна операция, обещающая крупные успехи; потом уже он перечисляет остальные доводы, чтобы доказать, что и более ограниченное предприятие, направленное на достижение более мелких успехов, не соответствовало бы обстановке, в которой он находился. Однако, если бы эрцгерцог был в состоянии нанести решающий удар главной армии Массены, он мог бы совершенно не беспокоиться за свой тыл, ибо великие события своей энергией увлекают за собой и мелкие, а операция против тыла полководца лишь тогда принимает решительный характер, когда полководец уже больше не в состоянии перекрыть ее сильным ударом на фронте. Мы думаем, что эрцгерцог рассуждает лучше, чем пишет, и

что все приведенные выше основания, как бы «надерганные» из разных его суждений в попытке дать картину их логического развития, влияют, так сказать, «слитно», причем роль каждого из них в отдельности несколько иная, чем та, которая ему приписывается логическим анализом. Мы поэтому предпочли изобразить эти основания наиболее действительным образом, так, как мы их себе представляем, чтобы избежать тех внутренних противоречий, в какие попал австрийский полководец, и оставляем за собой право еще до конца данной главы проверить, была ли правильна точка зрения, исходя из которой были высказаны эти основания.

После того как эрцгерцог показал, что, собственно говоря, он должен был бы ограничиться только оборонительной тактикой, он укоряет самого себя за то, что он тем не менее думал тогда о наступлении и это наступление мыслил в виде одновременного нажима на французский правый фланг со стороны Елачича и Гаддика. Эрцгерцог даже говорит, будто он отправил Елачича именно с таким намерением. Это нас несколько удивляет, ибо, когда эрцгерцог впервые рассказывает об этой отправке, он совершенно не упоминает о подобном мотиве. Нам также кажется, что дата 6 июля, когда он еще ничего не знал о том, как себя будет вести в дальнейшем Массена, когда вышеупомянутая рекогносцировка еще не была произведена, не могла быть подходящим моментом для такого, совместно с Гаддиком, наступления на Лекурба. Да и сам Гаддик уходит из долины Роны только 24 июня, и ниоткуда не видно, что эрцгерцог очень настаивал в то время на наступательной операции. Откровенно говоря, мы думаем, что мысль об этом наступлении пришла эрцгерцогу в голову, когда Гаддик уже ушел, т. е. когда уже произошло распыление сил, и что эрцгерцог несколько больше подчеркивает этот момент только для того, чтобы посетовать на уход этого генерала и тем найти еще одно оправдание для своей собственной бездеятельности.

Итак, мы не можем придавать слишком большого значения этим слабым потугам эрцгерцога, которые он, сверх того, еще порицает, и можем считать, что до середины августа он пребывал в состоянии полной пассивности.

Обратимся теперь к французскому полководцу.

Массена отступил за реку Лимат, потому что считал себя еще не сравнявшимся со своим противником. В то же время он подтянул от Сен Готарда поближе к себе свой правый фланг, под командованием Лекурба. Это указывает, что он чувствовал себя слабым. Поэтому, если французский полководец держит себя пока тихо, мы можем признать это только естественным. Массена дожидается подхода подкреплений. Как обстояло дело с этими подкреплениями — мы, собственно говоря, не знаем. Эрцгерцог утверждает, будто Массена получил значительные подкрепления, которые являлись результатом мероприятий французского правительства еще с начала войны. Какой силы были эти подкрепления, когда они прибыли, — никто ничего не говорит. Так как сражение на

Требии произошло 19 июня и дела французов в Италии из-за этой неудачи приняли очень плохой оборот, то, вероятно, уместно будет предположить, что с этого момента все еще имевшиеся свободные силы посылались исключительно в Италию; из этого же следует, что в течение июля армия Массены не могла больше рассчитывать ни на какие подкрепления и что она достигла численности, приведенной в нашем обзоре, уже в первой половине этого месяца.

Массена же не считал себя достаточно сильным для того, чтобы предпринять какую-либо решительную операцию против австрийских главных сил в Швейцарии. Между тем, повидимому, еще в течение июня Массена послал в Париж проект: придать диверсией, направленной из Швейцарии в Италию, лучший оборот событиям в Италии. Лекурб с 25 000—30 000 чел. должен был ворваться через долину Роны в Италию, отвлечь этим на себя часть союзной армии и тем попытаться облегчить соединение Макдональда с Моро. Этот проект не был осуществлен, так как запоздал, а сражение на Требии уже разрешило этот вопрос. Французское правительство стало после этого настаивать, чтобы Массена атаковал своего противника; но Массена упорно противился этому, потому что считал положение в Италии испорченным вконец и не верил, что удалось бы извлечь что-нибудь значительное из изолированного наступления в Швейцарии, даже если бы оно оказалось успешным. Поэтому он не нарушил своего покоя.

Бой у Швица и Брунена 3 июля

Тем временем Лекурб решил произвести небольшой набег на пост и на флотилию, которые австрийцы держали у Брунена. Поводом для этого маленького поиска послужила, повидимому, только благоприятная возможность произвести набег на австрийцев, а также желание сохранить у своих войск активный дух, потому что Брунен расположен в самой линии австрийских передовых постов и французы вряд ли могли рассчитывать прочно удержаться в нем.

3 июля Лекурб направил несколько батальонов из Герзуа на Брунен, из Штейненберга на Швиц. Последняя колонна была, повидимому, только демонстративной, да эти батальоны туда и не прорвались, поскольку австрийцы удержали Швиц. Брунен же был на мгновение потерян ими, а вместе с селением и шестиорудийная батарея, а также флотилия Люцернского озера, которую здесь держали австрийцы. Когда подоспели резервы, австрийцы снова прогнали французов.

Такой успех этого небольшого поиска безусловно оправдал усилия, затраченные на эту операцию.

Вероятно, для того чтобы отомстить за этот набег, австрийский генерал Бей произвел 29 июля набег из Альторфа в целях уничтожения французской флотилии у Бауена. С $2^1/_2$ батальонами он проник через Атингаузен и Зеедорф до Бауена и прогнал французов; он достиг своей

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

цели, но дал себя отвлечь в направлении на Зелисберг в надежде овладеть этим пунктом и, таким образом, получить господство над всем южным заливом Люцернского озера. Он должен был подумать о том, что французы, имея бригаду Луазона, стоявшую за рекой Аар, не позволят ему оставаться в этой местности; тем большей ошибкой с его стороны было то, что при этом наступлении он настолько ослабил свои силы выделением отрядов вправо и влево, что в Зелисберге у него остались всего лишь 2 роты. Он овладел этой деревней, но немедленно после этого был атакован со всех сторон превосходившими его силами и захвачен в плен с большей частью своих рот. Точно так же пропали и 2 роты, оставленные им в Бауене, так что операция эта обошлась австрийцам потерей от 500 до 600 чел. и, сверх того, принесла им позор захвата в плен командующего генерала.

Эти мелкие операции не нарушили неизменного затишья основных войсковых масс: весь июль и половина августа прошли без каких-либо других событий в Швейцарии. Зато нам следует обратить внимание на некоторые события, происходившие в то время на Рейне.

События на Рейне в течение лета

Силы обеих сторон, расположенные на Рейне, находились до июня в подчинении главнокомандующих. Тем не менее Рейн следовало бы рассматривать как обособленный театр военных действий, потому что отдельные события на этом театре никоим образом не связаны с отдельными моментами событий, происходивших в Швейцарии. События на Рейне были настолько значительны, что для их описания потребуется, пожалуй, отдельная глава. Однако до того момента, как эрцгерцог направился со своей армией на Рейн, этот театр военных действий можно рассматривать как находящийся в состоянии полного спокойствия и равновесия. Влияние его на Швейцарию выражается не в событиях, которые на нем происходили, а лишь в предпосылках для возможных событий. Мы поэтому обратим наш взор на этот соседний театр военных действий именно сейчас, для того чтобы, когда оба полководца вынуждены были приступить к действиям в Швейцарии, мы легче могли судить о их взаимоотношениях в этот момент (см. схему 6).

После того как бывшая Дунайская армия переменила свое название и перевела большую часть своих сил в Швейцарию, на Рейне осталось около 35 000 чел., состоявших из бывшей обсервационной армии Бернадота и остатков армии Журдана. Бернадот уехал в Париж и после 30 прериаля (18 июня) был назначен там военным министром, а все войска поступили под главное командование генерала Массены и образовали две действующие дивизии под командованием генералов Легрена и Колло; первый стоял под Брейзахом и Страсбургом, второй — под Мангеймом. Какова была численность этих дивизий, т. е. сколько приходится отнести на гарнизоны Гюнингена, Брейзаха, Страсбурга, Келя и Майнца, мы не знаем. Вероятно, каждая из дивизий не превышала 6 000—8 000 чел.

В Майнце командовал генерал Бараге д'Илье, и гарнизон этой крепости, поскольку там не было армейских соединений, следует рассматривать как часть действующей армии, так как ему пришлось много возиться с народным ополчением, возникшим в Майнцской области. Генерал Дюфур, командовавший во внутренних областях рейнских провинций, имел, вероятно, в своем распоряжении только депо и проходившие маршевые отряды.

Поскольку в то время, когда Журдан был отброшен через Рейн, не могло быть еще речи об операции на Голландию, согласованной между Англией и Россией лишь в июне, Директория оттянула на Рейн значительные массы войск из Нидерландов. Из внутренних областей Франции туда также были направлены подкрепления, так что французские силы на Рейне возросли с 35 000 чел., которых приблизительно имелось в апреле, до 45 000 чел. пехоты и 7 000 чел. кавалерии, не считая 9 батальонов, рассматривавшихся как гарнизоны крепостей. Такой силы эти войска достигли в августе, после того как уже было принято решение об образовании новой Рейнской армии под командованием Моро. Мы не можем, однако, указать, когда и куда прибывали отдельные подкрепления и какую численность можно было предположить у французов в определенный период. Ясно только одно: подкрепления прибывали не сразу, а постепенно.

Против этих войсковых масс эрцгерцог оставил, как мы это уже видели, генерала Старая с 18 батальонами и 64 эскадронами. Однако позднее эрцгерцог предназначил 4 батальона из них для какой-то другой цели, усилив взамен корпус Старая 4 эскадронами кавалерии, ибо он приводил силы корпуса на июль в количестве 14 батальонов и 68 эскадронов с численностью в 22 000 чел.

Помимо этих австрийских войск, к силам, противостоявшим французам на Рейне, надо причислить гарнизон Филипсбурга в количестве 2 600 чел. и призванное «Лесными городами» вплоть до самого Майна ополчение. Идея этого мероприятия исходила от министра Майнцского княжества Альбини и преследовала только цель оградить собственность населения от французских набегов и грабежей. Это было выполнено главным образом в Майнцской области и в Оденвальде, где сам Альбини стал во главе, и это ополчение, поддержанное 2 батальонами и 1 эскадроном майнцских войск, весьма усердно билось с французским гарнизоном Майнца на реке Нид, но без особых результатов. В районе Филипсбурга это ополчение поддерживалось гарнизоном крепости, в Шварцвальде же — австрийскими легкими войсками, совместно с которыми оно несло службу сторожевого охранения.

Даже если мы оценим численность всего этого ополчения лишь в 10 000 чел., все же ясно, что французы, пока их силы не превысили 40 000 чел., не обладали особенно значительным перевесом на Рейне, при том количестве крепостей, в которых им приходилось содержать гарнизоны, и со стороны эрцгерцога нечего было здесь опасаться

нового наступления французов. Эрцгерцог, повидимому, значительно переоценивал те силы, которыми французы располагали на Рейне, что могло произойти тем легче, что войска, шедшие из Нидерландов, часто временно задерживались там и направлялись оттуда либо в Швейцарию, либо в Италию. Но, с другой стороны, эрцгерцог мог также себе сказать, что, очевидно, и французы переоценивают значение народного ополчения Южной Германии и, не достигнув численного перевеса сил, не решатся на какую-либо серьезную операцию.

Легран разделил свою дивизию на две части: меньшая часть ее стояла под Старым Брейзахом, а бо́льшая — под Офенбургом; тем самым прикрывались работы, которые велись по возведению предмостных укреплений в Старом Брейзахе и Келе. Свои аванпосты они выдвинули к подножию горного хребта и в долины, через которые проходят дороги из Шварцвальда к Брейзаху и Страсбургу.

Австрийцы занимали 8 батальонами и 23 эскадронами Нейштадт, Фуртванген, Триберг, Горнберг и Фрейденштадт, т. е. подступы к «Адской долине» и к долинам рек Кинцит, Реня и Мурх, на восточном склоне Шварцвальда; 10 эскадронов растянулись от реки Мурх до самого Майна, а 6 батальонов с 36 эскадронами стояли под Виллингеном в укрепленном лагере, на который должны были отойти передовые посты в случае серьезной атаки.

Это взаимное расположение войск не менялось до июля, и за это время, помимо небольших авангардных стычек, возникли лишь два значительных столкновения.

Во второй половине июня эрцгерцог приказал генералу Стараю отбросить французские аванпосты в предмостные укрепления Брейзаха. Этим он несомненно хотел отвлечь внимание своего противника на Рейн, чтобы на всякий случай воспрепятствовать посылке оттуда дальнейших подкреплений в Швейцарию.

Поэтому 23 июня генерал Гиулай с 1 бригадой перешел в наступление от Фрейбурга, напал на посты в Гюндлингене и Гохштетене и вогнал их в Старый Брейзах.

Генерал Мерфельд выступил 25-го с другой бригадой из Гаслаха, тремя колоннами, 26-го атаковал Этенгейм, Офенбург и Оберкирх и принудил французские аванпосты отступить до Вильштета.

4 июля Легран, получив в подкрепление один из отрядов, шедших из Нидерландов, переданный ему для этой цели генералом Массеной, снова перешел в наступление из Келя, захватил Аппенвейер и Ренхен, а 6 июня — снова Офенбург. Когда же Легран услыхал, что австрийцы подтягивают свой резерв из Виллингена, он покинул это селение и удовлетворился полукругом постов от Марлена до Бишофсгейма через Аппенвейер.

После этого все оставалось спокойным до сентября. Только у французов изменилась обстановка. Дело в том, что после 30 прериаля французская Директория, имея в виду направить огромные подкрепления в действующие армии, решила образовать две новые армии: Савойскую

армию, во главе которой стал Шампионе, и независимую Рейнскую армию, командование которой должно было быть поручено Моро. До прибытия Моро командование над этой Рейнской армией временно получил генерал Мюллер. В конце июля он перенес свою штаб-квартиру в Тюркгейм, оставил перед Келем только 6 батальонов, а остальные боевые силы оттянул в район Мангейма, укрепления которого стали вновь приводиться в готовность, притом как раз после того, как, в связи с прежними планами, были только что взорваны два бастиона.

Благодаря этому в августе, в тот самый период, когда военные действия в Швейцарии приближались к решительному моменту, на Рейне возникло новое стремление к активным действиям, которое, если верить высокопарным словам из Парижа, могло показаться страшнее, чем оно было на самом деле, а следовательно, создать серьезную угрозу Швабии, а значит, и австрийской базе.

Все это время дивизия Сугама неизменно оставалась на своих позициях под Базелем, между Базелем и Леррахом, которые она укрепила.

Лекурб отбрасывает левый фланг австрийцев из долин рек Роны, Рейсы и Зиля

Весь июль генерал Массена упорно противился Директории, требовавшей перехода в наступление на противника. Отчасти Массена считал себя недостаточно сильным для достижения решительного результата, отчасти же он находил, что изолированные действия в Швейцарии ни к чему не приведут; наконец, возможно, он также надеялся, что образование новой Рейнской армии заставит эрцгерцога отправить на Рейн значительные силы. После поражения на реке Требии все подкрепления были направлены итальянской армии, и, таким образом, Массене больше не приходилось ожидать подкреплений. Поэтому, когда Римский-Корсаков приблизился настолько, что следовало ожидать его прибытия в конце августа, Массена почувствовал, что теперь уже сами обстоятельства толкают его на активные действия. В то же самое время, т. е. в конце июля, швейцарское правительство начало посылать такие полные отчаяния и угроз ноты о состоянии страны, что французская Директория вновь стала требовать от своего полководца перехода в наступление, ибо усматривала в победе над эрцгерцогом Карлом единственное средство облегчить положение швейцарцев. Все эти обстоятельства заставили французского полководца принять, наконец, решение.

Это решение, однако, не сразу претворилось в главную операцию. Всякий удар между Цюрихским озером и Рейном должен был привести к решительному результату, но Массена не без оснований считал такой удар делом весьма опасным. Наступление со стороны Рейна или против австрийского левого фланга, в долинах Роны, Рейсы и Зиля, могло пока что оказать только воздействие маневра, т. е. принудить эрцгерцога изменить линию своего расположения, исходя из которого французскому полководцу пришлось бы развивать дальнейшие успехи и операции. Зато

эти фланговые действия, несомненно, были сопряжены с меньшими трудностями и опасностями. Рейнская операция отпала для французского полководца сама собой с того момента, как у него было снова отнято командование над этими войсками. Поэтому Массена остановился на ударе по левому австрийскому крылу, что и было осуществлено в середине августа.

Мы видели, что австрийский левый фланг, если мы причислим к нему и генерала Гаддика со всем его отрядом, был расположен четырьмя обособленными отрядами, а именно:

— Елачич между Цюрихским и Люцернским озерами;

— Зимбшен, заменивший Бея, в долине реки Рейсы, от Люцернского озера до Чортова моста;

— Штраух в долине Роны;

— Гаддик с остальными войсками на Симплоне и под Аостой.

Линия этого расположения равнялась 25 милям, и на ней стояло около 26 000 чел.

Французы решили атаковать во всех пунктах, в один и тот же день, участок этой линии от Симплона до Цюрихского озера, т. е. протяжением около 15 миль, занятый примерно 20 000 чел. В своих революционных войнах они всегда ожидали особых результатов от ударов, наносимых одновременно на всех пунктах очень длинного стратегического фронта, несмотря на то, что такая система явно противоречит принципу сосредоточения собственных сил и не может благоприятствовать охвату и перерыву путей сообщений отдельных участков неприятельского расположения.

Массена предназначил для этой операции дивизии Тюрро, Лекурба и Шабрана. Эти дивизии, подкрепленные еще несколькими тысячами человек со стороны центра, образовали боевую силу примерно в 25 000 чел. Общее командование над этими войсками было поручено генералу Лекурбу и выполнение операции назначено на 14 августа.

Лекурб распределил наступающие войска на три крупные группы: Тюрро — в долине Роны, свою собственную дивизию — в долине Рейсы, а Шабрана — в долине Зиля; более подробное их распределение было, однако, довольно искусственным.

Тюрро должен был прогнать своим правым флангом с Симплона принца Рогана, а левым флангом атаковать Штрауха в долине Роны. Дивизия Лекурба должна была захватить своим правым флангом, под командованием Гюденя, гору Гримзель в тылу у Штрауха, своим центром прорваться в долину Рейсы, а своим левым флангом атаковать Швиц и Брунен. Шабран же должен был захватить те посты, которые занимал сам Елачич. Но, кроме того, предполагалось и некоторое взаимное переплетение колонн. Правый фланг дивизии Лекурба, а именно Гюдень, овладев постами Штрауха на Гримзеле, должен был направиться влево через Фурку и Реальп в долину Рейсы, чтобы ударить генералу Зимбшену в левый фланг. Сам же Лекурб, с резервом из 5 гренадерских рот, намеревался сесть на суда своей флотилии, сперва высадиться

у Брунена, чтобы поддержать свой левый фланг, затем снова сесть на суда и вторично высадиться у Флюелена для того, чтобы оказать содействие своему центру против Зимбшена. Такое двойное использование двух отрядов в различных направлениях и против различных частей неприятельского расположения определенно и бесспорно относится к искусственным маневрам, о пригодности или непригодности которых, за отдаленностью времени и места, мы не можем позволить себе слишком смелых суждений.

Чтобы воспрепятствовать эрцгерцогу усилить свой левый фланг, генералы Сульт и Лорж должны были занять его ложной атакой вдоль фронта его главных сил.

Целью всего этого наступления являлся захват долин Роны и Рейсы, а следовательно, и Сен Готарда, оттеснение австрийцев в Рейнскую долину и за Цюрихское и Валенштедтское озера и создание, таким образом, угроз Граубюндену. Массена мог предположить, что подобный успех заставит эрцгерцога снова послать сильные подкрепления его левому флангу, чем в дальнейшем была бы облегчена операция против главных сил эрцгерцога. Количество же захваченных трофеев при этом должно было зависеть от активности и талантов отдельных начальников, а также от ошибок противника.

Операция действительно увенчалась успехом в 2 дня, и притом с поразительно удачным выполнением всех распоряжений этой очень сложной диспозиции. Изложение событий мы дадим раздельно по трем австрийским отрядам — Штрауха, Зимбшена и Елачича, причем начнем с первого.

Полковник Штраух имел 8 батальонов и 1 эскадрон, составлявшие вместе 6 000 чел. Кроме того, на Симплоне стоял принц Роган примерно с 2 000 чел. Штраух, для того чтобы поддерживать непосредственную связь с принцем, а вероятно, также и для того, чтобы охранять верхнюю часть долины Роны, продвинул свое расположение до района Эрнена. Его аванпосты или, если хотите, его основные посты, стояли в направлении на Натерс и Бриг, между Росвальдом и Ридом, по обеим сторонам Роны, по одному батальону на каждой стороне. Для подкрепления левого фланга он имел $1^2/_3$ батальона в долине Бинны, а для подкрепления правого — один батальон на Тейсберге. Таким образом, тут проходил основной фронт полковника Штрауха. Для прикрытия тыла от французов, стоявших в долине Аара, 2 батальона расположились на горе Гримзель. После этого у Штрауха оставался только один батальон, стоявший в качестве резерва в Мюнстере. Две роты были отосланы на итальянский склон Альп для обеспечения подвоза жизнеприпасов. Эскадрон Штрауха, разбитый на мелкие отряды, был придан пехоте.

С 8 августа французы в Валлисе пришли в движение, а кроме того, Штраух получил из Швейцарии сообщение о близости нападения. Однако это сообщение не побудило его изменить свое расположение.

13 августа Тюрро с огромным численным перевесом атаковал стоявший на Росвальде батальон, рассеял большую часть его, а остальную прогнал в долину Бинны. Точно так же своим правым флангом прогнал он принца Рогана с Симплона. Но к вечеру французы снова отошли из долины Бинны. Получив сообщение об этой атаке, полковник Штраух, можно прямо сказать, совершил неосторожность, уже рано утром 14-го послав 4 роты, т. е. $^2/_3$ своего резерва, под командованием майора Рихтера, в долину Бинны, чтобы снова совершенно выбить французов из захваченных ими постов, которыми ранее владели австрийцы.

Гюден с 5 батальонами поднялся 14-го из долины Аара и атаковал оба батальона на Гримзеле. Штраух поспешил теперь туда с обеими оставшимися еще у него ротами. Однако ни эти незначительные подкрепления, ни естественная сила позиций не смогли помешать численному превосходству нападавших опрокинуть австрийцев, причем австрийцы потеряли свой путь отступления через Фурку на Сен Готард. После этого Штраух собрал свои войска у Обер-Гештелена, занял Цумлох у выхода из Эггинской долины, ведущей к Нюффенскому перевалу — последнему выходу, остававшемуся ему еще из Валлиса в Италию, — и послал приказ войскам, стоявшим фронтом против Тюрро, присоединиться к нему. Однако было уже поздно.

Дело в том, что 14-го французы и тут возобновили свои атаки, захватили сначала пост на правом берегу Роны и принудили остатки его отступить в долину Бинны; туда же начал отступать и майор Рихтер. Когда приказ Штрауха достиг этих войск, было слишком поздно направляться вверх по долине Роны, так как французы уже находились между ними и Штраухом.

Полковнику Штрауху, потерявшему большую часть своих войск и имевшему при себе всего только 500 чел., 15 августа не оставалось уже ничего другого, как отойти через гору Нюффен к Айроло. Так как 15-го один французский батальон выдвинулся через Сен-Готард, то Штраух отошел 16-го к Белинцоне.

Полковник Карневиль отступил с основной массой отряда Штрауха через Валь Маджиа к Локарно на Лато Маджоре, куда он прибыл 19-го и откуда он лишь 21-го соединился с Штраухом в Белинцоне. Отряд достигал теперь численности всего лишь 3 000 чел.,— другими словами, потерял половину своих войск и всю артиллерию. Отряд Штрауха получил подкрепление в 2 батальона из района Милана.

Если мы примем численность войск генерала Тюрро, подкрепленных некоторым количеством швейцарских войск, в 10 000 чел., Гюденя—в 3 000 чел. и вычтем из этого числа несколько батальонов, которые были оставлены против Большого Сен Бернара, то мы получим, что против Штрауха и Рогана, имевших 8 000 чел., сражалось около 12 000 чел. Если принять во внимание, что условия местности способствовали обороне, то результат этого боя, право, не делает никакой чести ни распоряжениям, ни стойкости австрийцев.

Эрцгерцог, повидимому, вполне правильно упрекает полковника Штрауха за то, что тот слишком выдвинул вперед свой фронт, вследствие чего его позиция не только оказалась слишком растянутой, но и приблизилась к району, куда, воспользовавшись шоссе, доходившим до Брига, французы смогли подвезти и привести в действие многочисленную артиллерию. Но и независимо от этой ошибки в организации всей обороны австрийцы, повидимому, не оказали надлежащего сопротивления и на отдельных своих постах. Когда нападающему приходится с трудом поодиночке продвигаться горными тропами через глетчеры, как это происходило на Гримзеле, то можно было ожидать, что 2 000 чел. окажут 3 000 более продолжительное сопротивление, чем всего только полдня.

Генерал Зимбшен располагал 6 батальонами и 1 эскадроном. Из этого числа он занял 2 батальонами Вазен, как главный входной пункт в долину Рейсы из долины Гасли, через гору Штейненберг в Майенталь. Один батальон стоял у впадения реки Рейсы в Люцернское озеро и занимал Зеедорф, Атингаузен и Флюелен; один батальон стоял в Эрстфельде, куда выходит тропа, ведущая через гору Сурененберг в долину реки Рейсы. Оба остальных батальона стояли в Урзерн и Амштег для обеспечения тыловых выходов в долину Рейсы. Таким образом, 4 300 чел. этого генерала были разбросаны в долине Рейсы на протяжении 4 миль и не имели никакой иной защиты, кроме этой реки и трудности перевалов через горы. Поскольку же эти перевалы на наивысших пунктах были заняты лишь наблюдателями, но не оборонялись, то этим было достигнуто лишь одно: Зимбшену во-время удалось узнать о наступлении противника. Только пост у Вазена обладал некоторой устойчивостью, потому что там находился старый каменный редут, занятый 1 батальоном австрийцев и 2 орудиями.

Согласно французскому плану, Луазон ворвался 14 августа тремя колоннами в долину реки Рейсы. Самая сильная колонна под его личным командованием состояла из 3 батальонов и направилась через Майенталь на Вазен. Вторая, из 2 батальонов, под руководством Домаса, пошла через Сурененберг на Эрстфельд и Атингаузен. Третья, тоже из 2 батальонов, двинулась из долины Исси на Люцернском озере на Зеедорф.

Из этих трех колонн Луазон со своей колонной успел прорваться 14-го до Вазена, но уже не смог в тот же день овладеть редутом. Точно так же и обе остальные колонны успели только добраться до берега реки Рейсы, но переправиться через нее уже не смогли, так как австрийцы разрушили мосты и обороняли своим огнем правый берег.

Сам Лекурб не без затруднений высадился к вечеру у Флюелена и Зеедорфа, хотя австрийцы имели там только одну пушку. Лекурб уже раньше высадил у Зиссигена один отряд, который спустился через гору Большой Аксен у Бурглена, в тыл австрийских постов у Атингаузена и Зеедорфа. Теперь настал конец сопротивлению и при устье реки Рейсы. Австрийский батальон отступил частью в Шэхенскую долину, а частью вверх по долине Рейсы. Тем самым был обойден правый фланг обороны

близ Атингаузена и Эрстфельда, и австрийцы от нее отказались еще 14-го. Лекурб тогда же достиг и Амштега.

15 августа началась у Амштега и Вазена новая атака. Лекурб, имевший при себе, вероятно, от 4 до 5 батальонов, прорвался у Амштега и прогнал скучившиеся там 2 или 3 батальона австрийцев в Мадеранскую долину, откуда они отошли через горы в Тавеч в долину Переднего Рейна.

Одновременно с этим Луазон, после повторных атак, захватил Вазенский редут, подвергнув его гарнизон сильному обстрелу с господствовавших над редутом соседних высот. Австрийцы со своими $1^1/_2$ батальонами отступили теперь от этого пункта назад к Чортову мосту, за которым оказали Луазону новое сопротивление.

Однако 15-го утром Гюдень выступил в долину Рейсы, легко справился с сопротивлением австрийцев в долине Урзерн и к вечеру подошел к самому Урзерну. Тем самым дальнейшее сопротивление у Чортова моста стало невозможным, и генерал Зимбшен с 3 батальонами, которые он там имел, отступил в ночь с 15-го на 16-е на Криспальт, предварительно распорядившись разрушить арку дороги, ведущей к Чортову мосту.

Лекурб приказал 16-го тотчас же приступить к восстановлению переправы и уже в 7 час. утра соединился с Гюденем. После этого он послал 1 батальон через Сен Готард, чтобы овладеть Айроло и угрожать Переднему Рейну через долину Среднего Рейна. Сам он с несколькими батальонами перешел в атаку против генерала Зимбшена. Этот последний держался некоторое время на труднодоступных подступах к своей позиции, но к вечеру был вынужден отступить, потеряв 3 орудия и 1 000 чел. пленными. Можно себе представить, как мало у него осталось! У Кьямут и Сан Джиакомо он спустился в долину Рейна и 17-го отошел до Сомвикса, 19-го до Иланца, а 20-го до Кура, подтянув к себе и свой правый фланг от Тавеча. Повидимому, потери его превышали 2 000 чел., т. е., так же как и у Штрауха, составили половину его отряда. Этот успех был достигнут французами благодаря взаимодействию бригады Гюденя и резерва, который Лекурб сам переправил через озеро, т. е. при помощи примерно 8 000 чел., действовавших против 4 300 чел.

Пост у Швица и Брунена относился к главным силам Елачича. Он прикрывал подступ в Муттенскую долину и, тем самым, стратегический левый фланг этого генерала. Он состоял из 2 батальонов в Швице и $1^1/_2$ батальонов с 3 орудиями в Брунене для обстрела озера. Связующим звеном между этим постом и основной позицией у Зателя служил 1 батальон. Один батальон занимал пристань Рихтеншвиль. Таким образом, у австрийского генерала оставалось еще $7^1/_2$ батальонов и 5 эскадронов на позиции между Рихтеншвилем и рекой Зиль, протяжением примерно в 1 милю.

Атака французов на пост у Швица была произведена бригадой Буавена, составлявшей левый фланг дивизии Лекурба, а также резервом,

руководимым лично Лекурбом. Французы атаковали этот пост, собственно говоря, тремя колоннами. Главная колонна, под командованием самого Буавена, при которой находился сам Массена, наступала через Зевен на Швиц, 3 роты наступали из Герзау на Брунен, а третьей колонной был сам Лекурб со своей флотилией. Пост у Брунена был захвачен очень скоро, и Лекурбу потребовалось лишь появиться и вновь сесть на суда, чтобы высадиться затем у Флюелена.

Пост у Швица оказал более длительное сопротивление, и французы начали было сомневаться в успехе. Удино, начальник штаба генерала Массены, второй раз лично повел войска в огонь, был ранен, но бой был решен в пользу французов. Австрийцы отступили в Муттенскую долину, оставив 2 орудия. 15-го они были снова атакованы у Муттена, затем их гнали до озера Кленталь, откуда они продолжали свое отступление до Нецталя у Гларис.

Главная позиция генерала Елачича была атакована дивизией Шабрана, тремя колоннами. Мы не можем точно привести ее силу. Вероятнее всего, что дивизия эта состояла из 12 батальонов и 6 эскадронов. Столь же мало обстоятельно можем мы описать расположение австрийского генерала и распорядок французского удара. 14 августа колонна левого фланга атаковала австрийцев на их основной позиции у Рихтеншвиля, Вольрау, Шинделеги и Гутена. Елачич оказывал сопротивление целый день, хотя для этого ему пришлось ввести в бой все свои войска. Тем временем несколько мелких колонн проникли через Эгери и Моргартен к промежуточному посту, который австрийцы расположили у Зателя, без труда прогнали этот пост и принудили его отойти к Эйнзидельну, а оттуда к горе Эцель. Направившаяся вслед за ним колонна французов выслала немедленно отряды в долину Вигги, вдоль реки Аа, чем была создана угроза путям отступления главных сил австрийцев на Уднах. С наступлением ночи генерал Елачич отступил со своей первой позиции на вторую, несколько дальше в тылу, на горе Эцель. Тут он 15-го снова был атакован и вновь был вынужден отступить. При этом отступлении, повидимому, уже сказался обход через долину Вигги, ибо, как говорит сам эрцгерцог, Елачич был отброшен у Грюнау (близ Уднаха) в беспорядке через реку Линту, за которой он теперь и расположился. Потери генерала Елачича не приводятся, но, повидимому, они составили не менее 3 000 чел., так как при одном только отступлении через Линту было потеряно целых 2 батальона.

Силы, с которыми французы наступали между Цюрихским и Люцернским озерами, могли равняться, приблизительно, 11 000—12 000 чел. Таким образом, они не намного превышали силы Елачича, располагавшего от 9 000 до 10 000 чел. Поэтому и тут результат оказался не к чести австрийцев.

Демонстрации дивизий Лоржа и Сульта заключались в том, что обе дивизии 14 августа атаковали австрийские аванпосты у Дитикона, Волис-

гофена и Лембаха и овладели этими пунктами. Позднее подоспевшими австрийскими резервами эти пункты были вновь у них отобраны.

После ряда этих двухдневных успехов французов австрийцы оказались, таким образом, выгнанными из долины Роны к Лаго Маджоре, из долины Рейсы в долину Рейна, с реки Зиль на реку Линту. Французы дальше не преследовали австрийцев и установили свои аванпосты вдоль реки Линты у Рихенбурга, Бильтена, вдоль Клентальского озера и в Рейнской долине у Сомвикса[1].

Таким образом, австрийцы в мгновение ока потеряли Сен Готард именно тогда, когда он впервые приобрел особо важное значение, а именно в тот момент, когда Суворов приступал к походу, собираясь через этот перевал вступить в Швейцарию. Сен Готард имел некоторую стратегическую ценность также и как наиболее краткая линия связи с Итальянской армий, ибо с его занятием французами приходилось поддерживать связь через перевалы Бернардин и Сплюген. Тем не менее утрата этих районов — несомненно наименьшее зло по сравнению с потерями людьми и орудиями, понесенными австрийцами, и моральным уроном, последовавшим в результате всего этого. Потери австрийцев достигли, по крайней мере, от 7 000 до 8 000 чел. и от 15 до 20 орудий, в то время как французы, весьма вероятно, не потеряли даже и 2 000 чел.[2].

Оценка этого сражения

Это наступление Лекурба и оборона австрийцев приводят нас к некоторым размышлениям, которые мы хотим развить, исходя из двух точек

---

[1] Было бы, пожалуй, лучше, если бы историки, вместо того чтобы привести нам расположение французских аванпостов, привели расположение их главных сил. Но так как они об этом не говорили ни звука, а при описании тех действий, которыми через несколько дней попытался реагировать на этом фланге эрцгерцог, тоже ничего не говорят об этом, то нам приходится довольствоваться лишь предположением, которое мы черпаем главным образом из расположения сил французов 4 недели спустя, когда Суворов приступил к походу на Сен Готард. Согласно этому, Тюрро, повидимому, остался в Валлисе, Лекурб занял Сен Готард и долину Рейсы, выдвинув передовые посты в Рейнскую долину у Дисентиса, а также в Шахенскую и Муттенскую долины.

[2] Мы считаем, что потери австрийцев достигли столь значительного числа, исходя из того, что об этом говорится в историческом тексте эрцгерцога; Жомини же упоминает лишь о 6 000 чел. и 11 орудиях. Что же касается орудий, то эрцгерцог приводит эти 11 орудий как потери Зимбшена и Елачича, Жомини же, из галантности к эрцгерцогу, этим числом и ограничивается. Однако эрцгерцог придает так мало значения трофеям, что никогда не указывает даже свои собственные. Поэтому нам нечего удивляться, что он не особенно точно перечисляет и трофеи противника. Весьма вероятно, что были потеряны также и те 2 пушки, которые стояли на Вазенском редуте. Точно так же вероятно и то, что отряд Штрауха также не сражался совсем без артиллерии. Между тем на тех путях, по которым Штраух отступал, он не мог бы увезти с собой ни одного орудия. Потеря людьми у Штрауха равнялась 2 000—3 000 чел., у Зимбшена — 2 400 чел., и таким образом, на Елачича падает от 2 000 до 3 000 чел., что, конечно, не слишком много, поскольку от него отрезали целых 2 батальона.

зрения, причем одна из них относится более к стратегической, а другая более к тактической стороне вопроса. Первая точка зрения относится к стратегическому значению успеха, достигнутого этим сражением. Вторая — насколько оказалось действительным сопротивление того кордона, в виде которого располагались австрийские отряды.

Потеря Сен Готарда и линии постов, которые вели к нему, не могла иметь иного влияния на стратегическое положение эрцгерцога, кроме того, что ему пришлось несколько удлинить свою линию связи с Итальянской армией. Вместо того чтобы следовать через Сен Готард на Белинцону, эта линия проходила, через Сплюген на Кьявену. Но так как на этой линии не происходило никаких передвижений войск и не производилось никакой взаимной поддержки обеих армий, а ею пользовались только для курьерской связи, то такому изменению линии связи можно не придавать особенно большого значения.

Большее значение получила линия связи через Сен Готард с того момента, как на него собрался подняться Суворов с русскими войсками, для того чтобы перейти из Италии в Швейцарию. Между тем тоже не было никаких оснований считать, что он не мог бы вступить в Швейцарию и тем путем, которым ранее из нее выступил Бельгард, т. е. через Кьявену и Сплюген. Однако об этом факте Массена не мог даже знать, когда он решил прогнать австрийцев из этих районов, так как все это происходило еще до сражения у Нови.

Эрцгерцогу не могло быть приятно потерять нагорную часть Граубюндена и мелких кантонов, главным образом из-за впечатления, которое это произвело бы на местное население. Однако это соображение нисколько не влияло на его собственное положение. Мы даже думаем, что и для обороны и для наступления эрцгерцогу было бы гораздо выгоднее примкнуть свой левый фланг к Сен Луциенштейгу в долине Верхнего Рейна, чем к Сен Готарду.

Поэтому, если генерал Массена и его историограф, генерал Жомини, могли подумать, что потеря линии Сен Готарда могла бы понудить эрцгерцога покинуть Швейцарию, независимо от прибытия Римского-Корсакова, то мы, правда, не скажем, что это было бы невозможно (ибо в отношении такого полководца, как эрцгерцог, никогда ни за что нельзя ручаться), но мы в праве утверждать, что для этого не существовало никаких объективных оснований.

Если, наоборот, Массена думал, что эта операция, которую Жомини называет подготовкой, заставит эрцгерцога усилить свой левый фланг и тем даст Массене возможность предпринять что-нибудь против главных сил эрцгерцога, то эта мысль действительно имеет объективные основания.

Полководец, владеющий какой-либо местностью, неохотно очищает ее, если его к тому не принуждает давление обстоятельств, в особенности же, когда в этом сильно заинтересовано и само население. Он смотрит на это, как на вопрос чести для своего оружия. Если же вдобавок,

как в данном случае, такая потеря местности связана с неудачными боями, доставившими противнику значительные трофеи и моральное превосходство, то ответное действие полководца на эту потерю еще вероятнее. Поэтому с такой точки зрения расчет Массены мог оказаться правильным.

На этом основании нельзя не одобрить предприятия Массены как начала более крупной операции, тем более что оно само по себе привело уже к хорошим результатам.

Совсем другое стратегическое значение мог иметь этот успех в связи с Итальянской армией. Суворов, несмотря на то, что он находился на значительном расстоянии от Швейцарии, никогда не относился вполне равнодушно к событиям, происходившим на южном склоне швейцарских Альп. Утрата долины Роны, если бы Лекурб смог, вдобавок, прорваться с частью своих сил и через Симплон, имела бы несомненным последствием отправку Суворовым крупных сил в эти районы. И мы видели генерала Края уже на марше туда. Вероятно, потребовалось бы лишь личное присутствие генерала Лекурба при дивизии Ксантрайля и подкрепление ее 2 000—3 000 чел., чтобы произвести тут достаточно сильное впечатление. Однако нельзя бросать упрека генералу Массене за то, что он не решился правой рукой ударить по Италии в тот момент, когда он считал, что ему придется обеими руками схватить меч против эрцгерцога.

Что касается момента выполнения этой операции, то во всяком случае можно сказать, что операция Массены, не как решающая, а как демонстрация, опоздала на 14 дней, ибо она была произведена одновременно с теми двумя событиями, против которых она могла бы быть направлена, а именно — со сражением у Нови и прибытием Римского-Корсакова, который как раз в то время вступил в Шафгаузен. Если бы наступление Массены было произведено на 14 дней раньше, то в Швейцарии эрцгерцог не истолковал бы прибытия Римского-Корсакова как возможность немедленно загладить свои потери, а в Италии утрата долины Роны могла бы оказать влияние на исход сражения у Нови.

Теперь мы подходим ко второму предмету нашей оценки, который является одним из труднейших вопросов для всей военной теории в целом, ибо чрезвычайно трудно не терять из виду самой сущности вопроса. Потому-то именно в этот вопрос о кордоне и вкралось такое огромное количество крупных ошибок.

Мы думаем, что для теоретического разбора предпочтительно воспользоваться данным случаем по следующей причине. Мы видим впервые, как значительное войсковое соединение, расположенное кордоном на большом протяжении и подготовленное для обороны, атакуется противником, располагающим силами, не намного превосходящими это соединение; поэтому нельзя тут приписать успех главным образом большому численному перевесу или внезапности нападения, как это бывало при

подобных же событиях, встречавшихся нам раньше в течение данной кампании.

Длинную оборонительную линию легко прорвать. Это находят, разумеется, очень естественным, и потому всегда, как только происходит прорыв такой линии и обороняющийся терпит при этом всевозможный ущерб, критика уже тут как тут с утверждениями, что не следует таким образом располагаться или сражаться. Можно ли успокоиться на таком суждении? Если честно относишься к своим знаниям и не довольствуешься лишь наполовину верными представлениями, то совершенно очевидно, что на этом успокоиться нельзя. На войне ведь сплошь и рядом встречаются подобные расположения, и из этого, таким образом, делается вывод, будто к этому влечет в определенной обстановке какая-то внутренняя потребность. А раз это так, то нетрудно сделать отсюда вывод из самой природы вещей о необходимости такого явления.

Если две армии стоят друг против друга и сами не стремятся к большому, решительному сражению или же не ожидают, что противник навяжет такое сражение, то у обеих армий возникает потребность обеспечить за собой районы, находящиеся вправо и влево от них, примерно на одной и той же линии. Никто без нужды не позволит противнику охватить свой фланг. Нет необходимости искать более подробных причин для этого. Нормальным является только такое расположение, которое определяется исключительно в зависимости от характера местности и индивидуальных условий, а потому каждый из противников стремится обеспечить за собой это расположение.

На ровной местности эта цель достигается тем, что справа и слева от армии располагаются отряды на концентрических позициях. То, что не прикрывается самой позицией, прикрывается движениями самого отряда. Совсем другое дело в горах. Вследствие того, что в горах нельзя по своему усмотрению передвигаться вправо или влево, каждое расположение в горах требует известного протяжения по фронту; в горах еще меньше, чем на равнине, допустимо подвергаться опасности быть вовлеченным в сражение, будучи окруженным со всех сторон и, быть может, уже лишенным всех путей отступления. Эта внутренняя потребность растянуть свой фронт растет с характером гористости, так как чем гористее местность, тем дальше друг от друга пути сообщения.

Таким образом, если полководец хочет сохранить за собой горную местность и потому располагает на ней отряд войск, то этот отряд не может в известной степени не растянуться, — с одной стороны, потому, что он иначе не сможет занять всю местность, а с другой,— и из-за своих собственных тактических потребностей. Растянутость линий является тут, таким образом, совершенно необходимым условием. Как устроится данный отряд на этой растянутой линии,— пожелает ли он, чтобы перевес получил элемент местной обороны или элемент подвижности, — это отчасти зависит, правда, от таланта и взглядов генерала, командующего соединением, а также от особенностей самих войск, но больше всего

опять-таки от характера местности. Чем больше эта местность затрудняет передвижения, тем больше командующему генералу приходится ограничиваться местной позиционной обороной. Поскольку такая тенденция заложена уже в природе вещей, то глупо принципиально высказываться против нее, и не остается ничего другого, кроме как исследовать в каждом отдельном случае, не мог ли обороняющийся совершить что-нибудь более целесообразное.

Таким образом, кордонное расположение возникает часто из необходимости, а не каждый раз, как обычно принято считать, из ложного стремления прикрывать каждую деревню.

Если сравнивать трудность и опасность такого расположения с легкостью наступления и потому оказывать предпочтение именно последнему, то тут сравниваются совершенно несравнимые вещи. Наступление преследует цель овладения, а оборона — сохранения владения. Первое — это действие, второе — это состояние.

Если, значит, притти к заключению, что кордонные расположения должны встречаться, хотя атака против них гораздо легче, а оборона их значительно опаснее, то можно лишь только спросить: а быть может, не следует ли нам только занимать такую позицию, но при каждом нападении оставлять ее, чтобы потом при помощи контратаки уже с нашей стороны отбирать ее обратно? Каждый специалист, вероятно, покачает головой в ответ на такой вопрос. Что возможно очистить каждый отдельный пункт, а в особенности деревню, под угрозой наступающего, чтобы снова быстро прогнать последнего раньше, чем он укрепился, — понятно само собой. Но уступать длинную линию, занятую многочисленными отдельными постами, в труднопроходимой местности всегда при исполнении оказывалось непрактичным, сколько бы теоретически ни говорилось в пользу такого отхода. А что непрактично, то неверно и теоретически. Дело в том, что представления о легкости атаки и об опасностях обороны преувеличены. Это преувеличение сразу чувствуется, если приходится решаться оставить отдельные сильно укрепленные посты с целью впоследствии взять их обратно. Никто охотно не покинет надлежащим образом оборудованный редут, для того чтобы брать его затем штурмом. Никто не уйдет через длинный мост, чтобы потом снова переходить через него же под огнем неприятеля. Никто не станет спускаться с высокой горы, чтобы вновь взбираться на нее под огнем противника. Все эти элементы встречаются при обороне и являются преимуществами, которыми отнюдь не всегда можно пренебрегать. Но если, тем не менее, в большинстве случаев дело кончается тем, что оборона бывает сломлена, то это уже лежит в самой природе вещей. При надлежащей организации обороны это не должно случаться без того, чтобы оно не обходилось дороже нападающему, чем обороняющемуся. Другими словами, сопротивление в горах с целью полного успеха ведет к неудаче, но представляет выгоды для временной обороны.

Основная же опасность при обороне кордонной позиции заключается в тех потерях, которые часто возникают, как мы видим, как только линия оказывается прорванной, ибо тогда одни отдельные посты окружаются противником, другие отрезаются или оттесняются. Мы были свидетелями потерь у Ауфенберга в марте и у Менара в мае, а теперь у Штрауха, у Зимбшена и у Елачича. Но мы утверждаем, что эти потери — лишь следствие плохих распоряжений, или плохого состава войск, или чрезвычайно значительного перевеса сил, но отнюдь не необходимое следствие преодоления обороны каждой горной позиции.

Если бы генерал Менар, располагавший силой от 6 000 до 8 000 чел., был атакован на равнине 18 000 чел. и был вынужден оказать сопротивление, то понес ли бы он меньшие потери, чем те 3 000 пленных, во что ему обошлось его сопротивление у Сен Луциенштейга?

Разве мы не видели, как Лекурб 30 апреля сопротивлялся значительно превосходившим его силам, а 1 мая прекратил сопротивление, не понеся значительных потерь? Точно так же было, когда в последних числах мая он был вынужден под натиском Гаддика очистить Сен Готард и Сен Жюльен.

Разве огромный успех Дессоля над Лаудоном 25 марта не был одержан против позиции, занятой сплошь и без перевеса сил, т. е. явился простым результатом плохой стойкости в бою австрийцев? И не пришлось ли Бельгарду в бою с Дессолем 4 апреля на той же самой позиции удовольствоваться, несмотря на свое значительное превосходство сил, очень незначительными трофеями?

Таким образом, большие потери, которые во многих случаях сопровождали прорыв горных позиций, приписывали всегда природе вещей, вместо того чтобы вину за них возлагать только на самого полководца и войска.

Итак, мы остаемся при нашем утверждении, что любую горную позицию можно прорвать и тем самым овладеть ею, и отсюда — что для упорного сопротивления горная позиция является опасным средством, но что длительность сопротивления на ней и потери обороняющегося значительнее, чем если бы это имело место на равнине, в том случае, если ему не удалось бы отразить своего противника. Там, где таких результатов не получается, причина кроется в плохой обороне.

Если, исходя из этих точек зрения, мы обратимся к сражению 14 и 15 августа, то увидим, если внимательно присмотреться, что непродолжительность сопротивления и значительные потери австрийцев отнюдь не являются следствием их длинного кордонного расположения.

Несмотря на большую длину австрийской линии, мы, однако, не видим, что французы овладевали атакованными пунктами при помощи большого численного перевеса сил. Численности войск, брошенных Ксантрайлем против левого фланга Штрауха, мы не знаем. На Гримзеле, где численное превосходство французов было наибольшим, 2⅓ австрийских батальона дрались против 5 французских, т. е. около 1 900 чел.

против 3 500. Зимбшену же с 4 500 чел. вообще пришлось в первый день иметь дело не более чем с 5 500 чел. У Вазена 1½ австрийских батальона бились с 3 французскими, т. е. 1 200 чел. с 2 100 чел. По отношению же к войскам Елачича весь французский перевес сил составлял, повидимому, всего лишь несколько тысяч человек. Из этого видно, что ни на одном из важнейших пунктов численное превосходство французов не было настолько велико, чтобы только благодаря такому превосходству могла быть захвачена какая-либо сильная местная позиция. Таким образом, если сопротивление на Гримзеле длилось всего несколько часов, если гарнизон Вазенского редута дал себя прогнать одним только ружейным огнем с гор, мы в праве предположить, что австрийские войска сделали здесь не так уж много, чтобы про них можно было сказать, что они оказались на уровне своих противников; из этого же вытекает, что успех решило отчасти моральное превосходство французов.

Что же касается значительных потерь, понесенных австрийцами по сравнению с французами, то и эти потери приходится приписать плохому руководству и более слабому составу австрийских войск. Ни один из отдельных постов австрийцев не лишился путей отступления, каждый из них нашел лазейку через лежащие позади пункты; преследование, вследствие непроходимой местности, было чрезвычайно медленное, о применении кавалерии не могло быть и речи, и все-таки австрийцы потеряли 4 000 чел. пленными. Это можно приписать только беспомощному руководству отдельными отрядами, а также большой дезорганизации, всегда возникающей во время неудачных боев у менее слаженных войск. Мы уже говорили, что австрийцам ни разу не удалось добиться подобных же успехов против Лекурба.

Однако нам кажется также, что если бы австрийцы организовали свою линию иначе, они достигли бы лучших результатов.

Уже сам эрцгерцог порицал Штрауха за то, что тот слишком далеко продвинул свой левый фланг вниз по долине Роны, т. е. до того района, где начинается шоссе и где французы могли, таким образом, пользоваться артиллерией во время своих атак, тогда как сам Штраух, повидимому, там артиллерии не имел. Если же Штраух на самом деле хотел выдвинуть свои посты вперед столь далеко, то было бы разумнее занять эту местность лишь небольшими силами, поскольку она не обладала сильными позициями, а с резервом в 4 батальона оставаться у подножия Гримзеля. Тогда эту гору нельзя было бы взять штурмом, а Штраух мог, в случае необходимости, броситься соединенными силами на Ксантрайля, если бы последний стал подниматься вверх по долине Роны. Подобным образом дважды успешно действовал Лекурб в Энгадине (долина верхнего Инна).

Зимбшен, вероятно, сопротивлялся бы лучше, если бы он занял посты у самого начала Майенталя и на самом Сурененберге и укрепил бы их, как это проделал Лекурб со своими постами на Шерльохе и Чирфсерьохе в Энгадине. Если бы Зимбшен на каждом из обоих указан-

ных перевалов поставил по одному батальону, один батальон у Зеедорфа, а сам с 3 батальонами и одним эскадроном остался бы в долине, для того чтобы наброситься на первого, кто спустился бы с гор, то можно было бы рассчитывать на удачный результат. Как великолепно отразил Лекурб 11 марта под Шульсом генерала Лаудона, после того как тот уже проник в самую долину!

То, что посты в Швице и Брунене были прогнаны после полудневного сопротивления, довольно естественно, поскольку местность там, повидимому, не так уже сильна, а от 1 500 до 1 600 австрийцев были атакованы 3 000 французов. Но действия этих постов должны были быть рассчитаны так, чтобы оказать упорное сопротивление в Муттенской долине. Если австрийцы в 24 часа дали себя прогнать за Клентальское озеро, т. е. на целых 6 миль, то опять-таки это не указывает на большую стойкость с их стороны. Впоследствии мы увидим, что русские, под командованием Розенберга, а затем и французы, под командованием Молитора, проявили гораздо бо́льшую стойкость на этих же перевалах.

Успех, одержанный Шабраном над Елачичем, можно приписать либо распоряжениям последнего, либо численному превосходству французов, но во всяком случае не кордонному расположению австрийцев, ибо местность была такова, что Елачич мог двигаться и вправо и влево и, таким образом, смог бы действовать сосредоточенными силами. Если бы Елачич разбил неприятеля с фронта, то он мог бы совершенно не заботиться о тех слабых силах, что зашли ему в тыл через долину Витти. Но на своем фронте он должен был не просто сопротивляться, а победить. То, что при его отступлении были отрезаны 2 батальона, конечно, тоже следует рассматривать только как ошибку руководства.

Поэтому мы считаем, что в данном случае столь незначительная продолжительность сопротивления и значительные потери лежат не в природе данной задачи, а в поведении войск, не в самом инструменте, а в его применении.

Что касается характера французского наступления, то нам кажется, что, несмотря на достигнутый им прекрасный успех, оно было слишком расчленено и искусственно построено. Нигде не было достигнуто действительно решительного перевеса сил, и потому, если сопротивление было бы более стойким или какая-нибудь случайность помешала бы искусственной диспозиции, наступление французов могло бы, пожалуй, потерпеть полную неудачу.

Впрочем, нас бы неправильно поняли, если бы из обоих наших утверждений — во-первых, что в горах не всегда можно избегнуть кордонного расположения войск и, во-вторых, что кордонные расположения не настолько опасны, насколько это обычно утверждают, — сделали вывод, будто мы считали неизбежными те кордонные позиции, которыми так часто пользовались и австрийцы и французы в кампании 1799 г. Наоборот, мы совсем другого мнения, но выскажемся об этом лишь в конце описания данной кампании.

Эрцгерцог делает неудачную попытку форсировать реку Аар

В то время как Массена одержал над австрийским левым флангом победу, в которой он, повидимому, лично руководил боем против Елачича (для чего он оттянул часть войск с левого фланга на правый и таким образом ослабил свой левый фланг), эрцгерцог разработал план возмездия. Вероятно, уже 14 августа эрцгерцог получил сведения о передвижениях французских войск с левого фланга на правый, ибо решение было принято им не так уж быстро, а приготовления едва ли могли быть закончены в два дня.

Эрцгерцог знал, что за рекой Аар, от впадения в нее реки Лимата до Рейна, т. е. на расстоянии $1^1/_2$ миль, находилось не свыше 2 000 чел. неприятельских войск; той же силы достигали, по его сведениям, и французы, стоявшие в долине у Фрика. Поэтому он решил еще до того, как французские войска смогут вернуться обратно на левый берег, перейти с большей частью своей армии совместно с только что прибывшим в Шафгаузен корпусом Римского-Корсакова у Детингена через Аар, атаковать неприятельские силы по ту сторону этой реки и нанести им решительное поражение, если только в результате переправы через реку они сами не очистят эту местность.

Так как не имеется никаких сведений о том, насколько Массена усилил свой правый фланг, то мы не можем судить и о степени ослабления им своего левого фланга.

Если главная часть переброшенных на правый фланг подкреплений не была использована против Елачича, то вообще непонятно, куда они девались, ибо сказанное о диспозиции Лекурба перед атакой заставляет заключить, что в лучшем случае он получил подкрепление в 4 или 5 батальонов. Жомини определенно заявляет, что стоявший у Мелингена резерв, под командованием Клейна, был оттуда уведен. Этот резерв равнялся 5 000 чел., и очень вероятно, что один только этот резерв и был направлен для подкрепления правого фланга. Но тогда между Цюрихом и Рейном остаются дивизии Сульта, Лоржа и Тарро с 20 000 чел., а в долине Фрика — дивизия Нея с 5 000 чел. Таким образом, эрцгерцог либо располагал ложными сведениями, либо выражается неточно, не упомянув о войсках, расположенных дальше в тылу. Жомини определенно заявляет также, что генералу Нею, только накануне получившему командование на этом пункте (вероятно, вместо Тарро), удалось 17 августа сосредоточить массу в 10 000 чел. Исходя из этого, нам придется исчислить силы французов от Цюриха до Рейна все же больше 20 000 чел. Мы приводим это соображение только потому, что чувствуем необходимость окончательно покончить с совершенно ложными представлениями, к которым могут привести неопределенные и рассчитанные лишь на внешний эффект высказывания обоих главных историков — эрцгерцога и Жомини. Однако мы не считаем, что наш результат основан полностью на фактических данных.

Но не одна только слабость неприятельского левого крыла побудила эрцгерцога к активности. Он уже имел приказ отправиться на Рейн и признается, что охотно использовал бы прибытие русских для того, чтобы перед своим уходом произвести блестящий набег, чем полностью оправдалась бы его прежняя бездеятельность, была бы освежена его слава, быть может, даже отложен его марш на Рейн, и во всяком случае была бы облегчена русским их роль, которую они от него принимали. Мотивом, который эрцгерцог, повидимому, просто позабыл привести, было несомненно и желание загладить тот урон, который он понес 14 и 15 августа и который он очень легко мог заранее предвидеть. Эрцгерцог считает, что в случае успеха австрийское правительство простило бы ему то, что он предпринял такую операцию, в сущности, вопреки полученным приказаниям.

В глазах критики такое решение и такое неповиновение не требуют, конечно, никаких извинений. Если только подумать, что эрцгерцог мог форсировать реку с 60 000 чел., следовательно, вступить в бой, имея 50 000 чел. против 15 000—20 000 чел., что этот удар последовал бы, вероятно, тогда, когда Массена еще отсутствовал, и что непосредственным результатом удачного форсирования реки явилось бы поспешное отступление или полное поражение французов и, во всяком случае, очищение ими Швейцарии, — то такое предприятие надо считать в высшей степени своевременным, а отказ от него — огромной ошибкой.

Главным затруднением, да, повидимому, и единственным, была, казалось, задача — счастливо, т. е. с превосходными силами, переправиться через реку Аар. Однако, если учесть, что эта река имеет ширину всего лишь от 200 до 300 шагов, что подход к месту переправы проходил по сравнительно укрытой местности, что французы занимали эту реку, начиная от впадения в нее Лимата, лишь слабыми силами, а эрцгерцог располагал вдобавок значительным понтонным парком, то затруднение это не мотло почитаться очень уж большим, и даже если бы эта операция сразу же потерпела неудачу, то во всяком случае потери, связанные с ней, не были бы слишком велики.

Бой 17 августа у Детингена

Эрцгерцог избрал для переправы через реку Аар пункт между Грос Детингеном и Клейн Детингеном, ибо река описывает там дугу, направленную в сторону австрийцев, а правый берег господствует над местностью, лежащей в дуге. Деревня Клейн Детинген хорошо подходила в качестве предмостного укрепления и была занята только 2 егерскими ротами швейцарцев.

План эрцгерцога заключался в том, что в ночь с 16 на 17 августа Римский-Корсаков должен прибыть с 20 000 чел. пехоты и 1 600 казаками в Обер Эндинген, в полумиле от Детингена, и соединиться там с 23 000 чел. пехоты и 6 000 чел. конницы из армии эрцгерцога. Готце с 7 500 чел. должен был оставаться в Цюрихе, оборонять город до край-

них пределов, но в случае неприятельского отступления последовать за главными силами. 5 000 чел. оставались вдоль реки Лимат. У впадения Лимата в Аар должны были быть установлены батареи для обстрела дороги, проходившей по другому берегу реки Аар. Через Аар должны были быть наведены два моста, один выше, другой ниже по течению Грос Детингена, для того чтобы переправиться двумя колоннами. Из них первая, силой в 25 000 чел., должна была овладеть высотами вдоль реки Аар и затем захватить переправы у Брука и Аарау; вторая, в 12 000 чел., должна была направиться в долину Фрик; третья же колонна, в 10 000 чел., должна была сперва прикрывать переправу, а затем следовать за первой колонной в качестве резерва. Таким образом, на этом главном направлении собрался кулак в 35 000 чел.

В тот же день, 17 августа, Старай должен был произвести демонстрацию против Альт Брейзаха и Базеля и для той же цели начать канонаду Вальдсгута и Кобленца.

Войска собрались 16-го вечером, и многочисленные батареи выехали на позицию вдоль восточного края долины. Наводка мостов началась в 2 часа ночи, причем неприятель об этом и не подозревал. Однако все предприятие потерпело неудачу именно из-за наводки мостов. Непонятным образом к наводке мостов приступили, не переправив на другой берег на лодках войска. Эрцгерцог думал, что стоявшие против него две роты противника удастся прогнать одним артиллерийским огнем; эрцгерцог оправдывается еще и тем, что у него нехватало плавучих средств и что наводка мостов была бы задержана, если бы для этой цели была использована часть понтонов. В результате, обе егерские роты, как только услышали по воде всплески, открыли огонь по тем пунктам, откуда шел шум. Один австрийский батальон, занявший Грос Детинген, начал отвечать на этот огонь батальонными залпами, а артиллерия открыла сильный огонь. В Клейн Детингене скоро вспыхнули пожары, но швейцарские стрелки не дали себя прогнать всем этим шумом и продолжали свой огонь. Несмотря на темноту ночи, это, повидимому, очень мешало работе по наводке мостов. Вдобавок оказалось, что дно реки было скалистое и в нем не удерживались якоря. Стремительность потока была очень велика, а берег, с которого спускались понтоны, очень крутой, меры же для их спуска на воду не относились к числу самых лучших. В результате, проработав всю ночь, а под покровом густого тумана и до 9 час. утра, австрийцы у одного моста установили лишь 13 понтонов, а у другого еще меньше. В результате, после того как рассеялся туман, количество неприятельских войск позади Клейн Детингена за это время возросло до размеров крупного отряда, и уже нельзя было закончить наводку мостов и переправляться через реку. Эрцгерцог отказался от переправы и заключил с генералом Нейем соглашение, что эрцгерцог прекратит свой огонь и наводку мостов, если французы позволят австрийцам без помех вытащить свои понтоны обратно на берег. Ней поспешил принять это предложение.

После этого эрцгерцог отвел свои войска на старые позиции, а русские расположились на квартирах у Зеедорфа позади австрийцев.

Главная причина неудачи постройки мостов заключается, очевидно, не в плохой рекогносцировке реки, не в скалистом дне ее, не в плохих распоряжениях штаба корпуса понтонеров, как думает эрцгерцог, а в том, что не был своевременно переправлен на тот берег авангард. Недостаток перевозочных средств не может служить оправданием, ибо в первую очередь речь шла о наводке хотя бы одного моста и потому понтоны второго моста отлично могли быть использованы для переправы одного-двух батальонов, которые не только прогнали бы обе швейцарские роты, но закрепились бы на противоположном берегу, а затем, усиливаемые непрерывным притоком переправляющихся войск, оказали бы сопротивление подоспевшему противнику. Более того, чтобы не помешать переправе авангарда, не следовало начинать наводку второго моста до того, как будет закончен первый. При своей переправе через реку По в 1796 г. Бонапарт поступил именно так и переправил на лодках столько войск, сколько оказалось необходимым для того, чтобы сдержать первую австрийскую дивизию. Этот метод издавна и везде соблюдался, и средство для достижения успеха было настолько под рукой, что просто нельзя себе представить, почему эрцгерцог за него не ухватился; приходится почти поверить, что эрцгерцог побоялся рискнуть и бросить в бой первые 2 батальона.

Мы не беремся решать, не слишком ли рано эрцгерцог отказался от этого предприятия, как, повидимому, об этом судили в армии, но первая его размолвка с Римским-Корсаковым возникла именно из-за этого. Для того чтобы судить об этом, очень важно принять во внимание положение Клейн Детингена и другие условия местности. Никто не убедит нас, что возможно продолжать наводку моста, когда несколько сот человек обстреливают его с близких дистанций. Но с другой стороны, готовность, с которой Ней принял предложенное соглашение, несомненно свидетельствует о том, что до полудня Ней имел под рукой еще очень мало войск и сам был в состоянии большой тревоги.

Генерал Жомини упрекает эрцгерцога в том, что тот не использовал неудавшуюся операцию хотя бы в качестве демонстрации, чтобы под ее покровом предпринять другую операцию; Жомини предлагал быстро отвести 50 000 чел. назад в Цюрих и переправить их там, чтобы захватить гору Ютли в то время, когда французы перебросят значительную часть своих сил к Детингену и таким образом оголят свой центр.

Это предложение не выдерживает никакой критики. Детинген отстоит от Цюриха на 5 миль, войска прибыли туда 16-го, провели ночь и утро, очевидно, под ружьем. Если бы они выступили в обратный поход в 10 час., то прибыли бы в Цюрих, вероятно, не раньше 7 или 8 час. вечера, пройдя снова 5 миль, и поэтому едва ли были бы в состоянии предпринять еще атаку на Ютли, даже если бы на это действительно хватило времени до темноты. Кроме того, мы считаем, что район между

Цюрихом и Ааром был занят 20 000 чел., и если даже действительно от 6 000 до 8 000 чел. из них находились на марше в Детинген, то все же оставалось бы около 12 000 чел., которые могли быть сосредоточены для обороны Ютли еще до того, как австрийцы вышли бы из Цюриха. Французские же войска, отправленные в Детинген, быстро повернули бы назад, ибо неудачная и оставленная попытка навести мосты не особенно пригодна для демонстраций. Вылазка из Цюриха имела бы больше шансов на успех в любой другой день, когда понтоны были бы использованы для каких-либо других переправ через реку Лимат, и все приготовления могли бы быть сделаны в тиши. Между тем 17-го французы были уже настороже и, конечно, ни минуты не упускали противника из поля своего зрения.

Эрцгерцог пытается вернуть прежние позиции на своем левом фланге, но оставляет эту попытку

Так как эрцгерцогу не удался широко задуманный ответный удар, которым он собирался загладить потери, понесенные 14 и 15 августа войсками, территорией и воинской честью, а кроме того, ему было неприятно покинуть Швейцарию, не использовав хотя бы свой численный перевес для того, чтобы вновь овладеть линией Сен Готарда и тем облегчить вступление Суворова в Швейцарию,— то он решил теперь сам атаковать правый фланг французов и оттеснить этот фланг снова на старые позиции. Поэтому еще 17 августа вечером он послал генерала Готце с 8 000 чел. через Рюмланг и Грюнинген в Рапершвиль с поручением принять командование над всем левым флангом и атаковать неприятельский правый фланг.

14 августа генерал Елачич без Штрауха насчитывал 13 800 чел. Если мы примем, что его потери достигли 5 000 чел., у него останется еще 9 000 чел. Эти войска могли быть распределены примерно так: сам Елачич с 5 000 чел. обосновался между Валенштедтским и Цюрихским озерами, несколько тысяч человек оставались в долине верхней Линты, а несколько тысяч человек — в долине Рейна.

Готце прибыл 19-го в Рапершвиль и распорядился 21-го перейти в общее наступление тремя колоннами.

Первая должна была перейти по Грюнаускому мосту и наступать на позиции противника между Цюрихским озером и рекой Зиль. Вторая должна была итти из Гларуса через Муттенскую долину на Швиц, а третья — из Граубюндена через долину Переднего Рейна на Криспальт.

Численность отдельных колонн эрцгерцог не указывает. Поскольку, однако, за краткий срок — около 36 часов — едва ли можно было произвести значительные изменения в расположении войск и, во всяком случае, никак нельзя было подкрепить войска в Рейнской долине, то можно приблизительно считать, что вторая и третья колонны едва ли насчитывали больше чем по 2 000 чел. каждая, и, таким образом, из общей численности в 17 000 чел., составлявших силы Готце после соединения его

с Елачичем, на первую колонну могло оставаться вряд ли больше 12 000 чел.

Ход сражения не описывается ни одним историком. Один лишь эрцгерцог ограничивается словами: «Успех этой операции выразился в том, что Готце со своей первой колонной проник до реки Аа[1], а его авангарды — до Альтендорфа у озера, откуда французы отошли на свою превосходную позицию между Пфефиконом и горой Этель. Вторая колонна должна была оставаться у Швандена и в долине Линты, чтобы прикрывать фланг первой, которому угрожал обход неприятеля из Шахенской долины. Третья колонна дошла 23-го до Иланца и выдвинула свои аванпосты к Дисентису.

Ясно видно, что это тоже оказалось совершенно неудавшейся или приостановленной в своем выполнении операцией. Допустим, что Массена, уведомленный об отправке эрцгерцогом войск, снова усилил генерала Шабрана. В таком случае мы все же не можем предположить, что этот генерал, располагавший первоначально лишь 6 000—7 000 чел., мог бы противопоставить больше 10 000 чел. Готце с 12 000 чел. Правда, очень сомнительно ожидать от Готце успеха против этих 10 000 чел., расположенных на хорошей позиции. Еще меньше можно было ожидать чего-либо от обеих маленьких колонн, наступавших по долинам рек Рейна и Линты на дивизию Лекурба. Вся операция в целом представляется, таким образом, как полумера. Такое суждение, основанное на фактах, подкрепляется и собственным признанием эрцгерцога, поскольку он говорит о себе следующее: «Противоречие между желаниями эрцгерцога и руководящими приказами Венского двора, повиновение которым совесть его считала обязанностью, вызывало необыкновенные колебания в его решениях».

Далее он говорит: «Готце колебался и требовал подкреплений, ибо в той же степени, в какой не вполне тверда была решимость высшего начальника, колебалась решимость и подчиненного».

Очевидно, усиление левого крыла было слишком незначительным, если имелось в виду предпринять что-нибудь решающее против французского правого фланга, и это было результатом нерешительности эрцгерцога. Готце осознал всю половинчатость мероприятия и потому сам не довел его до какого-нибудь решительного результата.

Нерешительность эрцгерцога заключалась в его характере, а отнюдь не в стечении обстоятельств, как пытается дать понять этот полководец; между тем генерал ни в коем случае не должен быть нерешительным. Эрцгерцог хочет дать этим понять, что, с одной стороны, у него не было желания покидать Швейцарию, не загладив неудачи, и своим уходом поставить русских, которые до прибытия Суворова и без того находились в не особенно благоприятных условиях, в еще худшее положение, а с другой стороны, в нем ежечасно возрастало чувство ответствен-

[1] Не следует смешивать эту маленькую реку, образующую долину Вигги и впадающую в Цюрихское озеро близ Нюлена, с рекой Аар, которая протекает мимо Штанца и впадает в Люцернское озеро.

ности за задержку ухода из Швейцарии. Французская Рейнская армия начинала уже подавать признаки жизни, а все, что она могла предпринять против Швабии и австрийской базы, было бы отнесено на долговой счет эрцгерцога, поскольку тот медлил со своим уходом из Швейцарии. При таких условиях эрцгерцог считал, что оправдать его мог только удачный исход операции, которую он мог бы себе еще позволить в Швейцарии; от всякой же сомнительной операции он, тем самым, должен был воздержаться. Между тем именно эти противоречивые мотивы заставили бы решительного генерала предпринимать только такие меры, в которых не было бы ничего половинчатого.

Готце требовал подкреплений только на случай выполнения целесообразного предприятия, и возражать против этого было нечего. Эрцгерцог же, для того чтобы увенчать свою нерешительность, возымел вдобавок странную идею предложить генералу Римскому-Корсакову отправить к Готце несколько тысяч русских. Римскому-Корсакову события 17 августа очень не понравились. Он утверждал (повидимому, без особой проницательности), что успеха можно было добиться, а теперь, не совсем довольный, расположился на квартирах в Зеебахе, где собирался дождаться прибытия своей конницы. Римский-Корсаков наотрез отказался выполнить предложение эрцгерцога, потому что не хотел дробить свой корпус. Эрцгерцог отлично мог это предвидеть, а его здравый смысл мог ему подсказать, что подобное предложение, да еще вскоре после прибытия русских, нетактично. Кроме того, совершенно непонятно, почему эрцгерцог не направил к Готце еще австрийские подкрепления, раз он решил не все войска забирать с собой.

Вероятно, Римский-Корсаков заявил ему, что он предпочитает сам, со всем своим корпусом, присоединиться к левому флангу. Результатом этого и явилось то, что после переговоров обоих полководцев, длившихся несколько дней, Римский-Корсаков выступил в Уцнах, куда и прибыл 25 августа.

После этого передвижения эрцгерцог, считая теперь массу войск на левом крыле слишком значительной, забрал 6 батальонов из войск генерала Готце обратно в Цюрих и сосредоточил свои войска вблизи этого пункта, чтобы, как он говорил, поддержать атаку своего левого фланга наступлением, т. е., очевидно, демонстрацией против Ютли.

Это вновь вызвало недоверие и недовольство у Римского-Корсакова. Он потребовал, чтобы эти 6 батальонов остались у Готце, и согласился участвовать в предложенной операции лишь при том условии, если эрцгерцог обяжется содействовать ей всеми силами австрийской армии, потому что простое выдвижение вперед левого фланга не привело бы ни к чему, поскольку, после отхода эрцгерцога, русские оказались бы вынужденными вновь отдать захваченные пункты. Более того, Римскому-Корсакову тогда ничего бы не оставалось сделать, как вновь стать на позицию позади Шафгаузена, поскольку он имел приказ Суворова отослать в Италию 10 000 чел.

Эти возражения генерала Римского-Корсакова, хотя отчасти их и следует приписать его недовольству, все же нельзя, в общем, назвать неосновательными. Правда, приказ Суворова относился к 11 августа, когда он еще не получил распоряжения направиться в Швейцарию, и поэтому сам Римский-Корсаков мог бы признать, что приказ этот выполнен не будет. Однако недовольство русского полководца своим положением можно, во всяком случае, очень хорошо себе представить. Все, что он видел в армии, не могло ему внушить большого доверия. Римский-Корсаков знал, что эрцгерцог уже больше 8 дней имеет приказ о выступлении на Рейн и что он каждую минуту собирается это сделать. Суворов же в то время, т. е. 25 августа, еще не приступил к походу. До прибытия Суворова должны были пройти минимум 2—3 недели. Если бы эрцгерцог и в самом деле оставил часть своих войск в Швейцарии, то все же положение союзников в Швейцарии оставалось бы неблагоприятным. Иметь против себя превосходящие численностью силы неприятеля, собирающегося перейти в наступление, и располагать союзными войсками, частью совершенно незнакомыми ни с театром, ни с условиями военных действий, не имея удовлетворительного верховного главнокомандующего, — все это были такие условия, которые могли пугать генерала Римского-Корсакова. Решительная победа над Массеной коренным образом помогла бы делу, но частная операция, а именно удлинение и выдвижение вперед левого фланга, хотя и не ухудшила бы еще больше положения, но могла, во всяком случае, рассматриваться как сомнительное дело, и потому совершенно отрицать обоснованности возражения Римского-Корсакова нельзя.

Эти новые домогательства русского генерала снова заставили потерять немало времени. Готце, дожидавшийся подкреплений по ту сторону Линты, решив, что он, пожалуй, еще рискует стать жертвой этой распри, покинул 26 августа свою позицию за рекой Аа и снова отошел за реку Линту, что еще больше изменило обстановку. Эрцгерцог выразил недовольство этим отходом. Ему все это дело окончательно надоело, и он решил строго придерживаться полученных приказаний об отходе на Рейн и предоставить ход событий в Швейцарии его естественному течению.

Ближайшим последствием этого решения было то, что Римский-Корсаков выступил 27 августа из Уцнаха назад к реке Лимат, для того чтобы сменить армию эрцгерцога на ее позициях по рекам Лимату и Аару, Готце же остался на Линте.

Массена делает неудачную попытку переправиться через реку Лимат и прогоняет Готце за Валенштедтское озеро

Директория непрестанно побуждала Массену к наступлению, и в результате, как мы уже видели, возникла операция 14 и 15 августа. Как раз в тот самый день, 14 августа, военный министр генерал Бернадот сделал доклад Директории о положении на театрах военных действий.

Этот доклад, как часто бывает, не отличался ясностью и представлял все в неопределенном виде. Замечателен же этот доклад только тем, что он привел к совершенно превратным представлениям. Генерал Бернадот считал Италию главным театром военных действий. Это, однако, не привело его к выводу, что надо действовать в Италии. Наоборот, он говорил: «В Италии неприятель всегда может превосходить нас численностью, ибо он располагает сообщениями с Швейцарией и может беспрестанно усиливаться. Поэтому надо его выгнать из Швейцарии. Это мы сделаем лучше всего, если увеличим нашу Рейнскую армию, располагающую только 10 000 свободных войск, до 40 000 чел. и перейдем с ними в наступление на Дунай против правого фланга эрцгерцога. Для того чтобы усилить силы Рейнской армии, Массена должен отправить 20 000 чел. на Рейн. Однако Рейн,— продолжает Бернадот,— щекотливое место для Франции. Если этой армии не повезет, то мы навлечем врага на слабое место; а сверх того, если эрцгерцог после отхода тех 20 000 чел. атакует Массену, то Швейцария будет потеряна». Министр делает поэтому еще другое предложение: «Завоевать Граубюнден, занять Сен Готард и выйти в тыл тем неприятельским силам, которые занимают Пьемонт и Цизальпинскую область. Если бы послать корпус в 20 000 чел. в Глурнс (в верховьях Адижа), то можно было бы прервать неприятельские линии сообщения и энергичнейшим образом поддержать Итальянскую и Альпийскую армии». «Ничего,— с сожалением добавляет он,— не мешает этому отличному плану, кроме трудностей в снабжении войск».

Этот план носит отпечаток всех стратегических взглядов того времени. Косвенному воздействию путем диверсии, без всяких ближайших оснований, отдается предпочтение перед непосредственным ударом. Без всяких оснований делается предпосылка успеха, а приписываемые успеху воздействия расплываются в неопределенные линии и выражения, по большей части лишенные всякой реальности. Мы не будем отвлекаться дальнейшим изложением кроющихся в этом ошибок и противоречий и не будем ближе освещать тайное значение пункта Глурнса, который тут вторично играет столь магическую роль во французских планах. Более того, мы обошли бы молчанием все это, если бы не следовало время от времени заглядывать и в ту стратегию, которая излагается в кабинетах министров, и если бы этот план, хотя он так и не был выполнен, все же в некотором отношении не был, так сказать, вплетен в стратегическую ткань кампании.

Ведь во исполнение этого плана Бернадот писал 17 августа Массене и сообщал ему в качестве *captatio benevolentiae* (стремления снискать благоволение) о решении правительства, согласно которому предполагавшееся ранее назначение Моро главнокомандующим армиями в Швейцарии и на Рейне отменялось в отношении Швейцарии, и Массена сохранял прежнюю полноту свободы действий. После этого Бернадот предоставляет Массене на выбор — либо дать генеральное сражение эрцгер-

могу Карлу, либо (в случае, если Массена не вполне уверен в победе в таком сражении) отправить 20 000 чел. на Рейн. Весь же прекрасный проект о Глурнсе совершенно отошел на задний план.

Бернадот был при этом уверен, будто русские, которые, как мы знаем, в то время находились уже на реке Лимате, прибудут туда только через 3 или 4 недели.

Массена не считал подходящим для генерального сражения момент соединения Римского-Корсакова с эрцгерцогом и настолько был возмущен предложением отослать на Рейн 20 000 чел. как раз тогда, когда его противник получил 30 000 чел. подкреплений, что потребовал от Директории освободить его от должности.

Тем временем в Париж поступило донесение об успехе Массены против австрийского левого фланга и одновременно сообщение о сражении при Нови. Это дало Директории приличный повод подчиниться, пока что, воле своего разгневанного генерала и 26 августа взять назад пресловутый приказ об отправке 20 000 чел. на Рейн и, наоборот, дало ей повод побудить генерала Массену к решительному наступлению против эрцгерцога, для того чтобы воспрепятствовать его полному соединению с русскими, которые, впрочем, уже 12 дней как находились при его армии. При этом Массене обещается и диверсия со стороны Рейнской армии у Филипсбурга.

После этого Массена решил не только оставаться на своем посту, но, поскольку он тем временем получил подкрепления в несколько тысяч человек, еще раз уступить непрекращавшимся призывам к наступлению. Повидимому, у него не имелось точных сведений о твердом намерении эрцгерцога уйти на Рейн, иначе он отложил бы на несколько дней свое наступление.

Мы находимся в большом смущении по поводу этой операции французского полководца: дело в том, что, поскольку она в основном не удалась, историки упоминают о ней лишь очень кратко и мы остаемся в неизвестности о цели и характере ее, а о действительном плане операции не может быть даже и речи.

Массена, говорится по этому поводу, не осведомленный о возвращении 29 августа Римского-Корсакова на реку Лимат, решил в ночь с 30-го на 31-е переправиться через Лимат и одновременно с этим атакой на позицию союзников на Линте отвлечь их внимание туда. Он выбрал пункт, где Лимат впадает в Аар, однако ни у одного из историков нельзя установить, предполагалось ли произвести переправу через Лимат или через Аар [1]. Сколько войск собрал для этого Массена, что он собирался с ними делать после переправы,— об этом мы не знаем ни слова.

---

[1] Дедон, в качестве бригадного командира артиллерии и командира корпуса понтонеров руководивший техникой переправы через реку, упомянул лишь мимоходом об этой переправе в своем труде «Подробное описание переправы через реку Лимат», и, при всем уважении к его, в остальном, превосходной книге, следует сказать, что упомянул он об этом с большой неясностью и сбивчивостью.

Французы выбрали пункт слияния рек потому, что они туда легко могли доставить необходимые понтонные средства с рек Аара и Рейсы. Однако при выполнении обнаружились бо́льшие трудности, чем ожидалось, которые Жомини приписывает половодью, а Дедон — поврежденным понтонам. Поскольку, и, как кажется, ошибочно, воображали, что эта операция уже стала известна австрийцам и что они приняли все меры к обороне, Массена временно отказался от этой операции.

Бои у Нефельса и Гларуса 29, 30 и 31 августа

Тем временем Сульт, принявший командование над дивизией Шабрана, выступил 29 августа к реке Линте в направлении на Уцнах с 10 000 чел., в то время как левый фланг Лекурба, под командованием Молитора, силой в 3 000 чел. двинулся через долину Кленталь на Гларус и Нефельс. Молитор овладел обоими пунктами, но затем был снова отброшен австрийскими резервами.

30-го Сульт, делавший 29-го привал на реке Линте, атаковал Нефельс, а Молитор — снова Гларус. Нефельс был вновь захвачен французами, но австрийцы задержались за мостом через Линту. Гларус же так и не достался французам.

31-го Готце, после того как он подоспел к Нижней Линте, попытался продвинуться вперед через Гларус для рекогносцировки. Но он наткнулся на Сульта, находившегося как раз на марше и намеревавшегося форсировать в этом районе реку Линту. Готце был застигнут врасплох, яростно атакован, разбит и в беспорядке отброшен за Линту.

Этот неудачный бой и еще больше, вероятно, опасение, что после отхода эрцгерцога численный перевес французов возрастет, после чего ему не удастся удержать позицию в долине Линты, заставили генерала Готце отступить своим левым крылом за реку Зеец между Валенштедтским озером и Саргансом. Небольшие отряды продолжали занимать Рейнскую долину до Иланца.

Отход эрцгерцога Карла на Рейн

Эрцгерцог решился, как он говорит, «для того, чтобы не подвергнуть русский корпус верной опасности и чтобы можно было в ожидании его возвращения придерживаться достойной обороны», оставить в Швейцарии генерала Готце с 30 батальонами и 34 эскадронами.

Так как он предназначил для этого войска левого фланга, наиболее всего пострадавшие и обладавшие батальонами, наиболее ослабленными численно, то этот австрийский корпус не превышал 22 000 чел. К этому следует добавить 3 000 швейцарцев. Таким образом, поскольку корпус Римского-Корсакова можно было принять примерно в 30 000 чел., австрийцы образовали вместе с этим последним армию силой от 56 000 до 57 000 чел.

Далее, эрцгерцог распорядился усилить бригаду, стоявшую до этого на правом берегу Рейна между Вальдсгутом и Базелем, 3 батальонами, причем командование над этим отрядом он передал генералу Науендорфу, а с остальными 30 000 чел. отошел 31 августа на Рейн.

Как мы уже говорили в главе III, эрцгерцог располагал в июле без Гаддика 68 000 чел. 22 000 чел. остались у Готце, около 6 000 чел. на Рейне, а с 30 000 чел. он ушел за Рейн; нехватает 10 000 чел., которые можно отнести к потерям, понесенным в конце августа.

Перед своим отступлением эрцгерцог распорядился, по соглашению с Римским-Корсаковым, чтобы австрийцы, под командованием Готце, приняли на себя левый фланг и заняли местность от итальянской границы до Мейлена, т. е. до пункта на северном берегу Цюрихского озера, примерно на полпути от Цюриха до Рапершвиля. Русские должны были занимать местность между Цюрихским озером и Рейном.

Так как генералу Массене приходилось наблюдать за полковником Штраухом, который, с тех пор как его прогнали из Валлиса, расположился в долинах, ведших к Лаго Маджоре, и также выставить войска против отряда Науендорфа, то эрцгерцог считал, что у Массены останется еще численный перевес над Римским-Корсаковым и Готце, но не свыше 10 000 чел. Если мы будем придерживаться данных Жомини, то эрцгерцог, повидимому, слишком переоценил это численное превосходство, так как оно не превышало 5 000 чел. Однако и при этом генерал Римский-Корсаков попал в гораздо худшее положение, чем то, в котором находился эрцгерцог. Во-первых, массы войск были совершенно иначе распределены: на главном участке между Цюрихским озером и Рейном, где раньше стояло от 47 000 до 48 000 чел., теперь стояли только 30 000 чел. Во-вторых, 63 000 союзников были разделены на три корпуса, причем ни один из командующих этими корпусами не считал себя, строго говоря, подчиненным другому. Эрцгерцог не говорит, что Готце и Науендорф должны были слушаться приказаний Римского-Корсакова; наоборот, из многих мест его труда явствует, что именно этого не было. Но даже если бы это и было, можно себе хорошо представить, что оба, служа разным господам и имея свои особые задачи, не позволяли смотреть на себя как на слепые орудия, как совершенно гибкие и послушные звенья единого целого. Основным главнокомандующим этой объединенной силы был Суворов. Однако прошло еще 3 недели, прежде чем Суворов появился на этом театре военных действий, а за это время чего только не могло случиться! Решительный удар, нанесенный во время второго сражения под Цюрихом, имел место, собственно говоря, уже под эгидой Суворова, вступившего в сущности в исполнение обязанностей главнокомандующего. Однако это было еще главное командование издалека, приведшее к пагубной идее — 5 сентября в Асти пытаться определить то, что должно было произойти в Цюрихе 25 сентября.

Все эти обстоятельства должны были внушать опасения за Швейцарию, пока туда еще не прибыл Суворов. Эрцгерцог это очень хорошо

понимает, много говорит о сокращении линии расположения, делает себе полуупрек, что не остался со своей армией до прибытия Суворова или до самой последней минуты, т. е. до того момента, пока не возникла действительная опасность для Дуная, и, наконец, что он не остался хотя бы сам лично. Все эти вещи, возможно, были и справедливы, но они не вскрывают корня вопроса. *Эрцгерцог должен был до своего отхода использовать свой явный перевес сил, чтобы наголову разбить Массену.* То, что он этого не сделал,— больше чем осторожность, это — трусость!

Выводы об австрийском полководце

После всего того, что нам известно о предприимчивости эрцгерцога в июле и мае, мы, правда, не должны были ожидать многого от его переправы через Рейн. Между тем с этого момента вплоть до первого сражения под Цюрихом он все же сохранял наступательную инициативу, и пока наш взор следил за ним от Рейна до реки Лимат, мы не могли не льстить себя надеждой, что он попытается сохранить этот ход событий и в дальнейшем. Однако, начиная со сражения под Цюрихом, его положительная энергия распадается на ряд мелких операций, как Рейн разделяется на многочисленные мелководные рукава в Голландии.

Если мы подойдем ближе к рассмотрению всех обстоятельств, то удивляться этому нам не придется. Действительно, эрцгерцог не разбил Массену, он не был в праве льстить себя наличием морального превосходства, не было и речи использовать инерцию уже имевшегося поступательного движения; точно так же совершенно исчезло и численное превосходство, если сравнивать общие массы. Оборонявшемуся помогала очень сильная местность, и потому все то, что относилось к *средствам*, делало пассивность эрцгерцога довольно естественной. Если же мы посмотрим на *цель*, то и она не могла давать больших стимулов. Для австрийцев главной целью была Италия, куда они посылали свои основные силы; там они могли с удовлетворением наблюдать, что все приближается к окончательному завоеванию страны. В связи с этим Швейцария становилась для них все более безразличной. Французское нашествие в 1798 г. в Швейцарию было, правда, одним из главных аргументов австрийского манифеста об объявлении войны, однако это являлось скорее результатом нарушения нейтралитета, чем какой-либо особо живой жалости австрийского правительства к самим швейцарцам. Демократическая партия, которая захватила руководство над всей этой страной, сама вызвала это несчастье. Австрийское правительство, удовлетворенное уже тем, что вернуло под свое крыло более преданно настроенный Граубюнден, в те моменты, когда не очень-то налаживалась победа, вероятно, думало, что «не будет вредно, если швейцарцы будут немножко наказаны».

Потому-то, вероятно, и случилось, что австрийский кабинет министров вполне довольствовался тем, чтобы ничего больше не терять в Швейцарии, завоевания же этой страны оно не собиралось купить ценой каких-либо опасностей. Таким образом, эрцгерцог не мог получить

от правительства стимул к завоеванию Швейцарии, а все его честолюбие или стремление к блестящему успеху его похода, которое могло у него еще оставаться, совершенно пропало в связи с уходом от него Бельгарда и Гаддика.

Если только подумать обо всех этих вещах, то не приходится удивляться, что в Швейцарии так ничего и не произошло, и маятник сам собой остановился.

Но действительно ли оправдывается тем самым такое бездействие? Чтобы ответить на этот вопрос, надо было бы точнее знать тактическую обстановку и французскую позицию между Цюрихом и Рейном. Эрцгерцог на этом участке мог бросить в бой почти вдвое больше сил, чем его противник, а именно 45 000 чел. против 26 000 чел., и обладание Цюрихом обеспечивало ему на этом пункте переправу, против которой противник был всегда вынужден держать значительную массу войск. Таким образом, преимущества местности должны были быть уж очень велики, а тактические мероприятия французов превосходны, если даже при таких условиях переправа через Лимат или Аар оказалась невозможной. Между тем такая переправа привела бы к выгодным для эрцгерцога боевым комбинациям. Предприимчивый полководец несомненно попытался бы совершить переправу и, вероятно, достиг бы благодаря этому большого результата.

Бой 8 июня доказывает, что французские мероприятия не были так превосходны, какими надо было их предполагать для того, чтобы совершенно извинить пассивность эрцгерцога. Поэтому, когда мы видим, что эрцгерцог не сделал никаких попыток к наступлению, мы в праве сказать себе, что его методам ведения войны, по крайней мере в течение этого периода кампании, нехватает того, что называется *дерзанием, основанным на благоприятной обстановке*. Так как война — не чистый продукт неизбежного соотношения цели и средств, а всегда сохраняет в себе кое-какие элементы риска, то и ведение военных действий никоим образом не может быть лишенным этого элемента. Полководец, имеющий слишком мало склонности к риску, сам того не замечая, остается за чертой и увеличивает свою задолженность в гроссбухе военных успехов гораздо больше, чем ему кажется.

Что эрцгерцог неправильно расценивает обеспеченность своего стратегического положения, мы уже говорили раньше, но мы должны присоединиться к его суждениям, когда он журит самого себя за то, что не снабдил свои мосты через Рейн у Шафгаузена предмостными укреплениями в обе стороны.

Далее, мы вполне с ним согласны, что оба полководца придавали слишком большое значение обладанию Сен Готардом и что из чисто стратегических соображений было бы предпочтительнее выбрать гораздо более короткую линию, уперев левый фланг в Сен Луциенштейг. Такая линия имела только два подступа к ней, а именно между Цюрихским и Валенштедтским озерами и между последним озером и Рейном, каждый

из этих подступов протяжением от 3 до 4 часов хода. Но и эти пространства нуждались только в наблюдении, но отнюдь не требовали обороны, ибо французы, если бы они позволили себе легкомысленно перебросить отряд через реку Линту, были бы очень скоро наказаны за это. Вот здесь, собственно говоря, и возникала обстановка, когда можно было обороняться наступательными действиями. Утверждение, что вследствие такого укороченного расположения будто бы оставались без защиты подступы к Тиролю,— просто глупо, ибо на самом деле французы далеко не были снаряжены настолько, чтобы посылать войска еще и в Тироль.

Если бы эрцгерцог избрал это расположение, он мог бы вместо 14 000 чел. свободно довольствоваться на своем левом фланге 4 000 чел., и тогда у него оказалось бы на 10 000 чел. больше для наступления против главной армии Массены. Это сделало бы еще более благоприятным для него соотношение сил, так как Массена не сосредоточил бы в такой же мере своих сил, поскольку занятие Сен Готарда поневоле понуждало его к более значительному их дроблению.

Мы выдвигаем это соображение эрцгерцога потому, что подобные ситуации часто возникают в горной войне; правда, мы должны признать, что у эрцгерцога была еще одна политическая причина, которую мы не сможем совершенно обойти молчанием и которая вполне оправдывала оккупацию горного массива. Война началась с того, что австрийцы заняли Граубюнден. Они вновь завоевали его после уничтожения там французами генералов Ауфенберга и Лаудона, и правительство придавало особое значение тому, чтобы охранять эту страну, раз оно уже завязало политические взаимоотношения с ней. Поэтому правительство могло требовать от эрцгерцога хотя бы этого, поскольку эрцгерцог не собирался предпринимать ничего более значительного. Итак, нельзя винить эрцгерцога за то, что он занял расположение, упирающееся в Сен Готард, несмотря даже на его полуупрек самому себе. Оставлять же эту линию расположения он должен был только в том случае, если бы предпринял какую-либо крупную операцию, благодаря которой вся Швейцария, а значит, и Граубюнден скоро снова попали бы в его руки. Однако эти основания не имеют ничего общего с тем фантастическим значением, которое пытаются придать горному массиву, как таковому, при всяких условиях.

Такова наша точка зрения относительно действий эрцгерцога до момента прибытия Римского-Корсакова. С момента же соединения с русскими нанесение генералу Массене главного удара явно напрашивалось. И 17 августа эрцгерцог как будто в самом деле имел такое намерение. Неудача такой операции отнюдь не доказывает ее невозможности. Эрцгерцог не должен был довольствоваться лишь этой операцией, а подумать и о второй. То, что этот полководец предпринял своим левым флангом, не может почитаться операцией такого рода, ибо решающий удар мог производиться только главными силами, и притом не тогда, когда на реке Лимат оставалось лишь 40 000 чел. Если эрцгерцог считал

переправу через реку Лимат невозможной, он должен был решиться на то, чтобы оставить сильный гарнизон в Цюрихе и переправиться с силами более чем в 60 000 чел. через реки Линту и Зиль с той целью, чтобы дать генеральное сражение к югу от Цюрихского озера. Вероятно Массена бросал бы свои силы в бой лишь постепенно и потому был бы, как принято выражаться, свернут от правого фланга до левого.

То, что до момента развязки сражения эрцгерцог подставлял бы свою коммуникационную линию на Шафгаузен французским набегам, не имеет никакого значения. Отдаленная опасность быть разбитым и тогда уже не иметь больше возможности отступить через Шафгаузен должна была столь же мало его удерживать, ибо эрцгерцог сохранял за собой путь через Брегенц. Для столь отдаленной опасности достаточным обеспечением мог считаться и такой выход из положения, иначе на войне никогда нельзя было бы справиться со всеми расчетами.

Но мы не можем тоже допустить и невозможность форсирования реки Лимат. Если можно бросить в наступление почти 70 000 чел. против 20 000—30 000 чел., когда река имеет ширину всего от 100 до 200 шагов, когда располагаешь двойным понтонным парком и еще готовым мостом для переправы, то линия реки протяжением в 6 миль, конечно, не сможет быть удержана противником.

Поведение эрцгерцога в период с 17 августа до 11 сентября действительно похоже на разыгрывание «роли нерешительного». Он сам обстоятельно винит себя в этом, но при этом пытается найти себе оправдание в воображаемой трудности своей задачи. Мы отнюдь не признаем такой трудности, и даже, если бы трудность действительно была велика, нерешительность, как мы уже говорили, никогда не найдет себе оправдания перед судом критики, точно так же как и трусость. Надо иметь в виду, что тут мы говорим не о нерешительности в момент раздумья об операции. Такая нерешительность может и должна возрастать в зависимости от трудности каждого данного случая. В такой момент она может длиться сколько угодно, только бы она не передавалась приведению решения в действие, не порождала половинчатости решения и колебаний воли.

Выводы о французском полководце

В отношении действий французского полководца мы выставили три положения: первое касается вопроса, мог ли он в какой-либо момент дать эрцгерцогу генеральное сражение, второе — возможна ли была диверсия в Италию, и третье касается расположения войск Массены для обороны.

Французская Директория беспрестанно подталкивала своего полководца атаковать эрцгерцога. Генерал Жомини тоже усматривает большую ошибку в том, что Массена не сделал этого в конце июля, потому что в то время он сам уже не мог ожидать каких-либо подкреплений, а эрцгерцог поджидал Римского-Корсакова. Жомини говорит по этому поводу: «На войне существует неизменный принцип предупреждать про-

тивника, находящегося накануне присоединения к нему значительного отряда войск, когда сам не ожидаешь никаких подкреплений». Исследуем вопрос — не надлежит ли одобрить такие подталкивания со стороны правительства, правильно ли суждение Жомини, и настолько ли неизменен, как он говорит, его принцип.

Если мы возьмем данные о силах, приводимые Жомини относительно французов и эрцгерцогом относительно австрийцев, то мы увидим, что Массена никогда не был численно сильнее эрцгерцога, даже в конце июля, когда он был сильнее всего. Если бы Массена хотел атаковать этого полководца с намерением дать генеральное сражение, то это могло произойти только лишь на реках Лимат или Аар. Если бы он повел главную массу своих войск через реку Линту, то при такой операции ему пришлось бы базироваться на высокогорные районы при наличии опасности совершенно потерять свою естественную линию отступления через Берн. Он мог себя поставить в такое положение лишь тогда, когда был бы уверен в победе над эрцгерцогом, или наоборот, когда отчаяние принудило бы его пойти по этому опасному пути. На самом деле не было ни того, ни другого. Атаку войск эрцгерцога на реках Лимат и Аар надо, правда, рассматривать как дело очень трудное, так как расположение эрцгерцога было столь же превосходно, как и расположение французов, и вдобавок эрцгерцог имел почти вдвое больше войск, чем французы. Из этого, нам кажется, нужно сделать вывод, что если Массена считал для себя очень тяжелым случаем наступление на противника в генеральном сражении, а следовательно, считал успех такого сражения очень мало вероятным, то критика позднейших времен вряд ли сможет что-либо против этого возразить.

Далее Массена указал в своих доводах против такой операции, что даже в случае успеха она не повлекла бы за собой особых последствий, и это нам тоже кажется вполне правильным.

Если бы Массена разбил эрцгерцога, но не нанес бы ему полного поражения, то последний отошел бы за Рейн, и в таком случае мало вероятно, чтобы Массена решился на операцию по ту сторону реки. Так как Массена с самого начала не превосходил численностью своего противника, а тот поджидал Римского-Корсакова, то не могло быть и речи об операции дальнейшего проникновения в глубь Германии. Поэтому, если не довольствоваться сплошными иллюзиями, а придерживаться действительности, нужно признать, что опасности, с которыми было связано наступление Массены, не сопровождались бы соответствующими выгодами и что таким наступлением, даже если бы оно увенчалось успехом, численное превосходство противника, ожидавшееся к августу, вряд ли было бы заметно ослаблено. Вряд ли можно себе представить, что подобный успех оказал бы влияние на обстановку в Италии.

Итак, если французский полководец считал наступление рискованным, а ожидаемый успех — недостаточным, то ему не оставалось ничего

иного, как придерживаться оборонительной тактики. Усиление эрцгерцога в августе на 30 000 чел. было злом, с которым Массене приходилось мириться, если он не имел действительного средства его предотвратить.

Придерживаясь оборонительной тактики и не искушая судьбу, французский полководец в слишком невыгодной для себя обстановке приобретал еще одно величайшее преимущество обороны — *выжидание*. Было еще под очень большим вопросом, приведет ли усиление эрцгерцога ко всем тем последствиям, которых, исходя из этого усиления, можно было опасаться. *Нерешительный полководец*, подобно эрцгерцогу, *два союзных генерала*, — все это отнюдь не позволяло ожидать ни единодушия, ни энергии. Если бы Фридрих II последовал принципу генерала Жомини, ему пришлось бы в 1761 г. атаковать Лаудона любой ценой еще до того, как последний соединился с Салтыковым. Однако он этого не сделал, а стал лагерем под Бунцельвицем и тем доказал, что можно с 60 000 чел. простоять в течение целых 3 недель против 150 000 чел. союзников, не опасаясь того, чтобы они пришли к какому-либо решению. В самом деле, Массена тоже испытал нечто подобное. После своего соединения эрцгерцог и Римский-Корсаков провели вместе целых 14 дней, не осуществив ни одного серьезного мероприятия, исключая попытки переправы под Детингеном. И они, вероятно, провели бы совместно еще 4 недели не с лучшим результатом.

Подталкивания французского правительства исходили, главным образом, от военного министра Бернадота, которому было свойственно все время подгонять вперед, невзирая на обстановку, и логика которого заключалась только в одном разглагольствовании. Его утверждения, будто Массена численно превосходил своего противника, представляются не извинительной ошибкой, а совершенно легкомысленным утверждением, так же как и то, будто русские присоединились к австрийцам на 4 недели позже, чем это произошло на самом деле.

Что же касается принципа Жомини, то этот принцип, каким бы он ни казался простым, все же отнюдь не так уж абсолютен, как думает Жомини. Изобретатели теорий и историки-критиканы всегда тут как тут, для того чтобы навязать тому или иному положению титул «всеобщего»; но они этим только доказывают, что совершенно не имеют представления о существе теории. Всеобщности этого принципа противоречит уже то единственное замечание, которым мы ограничимся в данном вопросе, а именно: *одно лишь соотношение сил само по себе никогда не бывает причиной действия.*

Нам кажется также, что справедливая критика не может делать по этому поводу упрека французскому полководцу за то, что тот не вовлек эрцгерцога в генеральное сражение.

Относительно удельного веса удара Массены 14 и 15 августа на левый фланг австрийцев мы уже говорили. Эта операция была совсем иного характера. Поскольку она была второстепенного значения, ей не угро-

жали никакие опасности, притом она имела довольно большую вероятность успеха, отнюдь не малого, ибо моральное влияние такого успеха еще явно чувствовалось даже после похода Римского-Корсакова, когда союзные полководцы никак не могли притти к какому-нибудь решению.

Что же касается успеха демонстрации в сторону Италии, то возможность его зависела единственно от того мнения, какое возникло бы у союзных полководцев в Италии о вытекающей из этой демонстрации опасности. Если подходить к вопросу чисто объективно, то никак не выходит, никак не очевидно, чтобы корпус в 25 000—30 000 чел. в самом деле смог совершить в Верхней Италии нечто столь значительное, чтобы уравновесить опасность, создавшуюся для Швейцарии его отсутствием. Однако у союзников безусловно существовало мнение, что из этого для них может возникнуть большая опасность. Поэтому, пожалуй, несомненно, что удар из Швейцарии в Италию перед самым сражением на Требии или перед сражением у Нови легко мог бы настолько повлиять на эти два события, что придал бы им совсем другой оборот. Другими словами, — вопрос только в том, насколько в состоянии был Массена произвести такую диверсию. В момент сражения на Требии, т. е. в июне, такая диверсия была почти невозможна, ибо тогда Массена еще далеко не мог сравняться в силах с эрцгерцогом и со дня на день ожидал его наступления. Только в конце июля, когда войска Массены достигли наибольшей численности, а русские еще не подошли, такая операция была бы, пожалуй, возможна. Например, если бы, вместо наступления дивизий Тюрро, Лекурба и Шабрана на австрийский левый фланг в середине августа, дивизии Лекурба и Тюрро, усиленные 4 000 чел. из главной армии и доведенные тем самым до состава в 20 000 чел., ограничились в конце июля лишь наступлением вдоль Роны и на Сен Готард, затем, преградив доступ к последнему из долины Рейсы у Чортова моста, направились одной колонной на Верчелли, а другой на Милан, то они тем самым навлекли бы на себя из союзной главной армии по крайней мере один корпус силой от 20 000 до 30 000 чел. Было ли бы этого достаточно, чтобы помочь генералу Жуберу одержать победу,— правда, еще неизвестно, но во всяком случае это было бы большим облегчением для него. В Швейцарии обстановка на Лимате оказалась бы приблизительно прежняя, а на Зиле против Зимбшена и Елачича остался бы Шабран, и нельзя сказать, что могли бы сделать в отместку австрийцы на этом участке. При растянутости их расположения в длинную линию аванпостов, вероятно, прошло бы дней восемь, пока эрцгерцог принял бы все меры для наступления на реке Зиль, и если бы он там даже в самом деле оттеснил Шабрана до Альбиса, то это не дало бы большого выигрыша, ибо возвращение Лекурба вскоре принудило бы эрцгерцога снова покинуть эту охватывающую позицию.

Однако французское правительство вполне справедливо отклонило в июне предложение Массены и Лекурба организовать подобную операцию. Дело в том, что если бы тогда 25 000 или 30 000 чел. отошли в Ита-

лию, Швейцария была бы потеряна. Та же операция, предпринятая позже и с более слабыми силами, оказалась бы совсем иным мероприятием.

Теперь мы подходим к третьему предмету нашего обсуждения, а именно к оборонительному расположению Массены.

Как мы видели, у эрцгерцога были политические основания растягивать свой левый фланг до самого Сен Готарда. Но этих оснований не имел французский полководец. Как доказал успех, его никто не принуждал — при условии удержания своего правого фланга к северу от высокогорных Альп — даже отказываться от обладания долиной Роны, если он придавал ей ценность на случай восстания населения. Если бы вооружение жителей Граубюндена и мелких кантонов не было так основательно пресечено мерами, принятыми в начале мая, то опасением возможности такого вооружения населения можно было бы, пожалуй, мотивировать занятие высокогорного района. Но мы видим, как в течение 6 недель оккупации австрийцев никто даже не пошевелился в этом направлении. Поэтому мы думаем, что значение, придававшееся французами обладанию высокогорными районами, и в частности Сен Готардом, как ключом к этим районам и к Ломбардии, не имеет реальных оснований, которые оправдали бы себя при ближайшем рассмотрении, и не уравновешивает те жертвы, которые были с этим связаны.

Но еще больше следует упрекнуть французского полководца за то, что он расположил целую дивизию в 11 000 чел. у Базеля, что является едва ли понятной растратой сил. Эта дивизия занимала там правый берег Рейна и работала у Лераха над сооружением укрепленного лагеря. Таким образом, казалось, будто генерал Массена собирается угрожать на этом пункте и рассматривать данный участок как обыкновенную демонстрацию, которая будет держать под постоянной угрозой мост эрцгерцога у Шафгаузена и левый фланг генерала Старая. Однако те 5 000 — 6 000 чел., которые эрцгерцог держал на правом берегу Рейна, между Шафгаузеном и Базелем, он и без того держал бы там, а о Старае можно было совершенно не заботиться. Как нам кажется, Базель можно было совершенно не занимать гарнизоном, если разрушить его мост, или же держать там только один батальон. Зато какую ценность могли приобрести эти 11 000 чел. для генерала Массены, если бы они оказались за рекой Лимат!

О самом устройстве его позиций за рекой Лимат судить нет возможности, потому что мы не располагаем подробными данными. Было бы, однако, чрезвычайно интересно иметь более подробные карты местности за реками Аар и Лимат, ибо эта местность несомненно принадлежит к сильнейшим стратегическим позициям и должна играть роль в каждой кампании, проводимой в Швейцарии.

ГЛАВА VII

ПОХОД СУВОРОВА В ШВЕЙЦАРИЮ. МАССЕНА НАНОСИТ РИМСКОМУ-КОРСАКОВУ ПОРАЖЕНИЕ ПОД ЦЮРИХОМ. СОЮЗНИКИ ОТХОДЯТ ЗА РЕЙН

(Схема 1)

Новый план обеих сторон

Теперь мы подходим к самому важному разделу всей войны, когда производится великое перераспределение ролей и сменяются полководцы и армии, призываются новые полководцы, раскрываются новые театры военных действий, когда чрезвычайно сложный стратегический план союзников становится причиной больших бедствий. В этой главе нам придется рассказать о сражении, которое по своему успеху является наряду со сражением под Риволи величайшим сражением за все время данной войны, о походе через горы, не имеющем себе равного во всей военной истории, а по своей трудности и проявленной в нем выносливости граничащем почти с невероятным. Наконец, в этой же главе влияние всех этих событий приводит к полному изменению обстановки и заставляет новый союз распасться еще быстрее, чем прежний. В результате в течение следующей кампании остается лишь преодолеть обломки этого союза, и французские знамена снова направляются к австрийской столице для того, чтобы продиктовать императору и австрийской империи свой закон мира. Все это — результат того, что мелочная политика австрийского кабинета столько времени ведет наглую игру с колоссом войны, что в конце концов сама падает жертвой этой игры.

В августе Италия была почти завоевана, и с достаточной уверенностью можно было предвидеть падение там крепостей, так что по всем признакам там уже не было больше необходимости в большом сражении. В июле было заключено соглашение между Англией и Россией о совместной высадке в Голландии, и уже близилось осуществление этой высадки. Все эти обстоятельства и ближайшие политические интересы ав-

стрийского и английского кабинетов привели к стремлению произвести перераспределение сил и ролей также и на остальных театрах военных действий. Согласно новому распределению, русские должны были действовать со всеми своими силами в Швейцарии под командованием Суворова, австрийцы — вести войну в Италии одни, впредь до окончательного завоевания этой страны, но одновременно главная их армия снова направлялась для действий на Рейне.

Как Англия, так и Австрия не хотели, чтобы русские приобрели в Италии опорные точки для завязывания политических отношений. Англия боялась, как бы русские не овладели Генуей, поскольку император Павел, состоявший в тесной связи с Мальтийским орденом, заявил о своем решении завладеть Мальтой; да и другие порты на итальянском побережье могли тоже легко достаться русским войскам, находившимся в Адриатическом море. Таким образом, русские могли бы стать в этих водах гораздо более твердой ногой, чем это соответствовало бы английским интересам.

Австрийцы же после завоевания всех тех провинций Италии, которые им до того еще не принадлежали, рассматривали эти провинции как свои временные владения. Они отлично знали, что сардинский король заключил в 1796 г. с французами мир и в этом году в начале войны подчинился им только потому, что не имел другого выхода. Однако он не был участником союза, сам ничего не сделал для обратного завоевания своей страны и, строго говоря, не мог считать своими фактическими владениями все то, что австрийцы и русские отняли у французов силой оружия. Император Павел предпринял войну исключительно для борьбы с насилиями французского правительства и опасностью распространения революционных идей. Все, что можно было отбить у французов, император Павел считал необходимым без всяких разговоров вернуть законному собственнику. Австрийское же правительство усматривало в этих завоеваниях эквивалент, располагая которым оно могло бы вести в дальнейшем переговоры, отчасти для того, чтобы легче устранить все затруднения, стоявшие на пути достижения общего мира, а отчасти для того, чтобы политически или каким-нибудь другим способом попрочнее утвердиться в Италии. Разумеется, русские должны были представлять для них неудобство, поскольку австрийцы знали о совершенно иной точке зрения императора Павла на данный вопрос и могли думать, что русский кабинет также использует обстановку в Италии для того, чтобы в дальнейшем завязать там прочные связи в виде благодарности, с одной стороны, и покровительства — с другой. К этому еще надо было присовокупить, что Суворов полностью разделял точку зрения своего императора и был притом очень стремительным и раздражительным человеком, легко терявшим хладнокровие, позволявшим увлекать себя на поспешные шаги, так что с ним было бы очень трудно справиться в этом пункте.

Помимо этих итальянских трений, у всех трех держав, в особенности же у Англии, имелась еще и другая причина стремиться к перерас-

пределению сил. Высадка 40 000 чел., которую собирались предпринять англичане и русские в августе или сентябре в Голландии, казалось, нуждалась для обеспечения своего успеха в диверсии на Рейне. Для такой диверсии корпус, которым располагал Старай, был тем менее достаточен, что уже с 30 прериаля французы принимали все меры, чтобы выставить новую Рейнскую армию для наступления в Южной Германии. Таким образом, австрийцы, отчасти из желания угодить Англии, а отчасти для того, чтобы оградить Южную Германию, и, наконец, для того, чтобы легче избавиться от русских в Италии, изъявили готовность отпустить эрцгерцога Карла с австрийскими главными силами снова на Рейн для того, чтобы он оперировал настолько далеко вниз по течению этой реки, насколько это только окажется возможным.

Император Павел не подозревал никаких подвохов в этих пожеланиях обоих союзных кабинетов. Повод для организации диверсии с целью облегчить высадку казался настолько очевидным и был настолько обычен, что, вероятно, немногие кабинеты отклонили бы его. Однако специально для русского императора был использован, кроме того, еще и тот довод, что для успеха целого вообще было бы лучше, если бы военные силы каждой державы держались как можно более обособленно, действовали самостоятельно, каждая на своем собственном театре военных действий. Тем самым предупреждались бы пагубные разногласия и трения, которые уже несколько раз обнаруживались в Италии. Поскольку же Швейцария обладала наиболее холодным климатом, то было бы более правильно сосредоточить там русские силы под командованием Суворова.

Таким образом, в августе между тремя кабинетами было достигнуто соглашение о той перемене ролей, в результате которой Суворов и эрцгерцог Карл получили в конце августа приказы: первый — выступить с русскими в Швейцарию, а второй—со своей главной армией перейти на Рейн.

Хотя такого рода смена ролей обычно таит в себе опасности, потому что силы, находящиеся в походе, следует рассматривать нейтрализованными,— в данном случае этого опасаться было нечего, ибо ни в Италии, ни на Рейне ничего не было упущено. Однако тут имеется один опасный момент, относительно которого мы никак не можем добиться ясности, потому что мы не знаем ни даты, ни содержания упомянутого соглашения трех держав. Дело в том, что Суворов, после того как он прибыл в Швабию, жаловался на отход эрцгерцога из Швейцарии и, между прочим, говорил: «Цюрихская позиция, которая должна была обороняться 60 000 австрийцев, была оставлена на попечение 20 000 русских» [1]. Далее в его официальном отчете императору Павлу мы находим следующее место: «Лорд Мюльгрейв снова заверил меня, что английский министр не намеревался вызывать русские войска в Швейцарию до того, как эрцгерцог не прогонит неприятеля из этой страны. Он добавил, что

[1] Поход австрийцев и русских в Италии, Париж, 1802 г., стр. 188 (на французском языке).

господин Тугут официально уверил английского посла в Вене, что эрцгерцог не покинет Швейцарию; что Тугут написал об этом эрцгерцогу. Между тем он дал такое обещание ошибочно, а сам предоставил эрцгерцогу достаточно времени для эвакуации Швейцарии».

Это замечание Суворова, очевидно, должно лишь означать, что эрцгерцогу надлежало дожидаться прибытия Суворова в Швейцарию, что вполне мыслимо при наличии данного соглашения трех держав. Между тем в сочинении самого эрцгерцога мы находим следующее место: «Эрцгерцогу было вменено в обязанность венским двором хранить в тайне данные ему приказания (об уходе из Швейцарии) и самым срочным образом выполнить их без всяких возражений». Во всяком случае, это должно внушить недоверие по отношению к венскому кабинету в том смысле, что он действовал, по крайней мере, не в полном согласии с Суворовым. Уход свой эрцгерцог, понятно, не мог держать в тайне. Однако, поскольку должно было уйти еще от 8 до 14 дней на приготовления к уходу, то, повидимому, венский двор придавал особое значение тому, чтобы русские ничего не заметили. Иначе старик Суворов, узнав об этом, возможно, совершенно отказался бы от своего похода в Швейцарию.

Если поведение австрийского кабинета и внушает недоверие, то и инструкция, отправленная 5 сентября Суворовым генералам Римскому-Корсакову, Готце и Линкену, явно указывает на то, что он тогда уже не предполагал присутствия эрцгерцога в Швейцарии к моменту совместных действий с ними, и поэтому мы вполне можем предположить, что сетования его на уход эрцгерцога являются одним из тех оправданий, которые, наряду с другими причинами, охотно приводятся для объяснения неудачной операции, хотя такое оправдание и не рассматривается как одна из ближайших причин этой неудачи. Возможно, Суворов раньше действительно верил, что эрцгерцог будет его дожидаться; во всяком случае, он не мог бы так говорить впоследствии, если бы австрийцы вели себя с ним вполне откровенно.

Нам пришлось привести все эти обстоятельства, так как именно они нанесли последний удар доброй воле Суворова, а по инициативе уже самого Суворова возникла та трещина в отношениях, которая расколола союз [1].

Расхождения в ближайших политических целях, как мы уже заметили выше, должны были дать себя знать уже в течение кампании. В своих прокламациях Суворов хотел объявить всей Италии намерения союзников: каждому вернуть свое и везде восстановить только прежнее положение вещей. Австрийские генералы не захотели удовлетвориться таким объяснением. Они овладели укрепленными пунктами Пьемонта от

---

1 Возмущение Суворова поведением венского двора уже в июне дошло до такого предела, что Суворов просил императора Павла уволить его от службы. На это Павел ответил, что если венский двор будет продолжать так вызывающе действовать и впредь, то он прикажет Суворову собрать русские войска и действовать отдельно от австрийцев в Южной Италии, у берегов которой крейсеровал русский флот.— *Ред.*

имени австрийского императора. Они не допустили в свои владения призванного обратно короля Сардинии, хотя тот уже прибыл в Ливорно. В Пьемонте все государственные акты они допускали только от имени австрийского императора и т. д.

Таким образом, трещина образовалась еще в Италии, и следовало ожидать, что именно вследствие этого в уме императора Павла уже созрело пагубное для союза решение. Когда же к этому прибавились невзгоды на поле сражения, большие потери людьми, донесения Суворова, великого князя Константина, Римского-Корсакова и князя Горчакова, полные недовольства австрийцами, поведение которых, как им казалось, граничило с предательством, все это не могло не повлиять на такого человека, как император Павел, и не побудить его отказаться от союза и борьбы с Францией. Таким образом, поход Суворова в Швейцарию, наряду с неискренними намерениями австрийцев и его неудачным исходом, и послужил причиной расторжения нового союза.

Если мы рассматриваем уже сейчас эти более поздние последствия той политической и стратегической ситуации, то происходит это потому, что тем самым проливается свет на всю обстановку, на отдельные личности и обстоятельства и становится более понятным весь ход событий.

Ввиду того что армия Суворова, выступившая из Италии, насчитывала около 20 000 чел., а Римский-Корсаков располагал 30 000 чел., то это составило бы в Швейцарии силу в 50 000 чел. К ним должны были присоединиться швейцарские формирования, которые предполагалось увеличить еще больше, эмигрантский корпус Конде силой в 3 000 чел. и дивизия в несколько тысяч баварцев, в силу особого трактата, заключенного императором Павлом с курфюрстом. Все это вместе довело бы силы союзников примерно до 60 000 чел. и, таким образом, превысило бы силы французов, по крайней мере, на 10 000 чел. Повидимому, в намерения австрийского кабинета не входило, чтобы австрийские войска, оставленные эрцгерцогом в Швейцарии под командованием Готце, оставались там и после прибытия Суворова. Повидимому, даже, судя по рассказу эрцгерцога, он оставил этот корпус не по распоряжению венского двора, а по собственной инициативе, исходя из обстановки.

Назначение австрийской армии в Германии не было точно определено, указывалось только, что она должна была оставить корпус в 20 000 чел. для прикрытия Южной Германии, а с остальными войсками, которые, включая Готце, достигали бы, таким образом, 70 000 чел., надлежало предпринять операцию на Нижнем Рейне. Что понималось под этой операцией, — повидимому, никто себе особенно ясно не представлял; при неясности мышления в таких вопросах это, однако, отнюдь не является чем-то необыкновенным. Предпринять операцию — представляется этим людям столь же достаточным определением, как, например, приказание балетмейстера танцорам протанцовать *pas de deux*. Эрцгерцог, рассматривая эту новую задачу, говорит: «Куда бы австрийцы ни направили свои операции вниз по реке от Филипсбурга, они прибыли бы

туда настолько ослабленными, вследствие выделения большого числа войск, которые им пришлось бы оставить для прикрытия своей удлиненной операционной линии, что могли бы себе позволить, самое большее, набеги в промежутках между укрепленными пунктами Ландау, Майнц и Дюссельдорф». Мы приводим это только для того, чтобы показать, что полководец, которому надлежало действовать на этом новом театре военных действий, сам хорошенько не знал, что́ можно там предпринять.

Высадка 40 000 чел. в Голландии рассматривалась как очень сильная диверсия для всех остальных театров военных действий и как средство создать в населении этих местностей нового врага для французов. Легко догадаться, что Англия попутно преследовала свою особую цель— захватить голландский флот и стать твердой ногой на материке Европы. И эту особую цель следует рассматривать как невысказанный главный мотив всего предприятия.

Если австрийцы хотели преследовать свои особые цели в Италии, то они должны были допустить, чтобы англичане обеспечивали свои интересы в Нидерландах; императору же Павлу, горевшему рыцарскими намерениями, предъявлялись лишь внешние мотивы [1].

Таким образом, в этот момент войны на театр военных действий вновь вступили 30 000 чел. под командованием Римского-Корсакова, 6 000 баварцев и эмигрантов и 40 000 чел. в Нидерландах, а всего 70 000 чел. новых боевых сил союзников.

После окончания Раштатского конгресса князьям Германской империи также было предложено императором выставить свои контингенты. Однако северные владетельные князья уклонились, находясь под защитой демаркационной линии, а южные не спешили с новыми вооружениями. Таким образом, кроме дивизии баварцев, о которой мы уже говорили, от них удалось получить лишь некоторые подкрепления для гарнизонов Филипсбурга, Ульма и Ингольштадта.

Это все, что мы можем сказать о новых организационных мероприятиях союзников. Французы займут наше внимание еще меньше.

Французы тоже после неудач в Италии и вызванного этими неудачами события 18 прериаля (30 июня) [2] решили произвести, если мы можем так выразиться, *возрождение* войны. Мы уже рассказывали, что должен был быть произведен новый призыв в 200 000 чел. Итальянская и Швейцарская армии должны были быть усилены, а также образованы новые Альпийская и Рейнская армии. Однако все эти решения, которые, как это обыкновенно бывает при республиканских формах государствен-

---

[1] То есть Павла просто обманывали, играя на его увлечении рыцарскими представлениями.— *Ред.*

[2] Событие 18 прериаля — это правительственный кризис во Франции, вызванный потерей всей Италии, который отразился и на армии, главным образом в виде назначения новых главнокомандующих армиями. Во главе Итальянской армии был поставлен молодой генерал Жубер, который немедленно перешел в наступление и был разбит в сражении при Нови.— *Ред.*

ного строя, звучали на словах очень помпезно и высокопарно, было очень трудно осуществить на деле. Из нового призыва никого нельзя было так скоро послать на поля сражения, а те 150 000 чел., которые оставались в начале войны еще от призыва, произведенного в 1798 г., мало-помалу уже все были брошены к границам.

Мы также уже рассказали, как в Италии этот проект погиб еще в зародыше, отчасти потому, что французам никогда не удалось довести до маломальски приличных размеров свою Альпийскую армию, отчасти потому, что уже в середине августа сражение под Нови снова заставило их приостановить все свои тамошние операции. С тех пор итальянские силы снова соединились в одну единую армию под командованием Шампионе.

Образование Рейнской армии наткнулось на двойные затруднения с тех пор, как потребовалось создать еще и новую армию в Голландии. Так как эта армия, включая войска, предназначенные для гарнизонов в Бельгии, равнялась в сентябре 34 000 чел., то оказалось возможным довести силы на Рейне пока лишь до 54 000 чел., причем, однако, большая часть этого количества должна была быть снята со счета для гарнизонной службы.

Сперва главное командование над Рейнской и Швейцарской армиями должен был принять генерал Моро, но когда Массена отнесся к этому отрицательно и собрался уйти в отставку, Директория взяла обратно свое решение, и Моро должен был получить только одну Рейнскую армию. Но и это опять вскоре изменилось. Моро отказался, и в сентябре главнокомандующим Рейнской армии назначили Лекурба. Пока же эта армия, находившаяся еще в стадии формирования, была под командованием генерала Мюллера.

Так под давлением действительности рассеялись все широковещательные проекты французского правительства, словно мыльные пузыри.

Действительная численность французских боевых сил во второй половине сентября равнялась на границах 247 000 чел., а внутри страны — 134 000 чел., не считая Египетской армии. Таким образом, она на 30 000 с лишним человек превышала свою численность в начале войны. Так как в то время около 150 000 чел. находились еще в стадии формирования, то получается убыль от 110 000 до 120 000 чел., которую надлежит распространить не только на одни армии на границе, но на все вооруженные силы Франции. Вероятно даже, что и в 382 000 чел., составлявших боевую силу в сентябре, было уже включено от 40 000 до 50 000 чел. из нового призыва, которые были сформированы по системе Бернадота в «вспомогательные батальоны» и спешно направлены к границам. В таком случае убыль следовало бы предположить примерно в 160 000 чел. Такая значительная убыль является результатом вечно менявшейся, слабой и беспорядочной администрации. Вероятно, треть новобранцев снова разбегалась еще до того, как попадала под ружье, или гибла в запущенных госпиталях. Насколько отличны были французские армии того времени в бою, где их можно было сравнить с металлом, закаленным в огне,

настолько плохо и испорчено было все, что находилось позади боевой линии, вплоть до самых высших должностей административной иерархии.

Из 247 000 чел., стоявших на границе, как мы уже говорили, 34 000 чел. находились в Нидерландах и 54 000 чел. на Рейне. В Швейцарии стояло 82 000 чел., в Итальянской армии находилось 64 000 чел., в крепостях Италии — 12 000 чел.

Так как Директория считала, что ее армия в Италии недостаточно сильна для энергичного наступления ни по своей численности, ни по своей организации, так как на Рейне можно было вывести в бой максимум лишь столько войск, сколько было бы потребно для осады Филипсбурга, то все свои главные упования французское правительство возлагало на армию в Швейцарии, потому что она была наиболее сильной, потому что Массена внушал наибольшее доверие и потому что события в середине августа рассматривались как хорошее вступление для дальнейших успехов. К тому же французское правительство, даже не подозревавшее о решениях, принятых союзниками, думало еще в начале сентября, будто эрцгерцог Карл получил предписание отослать 20 000 чел. в Италию на усиление армии Суворова. Так как диверсия Рейнской армии обязательно вынудила бы эрцгерцога Карла послать также войска и на Рейн, то Директория не сомневалась, что силы генерала Массены в Швейцарии получат очень большой численный перевес. Поэтому военный министр Бернадот усердно побуждал 5 сентября генерала Массену предпринять какую-нибудь крупную операцию. Он давал ему выбор между вторжением в Граубюнден, связанным с диверсией, направленной на Лаго Маджоре, для того чтобы разделить силы Суворова в Италии, и генеральным сражением, в которое он по возможности должен был вовлечь русских. Эта последняя директива не лишена значения, а ошибки союзников сделали то, что Массена смог ее выполнить. Развалило Союз, главным образом, поражение под Цюрихом. В подобных же случаях удар, нанесенный одному лишь союзнику, всегда оказывает пагубное влияние на добрую волю последнего.

Силы и расположение обеих сторон в Швейцарии

Расположение обеих сторон в Швейцарии в течение сентября существенно изменилось в некоторых пунктах, поэтому мы должны описать его в том виде, в каком оно находилось к моменту решающих событий, настолько точно, насколько это позволяют сведения, имеющиеся под рукой. Главное изменение на стороне союзников заключалось в том, что генерал Римский-Корсаков не счел для себя выгодным для обороны рек Лимата и Аара расположиться, подобно эрцгерцогу Карлу, позади этих рек. Наоборот, он уже в самом начале сентября прошел своими главными силами через Цюрих и расположился лагерем под защитой пушек этой крепости. За реками остались, как указывают сообщения, 8 батальонов и 10 эскадронов, под командованием генерала Дурасова, в главном лагере под Веттингеном на Лимате (25 км ниже Цюриха) и в меньшем лагере

у Вюренлоса, а 3 батальона под командованием генерала Маркова — у Клостер (монастыря) Фар. Данные историков чрезвычайно скудны, и потому мы должны установить распределение сил русского корпуса на основании одних умозаключений.

Согласно точным данным, корпус Римского-Корсакова состоял при его проходе через Аугсбург из следующего количества бойцов:

пехота	около	21 000 чел.
кавалерия	»	6 000 »
казаки	»	3 000 »
Итого . . .		30 000 чел.

Казаков, вообще говоря, почти не следует принимать в расчет. Их применяли в русских армиях, если их было не очень много, главным образом для конвоирования обозов и для обслуживания офицеров в качестве денщиков и ординарцев. Все, кто оставался еще неиспользованным, были, вероятно, направлены для наблюдения вдоль рек Лимата и Аара.

Допустим, что 8 батальонов насчитывали 4 500 чел., прибавим, что около 2 000 чел. остались для прикрытия рейнских мостов в районе Шафгаузена; тогда для главных сил останется 14 500 чел. пехоты. Прибавив к этому 4 500 чел. кавалерии, получим, что главные силы будут равняться 19 000 чел. Но, повидимому, не все эти 19 000 чел. стояли перед Цюрихом или в самом городе, ибо Дедон и другие писатели упоминают еще и про резервный лагерь у Зеебаха. К моменту решительного сражения этого лагеря уже не было, во всяком случае в нем не было никаких сколько-нибудь значительных сил, ибо 5 000 чел., отосланные 25 сентября, по приказанию Суворова, к Готце, были по большей части взяты из этого лагеря. Из этого следует, что в данном лагере находилось от 4 000 до 5 000 чел.

К моменту решительного сражения, в конце сентября, который нас, собственно говоря, только интересует, численность бойцов надо принять на несколько тысяч человек меньше, чем к моменту прохода через Аугсбург. В таком случае наиболее вероятным окажется следующий результат. Если вычесть из 30 000 чел. убыль в 2 000 чел., откомандированных к местам 2 000 чел. и казаков 3 000 чел., то вообще останется лишь 23 000 чел. Из них за Лиматом и за Ааром стояло около 6 000 чел. и было отослано к Готце 5 000 чел.; в результате для главных сил в Цюрихе и впереди остается 12 000 чел.

Следует отметить, что Римский-Корсаков не только перевел свою главную квартиру в Цюрих, но подтянул туда весь свой артиллерийский парк и весь свой вещевой обоз.

Эрцгерцог мотивирует расположение русских главных сил тем, что Римский-Корсаков, будучи осведомлен о намерении Суворова перейти в наступление во всех пунктах одновременно, хотел этим обеспечить себе переход в стремительное наступление из самого Цюриха. Однако, во-первых, наступление из Цюриха никогда не может представлять больших

затруднений, ибо эта крепость сама образует предмостное укрепление и сам эрцгерцог всегда содержал авангард на Зильфельде. Трудность же атаки на этом пункте заключается не в переправе через Лимат или Зиль, а именно в восхождении на гору Ютли (Гютли). Во-вторых, циркуляр Суворова генералам в Швейцарии, в котором он, повидимому, впервые высказал свое намерение, помечен лишь 5 сентября в Асти. Между тем генерал Римский-Корсаков занял эту позицию уже в самом начале сентября.

Мы считаем вероятным, что генерал Римский-Корсаков думал импонировать французам своей расстановкой сил, а быть может, слыхал о принципе, будто лучше всего оборонять свой берег реки, расположившись на противоположном. И вообще никому, кажется, не известно, какой путаник из числа офицеров генерального штаба затуманил его рассудок. Простое соображение, что в данном случае было невозможно применить такой принцип, казалось, должно быть понятно даже ребенку.

Расположение австрийцев под командованием Готце известно нам лишь в общих чертах, но даже эти общие черты не отличаются точностью.

Эрцгерцог говорит, что силы Готце и швейцарцев равнялись 25 000 чел., к этому надлежало прибавить 5 000 чел. русских, из коих 2 000 чел. прибыли раньше, а 3 000 чел. выступили к нему лишь в самый день сражения под Цюрихом. Всего, таким образом, он должен был иметь 30 000 чел. Но, начиная с 25 сентября, мы обнаруживаем, что с французами дрались даже не 20 000 чел. Это противоречие, на которое ни один из историков не обратил внимания, мы должны, по возможности, здесь выяснить.

Русские, которые 25-го выступили к Готце, повернули назад, значит, к нему из армии Римского-Корсакова прибыли на самом деле лишь те 2 000 чел., которые находились у него уже раньше.

Швейцарский легион Бахмана Готце 25-го тоже отослал к Римскому-Корсакову.

По данным эрцгерцога, Готце располагал 30 батальонами и 34 эскадронами австрийских войск, итого 22 000 чел. Именно по данным этого полководца и историка, приняли участие в боях:

Готце	10 батальонов и	14 эскадронов	= 8 000 чел.
Елачич	6 »	3 »	= 4 000 »
Линкен	5 »	1 »	= 3 000 »
Ауфенберг . . .	4 »		= 2 400 »
Итого	25 батальонов и	18 эскадронов	= 17 400 чел.

Итак, нехватает 5 батальонов и 16 эскадронов, т. е. около 5 000 чел. Эти 5 батальонов можно, правда, себе представить в качестве гарнизонов в Рапершвиле, Сен Луциенштейге и вообще в долине Рейна. Однако 16 эскадронов, повидимому, получили другое назначение.

По всей вероятности, они как раз в это время были на марше, для того чтобы последовать за эрцгерцогом на реку Неккар, ибо мы в дальнейшем увидим, что генерал Науендорф подтянул к себе, после сражения под Цюрихом, несколько тысяч человек австрийской кавалерии, которые направлялись именно по упомянутому назначению и могли только быть из состава корпуса Готце.

После этих предпосылок мы можем указать следующую численность и расположение сил корпуса Готце вплоть до момента, когда начались решающие бои: 13 000 чел. под личным командованием Готце от Рапершвиля до Валенштедтского озера; 4 000 чел. под командой Елачича от Валенштедтского озера до Сен Луциенштейга; 3 000 чел. под командой Линкена между Сен Луциенштейгом и Рейхенау; 2 400 чел. под командой Ауфенберга в верхней долине Рейна до Диссентиса, и 2 000 чел. в качестве гарнизонов в Граубюндене, что составляет вместе около 25 000 чел., включая 3 000 швейцарцев и 2 000 русских.

Таким образом, силы и расположение союзников перед моментом решающего сражения были следующие:

1.	Русские за Лиматом	3 000 чел.
2.	Русские перед Цюрихом	12 000 »
3.	Русские в лагере у Зеебаха	3 000 »
4.	Русские в предмостных укреплениях	2 000 »
5.	Казаки	3 000 »
6.	Австрийцы, русские и швейцарцы под командой Готце	13 000 »
7.	Австрийцы под командой Елачича	4 000 »
8.	Австрийцы под командой Линкена	3 000 »
9.	Австрийцы под командой Ауфенберга	2 400 »
10.	Австрийские гарнизоны в Граубюндене	2 000 »
11.	В походе от Готце к Науендорфу	2 600 »
	Итого	50 000 чел.

Когда эрцгерцог покидал Швейцарию, мы указали численность этих сил в 55 000 чел. Разница заключается в тех 2 000 чел., которые мы считали в качестве убыли у русских.

Из этих 53 000 чел., впрочем, те 6 000 или 7 000 чел., которые указаны за № 4, 10 и 11, не могут считаться как принимавшие действительное участие в боях с противником, и поэтому на основной линии фронта остаются лишь от 46 000 до 47 000 чел.

Корпуса Штрауха и Гаддика принадлежали к Итальянской армии и стояли еще на итальянских выходах дорог, ведущих с Сен Готарда и из Валлиса. Науендорф, который, однако, в сущности тоже не должен причисляться к военным силам Швейцарии, стоял с 5 000—6 000 чел. на правом берегу Рейна между Шафгаузеном и Базелем.

Точно так же несколько изменилось и расположение французов. Шабран получил дивизию Сутама под Базелем, Сульт — дивизию Шабрана на реке Линте, и силы их и расположение были теперь следующие:

1. Дивизия Тюрро стояла в Валлисе против Штрауха и Гаддика	9 000	чел.
2. Дивизия Лекурба:		
бригада Гюденя от Сен Готарда до Урзерна	3 500	»
бригада Луазона в долине Рейсы, до Альторфа	6 000	»
бригада Молитора в районе Гларис	3 000	»
3. Дивизия Сульта на Линте и до Рапершвиля	10 000	»
4. Дивизия Мортье на Альбисе и Ютли	8 000	»
5. Дивизия Лоржа до района Бадена	10 000	»
6. Дивизия Менара выше и ниже слияния рек Аар и Лимат	9 000	»
7. Дивизия Клейна служила резервом и стояла частью позади дивизии Менара, а частью на Рейне	10 000	»
8. Дивизия Шабрана перед Базелем	8 000	»
Итого	76 500	чел.

Наконец, сюда же относилась дивизия Моншуази, стоявшая внутри Швейцарии, в количестве 2 500 чел., принадлежавшая к армии Массены, так что эта последняя насчитывала около 80 000 чел.

Таким образом, если со стороны союзников исключить Гаддика, Штрауха и Науендорфа, а со стороны французов — Шабрана, Моншуази и Тюрро, то получится, что численность французов равнялась 60 000 чел., а союзников — 53 000 чел. Но после прибытия в Швейцарию Суворова со своими 20 000 русских, считая также баварцев и эмигрантов, мощь союзников достигала 80 000 чел., т. е. значительно превосходила французскую.

План Суворова для соединения войск союзников в Швейцарии

Такое численное превосходство Суворова несомненно привело бы к потере французами Швейцарии. Со стороны союзников, в особенности Суворова, этот успех считался почти несомненным. Для того чтобы сделать этот успех по возможности блестящим и грандиозным, австрийский генеральный штаб уговорил старика Суворова принять такой план соединения войск, который одновременно явился бы охватывающим стратегическим наступлением на силы противника в Швейцарии и привел бы к полному поражению французского полководца.

Суворов в том виде, как представлялось положение в его главной квартире, располагал тремя путями в Швейцарию. Кратчайший путь вел через Белинцону, Сен Готард и по долине Рейсы. Обходный путь, длиннее примерно на 3 перехода, был тот путь, по которому прошел в обратном

направлении Бельгард, т. е. через Комо, Кьявену, Сплюген, Кур и Валенштедт. Наконец, Суворов мог пойти и третьим путем, самым левым, через Авреа, Аоста, Большой Сен Бернар и Мартиньи в кантон Фрейбург. Об этом пути нельзя сказать, что он ближе или дальше, ибо ведет он в совершенно другом направлении и совсем не на соединение с Готце и Римским-Корсаковым.

Итак, если бы Суворов захотел избрать этот последний путь, то в его намерение не могло бы входить стремление соединиться с вышеупомянутыми генералами и совместно с ними ударить на неприятеля. Этот путь был бы стратегическим обходом, а следовательно, операцией совсем другого типа, которая несомненно была бы очень хороша, если бы во главе 55 000 чел. австрийцев и русских стоял предприимчивый полководец, который использовал бы действие такого обхода для генерального сражения. При данных же обстоятельствах это было бы очень рискованной игрой. Поскольку вопрос об этой операции сам по себе очень интересен, мы еще вернемся к этому пути в конце данной главы, здесь же он слишком далеко завел бы нас в сторону от событий. В главной квартире Суворова в Асти говорили и об этом плане, но, повидимому, в полнейшем неведении относительно совершенно различной природы подобного предприятия, лишь как о простом пути следования, подобно тому как докладывают купцу о длине и характере дороги, которую ему предстоит избрать.

Из двух остальных путей первый путь, через Сен Готард, находился в руках французов и должен был быть сперва завоеван силой оружия; кроме того, по этому пути можно было брать с собой лишь маленькие двухфунтовые горные пушки; вся же остальная артиллерия, все парки и обозы должны быть направлены частью через Сплюген, а частью через долину реки Эч. В противовес этим двум недостаткам, австрийский генеральный штаб находил в нем следующие выгоды. Во-первых, этот путь был ближе. Во-вторых, с того момента, как Суворов подошел бы к Сен Готарду и атаковал бы этот пост, он по существу уже начал бы активные операции и привлек бы на себя часть неприятельских сил. Если же он избрал бы путь через Сплюген, то мог считаться на швейцарском театре военных действий лишь после того, как прибудет к Готце. Поскольку Суворов предполагал прибыть уже 19 сентября к подножию Сен Готарда, то к Готце он не смог бы подойти раньше 25-го, и разница во времени была бы и в самом деле очень заметна. В-третьих, направление на Сен Готард было направлением против правого фланга генерала Массены. Потому-то австрийский генеральный штаб и думал, что если марш будет предпринят именно в этом направлении и первое столкновение произойдет на Сен Готарде, то марш сможет оттуда быть продолжен в направлении на Альбис в тот момент, когда корпуса, стоящие против фронта французов, атакуют неприятеля, и таким образом, примет вид охватывающего наступления или, как принято выражаться, обхода. Так как обычно подобные наступления считаются наиболее действительными, то

преимущество в данном случае казалось очевидным; в остальных же случаях этого можно было достигнуть лишь путем отправки в обход особой колонны.

Сен Готардский же перевал не мог рассматриваться как непреодолимая позиция, а являлся только одной из сильных альпийских позиций, овладеть которой безусловно было возможно при наличии значительного перевеса сил. В результате, исходя из подобной точки зрения, отпадал первый из упомянутых выше недостатков, а второй перевешивался мнимыми выгодами от подобной операции. Поэтому было решено избрать путь через Сен Готард.

Как мы уже говорили раньше, Суворов получил приказ к выступлению уже 25 августа, задержался же до 11 сентября вследствие падения Тортоны. К тому времени он выработал свой план и разослал из Асти 5 сентября циркуляр на имя генералов, командовавших в Швейцарии, который следует рассматривать как общий приказ и который мы приводим полностью, ибо он является первой основой последующих решений.

ЦИРКУЛЯРНОЕ ПРЕДПИСАНИЕ СУВОРОВА

Фельдмаршал-лейтенантам Готце, Линкену и генерал-лейтенанту Римскому-Корсакову

Асти, 5 сентября (25 августа) 1799.

«Российские войска, состоявшие доселе при армии Итальянской, выступают 8 сентября (28 августа) из Пьемонта в Швейцарию; 17 (6) сентября надеюсь я достигнуть с ними до Айроло у подошв Сен Готарда, а 19-го (8-го) предпринять атаку на эту гору.

Так как предприятию сему должны содействовать императорско-королевские войска полковников Штрауха, принца Виктора Рогана и ф.-л.[1] графа Гаддика, то нужно, чтобы союзная армия обоих императорских дворов, находящаяся в Швейцарии, произвела в то же время стремительно и решительно общее нападение на всем протяжении неприятельской позиции. Особенно же левое крыло, состоящее под начальством ф.-л. Линкена, употребит все силы свои, а быть может, и получит еще подкрепления, дабы российский корпус ген. от кав. Дерфельдена, состоящий всего из 11 000 или 12 000 чел., мог успешно совершить переход через Сен Готард, спуститься по долинам верхней Рейсы и верховий Линты, атаковать неприятеля в тыл и, соединившись как можно скорее с левым крылом австрийских войск в Швейцарии, продолжать вместе наступление, так чтобы неприятель не мог устремиться на русский корпус, идущий из Италии, и нанести ему отдельное поражение.

Не имея обстоятельного сведения о расположении находящейся в Швейцарии союзной армии обоих императорских дворов и догадываясь только по некоторым случайным рассказам, что российские войска ген.-лейт. Римского-Корсакова занимают правый берег Лимата, между Цюри-

[1] Фельдмаршал-лейтенант, соответствующий русскому генералу-лейтенанту.— *Ред.*

хом и рекой Ааром, войска же императорско-королевские ф.-л. Готце — правый берег Линты, между озерами Цюрихским и Валенштедтским, и что, наконец, войска ф.-л. Линкена протянуты от Валенштедта через Майенфельд по долине Рейнской до Диссентиса, — я должен прежде всего ожидать соединения с ф.-л. Линкеном. Но где и как соединиться,— о том желал бы знать мнение его самого, как человека, знакомого с тем краем. Затем полагаю я российским войскам, прибывшим из Италии, наступать по правому и левому берегам Люцернского озера; императорско-королевским ф-л. Линкену и Готце — между озерами Цугским и Цюрихским, и наконец, по соединении всех войск, со включением российских ген.-лейт. Римского-Корсакова, занять общую позицию вдоль правых берегов нижней Рейсы и Аара: это единственный маневр, который, полагаю, обещает решительные последствия для будущих действий военных.

Из Белинцоны я немедленно извещу о прибытии туда российских войск; там же, если не прежде (т. е. на пути туда из Новары и через Варезе), ожидаю курьеров от ф.-л. Готце и Линкена, с известиями о силе и положении союзных российско-австрийских войск, о силе и распределении неприятельских. Также желал бы я, чтобы они сообщили мне свои сведения о местных затруднениях и способах края для военных действий и мнения о том, как именно удобнее будет исполнить предполагаемое общее содействие союзных войск, как находящихся уже в Швейцарии, так и вновь направленных туда. Тогда только буду я иметь возможность решить свой план атаки и назначить для того в точности день и час.

Суворов.

P. S. Для общего нападения считаю нужным напомнить о необходимой во всех случаях предосторожности держать по возможности все силы свои в совокупности, дабы бесполезным раздроблением их и добровольным ослаблением не сделать самую атаку безуспешной. Затем должно разузнавать вернее стоящего перед собой неприятеля и настоящую силу его. Мы должны о первых своих шагах подробно извещать друг друга через ежедневных курьеров.

Желал бы я также, чтобы все вообще войска в свободные дни, остающиеся до общей атаки, упражнялись чаще в действии холодным оружием, т. е. штыками и саблями в три линии; этому способу действия мы исключительно обязаны столь многими и притом малостоившими нам победами. Для обучения моему способу находящихся в Швейцарии австрийских войск ген.-лейт. Корсаков может назначить офицеров, сведущих в этом деле. О чем вместе с сим дано ему повеление.

Суворов».

Вслед за этим общим планом Суворова, идея которого дана австрийским генеральным штабом, но который был составлен или самим Суворовым или лицом из его ближайшего окружения[1], 10 сентября последо-

[1] Из австрийского генерального штаба к Суворову был назначен полковник Вейротер, известный как составитель неудачного плана сражения под Аустерлицем.— *Ред.*

вало, по словам эрцгерцога, несколько более точное продолжение, составленное в согласии с Готце и Римским-Корсаковым: «Суворов 21 сентября выступит из Белинцоны для атаки Сен Готарда. Полковник Штраух, наблюдающий за генералом Тюрро на дорогах в Италию, должен прикрыть это движение и проникнуть с австрийской бригадой из Диссентиса через гору Криспальт к Амштегу в долине Рейсы. 24-го Суворов рассчитывал овладеть перевалом и 25-го подойти к Альторфу, 26-го к Швицу и 27-го к Люцерну, откуда он хотел выслать отряд из долины Рейсы через Энгельберг на западный берег озера».

Готце получил задачу — после усиления 5 000 чел. из корпуса Римского-Корсакова продвинуться одновременно от Уцнаха на Эйнзидельн и поддержать это движение боковыми колоннами, которые должны направиться — одна от Фрума через Шванден, другая от Сарганса через Гларис и далее долиной Кленталь также на Эйнзидельн. Дальнейшее назначение Готце заключалось в том, чтобы ударить во фланг французской позиции на Альбисе. Тем временем Римский-Корсаков из Цюриха должен был штурмовать эту же позицию с фронта и соединиться с Готце. «Удачный исход этих распоряжений, — продолжает эрцгерцог, — позволил бы союзникам овладеть всем течением Рейсы и достигнуть соединенными силами реки Аара. Суворов не сомневался, что нападающему везде придется прокладывать себе путь через горы, но считал опасность этого пути не такой большой, потому что по достижении главного хребта в зависимости от обстоятельств ему представлялся свободный выбор свернуть в долину Линты или же, в самом неблагоприятном случае, в Граубюнден». К этой, приведенной эрцгерцогом в его истории швейцарской кампании, но не очень определенно изложенной диспозиции, мы должны, в целях более точного установления фактов, добавить еще нижеследующее из русской реляции. Фланговые колонны, о которых говорит эрцгерцог, состояли из войск генералов Елачича и Линкена. Елачич должен был выступить из района Сарганса и Валенштедта на Нецталь и Нефельс в долине Линты, овладеть переправами через Линту, а затем уже наступать на Эйнзидельн. Генерал же Линкен должен был продвигаться из района Кура и Иланца в верхнюю долину Линты и до самого Гларуса, а оттуда через Кленталь и Брагель итти на Муттен, где он должен был соединиться с Суворовым.

26 сентября, т. е. в тот день, когда Суворов предполагал прибыть в Швиц, Римский-Корсаков и Готце должны были атаковать французов, первый на реке Лимате, а второй на реке Линте, генералы же Елачич и Линкен — достигнуть районов Эйнзидельна и Муттена. В самую последнюю минуту, а именно 24-го, Готце и Римский-Корсаков еще договорились в Цюрихе, что главная атака будет произведена Готце, атака же Римского-Корсакова будет главным образом носить форму демонстрации. Это соглашение было несомненно следствием предписанного Суворовым усиления Готце на 5 000 чел., которые должны были выступить от Римского-Корсакова к Готце. Можно себе представить, как неохотно

первый согласился на это; повидимому, он тянул с этим до самой последней минуты, уступив лишь личным настояниям Готце, который в конце концов 24-го сам прибыл в Цюрих. Он, очевидно, сделал это, лишь предупредив категорически, что в противном случае не сможет ничего предпринять, кроме демонстрации. В этом отношении никоим образом нельзя считать неправым русского генерала.

Мы не хотели прерывать внешнюю связь этого плана с примыкающими к нему рассуждениями одним замечанием, которое его разрушает вконец и которое, к нашему удивлению, повидимому, не пришло на ум людям в главной квартире Суворова и о котором не упоминает ни один историк, а именно: при данных обстоятельствах для Суворова, т. е. для 24 000 чел., не было дороги от Сен Готарда до Швица, ибо Сен Готардское шоссе оканчивается у Альторфа, а дорога оттуда в Швиц возможна лишь водой через Люцернское озеро или же по двум-трем пастушьим или охотничьим тропам через Шахенскую и Муттенскую долины. Во всяком случае, невозможно поверить, чтобы у Флюелена неприятель держал в готовности небольшой флот для того, чтобы принять и перевезти русскую армию. Скорее надо было исходить из того, что там не будет найдено никаких перевозочных средств. Столь же мало могли люди в Асти решиться на то, чтобы указать русской армии путь по тем пешеходным тропам, по которым впоследствии ей пришлось с отчаяния направиться.

Нам кажется, что это наше замечание должно было окончательно прекратить всякие рассуждения о возможности и пользе похода через Сен Готард, подобно тому как окончательно преграждает этот путь Люцернское озеро. Больше, чем какой-либо другой факт военной истории, вызывает наше удивление то обстоятельство, что, во-первых, никто заранее не знал об отсутствии дороги вдоль Люцернского озера и генеральному штабу Суворова [1] для такого заключения надо было уткнуться носом в это озеро, и во-вторых, что все историки упоминают об этом обстоятельстве всегда лишь в тот момент, когда доводят свой рассказ до Люцернского озера и, значит, сами, так сказать, принимают участие в этой ошибке. Если будут клясться, что это была лишь простая рассеянность, то нам следует припомнить слова Вольтера, сказанные им одному советнику парламента, когда тот оправдывал осуждение на смертную казнь Дамьена, признанного невменяемым, тем, что «*и самая лучшая лошадь может споткнуться*». *На это Вольтер ответил: «Да, но не целая конюшня лошадей».*

Поскольку этот план осуществился лишь в самой ничтожной своей части, мы отложим все пояснения, в которых он нуждается, и соображения, которые он вызывает, до конца данной главы.

---

[1] Суворов не знал Швейцарии, и упреки Клаузевица следует всецело отнести к офицерам австрийского генерального штаба, командированным в штаб Суворова, который мог им доверять, потому что австрийские войска давно уже воевали в тех местах, где пришлось действовать русским. — *Ред.*

Изложив подробно все эти общие диспозиции, мы показали намерения Суворова и задачи, поставленные им генералам в Швейцарии, а значит, также и обстановку, в которой они действовали; теперь обратимся к самим событиям, и притом сначала к тем, которые имели место на правом фланге союзников, ибо прорыв Суворова, хоть он и начался на один день раньше, с течением времени все же значительно заслоняет собой эти события и может быть хорошо усвоен лишь после того, как мы хорошо с ними ознакомимся.

План наступления генерала Массены

(Схема 2)

Как мы уже видели в предыдущей главе, генерал Массена брал, так сказать, разбег для наступательной операции, ибо он уже попытался произвести одну такую операцию еще до того, как эрцгерцог выступил из Швейцарии. Благодаря случайному стечению обстоятельств наступление тогда не удалось, и потому можно было думать, что французский полководец, прежде чем начать намечаемое наступление, выждет теперь столько времени, сколько потребуется, чтобы достаточно удалиться со своей армией. Однако этого не случилось. Массена занялся приготовлениями к этому наступлению и назначил его на 26 сентября, так как раньше он не успел бы подготовиться. Когда позднее стало известно, что Суворов уже находится на пути к Сен Готарду, а баварцы и эмигранты тоже могут подоспеть к концу месяца, Массену охватывает тревога, как бы не опоздать со своим наступлением. Однако он смог его ускорить только лишь на один день и назначил его на 25 сентября. Повидимому, как установление этого дня, так и разработка самого наступления относятся к 20 сентября.

Приходится считать, что Массене, столь долго промедлившему со своей операцией, изрядно-таки повезло, так как можно принять, что Суворов отлично мог выступить из Асти на несколько дней раньше, что Массена не мог быть столь точно осведомлен об этом выступлении и что, не остановись Суворов у подножия Альп, он легко мог уже 25 сентября разбить Лекурба и соединиться с Готце. Очевидно, причиной тому были весьма серьезные препятствия, иначе нам пришлось бы зачесть эту задержку в число ошибок Массены. Повидимому, однако, эти препятствия заключались лишь в незаконченных приготовлениях к наводке мостов. Несмотря на то, что мы можем почерпнуть из труда Дедона обстоятельные данные об этой наводке мостов, мы все-таки затрудняемся объяснить, почему задержка была вызвана именно этим, поскольку Дедон совершенно ясно утверждает, что после неудавшейся 31 августа попытки было немедленно приступлено к подготовке новой. Точно так же в главной армии все было готово уже 20-го, и только один Сульт не был готов. Возможно, что Сульт попусту потратил время.

План генерала Массены заключался в том, чтобы атаковать своими главными силами генерала Римского-Корсакова, дивизии же Сульта и

бригаде Молитора из дивизии Лекурба — атаковать австрийцев в долине Линты. Первая атака должна была быть главным ударом и решить исход сражения, вторая же преследовала больше цель удерживать австрийские силы и препятствовать им поспешить на помощь русским. Оба удара должны были быть нанесены в один и тот же день.

Войска, которые Массена собирался бросить против Римского-Корсакова, состояли из 4 дивизий — Мортье, Лоржа, Менара и Клейна, составлявших вместе 37 000 чел. Силы Римского-Корсакова надо было предположить в количестве 30 000 чел., так как в то время французы еще ничего не могли знать об отсылке им последних 5 000 чел.

Сульт и Молитор имели вместе 13 000 чел., Массена же был в праве ожидать, что австрийские войска на Линте будут насчитывать от 15 000 до 20 000 чел., или же австрийцы постепенно введут там в бой примерно такое количество войск даже в том случае, если бы Массена слыхал или предположил, что они направляют значительный отряд вверх по долине Переднего Рейна для облегчения прорыва Суворова. Итак, Массена никоим образом не мог рассчитывать на численный перевес на своем правом фланге, что, впрочем, и не казалось очень нужным для поставленной им себе цели.

Если бы Римский-Корсаков действительно стоял со всеми своими 30 000 чел. за рекой Лимат, то численный перевес в 7 000 чел. у французского главнокомандующего не был бы настолько велик, чтобы успех его операции казался ему обеспеченным. Позиция вдоль реки Лимат на правом берегу, пожалуй, не намного слабее, чем на левом, и эрцгерцог в свое время не решился на форсирование этой реки, имея значительно более численное превосходство по сравнению с Массеной. Итак, если бы предположить, что с точки зрения «военной виртуозности», т. е. уменья и ловкости маневрирования, обе армии были равноценны, то успех переправы мог показаться очень сомнительным. Однако мы, увы, вынуждены признать, что русские и их начальник не вполне подходили для такой роли и что против этих войск Массена мог, с некоторой вероятностью успеха, сделать попытку переправы, даже если бы они, подобно эрцгерцогу, оставались за рекой.

Но русский полководец сам облегчил французскому разрешение последней задачи,— он расположил свои главные силы перед Цюрихом и оставил на линии реки только 8 000 чел. Благодаря этому успех предприятия Массены не только становился более вероятным, но почти неминуемым, ибо ясно, что 8 000 чел. не были бы в состоянии удержать линию реки. Если же будут утверждать, что Римский-Корсаков мог со своими главными силами перейти в наступление, разбить те соединения, которые французы оставили против него, и таким образом, вскоре принудить к отступлению тот корпус, который уже переправился через реку, или даже вовсе отрезать его, то на это можно ответить, что французы, несмотря на переправу значительных сил через реку, все же могли оставить против Римского-Корсакова не менее слабый отряд, чем силы по-

следнего. Поэтому нет никаких оснований предполагать, что такой отряд, расположенный на очень сильной для обороны местности, был бы разбит Римским-Корсаковым.

Несомненно, Римский-Корсаков, в общем, считал, что подобной переправой через реку французы разделят свои силы и что было бы целесообразно эти разделенные рекой отряды разбить сосредоточенными силами. Однако он при этом забывал, что и ему тоже придется разделить свои войска, что французы сильнее и что местность на левом берегу Лимата очень затрудняла наступление.

Надлежит рассмотреть еще один пункт большой важности.

Каждый раз, когда приходится ответить атакой на атаку в противоположном пункте и, таким образом, в случае удачи обеих сторон происходит изменение фронта, на первый план всплывает вопрос о путях отступления. В таком случае только тот противник, который превосходит другого в отношении безопасности этих линий, может одолеть другого, если только победа не обеспечена уже в значительной степени еще какими-либо другими обстоятельствами. Если бы Римский-Корсаков действительно разбил французский левый фланг и пробился до моста, он отрезал бы отступление лишь тому отряду, который переправился. Но, впрочем, и этот последний смог бы найти себе переправу в каком-либо другом пункте, дальше вниз по течению реки, поскольку правый берег был бы тогда уже русскими очищен, а французам благодаря этому было бы легко приступить к постройке и второго моста. Наоборот, в случае победы французского левого фланга, т. е. если бы этот последний прорвался до самого Цюриха, он совершенно отрезал бы путь отступления русским главным силам, т. е. эти силы не смогли бы уже возвратить себе этот путь простым отходом, а им пришлось бы пробиваться. Но как трудно было бы пробиваться из Цюриха вдоль дороги на Шафгаузен, после того как противник уже овладел бы высотами, замыкающими Цюрих с этой стороны, показывает один только взгляд на карту; этому же учит и вся история событий 25 сентября.

Итак, мы убеждены, что обстановка была совершенно не подходящей для наступательных действий русской армии, и потому расположение русских главных сил впереди Цюриха представляется нам громадной ошибкой.

Так выходит, если совсем не принимать в расчет выделение 5 000 чел. и считать, что Римский-Корсаков мог бы перейти в наступление силами от 16 000 до 18 000 чел. Если же исключить еще и эти 5 000 чел. и оставить ему всего лишь 11 000—13 000 чел., то мы, пожалуй, не проявим излишней смелости, считая, что несомненный успех французского наступления обусловливался только расстановкой Римским-Корсаковым своих сил.

После этого анализа ближайшей обстановки, в которой развернулось второе сражение под Цюрихом, приступим к описанию самого сражения.

Второе сражение под Цюрихом

Массена предназначил дивизию Лоржа и половину дивизии Менара, всего 15 000 чел., для того, чтобы перейти через реку Лимат в районе Дитикона, в 1½ милях от Цюриха, разбить все русские войска, которые окажут сопротивление на правом берегу Лимата, и проникнуть до самых подступов к Цюриху. Другая половина дивизии Менара должна была демонстрировать в районе Брука и построить там летучий мост. Дивизии Клейна и Мортье силой в 18 000 чел. должны были быть использованы против главных сил Римского-Корсакова, стоявших перед Цюрихом, для того чтобы отразить атаку этих сил, если они перейдут в наступление, или самим нанести им удар.

Массена избрал пункт у Дитикона по следующим соображениям:

1. Лимат образует там вогнутую на юг дугу, которая, по общеизвестным тактическим основаниям, всегда наиболее благоприятна для переправы.

2. Именно благодаря этой вогнутой дуге река подходит там к самому подножию горного хребта южного берега, чем облегчается переправляющимся укрытый подход к переправе, что очень важно, если река имеет ширину всего лишь в 150 шагов.

3. В этом месте как раз выступает из гор проезжая дорога от Урдорфа.

4. Течение реки было тут не так стремительно и дно удобно для бросания якорей.

5. На том месте, где должен был быть наведен мост, южный берег был очень высок, а северный очень отлог, и потому южный берег сильно господствовал над правым.

Однако именно эти великолепные преимущества района Дитикона заставили русских расположить там генерала Маркова с 3 батальонами, т. е. около 1 600—1 800 чел. Они находились лишь в 2 000 шагов от места переправы и расположили свои аванпосты у самой реки. Это очень большое неудобство увеличивалось еще и тем, что в дуге, образуемой Лиматом, примерно в 800 шагах севернее места переправы, находится покрытая лесом подошва обособленного отрога высокого горного кряжа, который (если можно верить карте эрцгерцога Карла) очень круто спускается в долину реки. Таким образом, примерно в 800 шагах от моста находилась очень сильная позиция, которую атакующему необходимо было преодолеть. Наконец, и весь северный берег на месте переправы был покрыт лесом, что составляло бы преимущество для переправляющихся, если бы только неприятель им уже не владел. При данных же обстоятельствах лес этот должен был считаться для французов невыгодным, так как расположенных в нем стрелков нельзя было бы так легко прогнать артиллерийским огнем.

Если, несмотря на эти недостатки, сильно понижающие выгоды данного пункта, генерал Массена все же выбрал именно его, то это вернее

всего доказывает, что в нескольких милях поблизости от Цюриха имелось очень мало мест, пригодных для переправы. Удаляться же дальше чем на 2 мили вниз по Лимату Массена не мог, иначе его операция приняла бы совсем другой характер. Для того чтобы это понять, стоит только взглянуть на карту эрцгерцога, хотя о подобного рода вещах безусловно нельзя судить только на основании одной карты.

Средства для переправы были у французов довольно многочисленны и хорошо подготовлены, так как они готовились уже в течение 3 недель. Они устроили в Бруке склад барок различных типов. Самые большие из них были в состоянии принять по 2 000 чел. каждая, однако они были слишком громоздки для подвоза их на подводах и потому были использованы для ложной атаки на реке Аар и для позднейшей постройки там же летучего моста. Из более мелких пловучих средств, поддававшихся перевозке на подводах, французы собрали 12 лодок с Цюрихского озера и 10 малых деревянных понтонов, принадлежавших ранее цюрихским понтонерам. К этому они присоединили еще 15 паромов с других швейцарских озер и, таким образом, собрали 37 лодок и барж только для переправы войск. Эти пловучие средства могли принять сразу 900 чел. Самый мост должен был быть построен на 16 понтонах, которые до этого времени образовывали мост через Рейсу у Ротеншвиля за горой Альбис.

Главное затруднение заключалось несомненно в том, чтобы доставить все эти перевозочные и понтонные средства сухим путем в Дитикон. Понтонный мост мог быть доведен водой из Ротеншвиля вниз по реке Рейсе по крайней мере до Бремгартена. Но подвезти упомянутые 37 лодок из Брука вверх по Рейсе до Бремгартена, повидимому, оказалось невозможным. Их пришлось подвезти туда сухим путем, правда, по довольно хорошей дороге. Перевозка этих 53 понтонов и лодок от Бремгартена до Дитикона производилась на протяжении целой мили через высокий горный отрог по плохой дороге в ущелье, что было очень трудной задачей, так как у французов нехватало подходящих подвод. В таких условиях, разумеется, нельзя было и думать о выполнении этой перевозки в одну ночь, чтобы под ее покровом пробраться незамеченными к реке, как обычно бывает при переправах.

Дело заключалось, таким образом, в том, чтобы постепенно переправить эти пловучие средства через горы, и притом незаметным для неприятеля образом. Это было выполнено следующим образом: подводы сперва доводились до того места дороги, которое не было еще видно неприятелю, а оттуда уже ночью до Дитикона, где лодки выгружались и прятались за прикрывавшими их изгородями. Большинство лодок пришлось здесь ремонтировать, так как при перевозке они обычно получали сильные повреждения. Все 37 предназначенных для переправы пловучих средств были, таким образом, приведены в готовность у Дитикона, за 24 часа до момента, предназначенного для переправы,— другими словами, вечером 23 сентября. После этого мост у Ротеншвиля, который

хотели оставить на месте как можно дольше, чтобы не вызывать каких-либо подозрений, был разобран и в течение этих 24 часов доставлен через Бремгартен и Дитикон при помощи собственного понтонного обозного парка. В конце этих приготовлений, длившихся несколько недель, были произведены некоторые демонстративные попытки построить мост у Брука, для того чтобы отвлечь туда внимание неприятеля.

Теперь средства для переправы были сосредоточены уже примерно в 1 500 шагов от того места, где должна была произойти наводка моста и посадка войск на суда. Так как Лимат имеет ширину лишь от 110 до 120 шагов, а противоположный берег его был занят неприятельской пехотой, то подача всего этого имущества к самому берегу не могла быть произведена обычным способом, а именно путем лошадиной тяги, ибо действительный неприятельский огонь привел бы вскоре в величайшее смятение то значительное количество неповоротливых подвод, которое должно было подъезжать на таком тесном пространстве, разгружаться и поворачивать обратно. Командир бригады Дедон предложил поэтому, чтобы лодки для переправы и относящееся к ним имущество были доставлены на предназначенные для них пункты на руках примерно 1 000 рабочих, взятых заимообразно у пехоты. Понтоны же на своих понтонных повозках оставались бы в Дитиконе до тех пор, пока авангард не утвердится на противоположном берегу. Эта мера увенчалась полным успехом: все перевозочные средства оказались в полном порядке на берегу реки, а понтонеры выстроились за ними так скрытно, что русские ничего не заметили.

Тем самым были закончены все приготовления, и наводка мостов была начата так образцово, как, пожалуй, редко встречается в других подобных случаях, хотя так и должно быть при форсировании переправы на глазах у 3 батальонов противника.

Генерал Марков расположился лагерем за лесом, покрывающим склоны горного отрога, тянущегося вдоль реки, т. е. он находился в нескольких тысячах шагов от самого отдаленного пункта реки. Лес, примыкавший к самому берегу, был занят пехотными дозорами, которые следует рассматривать как простые аванпосты и потому считать их очень слабыми. Так как, по рассказу Дедона, вся река наблюдалась часовыми, то генералу Маркову пришлось, повидимому, выделить еще и другие отряды, так что в его 3 батальонах, вероятно, осталось не более 1 500 чел. У него было с собой 7 орудий.

Из этих мероприятий следует, что французы по прошествии получаса с момента посадки на суда своего авангарда должны были считаться с атакой 1 500 чел. В том же случае, если бы Марков придерживался оборонительной тактики, французам пришлось бы выбивать эти силы из довольно мощной, но, повидимому, совершенно не усиленной искусственными средствами позиции.

Генерал Массена собрал предназначенные для переправы дивизию Лоржа и бригаду Кетара из дивизии Менара, силой в 15 000 чел., ночью

перед местом переправы, куда прибыл и сам. Артиллерия дивизии Лоржа была так расставлена на берегах, что охватывала все окаймляемое рекой пространство, хорда которого равнялась примерно 4 000 шагов, и держала его под обстрелом перекрестным огнем.

В 4 ч. 45 м. 25 сентября, чуть только появились первые проблески дневного света, был дан сигнал спустить лодки на воду, что было произведено очень быстро, но немедленно навлекло на себя огонь неприятельских часовых. Авангард, под командованием генерала Газана, был посажен в лодки. Во время этой погрузки французская артиллерия открыла жесточайший огонь по неприятельскому берегу, и этот огонь, повидимому, прогнал стоявшую вдоль него неприятельскую пехоту. Из числа погрузившихся в первую очередь треть переправилась на остров, находившийся вниз по течению от места наводки и занятый русскими, а другие две трети, около 600 чел., переправились прямо на противоположный берег, которого они достигли через 3 минуты. При первом же шуме русская батарея направила свой огонь в район переправы, однако огонь этот был столь мало действителен, что не было повреждено ни одно из средств переправы и ни один человек не утонул.

Первая выгруженная партия французов не встретила сопротивления на самом берегу и с барабанным боем двинулась вперед. После этого французский огонь с левого берега умолк, и была лишь ускорена переправа следующих партий войск. После того как несколько первых партий переправились на тот берег, французы сочли успех достаточно обеспеченным для того, чтобы приступить к наводке мостов. Понтонный парк, дожидавшийся у Дитикона, подошел на рысях, и в 5 час. началась наводка моста.

Русские отошли от берега в сосновый лес, и Марков со своими 3 батальонами занял позицию в этом лесу. Французский авангард пошел в атаку на эту позицию; возник ожесточенный ружейный и артиллерийский огонь.

В течение этого на первых порах безуспешного боя французы переправляли все новые и новые партии войск. Так как для каждой переправы, включая посадку и высадку, им требовалось около 10 минут, то в 1 час они перебросили 6 000 чел., и этих сил было уже достаточно, чтобы обойти генерала Маркова, разбить его, несмотря на стойкое сопротивление, которое он оказал в последний момент, образовав карре; французы захватили в плен артиллерию и, как кажется, даже большую часть его пехоты; сам Марков, будучи ранен, тоже попал в их руки.

В половине седьмого, т. е. через полтора часа, мост был готов, а к этому времени, используя лишь перевозки на лодках, уже 8 000 чел. находились на правом берегу. За ними последовали остальные 7 000, и к 9 час. утра весь корпус развернулся в боевом порядке на правом берегу у Клостер Фар. Генерал Массена, присутствовавший при переправе, поручил руководство этим корпусом своему начальнику штаба генералу Удино, а сам лично поспешил к Альтштетену и Зильфельду.

В то время как таким путем между 5 и 9 час. утра у Дитикона переправилось 15 000 чел. и был уничтожен отряд Маркова, генерал Менар с другой бригадой своей дивизии вверх и вниз по течению от впадения реки Лимат в Аар производил демонстрацию переправы и настолько ввел этим в заблуждение генерала Дурасова, что этот последний выступил со своими главными силами к Фрейденау — месту этих демонстраций. Генералу Менару удалось даже вверх по течению от слияния обеих рек перебросить маленький отряд через реку Лимат и тем самым обеспечить за собой правый берег, после чего перетащить из реки Аар собранный им там летучий мост вверх по Лимату и навести его у Фогельзанта. По этому мосту он смог на следующий день переправить свои войска через реку. Таким образом, Менар не только воспрепятствовал Дурасову поспешить на помощь Маркову, от которого тот, впрочем, находился на расстоянии 2—3 часов хода, но, как мы увидим из дальнейшего хода его передвижений, и нейтрализовать его самого с 6 000 чел. на все 25 сентября.

Несколько часов спустя после того, как были начаты переправы у Дитикона и демонстрация у Брука, а именно около 7 час. утра, Мортье атаковал главные силы русских у реки Зиль.

Римский-Корсаков со своим главным корпусом, который мы выше исчислили в 13 000 чел., занял главную позицию впереди реки Зиль и прилегающего к ней пригорода Святого Якова, так что этот пригород оставался в его ближайшем тылу. Но одновременно с этим он выслал один отряд силой примерно в 5 000 чел. под командой князя Горчакова для занятия района Воллисгофена, между рекой Зиль и Цюрихским озером. Причины того, что он выдвинул свой левый фланг на 3 000 шагов вперед от своей главной позиции, вызывались, очевидно, либо местными условиями, либо стремлением обеспечить для предполагаемого наступления очень обширный плацдарм.

Мортье переправил свою правофланговую бригаду под командой генерала Друэ через реку Зиль, чтобы атаковать русских у Воллисгофена, в то время как левофланговая бригада пошла в атаку на Видикон.

Генерал Друэ отбросил стоявшие у Воллисгофена русские аванпосты, но затем сам был атакован всеми силами князя Горчакова, отброшен через реку Зиль и преследуем до самого Ютли.

Точно так же и наступавшая против Видикона бригада была встречена превосходящими силами, и Мортье приходилось держаться с трудом только для того, чтобы не быть совсем выбитым с поля сражения.

Немедленно после начала сражения у Клостер Фар Римский-Корсаков отправился в район Гёнг. Однако он принял эту переправу французов за простую демонстрацию, к чему его, вероятно, склонили два факта: во-первых, только что начавшийся бой у Воллисгофена, который в тот момент был, повидимому, слышен, как очень оживленный, а затем молчание у Фара, после того как уже к 6 час. утра генерал Марков был разбит и взят в плен. Сделав столь поспешный вывод, недостойный

опытного генерала, Римский-Корсаков распорядился выставить незначительный отряд у Гёнга и спешно вернулся к Зильфельду, где, как он полагал, наносился главный удар.

Таким образом, если мы себе представим 10-й час утра 25 сентября, то мы застанем дивизию Мортье, начинающую отступать, Горчакова после мнимой победы, карабкающегося на склоны Ютли, дивизию Клейна позади Альтштетена; к ней только что прибыл сам Массена. У Клостер Фар мы видим Удино, собирающегося перейти в дальнейшее наступление, в то время как Дурасов только что прибыл в Фрейденау.

Возобновим теперь нить рассказа о Клостер Фар.

Натиск французов шел эксцентрически по четырем радиусам полукруга. Удино с главными силами, состоявшими из бригады Газана и части бригады Бонтана, силой около 8 000 чел., шел вверх по Лимату на Гёнг, для того чтобы атаковать и разбить те войска, которые Римский-Корсаков противопоставит ему из Цюриха. Генерал Бонтан с другой частью своей бригады и частью бригады Кетара, всего приблизительно 4 000 чел., направился двумя колоннами на Регенсдорф и повернул к западу на Деликон. Он имел директиву воспрепятствовать соединению генерала Дурасова с Римским-Корсаковым. Два батальона бригады Кетара, т. е. около 1 500 чел., пошли на Отвиль вниз по Лимату, тоже для того, чтобы воспрепятствовать натиску Дурасова. Наконец, у моста оставалось в резерве еще кое-что из бригады Кетара.

Поскольку эти отряды нигде не встретили сколько-нибудь значительных скоплений неприятельских войск, они без всяких дальнейших происшествий достигли мест своего назначения. Те немногие войска, которые Удино застал на горе у Гёнга, были быстро прогнаны, и он без серьезного боя овладел высотой Винкиген.

В то время как левый фланг вел это наступление, Массена бросил дивизию Клейна, отчасти для поддержки левого фланга Мортье, а отчасти для непосредственного удара по правому флангу русского главного корпуса. Этот фланг, еще больше ослабленный своим несвоевременным натиском на гору Ютли и уже не способный к упорному сопротивлению, оказался вынужденным отступить за реку Зиль, и Римскому-Корсакову пришлось подтянуть обратно к себе отряд Горчакова. Этим самым бой на левом берегу Лимата, собственно говоря, как будто заканчивается. Обе стороны дозольствуются здесь орудийным обстрелом друг друга, но в то же время направляют часть своих войск на противоположный берег.

Удино распорядился спешно вырыть несколько окопов на горе Винкиген, занял их частью своих войск, а с остальными войсками пошел около 3 час. дня в атаку на Цюрихскую гору, причем он снова разделился на две части и послал генерала Газана в Швамендингтен на Винтертурском шоссе, повидимому, для того чтобы задержать подкрепления, которые могли бы подойти из русского резерва, стоявшего раньше в том районе.

После отступления русских войск за реку Зиль Массена отправил для подкрепления Удино часть своей резервной дивизии через Клостер Фар.

Римский-Корсаков понял, наконец, свою невероятную оплошность и направил некоторое количество войск из главного корпуса через Цюрих к Цюрихской горе. Однако проход через город по узким улицам, забитым артиллерией, ранеными, всякого рода обозами, был так труден, что отходившие войска выходили на ту сторону города по частям, словно вода по каплям сквозь фильтр. Поэтому русским не удалось сосредоточить на Цюрихской горе достаточно сил, чтобы удержать ее против напора Удино. Таким образом, французы овладели и Цюрихской горой, а с нею и высотами, тесно охватывающими город с северо-западной стороны. Французы уже спускались с них к самому Шлесли и к деревне Флунтерн.

В это время, т. е. около 6 час. вечера, Римский-Корсаков, повидимому, оттянул к Цюриху все свои войска с позиции на реке Зиль и был занят мыслью — как снова очистить себе на правом берегу Лимата плацдарм, для того чтобы разбить французский корпус или, по крайней мере, открыть себе путь отступления. Это было ему значительно облегчено тем, что вечером вернулись 4 батальона русских войск из числа посланных к Готце, а также подошел посланный Готце в помощь Римскому-Корсакову швейцарский легион Бахмана.

Эта масса войск, которую можно оценить в количестве от 4 000 до 5 000 чел., была немедленно использована для обратного завоевания Цюрихской горы. Французы, повидимому, несерьезно обороняли этот пункт. Сам Массена в своем донесении говорит, что он не решился занять его крупными силами. На самом деле, повидимому, там не было нанесено слишком сильного удара. Но если отступление оттуда и было добровольным, то причиной тому несомненно явилось прибытие свежих 4 000—5 000 чел. Отвод Удино своего левого крыла можно считать вполне понятным, если подумать, что Удино, после того как он отправил Газана на Швамендинген, сам, вероятно, не имел больше 5 000—6 000 чел., а те 2 000, которые послал на помощь ему Массена из резерва, пожалуй, даже еще не прибыли, и кроме того, он подставлял левый фланг прибывающим русским.

С момента боя у Клостер Фар на правом берегу Лимата, в сущности, нигде не происходило сильных боев, потому что французы нигде не столкнулись с противником в соответствующих силах, а после прибытия возвращавшихся с реки Линты войск они уже настолько ослабили себя беспрестанным дроблением сил, что отступали без боя. Однако перестрелка не утихала до поздней ночи, как это обыкновенно всегда бывает в горах, т. е. до тех пор, пока одна из сторон совсем не очистила поля сражения. Поэтому перестрелка на одном берегу Лимата и канонада на другом до поздней ночи создавали впечатление, будто происходит одно

из наиболее кровопролитных и продолжительных сражений военной истории. На самом же деле оно таким не было.

Ни один отчет не приводит более подробно расположение обеих сторон к ночи. Мы знаем только, что генерал Газан удержал за собой свои позиции в Швамендингене по дороге к Винтертуру, повидимому, только потому, что там не появился ни один русский. Мы должны поэтому считаться с наличием французов в направлении от Швамендингена на Винкиген, но в то же время остается неясным, владели ли они также и Гейсбергом.

Массена, считавший, повидимому, что русские уже отступают, для того чтобы ускорить это отступление или же чтобы более точно разузнать о противнике, отправил поздно вечером парламентера в Цюрих с предложением крепости сдаться. Конечно, русские не дали никакого ответа, а парламентера задержали.

Ночью прибыл к Цюриху и Дурасов. После того как он убедился в своей ошибке, он оставил в районе Фрейденау 1 батальон и немного кавалерии для наблюдения за передвижениями Менара, а сам выступил через горный хребет, тянущийся вдоль правого берега Лимата к Цюриху. Достигнув района Адликона, он наткнулся на генерала Бонтана, который, как кажется, объединил обе свои колонны. Дурасов, который был все же не менее силен, чем французский генерал, не счел, однако, целесообразным прокладывать себе здесь путь к Римскому-Корсакову силой оружия, а предпочел присоединиться к нему обходным путем, повидимому, через Зеебах и Дюбендорф, и прибыл к Римскому-Корсакову, как мы уже сказали, ночью.

Точно так же вернулись ночью к Римскому-Корсакову еще 2 русских батальона из числа откомандированных к Готце.

С другой стороны, угадав, очевидно, направление марша Дурасова. Бонтан также присоединился к Удино и построился на левом фланге Лоржа.

Итак, утром 26 сентября мы застаем французов на обоих берегах Лимата, разделенных Цюрихом, причем на каждом берегу реки находилось приблизительно одинаковое количество людей. Удино переправился с 15 000 чел. Он получил подкрепление из резерва, предположим в 3 000 чел.; вычтем из этого отряды, командированные для наблюдения к мосту и к различным дорогам, а также потери 25-го, всего 4 000 чел.; у него останется 14 000, которые и находились на позиции между Швамендингеном и Винкигеном. На левом берегу реки Лимат Мортье и Клейн насчитывали спера 18 000 чел.; отнимем 3 000 чел., присоединившихся к Удино, и 1 000 чел. на потери в бою, получим тоже 14 000 чел., находившихся перед валами Малого Цюриха. При какой части своей армии находился сам Массена, точно сказать не можем, так как об этом не говорится ни в одном донесении и ни в одном изложении событий. Вероятнее всего, весь день 25-го он провел на левом берегу, а весь день 26-го — на правом берегу реки Лимат.

Труднее нам будет столь же правдоподобно установить что-нибудь определенное о силах и распределении русских. В основном Римский-Корсаков сосредоточил у себя почти весь свой корпус, который мы к этому моменту исчисляли в 28 000 бойцов.

Мы не знаем никаких иных откомандирований, кроме того отряда, который Дурасов оставил на реке Аар, и тех 3 батальонов, которые под командованием генерала Титова остались еще у Готце. Примем оба отряда в 3 000 чел., отсчитаем 2 000 чел. для охраны рейнских мостов, прибавим к этому 3 000 казаков, которых в подобный день нельзя было принять в расчет, и 3 000 чел. на потери на 25-е. Это составляет 11 000 чел.; вычтя это число из 28 000 чел., мы получим 17 000 чел., составлявших русские силы; к ним в дальнейшем присоединились еще 1 000—2 000 швейцарцев. Поэтому мы можем оценивать силы, которыми располагал Римский-Корсаков, не менее как в 20 000 чел.

О том, как они были распределены, мы можем сделать кое-какие выводы только из слов эрцгерцога, сообщившего, что утром 26-го Римский-Корсаков имел будто бы под рукой 16 батальонов. Несомненно, эрцгерцог имеет в виду те войска, которые находились вне Цюриха против Удино [1]. Если мы эти 16 батальонов исчислим в 8 000 чел., а кавалерию, которая почти целиком должна была тут находиться, — лишь в 5 000 чел., то для части корпуса, стоявшей на северной стороне Цюриха, мы получим 13 000 чел. Таким образом, в самом Цюрихе должно было бы оставаться еще 6 000—7 000 чел.

Римский-Корсаков опасался с утра 26-го начать окончательное отступление, и, как нам кажется, не без оснований. 26-го Суворов собирался прибыть в Швиц. Готце, вместо того чтобы в этот день находиться в Эйнзидельне, был 25-го разбит, и его корпус был в полном отступлении. 26-го утром это уже не могло оставаться неизвестным Римскому-Корсакову. Его главнокомандующий, Суворов, попал вследствие этого в опасное положение, и оно должно было еще ухудшиться, если бы Римский-Корсаков начал без всяких колебаний отступление на Рейн, либо оставался в полном бездействии на месте 26 сентября, потому что тогда Массена мог с большей частью своих сил обратиться против Суворова. Суворов, оставленный со всех сторон на произвол судьбы и попавший в опаснейшее положение вследствие сосредоточения против него превосходных сил противника, возложил бы на Римского-Корсакова большую ответственность, если бы тот ровно ничего не предпринял 26 сентября. В результате Римский-Корсаков решил 26-го атаковать неприятеля, находившегося на правом берегу реки Лимат. Он надеялся опрокинуть его и тем самым утвердиться на своих позициях вокруг Цюриха, по крайней мере настолько, насколько потребуется для того, чтобы Суворов мог пробиться.

[1] Мы рассматриваем генерала Удино как главнокомандующего на правом берегу Лимата только по свидетельству Жомини, поскольку мы точно не знаем, был ли там Массена.

С этими намерениями Римский-Корсаков 26-го на рассвете атаковал французов на правом берегу Лимата. О ходе этого сражения мы не знаем ничего, кроме того, что русские наступали двумя эшелонами и что они направляли свой главный удар, а также добились своего главного успеха на правом фланге. Они, повидимому, действительно несколько оттеснили французов и тем самым очистили дорогу на Винтертур и Эглизау. Этому успеху благоприятствовало то, что Удино, действуя, очевидно, по указаниям Массены, придавал особое значение продвижению своего правого фланга к Цюриху, с целью атаковать этот город и тем облегчить штурм его со стороны Зильфельда, потому что Массена с каждым моментом все больше и больше сознавал опасность своего разобщенного положения и стремился овладеть Цюрихом как можно скорее.

Решающего же успеха, обещавшего полную победу над корпусом Удино, русским все же добиться не удалось. Наоборот, бой шел до полудня с переменным успехом. Очевидно, Римский-Корсаков в течение этого боя вывел часть войск, оставшихся в Цюрихе, для того чтобы усилиться против Удино, и теперь забеспокоился также и в отношении сохранения и этой крепости. Так как путь отступления русских проходил в направлении фронта, то уже одна мысль об этом показала Римскому-Корсакову всю опасность его положения; он решил начать отступление раньше, чем возникнет какая-нибудь крупная брешь в расположении его войск, которая сделает отступление невозможным. Поэтому он отдал приказ об отступлении, приурочив его, повидимому, к полудню. По Жомини, который, впрочем, не ручается за это, по этому приказу об отступлении пехота была поставлена в голове его колонн, за нею кавалерия, а в самом хвосте — вещевой обоз. Артиллерии же Римский-Корсаков приказал выехать на позицию сбоку, для того чтобы прикрывать отступление, производившееся, таким образом, в виде флангового марша.

Для того чтобы выиграть время для Цюриха, генералу Массене было сделано предложение, что город будет добровольно очищен к вечеру, если только французы не подвергнут его до того времени атаке. Французский главнокомандующий, конечно, отклонил это предложение.

Не придавая большого значения мероприятиям Римского-Корсакова по организации отступления, во-первых, потому, что в конце концов мы о них ничего точного не знаем, а во-вторых, потому, что даже самые лучшие из них не удались, мы опишем только успех, одержанный французами, и попытаемся дать ему объяснение.

Как только французы увидели, что Римский-Корсаков начал свой отход, они возобновили свои атаки всеми силами и, хотя и не смогли в результате преградить путь к отступлению даже на дороге в Эглизау, однако врезались в отдельные звенья колонны, вызвали большое замешательство и сделали невозможным отъезд и выход из окружения всей артиллерии, а также всех перевозочных средств, — другими словами, всего обоза. В результате все было потеряно, и в руки французов попало 100 орудий.

Объяснить этот успех нетрудно. Фланговый марш, производимый на глазах у неприятеля и под его огнем, с целью выйти с боем из кризиса сражения, принадлежит, конечно, к числу труднейших тактических задач. Удачный исход такого марша уже немыслим, если сражение наполовину проиграно. Если к этому добавить нецелесообразность отданных приказаний и неповоротливость войск, то отступающий может уйти, даже при наибольшей удаче, лишь изрядно потрепанным. После того как Римский-Корсаков упустил отослать весь свой обоз еще рано утром 25 сентября, не только оказалось невозможным его спасти, но обоз, заняв дорогу, явился отчасти причиной того, что не смогла уйти артиллерия. Потеря всех орудий доказывает, что отступление было произведено очень неудачно. Очевидно, вся артиллерия была использована до последней минуты для прикрытия отступления. Если тем самым действительно был облегчен отход пехоты и кавалерии, то все же остается под вопросом, можно ли одобрить принесение для этого жертв. Для сражений нашего времени потеря орудий равносильна тому, чем была прежде потеря знамен, т. е. служит действительным мерилом размера победы, а значит, и указателем ее морального размера. Армия, теряющая всю свою артиллерию, тем самым как бы бросает знамена своей чести в растоптанную грязь по дороге своего бегства[1].

Отступление Римского-Корсакова происходило частью по дороге через Бюллах на Эглизау, частью по дороге из Винтертура на Шафгаузен. Мы не знаем, явилось ли это следствием «порядка» или «беспорядка»; вероятно, многие, которые не сумели уже прорваться по первой дороге, перебросились на вторую.

Пока все это происходило в армии, в Цюрихе оставались только слабые караулы у ворот и беспорядочные банды отстававших, прикомандированных к обозу и т. д., всего от 500 до 600 чел. Когда французы заметили с левого берега отход русских из Цюриха, они в 1 час дня ворвались со стороны западного предместья в город, разбив ворота пушечными выстрелами; однако и городская чернь тоже оказала им, повидимому, некоторое содействие. После этого в городе произошло нечто вроде боя, окончившегося пленением или избиением всех русских.

Помимо всей артиллерии, состоявшей из 100 орудий, и всего обоза, при котором находилась значительная сумма военного казначейства, потери Римского-Корсакова выразились в 8 000 чел. убитыми, ранеными и пленными[2]. Таким образом, он выбрался, сохранив всего лишь 10 000 русских.

---

[1] Этот взгляд на орудия, как на знамя, сохранялся до тех пор, пока развитие промышленности в мировую войну позволило быстро заменять потерянное орудие новым.— *Ред.*

[2] По Милютину, русские потеряли из бывших у них 60 орудий — 26 и 51 зарядный ящик, весь обоз, парки и палатки. Массена в своей реляции признал, что русские оказали в этом сражении сопротивление изумительное.— *Ред.*

Поскольку Массена не мог уже больше ничего предпринять против Римского-Корсакова, он оставил против него только дивизии Лоржа и Менара с резервной кавалерией, т. е. всего около 20 000 чел., под главным командованием Удино, а сам с Мортье и Клейном направился навстречу Суворову.

Выводы

Хотя мы откладываем наши выводы о стратегических действиях обоих главнокомандующих до конца этой главы, мы все же испытываем потребность дать себе отчет о сражении под Цюрихом немедленно, еще до того, как утратится свежесть впечатления. Мы будем исходить при этом из точного расположения войск на 25 сентября рано утром. На то же, как возникла вся тогдашняя обстановка, мы бросим беглый взгляд лишь в наших заключительных выводах.

Сначала обратимся к самой переправе через реку.

Относительно превосходной подготовки французов к переправе, точно так же как и относительно целесообразных действий при самой переправе, можно иметь только одно мнение, да и успех ее показывает это в достаточной степени. Мы хотим обратить особое внимание только на некоторые моменты.

1. Наиболее существенная разница между этой образцовой переправой и совершенно неудавшейся переправой эрцгерцога заключалась, очевидно, в том, что в данном случае еще до начала наводки мостов и в течение всего времени их наводки на неприятельский берег были переброшены, путем простой переправы на лодках, 8 000 чел., тогда как в свое время эрцгерцог не принял для этого никаких мер.

2. Хотя река Лимат имеет ширину всего лишь 120 шагов и, очевидно, для моста не потребовались даже все те 16 понтонов, которые поддерживали мост через Рейсу, постройка моста длилась $1^1/_2$ часа. Из этого следует заключить, как надо остерегаться делать выводы из длительности наводки мостов во время упражнений мирного времени, исчисляемой в таких случаях минутами, для установления того, сколько времени потребуется для такой наводки на войне. Все же $1^1/_2$ часа можно рассматривать как очень незначительный срок для наводки мостов.

3. Поднос лодок на руках, что относится к заслугам Дедона, следует рассматривать, если речь идет о столь же маленьких реках, почти как неизбежную меру в тех случаях, когда неприятель действительно занимает противоположный берег.

4. Впрочем, французам сопутствовало большое счастье в том, что своими приготовлениями, длившимися целых 3 недели, они не выдали русским своих намерений; иначе все это легко могло стать невыполнимым.

Что же касается способа, которым генерал Марков со своими 3 батальонами должен был препятствовать переправе, то здесь уместна была только стремительная атака на первые же переправившиеся части, чтобы сбросить их в воду или захватить в плен и тем воспрепятствовать

высадке следующих партий. Можно было также воспрепятствовать этому и путем обороны настолько близко расположенной к месту высадки позиции, что неприятель не смог бы выбраться из полукруга, образуемого рекой,— этим было бы выиграно время для того, чтобы успеть подтянуть еще больше войск.

Генерал Марков стоял в 1 500—2 000 шагов от берега; если бы он захотел стать у самого берега, ему пришлось бы сильно растянуть фронт своих войск. Поскольку же нужное ему для этого пространство равнялось бы 6 000 шагов, батальоны находились бы друг от друга тоже на расстоянии около 2 000 шагов, и таким образом, для скорости первого появления на месте высадки это не дало бы большого выигрыша, а наоборот, многое было бы упущено вследствие распыления сил. Для того чтобы пройти от 1 500 до 2 000 шагов, требовалось от 15 до 20 минут; если же еще прибавить хотя бы 10 минут на уведомление, на взятие оружия в руки и т. д., то всего прошло бы полчаса, в течение которых, как мы видели, французы могли переправить до 2 000 чел. Но так как эти переправившиеся части дрались бы за свою жизнь, то, вероятно, было бы нелегко сломить их сопротивление и помешать высадке следующих войск. Другими словами, как показывает обстановка, атака генерала Маркова была бы, вероятно, отбита, и потому он не смог бы воспрепятствовать наводке моста.

Для устройства и обороны позиций внутри дуги местность, впрочем, представляла, повидимому, благоприятные условия. Однако, если подумать, что хорда от Клостер Фар до соответствующего ему изгиба реки равнялась 4 000 шагов, то понятно, что позиция для 3 батальонов могла представлять лишь несколько прочных окопов, связанных между собой засеками. Эти окопы, конечно, не могли бы воспрепятствовать переправе и наводке мостов, но французам пришлось бы брать их штурмом, прежде чем они смогли бы выступить из дуги. Таким образом, обороняющиеся могли продержаться здесь несколько часов, что не потребовало бы чрезмерных усилий с их стороны. Однако общее расположение должно было быть таким, чтобы в течение этих немногих часов подоспел достаточно крупный отряд русских войск, иначе пропали бы окопы, а с ними и войска, занимавшие их.

Из этого видно, что какой бы способ сопротивления русские ни выбрали, он не дал бы благоприятного результата из-за постановки неправильной задачи. Можно оборонять у берега лишь большую реку, и то при наличии некоторых благоприятных обстоятельств. Реку же шириной в 120 шагов так оборонять нельзя. Если ее надо оборонять, то только в том случае, если будут приняты общие меры, не для того чтобы, как в данном случае, воспрепятствовать самой переправе, а для того чтобы *атаковать переправившийся отряд вскоре после его переправы, в выгодной обстановке для нападающего*. Так как у русских было слишком мало войск за реками Лимат и Аар, то такая комбинация едва ли была мыслима, но тем не менее общий результат все же был бы удачнее, если бы

Марков и Дурасов стояли не у реки, а на склонах высот и не имели бы приказания оказывать сопротивление у реки. Тогда они не оказались бы отделенными друг от друга, Маркова бы не разбили на-голову, и даже если предположить, что, соединившись вместе, они лишь по истечении 4 или 5 часов перешли бы в наступление на Удино, то его наступление на Цюрих было бы все же заметно задержано и затруднено. Таким образом, Римскому-Корсакову было бы дано время для принятия надлежащего решения.

Поскольку для отряда Маркова не было устроено позиции, защищенной окопами, он, вероятно, все же не считал себя в праве покинуть этот район без боя; он не мог также заранее предугадать, с какой быстротой французы переправятся через реку. Однако, по нашему мнению, самым естественным решением для него было бы ринуться со своими 3 батальонами на высадившегося противника и отступить, если окажется невозможным его одолеть. То, что он решил немедленно и без всяких окопов сражаться на позиции, которая по своему протяжению втрое превышала силы его войск, и в результате дал себя обойти и отрезать себе всякое отступление, — безусловно наихудшее, что он мог сделать.

От этой отдельной операции перейдем теперь к общей картине самого сражения и начнем с намерений и плана наступающих.

Массена намеревался разбить союзников в Швейцарии до прибытия Суворова. Главный удар должен был быть нанесен Римскому-Корсакову. Для достижения этого намерения несомненно проще всего было атаковать главные силы русских перед Цюрихом. В сущности, позиция русских перед Цюрихом отнюдь не могла считаться выгодной, ибо их центр и правый фланг стояли на совершенно плоской равнине. Поскольку же Массена мог бросить против этих 12 000 чел. свыше 30 000 чел., то не подлежит никакому сомнению, что он вогнал бы их в Цюрих, и чем упорнее они бы этому сопротивлялись, тем больше были бы их потери. Однако сражение, не переходящее в преследование разбитого противника, редко приводит к полной победе, а Массена стремился к такой победе. Это заставило его прорвать неприятельское расположение за рекой Лимат путем переправы через нее половины своей армии, в то время как с другой половиной ее он остался на Зильфельде для наблюдения за неприятельскими главными силами. Это совершенно понятно. Переправившийся корпус мог надеяться одержать победу над частью неприятельских сил, ибо французы оценивали силы русских за Лиматом несомненно значительнее, чем они были на самом деле. Достижение этого первого успеха могло оказаться хорошим введением в самое сражение.

Направление переправившегося корпуса на пути отступления Римского-Корсакова должно было заставить последнего очистить свою позицию на Зильфельде для того, чтобы поспешить навстречу противнику на правом берегу Лимата. Этого только и надо было французскому главнокомандующему. Он настигал теперь своего противника уже не под защитой крепости, а в открытом поле и, направив туда все свои силы,

имел шансы использовать свое численное превосходство для достижения полной победы.

Однако этот ряд представлений, который мы излагаем исключительно из стремления к последовательности, повидимому, не пришел в голову французскому полководцу. Мы с удивлением видим, как с остальной половиной своих сил он остается на левом берегу, когда Римский-Корсаков уже оттянул свои войска назад в Цюрих и собирался атаковать французов на правом берегу, т. е. вечером 25 сентября; мы видим, что Массена остается в этом разобщенном положении своих сил целую ночь и весь следующий день, до самого конца сражения, хотя расстояние до моста не превышает для него 1 мили, а оттуда до Удино опять-таки не больше 1 мили. Это не только большая ошибка, признанная всеми историками, но это освещает задним числом и всю его атаку в совершенно ином свете, так что никак нельзя уже понять, что, собственно говоря, имел в виду Массена.

Не думал ли он, быть может, пока Удино дрался на правом берегу, захватить штурмом Малый Цюрих? Но мы не видим, какие он принимал для этого меры в течение утра 26 сентября. Не думал ли он запереть Римского-Корсакова в Цюрихе и принудить его к капитуляции? Для операции столь высокого полета у него нехватило бы, однако, сил. Для того чтобы 33 000 чел. взяли, таким образом, в плен 20 000 чел., требуются совсем другие предпосылки. Во всяком случае, тогда следовало бы ожидать прорыва Римского-Корсакова только на правом берегу реки Лимат, а следовательно, надо было именно там сосредоточить наибольшие силы. Весьма вероятно, что именно мысль о Суворове помешала Массене переправиться с крупными силами на правый берег Лимата. Однако Суворов 24 сентября еще не овладел Чортовым мостом, об этом Массена должен был получить сведения рано утром 26-го. Кратчайшим путем от Чортова моста до Цюриха — 4 перехода, а тут еще между Суворовым и Массеной стоял Лекурб. Следовательно, 26-го Массена не мог опасаться какого-либо маневра Суворова, за который французы были бы с лихвой вознаграждены крупной победой над Римским-Корсаковым.

Как бы ни представлял себе Массена положение вещей и каков на самом деле ни был бы его план,— никто не может возразить, что созданная им самим обстановка 25-го вечером и 26-го рано утром отнюдь не была для него благоприятной. Его силы были разобщены, а силы русских сосредоточены. После же того как вся обстановка сложилась таким образом, ход его рассуждений должен был заставить его бросить хотя бы свои резервы на помощь Удино. То, что он этого не сделал, всякий сочтет за явную ошибку.

Итак, если мы никак не можем разобраться, в чем же заключается вся мудрость плана французского главнокомандующего, если мы видим, что, выполняя этот план, он действует, повидимому, не так, как того требовал ход событий, мы в праве себе сказать, что, значит, он не заслужил этой в высшей степени блестящей победы.

Обратимся теперь к Римскому-Корсакову.

Этот генерал, в связи со своей намечавшейся действительной или ложной атакой, придавал большое значение своей позиции на Зильфельде. Естественно, он не хотел слишком рано оставить эту позицию. Если он вначале принял переправу Удино при Дитиконе за демонстрацию, то ему это простительно. Но непростительно то, что он не выяснил этого вопроса, для чего потребовалось бы лишь отправить одного офицера к Клостер Фар,—этот офицер мог бы через час вернуться назад. Во всяком случае, начиная с полудня, у Римского-Корсакова не могло уже быть сомнений относительно характера этой атаки, поскольку к этому времени все жители Цюриха, которым снились победные сны, с изумлением обнаружили появление французов на высотах к северу от города. Поскольку Римский-Корсаков имел против себя на левом берегу Лимата значительные силы, он мог очень точно разобраться в обстановке и сразу должен был обратить внимание на свое единственное преимущество в том тяжелом положении, в котором он в общем находился, а именно, что неприятель разобщен рекой Лимат, сам же он в состоянии действовать всеми своими силами против любой из частей противника, и этой частью, разумеется, должна была быть лишь та, которая, переправившись через реку Лимат, собиралась овладеть путем его отступления.

Таким образом, наиболее естественным было бы оставить около 2 000 чел. у Малого Цюриха для обороны валов, а с остальными силами быстро пройти сквозь город и ударить на Удино соединенными силами, т. е. примерно 10 000 чел., чтобы снова добраться хотя бы до местности Гёнг. Так как французы, наступая, рассыпались по всем радиусам полукруга, то, вероятно ему это удалось бы. Во всяком случае, он достиг бы тогда двух главных целей, а именно: искусно бы сражался и добился бы возможности отступления в полном порядке, если бы его к этому принудил перевес сил и успех оружия противника.

Римскому-Корсакову помешало действовать столь простым образом то, что он предварительно не обдумал такой план и планомерно не сообразовал с ним все свои предыдущие действия. Такой план установил бы, во-первых, бросать в бой на реке Зиль возможно меньшее количество войск, остальные же держать в резерве готовыми к отходу; во-вторых, все свои обозы отослать уже заранее назад; в-третьих, выбрать позицию на правом берегу Лимата, держать пути туда свободными, в особенности же улицы Цюриха, и разослать предварительную диспозицию для марша несколькими колоннами.

По-видимому, ни одно из этих приготовлений к отходу не было сделано, и вместо той большой осторожности, которая была необходима при затрате войск в бою на реке Зиль, произошло как раз обратное. Князь Горчаков перешел в наступление против генерала Друэ и так энергично пошел на него в предписанную Суворовым стремительную атаку, что отбросил Друэ почти до самой вершины Ютли. Конечно, эта бесплановая и совершенно не подходившая к обстановке Римского-Корсакова атака

имела своим последствием то, что этот генерал оказался совершенно пригвожденным к реке Зиль, чувствовал себя точно привороженным к этому *ложному полю сражения* в тот момент, когда он терял действительно главное поле сражения. Прошло немало времени, пока князь Горчаков сумел избавиться от своей неудобной победы и вернуться назад, а тут еще возникла необходимость упорно оборонять район Видикона против левого фланга Мортье; вероятно, и здесь делались приготовления к переходу в наступление, для того чтобы поддержать князя Горчакова, а это не могло не привести к тому, что Римский-Корсаков увяз бы тут гораздо глубже, чем это было нужно для намечавшегося отступления.

Поскольку Римский-Корсаков не сделал никаких приготовлений к отходу и несомненно отнюдь не порицал атаку князя Горчакова, то очевидно, что он вообще не имел отчетливого представления о своей задаче и потому не видел, что мог во-время уклониться от опасного развертывания событий. Он хотел, как это охотно делают генералы, не имеющие понятия о ведении «большой войны», все решать, как они это называют, *на месте*, сообразно с обстановкой момента. В результате обстановка момента завлекала его все глубже и глубже в возраставшие осложнения[1].

Если такое наше представление о действиях обоих главнокомандующих совершенно неправильно из-за недостатка сведений, то мы можем сказать себе: «нигде больше, чем здесь, упрямой судьбе не удалось доставить себе редкого развлечения при виде того, как не проявивший искусства главнокомандующий, из-за близорукости своего противника, одерживает столь полную победу».

Готце разбит Сультом на реке Линте

Обратимся теперь к генералам Сульту и Готце. Последний собирался 26 сентября продвинуться до окрестностей Эйнзидельна, и для этой цели его левый фланг под командованием Елачича и Линкена был уже в походе в течение нескольких дней. 25-го оба генерала прибыли в долину верхней Линты, в то время как Готце со своим правым флангом еще спокойно стоял за Линтой. Из этого возникли два совершенно различных действия, а именно: оборона Готце линии реки Линты против Сульта и бои, которые вели наступающие в долине верхней Линты 25-го и 26-го Елачич и Линкен с бригадой Молитора дивизии Лекурба. Мы сперва опишем атаку генерала Сульта на правый фланг Готце.

Согласно данным эрцгерцога, Готце располагал между Цюрихским и Валенштедтским озерами 10 батальонами и 14 эскадронами, силой в общем, до 8 000 чел. Эрцгерцог говорит, что Готце настолько разбросал

---

[1] Римский-Корсаков ловко выдвинулся на высокие посты в царствование Екатерины II и обладал высоким мнением о своих достоинствах, в действительности очень заурядных; был горд, самонадеян, пренебрегал мнениями своих помощников, о французских генералах и войсках судил с крайним пренебрежением; в штабе у него не было никакого порядка. Все эти отрицательные качества Римского-Корсакова объясняют его совершенно необдуманные действия под Цюрихом (*Милютин.* т. II, стр. 127).—*Ред.*

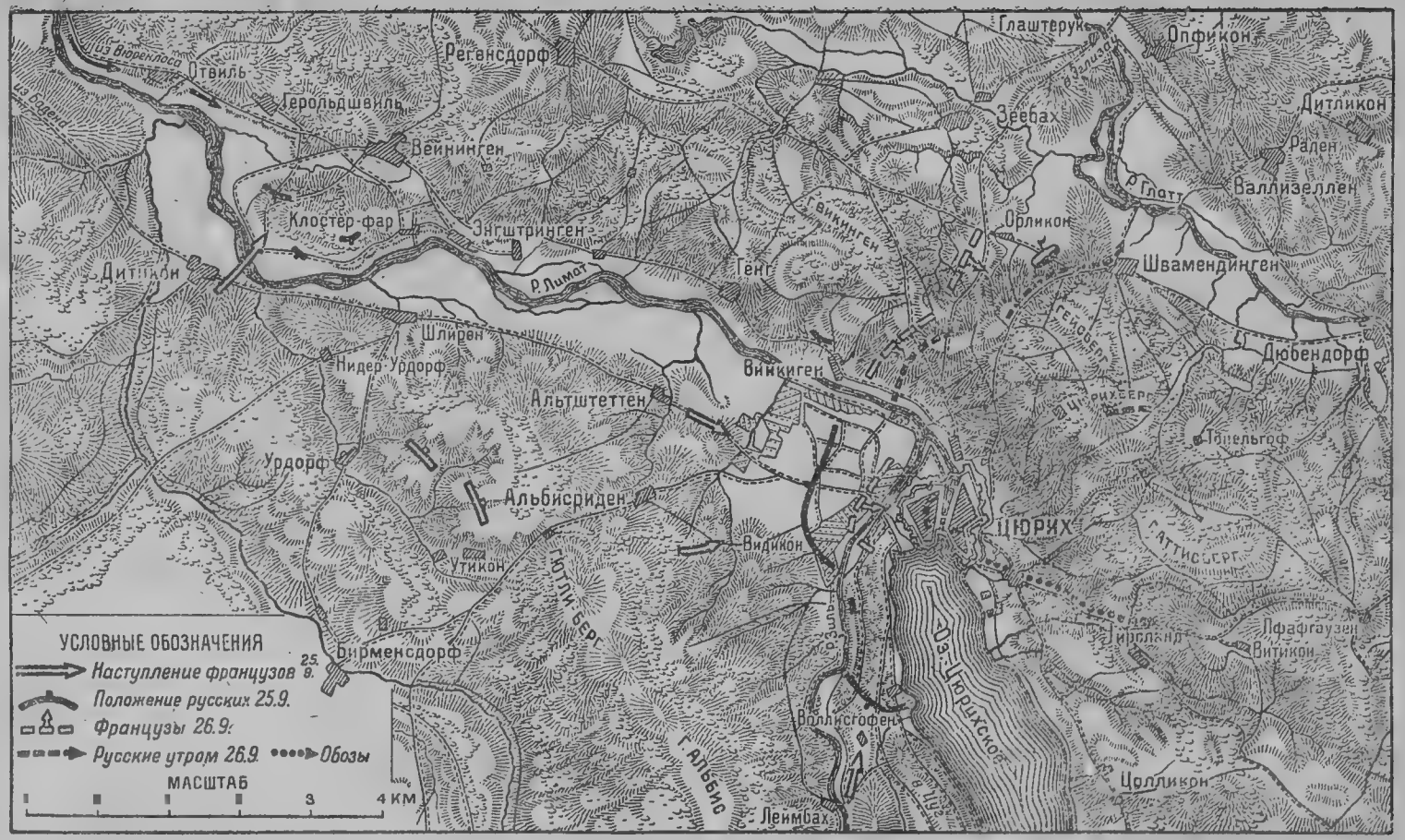

Схема 2. Сражение при Цюрихе

свои войска вдоль Линты, что сохранил при себе в Кальтбруне только резерв в 2 батальона, а этот пункт находился от его флангов на расстоянии: от Брюнау — 1 час пути, Шенниса — 2 часов. Линта на этом участке имеет ширину лишь 60 шагов и на большом протяжении окаймлена болотистыми лугами, очень затрудняющими переправу. Это несомненно заставило генерала Готце расставить свои войска большей частью вдоль реки и вблизи от нее, для того чтобы подоспеть для обороны ее берегов, как только неприятель сделает попытку к переправе.

Расстояние от Цюрихского озера до Валенштедского равняется примерно 4 часам хода; при столь незначительной ширине реки такое расстояние следует признать для отряда Готце очень большим.

Более точных данных о распределении войск и о других принятых мерах у нас не имеется, нельзя их извлечь и из хода самого боя.

Французы сосредоточили свои перевозочные средства в Лахене на Цюрихском озере. Эти средства состояли из 8 переносных лодок, которые должны были быть использованы для главной переправы между Бильтеном и Шеннисом (5 км к юго-западу от Кальтбруна), 12 более крупных барок, на которых должны были переправляться войска по озеру, и 3 канонерских лодок для охраны их высадки.

Распоряжения генерала Сульта были следующие.

Его дивизия состояла из бригад Бойе и Лаваля, всего 10 000 чел. Бригада Бойе должна была переправиться между Бильтеном и Шеннисом и вести главную атаку. Для этой переправы 8 лодок должны были быть привезены сухим путем из Лахена в Бильтен и использованы частью для переправы, а частью для постройки временного моста. Из бригады Лаваля 1 000 чел. должны были быть погружены на суда в Лахене, из них 300 чел. должны были высадиться на берегу озера у Шмерикона, все находящиеся там плавучие средства переправить на южный берег озера и затем следовать на Уднах. 700 же человек с командиром бригады Лоше должны были плыть по реке Линте, для того чтобы высадиться в районе моста у Грюнау, прогнать австрийцев и восстановить мост. Сам Лаваль со своей бригадой должен был появиться сначала против Бенкена, между Бильтеном и Цюрихским озером, для того чтобы задержать неприятеля в этой местности, затем быстро направиться в Грюнау и там переправиться через реку.

Войска были собраны таким образом, чтобы они смогли приступить к переправе 25-го в 3 часа утра.

Ввиду того что на месте, избранном для переправы, приходилось для перехода через болотистые луга шириной в 600 шагов или устраивать мостки [1], или укладывать дамбу из фашин и бревен, нельзя было рассчи-

[1] Дедон говорит: «Обоз, выступивший накануне из Лахена, в 5 час. вечера, вышел из деревни Бильтен, для того чтобы подойти к берегу реки, отстоявшему от этого пункта на 1 200 м, из которых больше половины оказалось болотом, и через него пришлось прокладывать путь при помощи досок. Шум подвод на этом подобии досчатого пола привлек внимание неприятельского сторожевого охранения, начавшего

тывать застигнуть неприятеля совершенно врасплох. Поэтому была образована рота из 150 добровольцев, хороших пловцов, вооруженных пиками, саблями и пистолетами и прошедших еще особую тренировку в Цюрихском озере. Эта рота и переправилась первой. Добровольцы отогнали от берега австрийское сторожевое охранение, состоявшее, повидимому, только из часовых, не оказавших серьезного сопротивления. После этого приступили к переправе. Когда 6 рот гренадеров очутились на правом берегу, они произвели первую атаку на деревню Шеннис, находящуюся в 15 минутах пути от берега, и овладели этой деревней. Значит, до того момента австрийцы имели еще мало войск на этом пункте. Однако, раньше чем французы получили подкрепление, австрийцы вернулись и снова прогнали их из деревни. Теперь завязался бой за эту деревню, и она несколько раз переходила из рук в руки. Постепенно французы переправили еще 6 гренадерских рот и батальон пехоты. К противнику, однако, подоспел сам Готце с обоими батальонами из Кальтбруна. Бой у Шенниса все время шел с переменным успехом, как вдруг пали, сраженные пулями, Готце и начальник его штаба полковник Плункет. Произошло это, повидимому, между 7 и 8 час. утра. Гибель Готце немедленно решила участь Шенниса,— австрийцы отступили через Дерфли на Кальтбрун.

На левом фланге 300 чел., направленные в Шмерикон, высадились там и заняли этот пункт. Однако командир бригады Лоше, как и следовало ожидать, счел невозможным, под огнем в упор австрийского сторожевого охранения, войти на баркасах в Линту, а потому направился к Шмерикону, где и высадился. Оттуда Лоше двинулся в Грюнау, а 300 чел. пошли на Уднах. Лоше прогнал австрийцев из Грюнау и принял меры к поспешному восстановлению моста. Отряд же в 300 чел. столкнулся на мосту между Уднахом и Шмериконом с австрийской заставой, которую они не смогли сбить. Более того, австрийцы настолько усилились, что сами перешли в атаку и прогнали французский отряд назад в Шмерикон и на суда. Тем временем мост у Грюнау был восстановлен, и туда прибыл Лаваль со всеми остальными войсками. Однако едва лишь стали переходить по нему первые взводы, как мост снова рухнул, а как раз в этот самый момент подоспели 2 батальона русских под командованием генерала Титова. Французам был отрезан путь к отступлению, и им пришлось обороняться. Они, правда, получили энергичную поддержку со стороны 4 пушек и 2 батальонов, стоявших на левом берегу; это было возможно ввиду незначительной ширины реки.

обстрел обоза». Из этого следует заключить, что там на самом деле были устроены мостки. Однако, если подумать о количестве материалов и труда, которые для этого требуются, и о том, что гораздо естественнее и легче было бы использовать для этого фашины,— то надо тем более подвергнуть сомнению подобную настилку, что самого Дедона на этом месте не было, а в его книге встречается немало внутренних противоречий и путаницы, несколько колеблющих его авторитет. Мы представляем себе скорее, что это была дорога, уложенная фашинами, бревнами, балками, досками,— одним словом, всем, что только было под рукой.

После того как русские были несколько расстроены огнем, французам удалось отбросить их штыковой атакой.

В результате вся линия реки Линты была теперь в руках французов. Но у Грюнау французы, повидимому, совсем не перешли через реку, а у Бильтена переправлялись лишь очень медленно. Переправа одной только пехоты длилась будто бы почти до 9 час. вечера. Временный мост для переправы кавалерии и артиллерии вступил в действие лишь на следующее утро к 4 час. Это можно объяснить лишь предположением, что войска генерала Лаваля, очевидно, не смогли преодолеть реку у Грюнау и только к вечеру прибыли в Бильтен.

Эта очень медленная переправа французов заставляет подвергнуть австрийскую оборону самой резкой критике. Как нецелесообразны должны были быть расположения и как немощны были все их усилия, если в течение целого дня они не смогли сосредоточить на одном пункте от 5 000 до 6 000 чел.! А это, повидимому, не было сделано, ибо дальше уже нигде не было серьезного сопротивления, вечером же Сульт отбрасывает их еще и от Кальтбруна, хотя сразу видно, что для атаки этого пункта он мог собрать не свыше 5 000—6 000 чел.

После смерти Готце командование над австрийцами принял генерал Петраш. Он был преисполнен благих намерений и, очевидно, решил внезапным нападением еще ночью сделать попытку изменить исход этого дня в свою пользу. Одна из его колонн не только снова овладела деревней Кальтбрун, но прорвалась даже до самого Бенкена. Однако либо в целом эта операция не была налажена как следует, либо она вообще была неуместна, — результат был тот, что Сульт со всех сторон охватил эту выдвинувшуюся слишком вперед колонну, состоявшую из 1 800 чел. пехоты, эскадрона гусар и 5 орудий, и заставил ее положить оружие.

26-го Сульт в первую голову послал батальонного командира Гудино с несколькими батальонами к Везену, где еще находились 2 австрийских батальона с 8 орудиями. Французы обошли их и в результате боя захватили 8 орудий и 700 чел. Это почти совсем непостижимо, ибо австрийцы могли уйти через мост и присоединиться к генералу Елачичу, сражавшемуся в тот момент у Нефельса. В этом уже позволительно усмотреть следствие большого расстройства.

В этот день Петраш продолжал свое отступление на Сан Галлен, 27-го переправился у Рейнека через Рейн, распорядился разрушить за собой мост и мобилизовал форарльбергских ландверных стрелков для обороны своей границы.

Русский генерал Титов отступил 25-го в Грюнинген и, будучи 26-го прогнан оттуда французскими легкими войсками, направился на Виль, а 28-го прибыл в Констанц.

Трофеями этих двух дней явились 3 000 пленных, 20 пушек и флотилия, которую австрийцы имели на Цюрихском озере.

Сульт преследовал обоих этих генералов только легкими войсками. Так как Массена с частью своих сил направился навстречу Суворову

в окрестности Швица: пока дело там не закончилось, Сульт один не мог продвинуться до самого Рейна. В первых числах октября он получил приказ Массены направиться в Нефельс с частью своих сил, повидимому, с одной бригадой. Точных данных о его расположении в последние дни сентября и в первые дни октября мы, однако, привести не можем.

Елачич и Линкен безуспешно атакуют Молитора в долине Линты

Из плана Суворова, изложенного выше, мы видели, что генералы Елачич и Линкен (первый стоял между Валенштедтским озером и Сен Луциенштейгом, а второй — между этим селением и Рейхенау) должны были наступать в долину верхней Линты, с тем чтобы выгнать из нее французов и 26-го сентября (т. е. в тот день, когда Суворов хотел быть в Швице) Елачичу оказаться в Эйнзидельне, а Линкену в Муттене. Для этого было необходимо, чтобы Елачич приступил к своему наступлению в долине верхней Линты на один день раньше, чем Готце атакует Сульта, т. е. 25-го. Линкен же из-за большей длины своего пути должен был перейти в наступление еще раньше, чтобы к 25-му уже достигнуть района Гларис, для того чтобы совместно с Елачичем атаковать французов в долине верхней Линты. Если бы 25-го это увенчалось успехом, Линкен мог бы прибыть в Муттен уже 26-го.

Бои у Моллиса, Нефельса и Нецталя 25 сентября

В долине Линты силы французов состояли лишь из бригады Молитора, принадлежавшей к дивизии Лекурба и не принимавшей 25-го никакого участия в наступательной операции Сульта. Эта бригада, находясь в долине Линты, главными своими силами стояла между Нецталем и Нефельсом.

Генерал Молитор насчитывал 3 000 чел. По ходу атаки мы видим, что один батальон он отрядил в Вихлер-Бад, в верхнюю часть долины Зернфт, для наблюдения за проходившей там дорогой из Граубюндена. Весьма вероятно, у него кое-что имелось и в районе верхних притоков долины Линты, а потому те силы, которыми он располагал между Нецталем и Нефельсом, не могли намного превышать 2 000 чел. Если же мы примем силы Елачича в 4 000 чел., а Линкена — в 3 000 чел., то успех их над Молитором не подлежал бы никакому сомнению, если бы они точно согласовали свои действия. Нанесение же удачного удара этому генералу, если бы французы 25-го не атаковали Готце, очень облегчило бы последнему переправу через Линту 26-го. Для тех событий, которые разыгрались 25-го на нижней Линте, такой удар явился бы мощным коррективом, поскольку в таком случае Сульт едва ли овладел бы Везеном, а вероятно, уже 25-го повернул бы вспять для того, чтобы обратиться против этих двух генералов.

Во всяком случае, атака генералов Елачича и Линкена вызвала бы такие последствия, если бы она увенчалась успехом, а как это повлияло

бы на поход Суворова, мы ясно покажем лишь тогда, когда перейдем к описанию этого похода. Но в то время как союзники терпели поражение у Цюриха и на нижней Линте, где французы имели над ними численный перевес; на верхней Линте, на том единственном пункте, где союзники, в свою очередь, имели решительный перевес сил, им не удалось прорваться вперед, и это было результатом отчасти неудачных распоряжений, а отчасти малодушия командующих.

Генерал Елачич выступил 25-го с $6^1/_2$ батальонами и 3 эскадронами тремя колоннами из района Сарганса и Валенштедта в направлении к долине Линты. Правофланговая колонна из 3 батальонов и 3 эскадронов, при которой он находился сам, направилась через Мулигорн на Моллис, вторая колонна, из 3 батальонов, — через Керенцен и Фрональп в Нецталь. Две роты были направлены через Вейстанненталь, для того чтобы поддерживать связь с Линкеном.

Первая колонна столкнулась с французами в районе Моллиса и прогнала их через Линту на Нефельс. Вероятнее всего, это были лишь аванпосты Молитора, который, повидимому, занял позицию у Нефельса с 3 батальонами и 4 пушками. Мост Нецталя был сломан. 26-го Елачич атаковал Нефельский мост, однако не смог им овладеть. Поскольку он был вдвое сильнее своего противника, тут, повидимому, была с его стороны исключительная беспомощность или робость, так как ему нигде и в других местах не удалось переправиться через Линту. Моллис находился всего лишь в 1 миле от Бильтена, и Елачич должен был уже 25-го узнать о судьбе генерала Готце, и это известие, очевидно, проникло в сознание его отряда. Когда 26-го, при возобновлении боя, французы, рассеяв сторожевое охранение у Везена и захватив большую его часть в плен, перешли из этого пункта в наступление на Елачича, энергично обстреляв его захваченными в Везене 8 орудиями, то этот генерал решил, что сделал уже все возможное и потому в праве начать отступление. Обе его колонны направились назад тем же путем, каким пришли. Лишь слабо преследуемые противником, они 26-го достигли Керенцена и Мурха, 27-го направились в Валенштедт, а так как Петраш уже 27-го продолжал отступление через Рейн, то Елачич решил, что и он должен сделать то же самое, и в тот же день у Ратаца перешел через эту реку.

Бой 25 сентября у Вихлер-Бада

Генерал Линкен со своим отрядом из 5 батальонов и 1 эскадрона выступил 23 сентября из Кура и Эмса в направлении на Флимс. Оттуда он выслал батальон через гору Флимзберг, Мартинслох в Эльм, в долине Зернфт. С главными же силами он 24-го направился в Паникс, для того чтобы оттуда 25-го двумя колоннами продвинуться в долину Линты. Правая колонна, состоявшая из $2^1/_2$ батальонов и 1 эскадрона, направилась через Рингенкопф и ущелье Эцишлунд к Вихлер-Баду по дороге, проходимой для конных. Вторая колонна из $1^1/_2$ батальонов перешла через Пантенский мост и двинулась вниз по долине Линты.

Все эти большие приготовления были рассчитаны только на то, чтобы захватить тот батальон, который Молитор расположил в Вихлер-Баде, что и удалось. Батальон упорно сопротивлялся у моста, когда австрийский батальон, появившийся через Мартинслох, отрезал ему дорогу в долину Зернфта, а отряд, направленный через Пантенский мост, — путь через высокий Альпийский хребет в долину Линты. В результате этот батальон был захвачен в плен, так же как и другой, подошедший к нему на помощь из Шахенской долины.

Правда, на это было потеряно драгоценное время, так как теперь колонны Линкена соединились лишь 26-го у Швадена, т. е. тогда, когда Елачич уже начал свое отступление. Линкен имел в этот день лишь незначительную стычку с французскими аванпостами у Митленди.

27 сентября навстречу ему выступил Молитор с 4 батальонами своей бригады. Линкен отбросил его до Гларнса и занял позицию перед этим селением. Повидимому, он счел, однако, слишком трудным для себе пройти через это селение и атаковать Молитора по ту сторону Гларнса, да и не считал это, очевидно, очень необходимым. Поскольку Линкен имел приказ соединиться через Кленталь с Суворовым, он мог думать, что ему следует только стоять на своей позиции у Гларнса в полной готовности и дожидаться, пока не узнает что-нибудь о прибытии Суворова. Поэтому 28-го и 29-го он стоял у Гларнса. Суворов, как мы узнаем ниже, 26-го прибыл в Альторф и 27-го, 28-го и 29-го переходил из Шахенской долины в Муттенскую. Если Линкен ничего об этом не знал, то это следует приписать, главным образом, его расположению, вследствие которого вход в долину Кленталь оставался в руках французов. Если бы он выгнал Молитора из Гларнса, то французы не могли занимать гору Брагель, как это они сделали 28-го, и таким образом, могли запереть дорогу отряду казаков, которых Суворов действительно в этот день выслал из Муттена на Гларис.

Но все-таки кажется совершенно непонятным, что Линкен ничего не узнал о русском войске. О том, что 25 000 чел. пришли в такие долины, как Шахен и Муттен, не могло остаться неизвестным даже последней серне, не говоря о людях. Но как бы то ни было, Линкен ничего не знал и ограничился 28-го перестрелкой. Его противник получил, однако, в ночь на 29-е письмо от Лекурба, в котором Молитору сообщалось, что Суворов взял Сен Готард, продвинулся до Альторфа и готовится двинуться в долину Линты в тыл Молитору. Тогда он сразу понял всю необходимость немедленно схватить за горло Линкена и энергично атаковал его на рассвете 29-го, одновременно угрожая его правому флангу обходом по многим альпийским тропинкам. Мы не можем решить, по какой причине Линкен не принял боя, — то ли не считал возможным сопротивляться такой энергичной атаке, как думает Молитор, то ли потому, что Линкен узнал к этому времени об отступлении Готце и Елачича и считал неблагоразумным принимать серьезный бой. Достаточно сказать, что Линкен 29-го начал свое отступление и продолжал его 30-го через

Паникс в долину Рейна, где расположился у Кура и занял несколькими отрядами горные перевалы. Таким образом, генерал Молитор со своей бригадой, из которой у него имелось под рукой, вероятно, не свыше 3—4 батальонов, оказался в состоянии отбросить 11 австрийских батальонов и захватить опорный пункт, на который так рассчитывал Суворов во время своего трудного спуска с Сен Готарда.

Таким образом, неудачи австрийского корпуса распространялись справа налево, словно чумная зараза. Оттого что Готце был разбит, Елачич решил, что и он не сможет победить, а потому, что Елачич отказался от победы, Линкен не решился выполнить свою задачу до конца. Оттого что Римский-Корсаков был вынужден отойти за Рейн, Петраш не захотел задерживаться ни за рекой Тур, ни за рекой Зиттер, а Елачич — у Валенштедтского озера. Линкену же стало не по себе в долине Линты.

Мы видим теперь, что ни у одного из этих генералов отступление не было вызвано действительным стечением обстоятельств, а на самом деле являлось результатом преувеличенных опасений. Такое молниеносное распространение паники, увы, довольно часто встречается в военной истории; но это всегда признак того, что второстепенные начальники не принадлежат к тем людям, у которых их личный интерес в успехе военной операции и стремление к славе хоть немного повышают ту долю энергии, которую требуют от них, как от простых исполнителей, повиновение и чувство долга. Жажда славы, энтузиазм, воинственный дух французских дивизионных генералов того времени являются прямой противоположностью. В кампании 1799 г. успех французских генералов следует гораздо больше приписать разным свойствам противников, чем их верховному руководству.

Положение у Суворова. Поход через Сен Готард

Припомним, что́ являлось, собственно говоря, ближайшей целью Суворова при его наступлении на Сен Готард и далее в долину Рейсы. Это наступление, прежде всего, преследовало цель соединиться с Готце в районе Швица и Эйнзидельна, между Люцернским и Цюрихским озерами. Если бы ничто не помешало выполнению этого плана, то, поскольку Готце, включая русские подкрепления, должен был насчитывать 30 000 чел., а Суво́ров привел бы с собой 20 000 чел., за вычетом нескольких тысяч убыли, на пространстве протяжением приблизительно в 3 мили собралось бы около 50 000 чел., причем Римский-Корсаков с 20 000 чел. с лишним оставался бы на реке Лимат.

Если соответственно этому соотношению сил разделились бы и французские силы, то генералу Массене, располагавшему от Сен Готарда до Рейна всего лишь 60 000 чел., было бы трудно появиться между этими озерами в равных силах. Однако в таких случаях всегда рассчитывают на то, что некоторая часть мероприятий будет скрыта от противника и поэтому последнему не удастся расположить свои силы полностью, как

намечалась заранее. Назначенное на 26-е общее наступление на реке Лимат должно было происходить именно в такой обстановке.

Так рисовали себе, повидимому, положение в суворовской главной квартире и надеялись, что, как только будет пройден Швиц, все трудности останутся позади, по следующим соображениям, говорящим в пользу союзников, а именно:

1) вероятное численное превосходство;
2) принцип наступательной тактики;
3) энергия Суворова;
4) моральное впечатление от всего похода и успехи, одержанные до сих пор над Лекурбом;
5) принцип стратегического обхода, заложенный в направлении всего марша.

Едва ли можно было при этих условиях сомневаться, что всякое сопротивление Массены, какое он только сможет оказать в этой местности, будет сломлено, и он будет принужден оставить свою позицию на реке Лимате и начать общее отступление. То обстоятельство, что сопротивление Массены между озерами представляли себе лишь слабым и недостаточным, а стратегический обход считали здесь наиболее действительным, вытекало из входившего в суворовский расчет, хоть и несколько отодвинутого на задний план, но все же определенно им высказанного намерения направиться со своим корпусом вдоль обоих берегов Люцернского озера на Люцерн.

Мы совершенно не примем во внимание это намерение, мыслимое лишь в случае величайшей удачи, и предположим, что при выполнении этого плана Массена будет в силах остановить Суворова, однако позволит ему прорваться со всем своим корпусом за Швиц.

Если мы только взглянем на обстановку, которая при этом возникнет в отношении численности, пространства и времени, то мы никак не сможем утверждать, что стратегическое положение, в которое попал бы Суворов после своего прорыва за Швиц, было бы для него благоприятным. В общем, после прибытия Суворова в Швейцарию союзники не превосходили численно французов. В таком случае разобщение их сил Цюрихским озером следует рассматривать как очень невыгодный фактор; он позволил французскому главнокомандующему атаковать их главные силы, сосредоточив против них численно превосходящую группу или, по крайней мере, бо́льшую, чем это было бы возможно при всякой другой обстановке. Это превосходство было бы особенно ощутительно, если принять во внимание, что из всех отрядов союзников, которые должны были соединиться между обоими озерами, только один корпус Готце, направлявшийся через нижнюю Линту, мог быть в достаточной степени снабжен артиллерией, остальные же, т. е. три четверти, имели с собой лишь двух- или трехфунтовые горные пушки.

Тем не менее мы считаем вполне вероятным, что если бы Суворов достиг этой цели, Массена, попав в такое положение, главным образом

под влиянием морального впечатления смелого похода, ореола имени Суворова, преувеличенной оценки русских сил и, наконец, ложной тревоги за свой стратегический фланг, не осмелился бы предпринять что-нибудь *великое*, и тем самым его отступление стало бы неизбежным.

Когда мы говорили, что Суворов надеялся сосредоточить в своих руках, по ту сторону Швица, силы в 50 000 чел., мы хотим подчеркнуть лишь ту точку зрения, которой, возможно, придерживались в его главной квартире. Фактически же дело обстояло гораздо менее благоприятно, ибо Готце, вместо того чтобы вместе с швейцарцами и русскими иметь 30 000 чел., вывел бы на линию между озерами всего лишь около 20 000 чел. Это являлось первым расхождением между планом и исполнением.

Итак, Суворов поставил своей ближайшей целью проникнуть в район Швица. Для того чтобы не перечить его штабу и чтобы стать на его точку зрения, мы допустим, что он застигнет врасплох перевозочные средства, находившиеся у Флюелена и Зеедорфа, еще до того, как французы смогут их увезти, и тем самым добудет скудные средства для того, чтобы добраться до Брунена, и далее, что при высадке его войск в Брунене они не встретят никаких препятствий. Эта весьма произвольная и невероятная предпосылка открывала ему, таким образом, один из путей, которым он мог достигнуть Швица. Если бы это не удалось, то второй путь на Швиц вел бы через Шахенскую и Муттенскую долины, по труднейшим пешеходным тропам, и тогда речь шла бы не о высадке, как в предыдущем случае, а о дебушировании из Муттенской долины. Противник, обладающий достаточными силами, мог бы воспрепятствовать этому не хуже, чем и высадке у Брунена. Но в таком случае район Швица оказывался недоступным, и Суворову надлежало вместо этого охватывающего направления избрать другое, менее охватывающее, которое главным образом привело бы к быстрому соединению с австрийцами. А это было направление в долину Линты.

Итак, если Суворов у Швица не смог бы вырваться из гор, ему пришлось бы итти через Кленталь в долину Линты, чтобы из этой долины выйти у Урнена на открытую местность.

Если бы австрийские корпуса прибыли во-время, то французы не смогли бы воспрепятствовать этому прорыву. Если же австрийцы (что все-таки было возможно предвидеть) будут разбиты, то и стремительный выход из долины Линты мог оказаться неосуществимым, а Суворову пришлось бы снова отклониться вправо, чтобы пройти в долину Рейна. Если бы французы со значительными силами стояли уже у выхода из долины Линты, то русским вряд ли можно было пройти через Моллис и Керенцен, оставалась только дорога вдоль притоков верхней Линты.

Однако и долина Рейна могла оказаться уже прегражденной у Сарганса и Сен Луциенштейга. Тогда Суворов должен был бы направиться по долинам Ланкварта или Плессер в долину Илль и, наконец, в случае, если бы была потеряна и позиция у Фельдкирха, — в долину реки Инн.

Среди всех этих различных обходных направлений пути из Шахенской долины в Муттенскую и из долины реки Линты в Рейнскую идут по таким непроходимым пешеходным тропам, что одно это обстоятельство может привести к гибели всей армии.

Все эти различные варианты невыполненных намерений служили фоном для суворовского похода через Сен Готард. Если мы должны рассматривать последние из приведенных выше направлений как невероятные, то столь же невероятны были и надежды на удачный исход первых. Поэтому при разработке операции никоим образом нельзя ограничиваться обсуждением ее лишь в вышеприведенных рамках.

После того как мы уяснили себе, таким образом, обстановку, перейдем к изложению самого похода и сопровождавших его боев.

Суворов захватывает Сен Готард и оттесняет Ленурба до Зеедорфа

(Схемы 1 и 3)

11 сентября Суворов выступил из района Асти и Алессандрии и 15 сентября достиг, через Валенцу и Варезе, Таверно. В Варезе вся артиллерия под конвоем казаков была отправлена на озеро Комо, чтобы там быть погруженной на суда и направиться оттуда, через Кьявену и Сплюген, в Граубюнден. Тяжелые вещевые обозы уже раньше были отправлены на Адду, для того чтобы дальше итти через Тироль. С армией остались только 2-фунтовые пушки, которые должны были перевозиться на мулах.

Армия Суворова растаяла теперь до 16 000 чел. пехоты и 3 000 казаков, включая же нестроевых, — до 23 000 чел.

В Таверно их должны были снабдить мулами, для того чтобы везти на них артиллерию, боеприпасы и продовольствие, потребность в которых при походе через высокие Альпы была исчислена, по крайней мере, на 8—10 дней. Было бы очень интересно получить более подробные сведения об организации этого транспорта, но их совершенно не имеется. Мулы, которых Суворов ожидал в Таверно, прибыли слишком поздно и в недостаточном количестве, вследствие скверных мероприятий австрийской администрации, — их доставили всего только в числе 400. Суворову пришлось спешить бо́льшую часть своих казаков, чтобы приспособить их лошадей для перевозки продовольствия. Спешенные казаки были использованы в качестве легкой пехоты.

Все историки приписывают напрасному ожиданию мулов 5-дневную потерю времени, исходя из того, что Суворов со своим корпусом выступил в Белинцону лишь 21 сентября. Некоторые из них дошли до того, что приписали этой небрежности даже проигрыш Цюрихского сражения и, тем самым, все возникшие из этого последствия.

Сам Суворов жалуется на это промедление в своем официальном донесении. Однако мы видели, что еще 10 сентября в Асти было решено,

что Суворов выступит 21-го из Белинцоны и что тогда еще он надеялся 24-го овладеть Сен Готардом[1].

Это совпадает с действительными передвижениями Суворова, и значит, уже тогда рассчитывали на 5-дневное пребывание его у подножия гор, легко объяснимое, так как оно вызывалось необходимостью обеспечить себя продовольствием и принять меры для его транспорта. Итак, если даже упущение австрийцев и имело своим последствием значительные неудобства, то все же оно не было настолько значительно, чтобы существенно повлиять на ход и успех всего предприятия. Недовольство, высказывавшееся русским полководцем, не должно вводить нас в заблуждение, потому что он уже тогда имел зуб против австрийских властей и, несомненно, охотно всячески раздувал любую из их ошибок.

Бой у Айроло 24 сентября

Расположение французского правого крыла, а именно, дивизии Лекурба, силой в 12 000 чел., в момент прибытия Суворова к подножию Сен Готарда было примерно следующее: Молитор с 3 000 чел. со времени боев последних дней августа, позволивших ему овладеть долиной Линты, сохранил свои позиции в этой долине. Правофланговая бригада, под командованием Гюденя, силой в 3 500 чел., стояла на Сен Готарде, а сам Лекурб с бригадой Луазона в 6 000 чел. стоял в долине Рейсы, имея главную квартиру в Альторфе, занимая также Мадеранскую и Шахенскую долины. Таким образом, он отчасти осуществлял связь между Гюденем и Молитором, отчасти же служил резервом для обоих. К бригаде Гюденя примыкала дивизия Тюрро, стоявшая в Валлисе и занимавшая перевалы против Гаддика.

О позиции Гюденя мы знаем лишь то, что он защищал Сен Готард 3 батальонами, а 1 батальон имел на Фурке, и, по словам Жомини, имел еще один отряд на Криспальте. Мы не знаем, имеет ли генерал Жомини в виду только тот пост, который французы имели в Обер-Альпзее, или же этот отряд выделил также посты в направлении Дисентиса и для прикрытия Мадеранской долины. Во всяком случае, этот отряд следует исчислить в пару батальонов, поскольку французское донесение упоминает о 67-й полубригаде, сражавшейся у Обер-Альпзее. В таком случае

---

[1] Эрцгерцог в своей истории кампании 1799 г. говорит: «Когда Суворов приступил к принятию серьезных мер для похода в новое место своего назначения, в Швейцарию, он согласовал с Готце и Корсаковым план совместных операций. После многократных переговоров, наконец, 10 сентября было решено, что 21 сентября он выступит из Белинцоны для атаки Сен Готарда».

Циркуляр Суворова генералам Корсакову, Готце и Линкену датирован 5 сентября. Между 5-м и 10-м, впрочем, можно было получить ответы от Корсакова и Готце и в связи с ними принять новое решение. Так как мы должны придавать большое значение словам чрезвычайно правдолюбивого и в этом отношении, несомненно, хорошо осведомленного эрцгерцога, то мы уже признали за факт принятое в Асти изменение срока выступления. Однако и сам эрцгерцог тоже жалуется на задержку, причиненную запаздыванием мулов генералу Суворову в Таверно.

бригада Гюдeня оказывалась силой в 6 батальонов, т. е. примерно в 3 500 чел.

Если ближе вглядеться в проходы через Сен-Готардский хребет, то это расположение войск Гюденя имеет, повидимому, кое-какие основания. Мы не хотим этим сказать, что оно было совершенным, а только то, что у нас просто нехватает сведений для суждения о нем. Помимо самой Сен-Готардской дороги, которая ведет из Айроло, вдоль долины Тремола, через Госпис на Госпиталь, туда ведут через горный хребет еще три другие пешие тропы, и притом таким образом, что они сходятся на шоссе у Урзерна (Андермат), у входа в узкую долину реки Рейсы. Таким образом, эти тропы следует рассматривать для Сен Готарда как обходные. Первая тропа ведет влево, через Левантинскую долину, к Фурке, а оттуда сквозь долину Урзерн, через Реальп, в Госпиталь; вторая ведет из Айроло вправо, через долину Канариа и один очень высокий скалистый перевал, Понтенера, к Унтер-Альпзее и через его долину в Урзерн. Третья же ведет через Санта Мария у входа в Медельскую долину, а также из Брюньяско (Пиота) через Ротомское озеро и Лукманиерский хребет, а до этого также через долину Бленио. Начиная же от Санта Мария, он проходит через Медельскую долину и долину Переднего Рейна по направлению к Обер-Альпзее.

Из этого совершенно естественно вытекала расстановка сил, заключавшаяся в том, чтобы главный пост оборонял Сен-Готардскую дорогу; все же три побочных пути либо оборонялись в подходящих пунктах, либо просто находились под наблюдением. У Урзерна же должен был находиться резерв, готовый отбросить неприятеля, наступающего по одной из боковых троп, как только он приблизится на достаточно близкое расстояние.

Обратимся теперь к расстановке сил французов: у Урзерна, правда, не было никакого резерва, однако генерал Лекурб с бригадой Луазона в долине Рейсы мог рассматривать себя как резерв, так как Альторф расположен всего в 4 милях от Урзерна и Лекурб мог бы подоспеть достаточно своевременно, если бы создалась угроза Сен Готарду. На Фурке находился батальон, а у Обер-Альпзее, как кажется, 2 батальона. Зато о занятии дороги, идущей через Понтенеру, не имеется никаких данных. Однако это в известной степени и понятно, поскольку Гюдень со своими главными силами занял позицию непосредственно позади Айроло и потому путь через Понтенеру всегда был под его личным наблюдением. Возможно также, что в это время года этот перевал был уже непроходим.

Самый Сен-Готардский перевал, т. е. горная седловина, где дорога переваливает через водораздел, не представляет собой сильной позиции для нескольких тысяч человек, так как он состоит из небольшого плато довольно значительной ширины. Наиболее трудные места подымающейся вверх из Италии дороги находятся на тесном и крутом подъеме из долины Тремолы, начинающемся позади Айроло и ведущем почти до

самого Госписа, а также в крутых и многократных извилинах, по которым дорога вьется из этой долины к небольшой террасе между этой долиной и Госписом.

То, что французы обычно, как и в данный момент, держали свое главное сторожевое охранение близ Айроло, а не в каком-либо другом месте долины Тремолы, вызывалось тем, что этот пункт, кроме того, прикрывает тропинки, ответвляющиеся через долину Бедрет (долина верхнего Тичино) и долину Канария, и прикрывает самую трудную часть Сен-Готардской дороги, которую целесообразно оборонять шаг за шагом.

Поскольку, в конце концов, каждый перевал, обороняемый горстью пехоты на горных склонах или над ними, может быть обойден, то в случаях, когда, подобно данному, сопротивление должно оказываться очень значительному превосходству сил, очевидно, что такое сопротивление будет длиться дольше всего,— другими словами, будет наиболее упорным, если только оно рассчитано не на одну единственную позицию, а на несколько позиций, расположенных последовательно одна за другой. Поскольку эти позиции не могут быть преодолены лобовой атакой, то срок, потребный для их обхода, и определяет длительность их сопротивления. Легко себе представить, что таким способом можно заставить нападающего затратить гораздо больше времени для преодоления перевала, чем если все будет направлено только на оборону самой большой теснины или наиболее выгодной позиции.

Стратегическая расстановка сил Суворова для атаки была следующая. Одна колонна в 6 000 чел., под командованием генерала Розенберга, должна была направиться через долину Бленио и Медельскую долину в долину Переднего Рейна. Там он должен был вступить в соприкосновение с сосредоточивавшимся у Дисентиса австрийским генералом Ауфенбергом, располагавшим 2 400 чел. После этого оба: последний — через Мадеранскую долину, а первый—мимо Обер-Альпзее, должны были в тот же день ворваться в долину Рейсы, когда сам Суворов штурмовал бы Сен Готард. Таким образом, дивизия Лекурба была бы атакована в тот же день в трех пунктах. Атака через Мадеранскую долину производилась отчасти как демонстрация по отношению к атаке Сен Готарда, для ослабления его обороны, а отчасти для того, чтобы преградить французским войскам, направлявшимся из Альторфа, путь к Сен Готарду, задержать те войска, которые были расположены в более высоких районах, и помешать им оказать поддержку Сен Готарду; наконец, и для того, чтобы вернее отрезать путь к отступлению силам, отступающим от Сен Готарда.

В каком из этих четырех направлений должен был оказать наибольшее воздействие генерал Ауфенберг — нельзя было предвидеть заранее. Однако было несомненно, что тем или иным способом он должен был оказать очень действительное содействие прорыву Суворова. Атака по дороге на Обер-Альпзее являлась атакой с тыла на самую Сен-Готард-

скую позицию. Правда, при этом неприятель, как это всегда бывает у обороняющегося при атаках его тыла, имел то преимущество, что оказывался среди разобщенных колонн атакующего. Однако в высокогорной местности атакующий должен итти на такой риск, ибо теснота дорог и троп не позволяет ему использовать иным способом свое численное превосходство. Самое главное заключалось в том, чтобы атака колонны, действовавшей с тыла, точно совпадала с наступлением главных сил, после чего, благодаря перевесу сил, нельзя было ожидать ничего иного, кроме преодоления врага.

Как мы уже указали, Суворов поручил командование над колонной, которая должна была наступать через долину Бленио, генералу Розенбергу, отрядил в эту колонну 8 батальонов и 2 казачьих полка и распорядился, чтобы она выступила в Белинцону на 2 дня раньше, т. е. 19 сентября.

Сам Суворов выступил, таким образом, туда же 21-го, все еще во главе около 14 000 чел.

Расчет наступления был следующий:

21-го: Суворов — в Белинцоне,
Розенберг — в Донжио;
22-го: Суворов — в Джорнико,
Розенберг — в Санта Мария;
23-го: Суворов — в Дацио,
Розенберг — в Тавеч.

В этот день к Суворову присоединился полковник Штраух со своей бригадой, силой в 4 000 чел., прибывшей из долины Маджия, а Розенберг вошел в соприкосновение с Ауфенбергом, находившимся у Дисентиса со своими 2 400 чел. Отряд генерала Гаддика содействовал переходу через Сен Готард только демонстрациями против Валлийских перевалов, для того чтобы занять Тюрро, что ему полностью и удалось.

24-го Суворов, имея теперь уже 18 000 чел., приступил к атаке Сен Готарда, т. е. против позиции, занятой Гюденем у Айроло. Он опять образовал три колонны, причем главная колонна наступала по шоссе для лобовой атаки, полковник Штраух с 3 батальонами — в обход правого, а генерал Швейковский с 8 батальонами — в обход левого фланга противника.

Гюдень, насколько это нам представляется, занял приблизительно всего лишь 1 000 чел. позицию на высоте, находящейся позади Айроло и называемой Альчино дель-Боско. Таким образом, следует предположить, что он выделил из своих 3 батальонов еще и другие отряды. Эта позиция оказалась, повидимому, обойденной справа, так как полковник Штраух продвинулся вперед вдоль правого берега долины Тичино, имевшей довольно широкие полосы возделанной земли и потому доступной для восхождения.

Обходное движение Швейковского с правой стороны охватывало, однако, не одну только позицию у Айроло, а также и всю долину

Тремолы и тем самым всю оборону Сен Готарда. Дело в том, что этот генерал со своими 8 батальонами взобрался на главный Альпийский хребет непосредственно по его крутому склону, т. е. не воспользовавшись какими-либо долинами, обошел устье реки Соречия в маленькой долине, являющейся ответвлением долины Тремолы, оставил справа от себя озеро Стелла, откуда вытекает другой приток, стекающий в долину Тремолы, и направился прямо на Госпис. Таким образом, он оставил Сен-Готардскую дорогу примерно на 2 000 шагов влево от себя.

Этот переход генерала Швейковского, который еще памятен отдельным старожилам тех мест, вызывает величайшее изумление и является в своем роде самым изумительным из подвигов за время всего похода Суворова. По сведениям местных жителей, русские пользовались для этого когтями для влезания на столбы (кошками), изготовленными в большом количестве австрийцами специально для этой цели.

Итак, мы видим, что путь через долину Канария в данном случае совершенно не был использован, а наоборот, Швейковский прошел по местности, которую, судя по прежнему опыту, следовало считать совершенно непроходимой. Была ли пешеходная тропа через долину Канария недоступна в это время года, или же Суворов не захотел ею воспользоваться, потому что она кружным путем выводит на Андермат, т. е. к стратегическому обходу, — мы сказать не можем.

Обходное движение Швейковского[1] должно было явиться полной неожиданностью для французов. Но, поскольку оно потребовало много времени, оно не сократило длительности сопротивления. Поэтому от Айроло до самого Госписа Суворов столкнулся с очень упорным сопротивлением, длившимся до 4 час. пополудня и стоившим русским 1 200 чел. убитыми и ранеными. Столь большие потери были вызваны главным образом тем, что Суворов, слишком нетерпеливый для того, чтобы обождать действия обходных движений, все время гнал вперед лобовую атаку, а укрытые в ущельях и за скалами французские стрелки обстреливали густые колонны атакующих русских очень действительным огнем.

От этого первого соприкосновения с альпийской войной русские войска испытали, повидимому, нечто вроде трепета. Они пришли из богатых, веселых равнин Италии, а теперь вступили в снежные Альпийские горы, стоявшие перед ними сомкнутыми рядами. Узкая дорога через тесную долину, выщербленные скалистые стены гор, бесконечный подъем ввысь, к застывшим обломкам былых земных и небесных революций, — производили гнетущее впечатление на воображение всех, от первого до последнего. Сами французы, владевшие этими доходившими до небес громадами, хорошо знакомые с этими ущельями, чувствовавшие себя в этой местности, как у себя дома, должны были производить на них

[1] Согласно Милютину, колонна Швейковского осталась в главных силах на дороге, и обход французских позиций справа производился авангардом князя Багратиона, который от самого Айроло свернул в горы и до самого Госписа двигался без дорог по горам, заставляя французов покидать свои позиции. — *Ред.*

впечатление каких-то гигантов. Голос русского вождя, который сам представлялся гигантской фигурой, преодолел эти впечатления, и сражение медленно и кровопролитно ползло вверх по узкому ущелью долины Тремолы, до самого Сен Готарда. В 4 часа пополудни Суворов прибыл в Госпис и теперь уже без дальнейших затруднений смог спуститься в Госпиталь. Так был разрублен первый узел сложной и трудной задачи.

Сражение у Обер-Альпзее 24 сентября

Генерал Розенберг 24-го двинулся из Рейнской долины к Обер-Альпзее и в 3 часа дня столкнулся там с неприятельской заставой, силу которой русские донесения не приводят. По донесению же генерала Массены, застава эта, повидимому, состояла из 67-й полубригады. Поскольку, однако, эта полубригада составляла половину бригады Гюденя, то вряд ли можно предположить, чтобы тут находилось больше 2 батальонов из этой полубригады.

Сопротивление было упорным, бой длился несколько часов, и наконец, превосходство сил привело к преодолению и этой заставы[1]. Французы были отогнаны к Урзерну. Генерал Розенберг лишь к вечеру добрался до высот над Урзерном.

Тем временем подоспел Лекурб с большей частью бригады Луазона. Повидимому, узнав о наступлении Суворова уже из донесений предыдущего дня, Луазон немедленно выступил в поход на Урзерн. В котором часу он прибыл туда — не указывается ни в одном сообщении. Но очевидно, это случилось еще до того, как Розенберг захватил заставу у Обер-Альпзее, и после того, как Гюдень сдал уже позицию у Сен Готарда, ибо Лекурб, прибыв в Урзерн, ограничился тем, что оставил там резерв, а с остальными своими войсками занял позицию южнее Госпиталя, имея позади себя это селение и западный приток реки Рейсы. На следующее утро он решил перейти в контрнаступление на Суворова. Из этого вытекает, что Лекурб не подозревал о продвижении столь значительной колонны через Криспальт, покрытый уже снегом и льдом в это время года, и что, с другой стороны, повидимому, за поздним вре-

---

[1] Ряд писателей, в числе других и эрцгерцог, рассказали впоследствии, что русские перебили или взяли в плен 1 500 французов из 67-й полубригады. Жомини это, повидимому, показалось весьма мало вероятным; однако, питая большое уважение к цифровым данным, приводимым эрцгерцогом, он выходит из положения тем, что, говоря про отряд, стоявший на Криспальте, заявляет, будто большая часть этого отряда была взята в плен или перебита. Однако русское донесение ничего не говорит о таком большом числе убитых и пленных, а упоминает лишь про несколько сотен. Это заставляет предположить, что в приведенной выше цифре скрыта какая-то ошибка и что ошибка эта возникла, вероятно, вследствие несколько искаженного текста перевода французского донесения. Согласно этому переводу («Allgemeine Zeitung», Jahrgang 1799, № 320) Массена говорит: «Одна только 67-я полубригада при проходе через Урзерн причинила потерь 1 500 человек». Несомненно, эти слова, бегло прочитанные, и послужили причиной тому, что все решили, будто именно 67-я полубригада потеряла 1 500 чел.

менем, уже было невозможно что-нибудь предпринять для обратного захвата Сен Готарда.

Генерал Гюдень с большей частью своих войск неизвестно почему отошел, повидимому, в направлении на Фурку. Суворов же сделал у Госписа привал, для того чтобы подтянуть свои войска, и потому тоже лишь к вечеру появился перед позицией Лекурба у Госпиталя, где опять сделал привал.

Генерал Розенберг, заметив у Урзерна новые неприятельские войска и не получая никаких сведений от главных сил Суворова, счел было дальнейшее продвижение несколько опасным. Было уже 9 час. вечера, когда Розенберг решился атаковать Урзерн. Это было поставлено генералу Розенбергу в укор, так как утверждали, что смелое наступление отрезало бы Лекурбу путь к отступлению.

Один очень дельный русский очевидец говорит, что при данном и вообще при подобных промедлениях и задержках причиной являлось больше утомление войск и незнакомство с ведением горной войны, чем какая-либо злая воля. Мы должны добавить, что если даже промедление Розенберга и в самом деле было преднамеренное, то, право, его можно рассматривать лишь как акт той обычной осторожности, которую проявило бы большинство генералов. Точно так же мы отнюдь не видим, каким образом в результате смелого натиска Розенберга можно было рассчитывать на пленение бригады Луазона, — на худой конец, генералу Лекурбу оставался открытым путь к Фурке. Лекурб не лишился бы даже того средства, которым он, как мы сейчас увидим, воспользовался. Такой результат скорее получился бы, если бы Розенберг продолжал наступление на Урзерн и Госпиталь еще позже, а именно только на следующий день, т. е. в тот самый момент, когда Лекурб был уже целиком занят отражением атаки Суворова, если бы вообще дело дошло до этого. Конечно, у Розенберга не могло быть и речи о подобной комбинации, так как он не мог так хорошо знать обо всем этом. Вообще мы только извиняем его за задержку, а не хвалим за нее, так как опасность, которой он бы себя подверг неотступным наступлением, не была слишком велика; там же, где нет такой опасности, смелость всегда лучше осторожности. Среди воинских добродетелей смелость — золото.

Как бы то ни было, — будь то сообщение о прибытии Суворова в Госпиталь, или приказ Суворова, или что-либо другое, что побудило Розенберга возобновить свое наступление, — но в 9 час. вечера он неистово бросился в атаку на французов, стоявших у Урзерна, и заставил их поспешно ретироваться к Чортову мосту. Стояла темная ночь, густой туман покрывал горы, и потому русские не имели возможности преследовать бежавших французов по пятам и совместно с ними прорваться сквозь Урнер-Лох и через Чортов мост. Они сделали у Урзерна привал и подкрепились припасами, оставленными французами.

Узнав о поражении своего резерва и о прибытии многочисленных сил неприятеля в Урзерн, Лекурб понял, что для него не может быть

и речи о сопротивлении в районе Госпиталя, что прорыв к Чортову мосту мог поставить его в безнадежное положение, если бы Суворов набросился на него с другой стороны. Поэтому он быстро принял решение и приказал своему резерву взорвать Чортов мост, сам же со своими войсками отступил, перейдя у Цумдорфа через высокий хребет, в долину Гешенен, чтобы у этого пункта вновь вернуться в долину Рейсы. Так как Лекурб не мог вывести по этой дороге свою артиллерию, то для того, чтобы русские, захватив ее, не смогли сразу обратить жерла орудий против него, а также для того, чтобы отнять у них этот трофей, он распорядился сбросить все орудия в пропасть Рейсы. Однако сначала, для того чтобы нагнать страх на русских, оглушив их громом пальбы, Лекурб распорядился произвести всеобщий артиллерийский залп по лагерю русских.

Так кончился день 24 сентября. Помимо своей артиллерии, французы понесли лишь незначительные потери. Потери же русских следует исчислить около 2 000 чел. Русские овладели Сен Готардом и в этом отношении пока выполнили свой план. Однако французы остались хозяевами Урнер-Лоха и Чортова моста, т. е. двух таких теснин, равные которым вряд ли где-нибудь найдутся, и там в любом случае следовало ожидать настолько упорного сопротивления, что Суворов никак не мог рассчитывать достигнуть на следующий день Альторфа, отстоявшего оттуда на 4 мили, как это стояло у него в плане. Более того, возникла величайшая опасность совсем не прорваться сквозь Урнер-Лох или Чортов мост и в таком случае оказаться вынужденными спуститься через Криспальт в Рейнскую долину. Немыслимо было представить, чтобы Суворов со всей своей армией смог бы и даже захотел бы следовать по тому же пути, который избрал Лекурб. Дело в том, что форсировать Чортов мост не было никакой другой возможности, кроме как при содействии наступления генерала Ауфенберга на Амштег, что, во всяком случае, затруднило бы сопротивление французов у Чортова моста. Однако полный успех генерала Ауфенберга был еще очень спорным.

Итак, уже можно было предвидеть, что Суворов либо совсем не попадет в район Швица, либо прибудет туда, самое раннее, 27-го. А в таком случае все австрийские отряды, имевшие задание атаковать 26-го, подвергались опасности быть разбитыми до того, как к ним прибудет Суворов.

Суворов захватывает Чортов мост

Суворов оставил на Сен Готарде полковника Штрауха с его бригадой, для того чтобы прикрывать этот перевал со стороны Валлиса, и 25-го утром соединился с Розенбергом, после чего направился на Урнер-Лох. Этот тоннель, прорытый при помощи взрывов сквозь скалы, имел длину в 80 шагов и находился примерно в 400 шагах от Чортова моста. Через него проходит Сен-Готардское шоссе. Тоннель французами не был прегражден или сделан непроходимым и непосредственно не обо-

ронялся, а только обстреливался ружейным огнем с того берега Рейсы.

Если бы здесь заранее были приняты оборонительные меры, то, вероятно, бруствер из бревен с поставленной за ним пушкой позволил бы оказать здесь полное или, по крайней мере, очень длительное сопротивление, гораздо более продолжительное, чем на Чортовом мосту. Если бы даже неприятель овладел, в конце концов, входом в тоннель, то пушку можно было бы бросить на произвол судьбы, а немногочисленный отряд успел бы спастись, пройдя по отдельным доскам, переброшенным через взорванную арку моста.

Выход же из Урнер-Лоха нельзя было оборонять, так как дорога круто спускается оттуда вниз к мосту и потому не дает возможности занять там позицию.

Французы взорвали также не самый Чортов мост, а только лишь арку, поддерживающую шоссе в сторону Урзерна. Это единственное материальное препятствие было само по себе вполне достаточно для задержания натиска русских непосредственно по самой дороге. Но если иметь в виду восстановление взорванного участка дороги, после того как русские ею овладели, то полный взрыв арки моста, пожалуй, оказался бы гораздо более действительным средством. Французы пожалели этот мост, потому что рассчитывали, что впоследствии он окажется им еще полезным.

Для обороны этого пункта надо было сосредоточить достаточные силы, главным образом на левом берегу реки Рейсы. Дело в том, что Рейса была легко проходима вброд, а подножие горного хребта, сквозь который проходит Урнер-Лох, образует перед тоннелем 15-метровый спуск к реке Рейсе, по которому можно, в случае необходимости, спуститься до самого русла реки. Поэтому оборона участка не могла ограничиваться только сломанной аркой.

Таким образом, если бы Лекурб, вместо того чтобы итти на Госпиталь, засел с бригадой Луазона за Чортовым мостом, то мы себе не представляем, как русские могли бы продвинуться вперед хотя бы на шаг. Русские были бы тогда принуждены направиться через Криспальт в Рейнскую долину. Однако Лекурб пошел вперед на Госпиталь в целях вновь отбросить русских от Сен Готарда, а такое намерение никогда нельзя осуждать.

Отрезанный Розенбергом от Чортова моста и вынужденный обходным путем спускаться в Гешенен, Лекурб, правда, мог бы еще успеть во-время появиться оттуда у Чортова моста, для того чтобы оборонять его. Однако сообщение о продвижении австрийской колонны по Мадеранской долине, а еще другой колонны — по долине верхней Линты, вероятно, отклонило его от мысли о сопротивлении в верхней долине Рейсы.

Ему, разумеется, пришлось бы теперь либо оборонять реку Рейсу до Альторфа, либо допустить отрезать себя от Альторфа и ограничить свои пути отступления единственной горной тропой от Вадена сквозь Майенскую долину. Понятно, что он не захотел допустить ни того, ни

другого и потому безостановочно продолжал свой путь до Амштега у выхода из Мадеранской долины. Получилось так, что обе наиболее сильные теснины Швейцарии — Урнер-Лох и Чортов мост — оборонялись очень слабо или почти совсем не оборонялись. Даже войска, отошедшие через Чортов мост из Урзерна, повидимому, не стали дожидаться атаки на Чортов мост, а продолжали свой путь, оставив в качестве арьергарда лишь одну роту.

Так обстояло дело, когда 25 сентября утром Суворов подступил со своей головной колонной к Урнер-Лоху. Первый батальон мужественно бросился в мрачно зиявшую дыру, откуда навстречу русским, охваченным трепетным предчувствием, веяла неведомая гибель. Следующие бросились вслед за ними и стали напирать. Когда первые вышли из Урнер-Лоха к открытой пропасти Чортова моста, они не смогли немедленно же отойти назад[1]. На узкой дороге между скалами и пропастью произошла давка столпившихся густых масс, обстреливаемых губительным неприятельским ружейным огнем; многие из солдат не удержались в вихре смятения и сорвались в пропасть. Но в этот миг смятения русские дали новое великое доказательство своей отваги и решимости. Подвергаясь все время опасности свалиться в пропасть и невзирая на близкий неприятельский ружейный огонь, они спустились по крутому скалистому склону, вышиной примерно в 150 м, отделявшему их от русла реки Рейсы, перешли вброд эту реку, бурливые волны которой доходили им почти до подмышек, взобрались на противоположный столь же высокий берег и прогнали стоявших за мостом французов. Русские смогли это сделать в столь трудной обстановке, вероятно, потому, что благодаря своей численности они произвели эту атаку очень широким фронтом в то время, когда немногочисленные французы были заняты перестрелкой у сломанной арки моста. Однако никто не будет из-за этого отрицать, что данная атака была одним из прекраснейших примеров отваги. Русские овладели, таким образом, мостом и взорванной аркой и смогли заняться восстановлением переправы, наложив поперек бреши в арке стволы деревьев и доски.

Эта работа длилась до 5 час. пополудни, и колонна прибыла, таким образом, лишь поздно вечером в Вазен, где она сделала привал.

Генерал Ауфенберг выступил со своими 4 батальонами 24-го из Дисентиса, для того чтобы направиться через долину Штримзер, перевал Крейцли и долину Эйцли на Амштег при устье Мадеранской долины в долину Рейсы.

Из одного частного сообщения того времени можно, правда, как будто заключить, что генерал Ауфенберг призвал для поддержки своей операции 4 000 чел. граубюнденского ландштурма, но нигде не говорится, действительно ли они явились на призыв, вернее же всего следует

[1] Милютин в своей истории пишет, что французы обороняли Урнер-Лох ружейным и картечным огнем из пушки, поставленной в тоннеле, и очистили его только после появления русских на горах выше выхода из тоннеля к мосту.— *Ред.*

сомневаться в возможности ощутительного результата от такого мероприятия, тем более что об этом не упоминает ни один историк. Мы можем поэтому допустить, что Ауфенберг не получил сколько-нибудь значительного подкрепления такого рода.

Путь от Дисентиса до Амштега — длиной лишь 7 час. хода, тем не менее генерал Ауфенберг 24-го еще не прибыл в Амштег и застрял в Мадеранской долине, где, как говорит эрцгерцог Карл, его настигла ночь. Повидимому, некоторую роль в этой задержке перед самой целью сыграла осторожность. Генерал Ауфенберг знал, что Суворов атакует 24-го Сен Готард. Вероятно, он слышал от местных жителей, что Лекурб двинулся туда. Поэтому он хотел дать Лекурбу время удалиться, чтобы не иметь дела со слишком большим численным перевесом у противника.

25-го утром Ауфенберг продолжал свое продвижение к Амштегу, прогнал слабое французское сторожевое охранение и прошел через деревню. Однако в это время появились подкрепления из Альторфа, вероятно, силой до 2 000 чел. С другой стороны, вряд ли мыслимо, чтобы в той местности у французов еще оставалось столько сил. Вероятнее всего, Ауфенберг имел тут против себя максимум пару батальонов. Он только что успел отбить их атаку, как вдруг со стороны Вазена появился Лекурб с бригадой Луазона.

Теперь Ауфенбергу пришлось иметь дело с очень большим численным превосходством врага, против которого надо было бы сражаться фронтом и на север и на юг. Естественно, он тем скорее уклонился от такой борьбы, что мог себе сказать: Суворов, мол, не в состоянии следовать по пятам за генералом Лекурбом, а в то же время Мадеранская долина дает возможность уклониться от боя, и это будет, собственно говоря, даже не отступление.

Таким образом, Лекурб очистил себе путь до Амштега; после же того, пройдя в один переход путь от Госпиталя до Амштега, в том числе 3 мили по труднейшим горным тропинкам, он сделал за Амштегом привал.

Лекурб мог бы теперь ожидать Суворова и попытаться оказать ему здесь новое сопротивление, так как тут он только на несколько миль был отделен от Люцернского озера; Линкен, который ближе всего угрожал его тылу, направившись на Гларис, скорее удалялся от Рейсы, чем приближался к ней.

На приближение Массены, с таким расчетом, чтобы Лекурб мог отходить на него в течение первых 3 дней, нечего было и рассчитывать, потому что Массена только лишь 25-го переправился через Лимат для атаки русских у Цюриха. Мы не совсем понимаем поэтому, что́ именно удержало Лекурба от попытки оказать 26-го у Амштега то сопротивление, которое 24-го он намеревался оказать у Сен Готарда. Если бы у него была такая мысль, он, разумеется, 25-го бросился бы со всеми своими силами на Ауфенберга, и вряд ли можно предположить, чтобы тот оказал Лекурбу успешное сопротивление.

Между тем бой Ауфенберга с Лекурбом всегда представляют в таком виде, как будто последний оказался не в состоянии отогнать первого от выходов из Мадеранской долины. Если бы Лекурб, однако, серьезно захотел этого, то трудно поверить, чтобы оно ему не удалось. Поскольку же ни одно из донесений и ни один из историков не рассказывают о серьезном и упорном бое, то из этого следует, что никакого боя вообще не было; из этого же можно заключить, что Лекурб, едва только он прибыл в Амштег, уже намеревался отступить еще дальше, а в таком случае у него, конечно, не было никакого интереса ввязываться в дальнейшую борьбу с Ауфенбергом.

Лекурб велел поэтому сжечь мост через речку Герстенбах и дал до вечера отдых своим войскам. После этого он продолжал отступление, перешел у Эрстфельда реку Рейсу и удовольствовался тем, что занял на левом берегу этой реки фланговую позицию, причем велел разрушить мост, сохранив только один мост у Зеедорфа, перед которым поставил свой авангард. Так как он распорядился все перевозочные средства на Люцернском озере переправить на западный берег, то он был убежден, что Суворов сможет продолжать свой путь на Швиц не иначе, как через Шахенскую и Муттенскую долины. Для этого случая такая фланговая позиция, какую Лекурб занял за рекой Рейсой, казалась ему особенно чреватой последствиями, поскольку он мог оттуда преградить позднейшее отступление через долину реки Рейсы и одержать блестящий успех над русским арьергардом.

Суворов 26-го ночью выступил из Вазена и подошел к Амштегу еще до рассвета. Заметив в окрестностях этого селения большое число бивачных огней, он было остановился, но вскоре узнал, что это огни генерала Ауфенберга. Соединившись с Ауфенбергом, Суворов направился после этого в Альторф, куда и прибыл к полудню.

Прибыв в Альторф, Суворов своими глазами убедился в ужасающей ошибке, в которую вовлекли его превратный образ мыслей и легкомыслие австрийского генерального штаба.

Сен-Готардская дорога упирается тут в волны Люцернского озера, а на озере не было видно никаких перевозочных средств. Ему преграждала путь непроходимая горная масса, протягивавшая свой обнаженный скалистый перст вверх к мрачной Шахенской долине, словно гигантский указатель судьбы. Только сквозь эту долину мог продолжать он свой поход, по этим выщербленным крутизнам скал, по крутым, опасным для жизни пастушьим и охотничьим тропинкам должен был он карабкаться то вверх, то вниз, для того чтобы достигнуть Муттена, где затем он должен был встретить город Швиц и более приветливую местность. Но надо было торопиться, потому что он и так уже на целый день опоздал в Альторф, а на Линте и на Лимате уже 2 дня слышен был гул сражения. Направлять это сражение и дать ему решающий исход было уже слишком поздно, но если он замешкается хотя бы миг, стараясь выпутаться из этой сети скал, в которой запутал его гибельный план австрий-

цев, то в любую минуту перед ним может появиться противник и мечом преградить ему выход.

Между тем армия Суворова была уже подточена разрушительными трудностями походов, боев и лишений, разъедающими ее крепкую структуру, как разъедается металл под воздействием азотной кислоты.

Уже 6 дней карабкается его армия то вверх, то вниз по скалистым крутизнам. Уже в течение 3 дней бьется она за овладение пешеходными тропами, мостами, переходит вброд через Рейсу, карабкается на ее крутой берег, поодиночке ползет по узким мостикам и бревнам; проливной дождь поливает ее из туч, низко нависающих над склонами гор, вздувает ручьи и реки, затрудняет каждый шаг. Продовольствие на вьючных животных не поспевает за войсками, и утомленные бойцы ограничиваются тем, что́ они находят у местных жителей или отбивают у французов. Так труды и лишения истощают силы русских, и за походной колонной армии тянется уже от Айроло до Альторфа непрерывная смешанная вереница вьючных животных и отсталых людей.

В таком состоянии прибыл Суворов 26 сентября в Альторф. Собрать свою армию, дать ей несколько дней отдыха, подождать прибытия продовольствия — было самой ближайшей задачей, самой срочной потребностью; ничто непосредственно не мешало Суворову сделать это, ибо в его непосредственной близости не было никакого противника, за исключением 5 000—6 000 чел. Лекурба, да громадных скал, окружавших его со всех сторон, но одновременно и охранявших его от более отдаленного врага. Если бы, пока он предоставил своей армии несколько дней отдыха, ему преградили доступ в Муттенскую долину или выход из нее, ему оставался бы еще путь через перевал Клус, в долину Линты или даже через Мадеранскую долину в Рейнскую долину. Все эти пути, хотя и они были достаточно трудны, все же нельзя было сравнить с теми трудностями, которые ему пришлось бы преодолевать на пути в Муттенскую долину. Тут же ему пришлось бы итти по такой пешеходной тропинке, которая даже ему до этого не попадалась и на которую, пожалуй, не ступала нога ни одной армии с тех пор, как ведутся войны. То, что Суворов потребовал этого от своей армии в том истощенном состоянии, в котором она прибыла в Альторф, свидетельствовало о невероятной силе воли полководца, и то, что он добился этого от нее, было свидетельством замечательной власти Суворова над духом своих войск. Осторожный полководец, если вообще можно себе представить такого полководца в подобном положении, остановился бы, а потом повернул бы вспять. Но Суворов чувствовал себя слишком сильным, чтобы отступать перед подобными трудностями, и слишком гордым, чтобы допустить даже мысль, что по собственной вине он не прибудет на тот сборный пункт борьбы, который сам назначил своим генералам. Ему не терпелось прибыть на этот сборный пункт, не теряя ни мгновения, и он его не потерял. Уже на следующее утро он выступил к Муттену.

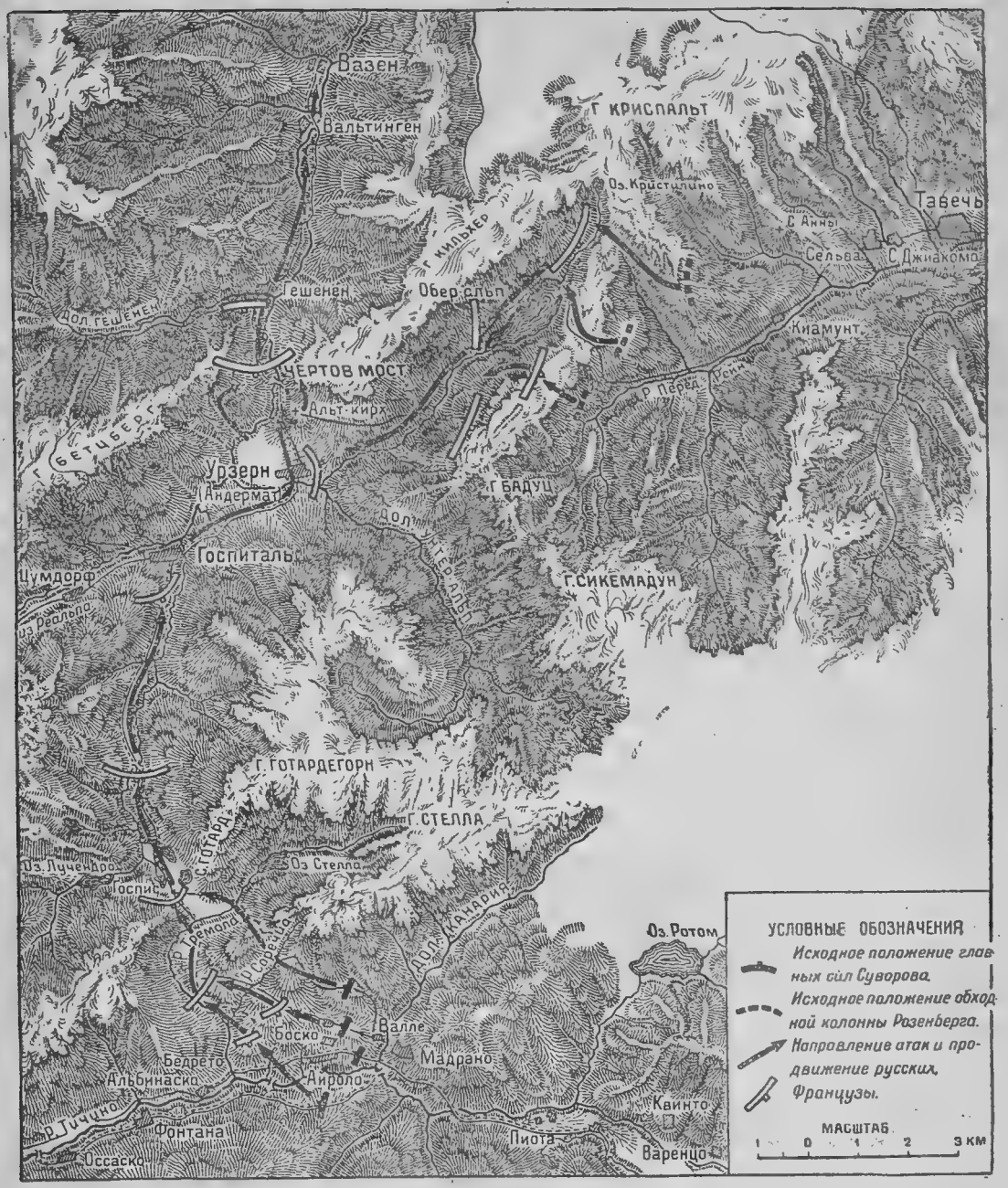

Схема 3. Переход через Сен Готард

Суворов переходит из Шахенской долины в Муттенскую и отступает оттуда в долину реки Линты

(Схемы 4 и 5)

Из Шахенской долины одна дорога ведет через Бельмванд и перевал Клус (Клаузен) в долину Линты. В Муттенскую же долину ведут две пешеходные тропы, которыми пользуются только пастухи да охотники. Более удобная тропа ведет через долину Бизи, другая, более короткая,

но зато гораздо более крутая, — через Кинциг-Кульм, по поперечной долине, выходящей непосредственно к Муттену. Суворов выбрал последнюю, и притом только ее одну, совсем не воспользовавшись другой, поводом к чему, очевидно, послужили местные условия.

Русская армия расположилась лагерем в самой Шахенской долине, повидимому, настолько высоко по склонам окаймлявших ее гор, что не могла подвергаться наблюдению французов с левого берега Рейсы. Генералы же Розенберг и Ауфенберг стояли у Альторфа в качестве авангарда против Лекурба; авангард его у Зеедорфа Суворов ошибочно не прогнал и не разрушил моста.

Рано утром 27-го авангард выступил к Муттену. Путь из одной долины в другую не превышает и 2 миль, но он настолько тяжел, что даже одиночный путник затрачивает 7—8 часов, чтобы его пройти. Поэтому-то первые 2 сотни казаков, шедшие во главе авангарда, прибыли в Муттен лишь в 5 час. пополудни, потратив 12 часов на эти 2 мили. В Муттене они атаковали несколько рот французов, высланных туда из Швица, и частью захватили их в плен. Повидимому, это были войска, оставленные там Лекурбом, а возможно, что они принадлежали и к дивизии Сульта.

Сам Суворов прибыл в Муттен лишь 28-го, перед рассветом, вместе со своей первой дивизией. Другими словами, он провел ночь на горном хребте, и ему потребовалось, пожалуй, 20 часов, чтобы пройти это маленькое расстояние. Медлительность этого похода вызывалась, разумеется, беспрестанными отставаниями колонн в тех местах, где люди поодиночке, с трудом и опасностью для жизни, переползали или карабкались через скалистые хребты или же осторожно помогали друг другу пробираться по узким мосткам через пропасти. Временами приходилось вновь собирать батальоны, поджидать подхода отставших. Таким образом, вполне объяснимо, почему пришлось потратить 20 часов, чтобы дивизия численностью от 8 000 до 10 000 чел. смогла совершить этот трудный горный переход.

Движение же всей армии длилось непрерывно с утра 27-го до вечера 29-го, т. е. целых 60 часов. В течение всего этого времени мы должны представить себе русскую армию, после соединения с Ауфенбергом, все еще насчитывавшую 25 000 чел., медленно ползущую длинной вереницей, словно гусеница, через огромный горный хребет. В Муттенской долине первые прибывшие с нетерпением ожидали прибытия следовавших за ними, для того чтобы получить возможность поскорее выйти в более открытую местность. В Шахенской долине, у подножия горы, стояли скученные батальоны, нетерпеливо ожидая своей очереди выступить в поход и преодолеть горную стену, ибо со стороны Альторфа уже раздавалась трескотня оживленной ружейной перестрелки, которой арьергард прикрывал отход от атак Лекурба. По склонам же самого горного хребта ползет, задыхаясь, бедный тяжело нагруженный солдат. Изголодавшийся, с босыми ногами, взбирается он по отвесным, ставшим скользкими от дождя и водопадов скалистым крутизнам, карабкается по ним

с трудом, до последнего издыхания, лишь потому, что только таким образом он может выскользнуть из раскрывающихся позади него объятий смерти. Рассыпавшись по всем расселинам скал, лежат отдыхающие отряды, заболевшие и истощенные люди, утомленные и обессиленные вьючные животные. Сколько людей стали жертвой смерти оттого, что утратили последнюю искру силы воли, не успев достигнуть цели, или оттого, что, оступившись, полетели в пропасть, — не сообщает ни одно донесение. Но население тех долин еще до сих пор с сочувствием и изумлением вспоминает об этом беспримерном походе.

Лекурб уже 27-го атаковал арьергард Суворова, состоявший из войск генерала Розенберга, но не имел решительного успеха: дрались с переменным счастьем. Если это понятно в отношении 27 сентября, пока русские еще обладали численным превосходством, то все же трудно себе представить, почему Лекурб не смог до 28-го одержать блестящей победы над последними отрядами отступавших, а что этого, повидимому, не случилось, ясно из того, что Массена нигде об этом не упоминает в своих донесениях. По донесениям Суворова, Розенберг выступил вслед за ним уже 27-го, оставив против Лекурба всего только 2 пехотных полка. По рассказу же эрцгерцога, вероятно, основанному на донесении генерала Ауфенберга, дивизия Розенберга прибыла в Муттен лишь в ночь с 29-го на 30-е, из чего, повидимому, следует, что она выступила только 28-го. Так как эрцгерцог всегда очень добросовестно приводит свои данные, а донесения Суворова носят характер неясных и путаных воспоминаний, каковые и могли только сохраниться у русских офицеров, о событиях, развернувшихся на такой местности, с которой они не имели даже времени освоиться, то мы в этом отношении придаем больше веры эрцгерцогу.

Каким образом смелый и энергичный Лекурб не сумел предпринять ничего более значительного против арьергарда Суворова, как он даже не смог захватить большого числа вьючных животных, — нам не вполне понятно. Если это является следствием очень хорошо организованного отступления русских, то следует только очень пожалеть, что нам не удалось познакомиться ближе с его организацией, так как обстоятельные сведения об организации и совершении этого похода были бы во всяком случае весьма поучительны.

В то время как Суворову потребовалось 27, 28 и 29 сентября для того, чтобы пройти 2 мили из Альторфа до Муттена и последствия этого перехода походили на последствия поражения, Массена смог в течение первых 2 дней, без малейших затруднений, пройти 6 миль, отделявших Цюрих от Швица, и уже 28 сентября был готов встретить своего противника у Швица. Это достаточно подчеркивает те огромные преимущества, которые усматривает стратегия в обладании наиболее доступной местностью.

Дело в том, что французский главнокомандующий узнал о событиях на Сен Готарде 26-го, во время Цюрихского сражения. Поэтому, по окон-

чании сражения, он передал генералу Менару командование над дивизиями его и Лоржа и кавалерийским резервом, что составило вместе корпус с 18 000 чел. Этим силам надлежало преследовать Римского-Корсакова до Рейна, а затем установить за ним наблюдение. Сам Массена с дивизией Мортье, силой примерно в 7 000 чел., выступил к Швицу. Пехоте дивизии Клейна, силой около 6 000 чел., он дал приказ направиться в район Рихтеншвиля (севернее Эйнзидельна) для поддержки дивизии Сульта, большая часть войск которой должна была наступать на Везен и Шеннис.

Для того чтобы как-нибудь разобраться в этих решениях Массены, мы должны помнить, что он принял их 26-го, т. е. когда, вероятно, еще не знал об успехе, достигнутом в этот день Сультом, а имел только сведения о продвижении Елачича и Линкена в долину Линты и не знал еще, что Елачич 26-го уже отступил. Массена считал необходимым с одной половиной своих свободных боевых сил, т. е. около 15 000 чел., появиться на Линте, а с другой их частью, примерно 12 000 чел., — на Рейсе. Посылка им дивизии Клейна только в Рихтеншвиль, а не прямо на соединение с дивизией Сульта, — чрезвычайно половинчатое мероприятие, если только сообщение о принятии им такого решения не вытекает лишь из небрежной редакции донесения Массены, в котором, указывая на Рихтеншвиль, он имел в виду только направление. В тот момент как раз была произведена смена в командовании дивизиями. Лекурб получил приказ принять командование над Рейнской армией, Массена назначил Сульта на его место, а командование над дивизией Сульта передал генералу Газану.

После того как Массена отдал эти распоряжения, он лично отправился через Люцерн в Альторф к генералу Лекурбу и провел с ним день 29 сентября в Шахенской долине, где они, однако, уже не застали ничего, кроме печальных следов отступления в виде мертвых или умирающих людей и лошадей.

После этого генерал Массена взял с собой в Швиц бригаду Луазона, единственную воинскую часть, которую Лекурб имел с собой.

Присутствие Массены в Шахенской долине, повидимому, доказывает, что 29-го французы еще хорошенько не знали, что сталось с Суворовым.

Таким образом, прошло и 29 сентября, а французы не проявили никакой активности ни в Шахенской, ни в Муттенской долинах. Суворов же успел перебросить всю свою армию через горный хребет.

27-го, когда сам Суворов еще находился на пути в Муттен, он получил сообщение о победе, якобы одержанной Линкеном в долине Линты. Слух этот был несомненно вызван удачным боем этого генерала у Вихлер-Бада 25 сентября. Суворов, безусловно, поверил этому слуху, счел его следствием своих общих распоряжений, и, как только прибыл в Муттенскую долину, послал в Гларис отряд казаков, для того чтобы создать у Молитора впечатление, будто тот окружен со всех сторон, и предложить ему сдаться. Тут, повидимому, то чудачество, которое так свойственно личной жизни Суворова, снова вплелось в реальное ведение

войны [1]. Когда эти казаки прибыли, французы только что собирались занять одним батальоном пехоты Брагельберг, служащий перевалом между Муттенской долиной и Кленталем. Казаки были отброшены и первыми привезли сообщение о поражениях Римского-Корсакова и Готце. Поскольку это сообщение было передано французами, Суворов счел его сначала за хитрость, а потому и слышать не хотел о предложении, сделанном ему его офицерами, — итти через Брагельберг к Линкену и совместно с ним перейти в наступление из долины Линты. Наоборот, он решил без всяких задержек наступать к Швицу [2].

Однако 28-го в Муттен прибыла лишь часть его армии, и эта часть находилась в состоянии изрядного расстройства и утомления. Какие неприятельские силы придется встретить в Швице, — нельзя было точно предвидеть. Таким образом, Суворову пришлось, в конце концов, убедиться, что благоразумнее сперва собрать свои силы и взять обратно уже разосланный было приказ. Марш на Швиц был, таким образом, отложен на 29 сентября. Однако вскоре распространился слух о поражении Римского-Корсакова и Готце еще и из других источников. С каждым часом прибывали подтверждения, и вскоре у Суворова создалась уверенность в этом поражении.

Пораженный этим новым препятствием на пути выполнения своего плана, Суворов собрал военный совет. На этом совете, вполне естественно, должно было обсуждаться соображение, что армия Суворова, насчитывавшая, включая Ауфенберга, не свыше 15 000 чел. пехоты, почти без всякой артиллерии, с очень ограниченным количеством боеприпасов, не в состоянии одна исправить между Цюрихским и Люцернским озерами все то, что испортили Римский-Корсаков и Готце. Таким образом, если даже при дальнейшем наступлении через Швиц Суворову сначала и будет сопутствовать удача, то она никогда не приведет к изменению общей обстановки. Наоборот, для самого Суворова возникла величайшая опасность, как только он покинет прикрывающие его горы, быть атакованным со всех сторон превосходными силами неприятеля и, будучи окруженным со всех сторон теснинами, попасть, таким образом, в совершенно безнадежное положение. Это убеждение должно было, естественно, привести к принятию единственного решения, которое оставалось, а именно — спешно обеспечить за собой обладание Брагельбергом, для того чтобы через Кленталь направиться к Линкену, которого все еще считали одержавшим победу в том районе. Эта дорога из Швица на Гла-

---

[1] Милютин пишет, что Суворов очень беспокоился, не получая известий о действиях Линкена, и 28 сентября послал полковника Сычева с сотней казаков, чтобы открыть сообщение с австрийцами. Казаки вернулись с известием, что в долине Кленталь стоит неприятель, а о Линкене ничего не слышно. Первое известие о поражении Римского-Корсакова и Готце принесли Суворову местные жители, они же сообщили о сборе армии Массены в Швице, чтобы запереть русских в Муттенской долине. — *Ред.*

[2] Все русские источники опровергают это решение; имеются показания, что движение на Швиц предлагалось офицерами австрийского генерального штаба. — *Ред.*

рис, хотя и она не предназначалась для колесного движения, все же была одной из лучших, и потому в данном случае не могло быть и речи о переходе, подобном совершенному из Шахенской долины.

Тем не менее прошло еще много времени, пока гордый дух бесстрашного Суворова смог подчиниться мысли об отступлении. В его простой стратегии отступление равносильно поражению. И это отступление могло разрушить у врага веру в непобедимость Суворова, точно так же, как и в его собственной душе. Здесь мы видим, как полководцам, которые руководят армиями, основываясь главным образом на принципе храбрости и энергии, часто бывает необходимо укрощать этот принцип, словно дикое животное, и ставить его в надлежащие рамки, для того чтобы он стал созидательным, а не разрушительным. В конце концов, единодушное настроение окружающих победило чувство Суворова, и, ворча, он отдал приказ Ауфенбергу выступить 29-го к Брагельбергу. Поскольку же вся армия в этот день еще не была в полном сборе, выступление пришлось отложить на 30 сентября.

Военный совет, собранный Суворовым в таком неслыханно трудном положении, происходил в монастыре у деревни Муттен и описан Милютиным следующими словами (т. 2, стр. 279—283):

«18-го числа (29 сентября) Суворов собрал у себя военный совет, на который приглашены были: великий князь Константин Павлович, все русские генералы и некоторые из штаб-офицеров; только австрийский генерал Ауфенберг приглашен не был. Вот в каком виде изобразил совещание это один из участников незабвенного Швейцарского похода, со слов самого князя Багратиона.

Получив приглашение на военный совет, князь Багратион пришел первый к Суворову и застал его в сильном волнении: в полном фельдмаршальском мундире и во всех орденах ходил он скорыми шагами по комнате и, не замечая даже прихода князя Багратиона, отрывисто говорил про себя: «Парады... разводы... большое к себе уважение... обернется — шляпы долой!.. помилуй господи!.. Да, и это нужно,— да вовремя; ...а нужнее-то — знать вести войну; знать местность; уметь расчесть, не дать себя в обман, уметь бить... А битому быть — не мудрено!.. погубить столько тысяч!.. и каких!.. в один день!.. помилуй господи!..» Князь Багратион вышел, оставив фельдмаршала в тревожном раздумье.

Несколько времени спустя начали собираться приглашенные на совет; пришел и великий князь. Все вместе вошли к фельдмаршалу. Суворов остановился, сделал поклон, потом зажмурил глаза и, казалось, собирал свои мысли. После минутного молчания вдруг окинул всех своим быстрым, огненным взглядом и начал говорить торжественно, сильно, с одушевлением: «Корсаков разбит и прогнан за Рейн! Готце пропал без вести, и корпус его рассеян! Елачич и Линкен ушли! весь план наш — расстроен!»... Приписывая этот несчастный оборот дела вине венского кабинета, фельдмаршал исчислил в сжатых, но резких выражениях все неприятности и происки, которые терпел он от австрийцев с самого прибытия своего в Италию; в доказательство коварной политики барона Тугута приводил старания его удалить русских из Италии и преждевременное выступление эрцгерцога Карла из Швейцарии, имевшее неизбежным последствием поражение Римского-Корсакова. Наконец, и бедственное положение собственной своей армии Суворов приписывал вине австрийцев; если бы, говорил он, не потеряны были пять дней в Таверно, то случившиеся несчастья были бы предупреждены, и Массене не удалось бы одержать побед, подготовленных коварной политикой союзного кабинета.

Чем далее говорил Суворов, тем более приходил в одушевление, тем сильнее выражалось взволнованное состояние души его. Поступки австрийского министра называл он прямо вероломством и предательством. Фельдмаршал припомнил измену, которая некогда поставила в опасность Петра Великого на Пруте; с тех пор, говорил Суворов, русские войска не были в подобном безвыходном положении... «Теперь мы среди гор, окружены неприятелем, превосходным в силах. Что предпринять нам? Итти назад — постыдно; никогда еще не отступал я. Итти вперед к Швицу — невозможно: у Массены свыше 60 000; у нас же нет и двадцати. К тому же мы без провианта, без патронов, без артиллерии... Помощи нам ждать не от кого... Мы на краю гибели!»...

Произнося эти тяжкие слова, Суворов едва мог сдерживать порыв своего негодования, горести и волнения. Он был убит, растерзан. Скорбь фельдмаршала отозвалась во всех слушавших его: у каждого сжималось сердце. «Теперь,— прибавил Суворов, — одна остается надежда на всемогущего бога, да на храбрость и самоотвержение моих войск! Мы русские! с нами бог!»...

Как будто искра электрическая пробежала во всех присутствовавших. Придя в какое-то восторженное состояние, Суворов продолжал: «Спасите честь России и государя! Спасите сына нашего императора!»... С этими словами бросился он к ногам великого князя и облился слезами. Все окружавшие приведены были в неизъяснимое волнение; никому еще не случалось видеть Суворова в таком расстроенном и встревоженном состоянии. Семидесятилетний полководец, испытанный в тысяче опасностей, непреклонный до упрямства, всегда изумлявший своей железной силой воли, — теперь плакал от горя...

Генерал Дерфельден первый заговорил от имени всех русских начальников: он ручался за неизменную храбрость и беспрекословное самоотвержение войска, готового безропотно итти всюду, куда поведет великий полководец. Слова эти были истинным услаждением для Суворова; выслушав Дерфельдена, фельдмаршал оживился, глаза его снова заблистали: «Да, — сказал он с уверенностью, — мы русские, с помощью божией мы все одолеем!»...

Тогда начались совещания о том, что предстояло предпринять: итти ли вперед к Швицу или обратиться к Гларису?

«... Решено было итти к Гларису, и если неприятель преградит дорогу, то пробиться силой».

Итак, 29-го, пока арьергард Суворова еще двигался через Кинциг-Кульм, а Массена с Лекурбом осматривали его прежнее лагерное расположение, Молитор же по пятам преследовал генерала Линкена, Ауфенберг без труда опрокидывает расположенный Молитором на Брагельберге батальон и продвигается до самого Клентальского озера. Однако доступ на самый перевал этим еще не был достигнут. Узнав об атаке Брагельберга, Молитор прекратил преследование Линкена, поручив это дело всего лишь 2 батальонам, а с третьим поспешно вернулся к Клентальскому озеру и достиг восточного конца озера еще до того, как Ауфенберг успел пройти сквозь узкий проход вдоль озера. Прибытие Молитора на эту выгодную позицию остановило Ауфенберга.

30-го сентября Суворов приступил к походу к Клентальскому озеру, оставив, однако, Розенберга с его дивизией и дивизию Ферстера, т. е. около 8 000 чел., у Муттена в качестве арьергарда. В тот же день, 30-го, рано утром Молитор, подтянувший тем временем к себе еще третий батальон, энергично атаковал генерала Ауфенберга, но не смог его прогнать. После этого оба остаются в бездействии до вечера, когда первая дивизия Суворова уже прибывает к Ауфенбергу. Молитор производит

рекогносцировку союзников. Ауфенберг приказывает своим войскам, стоявшим на дороге, отступить, скрыв остальных в засаде на высотах. Когда французы необдуманно последовали за ними, Ауфенберг бросился на них, вместе с ними прорвался сквозь ущелье вдоль озера и достиг его восточного конца. Дальше в этот день союзникам продвинуться не удалось. Наступила ночь, и Суворов не смог, таким образом, в тот же день достигнуть и Гларуса.

1 октября союзники снова атаковали Молитора и заставили его сперва отступить за Нецтальский мост, а затем и по обоим берегам Линты к Нефельсу и Моллису. Это отступление сопровождалось, однако, ожесточенным сопротивлением. И несмотря на то, что русские неоднократно бросались на французов в штыки и, как сам Молитор сообщает в своем донесении, часто перемешивались с его людьми, он все же не потерял ни одного из своих орудий и сумел до вечера удержаться у Нефельса и Моллиса, невзирая на нажим следовавшего за ним по пятам Багратиона. После этого на помощь Молитору подоспел Газан с несколькими батальонами и принудил Багратиона снова очистить уже было захваченные им деревни Нефельс и Моллис.

Таким образом, Молитор со своими 4 или 5 батальонами сражался 25-го и 26-го против Елачича, 28-го и 29-го против Линкена, 30-го против Ауфенберга, 1 октября против Багратиона и против всех них с поразительным успехом. Такое поспевание Молитора повсюду с одной единственной бригадой, такое упорное сопротивление каждый раз новому врагу следует рассматривать как одну из прекраснейших операций этой кампании.

Сам Суворов с находившимися при нем войсками направился 1 октября в Гларис, где он нашел склад жизненных припасов, недостаток которых дошел у него до крайнего предела.

Пока Суворов производил этот двухдневный марш, сопровождавшийся непрерывными авангардными боями, выдающаяся храбрость Розенберга, с одной стороны, и малоэнергичные действия Массены, с другой, — позволили ему избежать опасности оказаться между двух огней.

29 сентября Массена вернулся в Швиц, а 30-го удовольствовался рекогносцировкой в Муттенскую долину, правда, оттеснившей русские аванпосты. Однако, когда французы дошли до главных русских сил у Муттена, они были атакованы последними и отброшены до Швица.

Так как после этой рекогносцировки Массена убедился, что Суворов с главными силами отошел в долину Линты, он в тот же день отправил туда через Эйнзидельн несколько батальонов из дивизии Мортье.

1 октября Массена выступил, повидимому, со всеми своими войсками, исключая 1 полубригады дивизии Лекурба, т. е. с 8 000—10 000 чел., для серьезной атаки на Муттен. Однако, хотя на этот раз он обладал превосходством сил, а его противник не имел почти никакой артиллерии, Массена был разбит, и так основательно, что дал себя отогнать до самого Швица, потеряв 5 орудий и 1 000 чел. пленными.

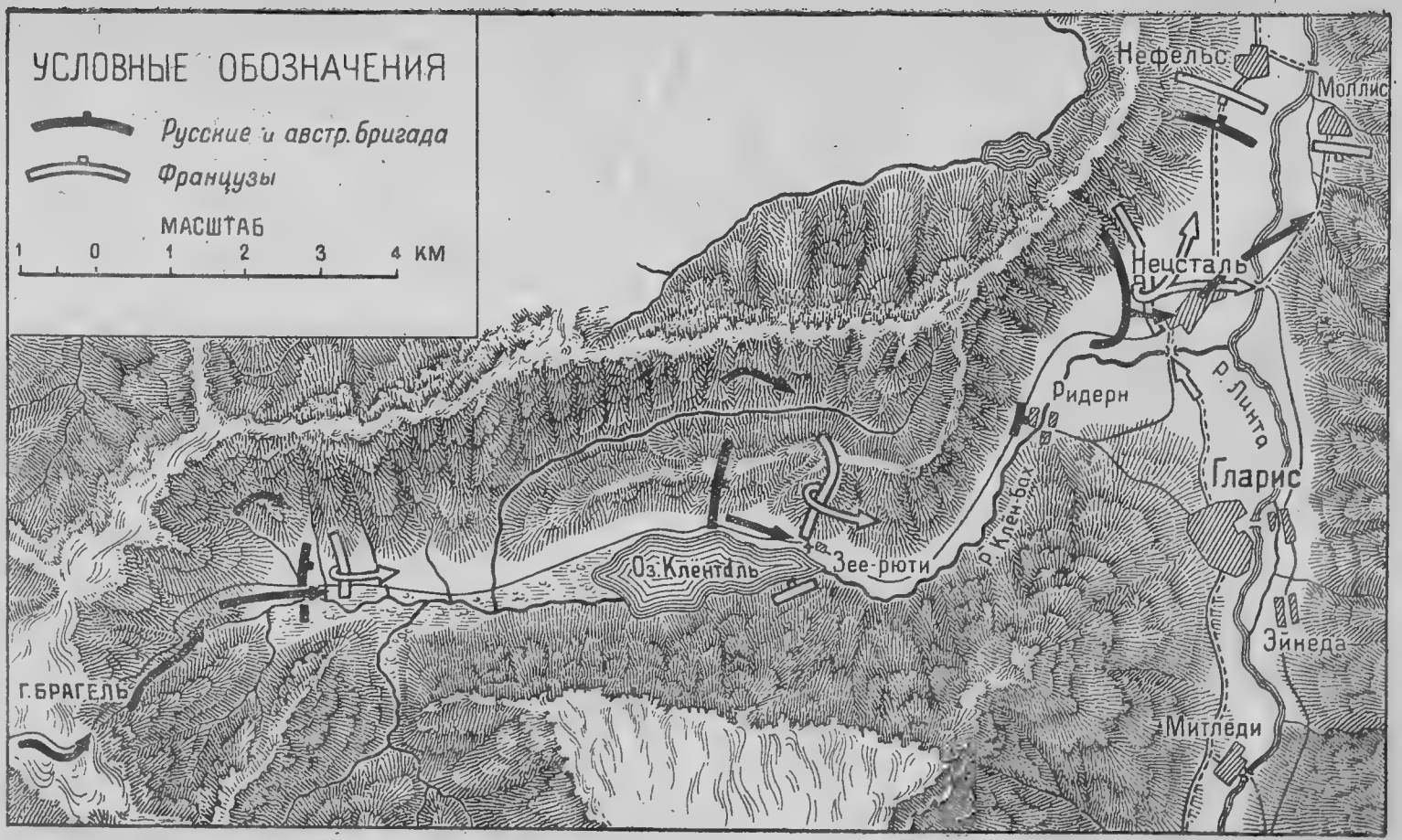

Схема 4. Бой в долине Кленталь

Этот исключительный успех объясняется, с одной стороны, выдающейся храбростью русских, а с другой — слишком упрощенным и опрометчивым продвижением Массены по ровному дну долины, без предварительного овладения ее склонами.

После этого Массена совершенно отказался от наступления в долине Муттена, и *так как Римский-Корсаков снова стал угрожать оставленному им на реке Тур корпусу, и ему, как он говорил, никак не удавалось выманить Суворова в открытую Швейцарию через оставленный им свободный выход у Эйнзидельна, то он решил снова обратиться против Римского-Корсакова, но сперва он хотел (как он выражается) окончательно покончить с Суворовым и для этого атаковать его в долине Линты.* Нам приходится довольствоваться этими неясными и недостаточными мотивами французского главнокомандующего, взятыми из его официального донесения, поскольку ни один из историков не смог дать ничего лучшего. Ближайшее рассмотрение этого донесения мы отложим до конца главы.

В результате Массена оставил Мортье с 6 батальонами в Муттенской долине с приказом итти следом за русскими, а остальные войска, т. е. от 4 000 до 5 000 чел., под командой Сульта, взял с собой в долину Линты, для того чтобы присоединиться к бригаде Молитора и к дивизии Газана.

Суворов направляется через долину Зернфт в Рейнскую долину

Что касается русского полководца, которого мы оставили в момент его прибытия в Гларис, то его дальнейшие шаги, а в особенности пребывание в Гларисе, требуют тем более тщательного рассмотрения, что главные историки, — эрцгерцог и Жомини, — изобразили этот момент суворовского похода под таким углом зрения, который сам по себе не был достаточно ясно выражен и, вероятно, не был ими ясно продуман.

Суворов прибыл 1 октября в Гларис. 2 октября он послал, как рассказывает Жомини (но не эрцгерцог), генерала Ауфенберга в долину Зернфт, для того чтобы твердо занять тамошний перевал, ведущий в Граубюнден. Таким образом, одну дивизию Суворов имел у Муттена, вторую — против Нефельса, а третью — в долине Зернфта. Центр же его был в Гларисе. В этом положении он остается 2, 3 и 4 октября, как говорит эрцгерцог, только потому, что не может притти ни к какому решению. Мы можем допустить, что люди даже такой величайшей энергии, как Суворов, когда требуется проявление ими одной силы воли, могут вследствие осложнившейся обстановки впасть в состояние большой нерешительности, искать разъяснения этой обстановки, если она им самим неясна, у советников, высказывающих противоречивые мнения, и все-таки не получить никакой ясности. Но все же было бы глупо представлять себе эту нерешительность таким образом, как будто Суворов в течение целых 3 дней непрерывно боролся сам с собой; в такой момент, когда обстановка требует решительных действий, так не ведут себя даже слабовольные люди. Подобное колебание в решениях возникает только в случае

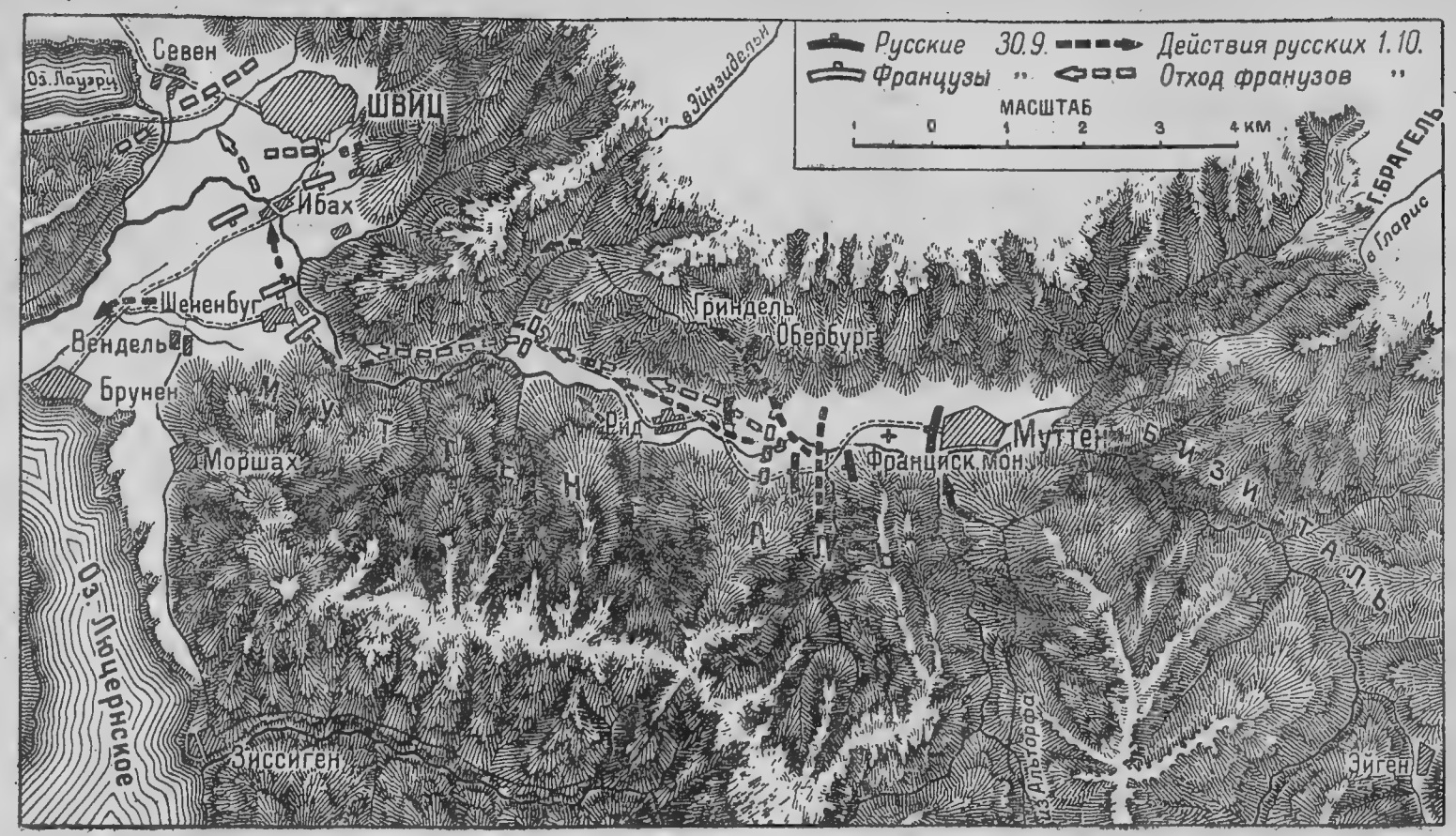

Схема 5. Бой в долине Муттен

появления все новых и новых фактов, в корне меняющих обстановку и опрокидывающих прежние решения. Однако крепкая голова и сильный характер не дают впасть в ошибку и в таких случаях.

Когда Суворов прибыл 1 октября в Гларис, он был столь же изумлен, как и недоволен, не застав в долине Линты ни одного австрийского отряда. Из этого следует, что он не знал действительного положения вещей у австрийцев и, значит, до этого времени не мог с ними ни о чем договориться. Таким образом, договариваться с ними он мог, лишь начиная с 1 октября.

Перечислим различные пути, по которым мог направиться Суворов:

1) по левому берегу реки Линты;

2) через Везен, т. е. наступать по правому берегу этой реки;

3) через Моллис у Валенштедтского озера в Валенштедт, так как горный хребет между Везеном и Мулигорном доходит до самого Валенштедтского озера и не оставляет там никакого прохода сухим путем;

4) через верхние долины реки Линты на Паникс в Рейнскую долину.

Первые два пути надо было рассматривать как продолжение наступательной операции Суворова, что было мыслимо лишь при единственной предпосылке содействия ей со стороны австрийских отрядов. Ведь даже если допустить, что Суворов с теми 10 000 чел., которые он смог бы выделить для этого (удерживая также и перевалы за собой), был бы в состоянии гнать французов до самой равнины, то тут возникло бы то самое соображение, которое удержало его от наступления через Муттенскую долину на Швиц. Он один не смог бы вновь выровнять положение и не мог допустить запереть себя между занятой французами линией реки Линты и армией Массены. Точно так же не мог он оставаться и на правом берегу реки Линты, между этой рекой и тем высоким хребтом, который тянется на северном берегу Валенштедтского озера и вдоль Линты; для этого надо было, чтобы австрийцы предварительно отняли этот хребет обратно у французов.

Если мы, кроме того, учтем, что австрийские отряды, насчитывавшие, быть может, еще 15 000 чел., позиции которых в этот период эрцгерцог, к сожалению, не уточняет в своей истории, растянули свое расположение от Рейхенау до Брегенца, то будет вполне понятно, что даже если бы всего лишь 10 000 чел. из них были сосредоточены на берегах нижней Линты для совместной операции с русскими, то для такого сосредоточения потребовалось бы, по крайней мере, от 4 до 5 дней, но и тогда союзники достигли бы численности не более 20 000 чел. с очень немногочисленной артиллерией. Между тем в то же самое время Массена мог легко выделить из своих боевых сил и держать в готовности столько же и даже больше войск. Союзникам приходилось снова действовать разобщенными отрядами, которые, выступая из различных пунктов окружности, были бы разделены озерами, горами, болотами и неприятелем, в то время как Массена имел бы все свои силы под рукой, в сосредоточенном виде.

Достаточно очевидно, что при таких условиях благоприятный исход операций был бы мало вероятен для союзников. Если же успех оказался бы незначительным, то Суворов легко мог поплатиться всеми своими путями отступления, поскольку эти пути вели из долины Линты исключительно по узким горным тропам, которые противник мог захватить у него в тылу. Если принять во внимание все эти трудности, то вряд ли можно поверить, что Суворов мог принять такой план.

Третий путь был наиболее коротким и вел к соединению с австрийскими отрядами и в Рейнскую долину, что следует рассматривать как основную и естественную цель Суворова. Дорога в Валенштедт ведет через Моллис и горы к Мулигорну на Валенштедтском озере, а затем вдоль последнего. Длина ее равняется приблизительно 2 милям. Суворов мог рассчитывать застать в Валенштедте от 4 000 до 5 000 австрийцев. Если бы он смог тут соединиться с ними, то в один день вблизи Сарганса сосредоточилась бы такая масса войск, что стоило только Суворову предоставить им несколько дней для отдыха, как исчезли бы всякие препятствия для продвижения к Валенштедту. Ведь если бы французы даже действительно продвинулись уже до этого пункта, то это мог быть только слабый отряд, который никак не смог бы воспрепятствовать соединению русских с австрийцами. Вся трудность этого пути заключалась лишь в овладении Нефельсом и Моллисом.

Не скроем, однако, что и тут имелась большая опасность потерять всякие пути к отступлению. Уже 30-го Суворов должен был услышать отголоски сражения под Муттеном. Он никоим образом не мог рассчитывать на тот успех, которого добился Розенберг на следующий день. Он должен был, следовательно, ожидать, когда 1 октября снова возобновился бой у Муттена, что 1-го или 2-го Розенберг появится у Гларис, преследуемый французами. В таких условиях удаляться от Гларис в направлении, противоположном единственному обеспеченному пути отступления, притом не будучи уверенным, откроется ли новый путь к отступлению, — было весьма рискованным делом.

На четвертом пути зато не было никаких других затруднений, кроме естественных. Но эти затруднения были отнюдь не малы. Пути из долины верхней Линты через Мартинслох и Флимс и через Пантенский мост — очень трудные пешеходные тропы. Дорога через Вихлер-Бад — малая дорога, перевалы на которой расположены гораздо выше, чем гора Кинциг-Кульм, и в это время года уже покрыты снегом. Правда, Линкен только что прошел через эти перевалы, но с гораздо менее значительной массой войск.

Из вышеперечисленных путей Суворов избрал последний потому, что, судя по сопротивлению, встреченному Багратионом 1 октября под Нефельсом и Моллисом, он считал слишком опасным пробивать себе путь к Валенштедтскому озеру через Моллис и потом прорываться вдоль длинного дефиле у озера до места расположения австрийцев; при этом он

даже точно не знал, владели ли австрийцы местностью у Сарганса и Валенштедта.

Эрцгерцог осуждает это решение русского полководца, Жомини же берет его под свою защиту. Но оба так и не указывают, что́ именно они себе представляют под прорывом Суворова из долины Линты, и притом явно путают все три ранее перечисленных пути. Поэтому нас не удовлетворяет ни суждение первого, ни суждение второго. Непонятно, почему эрцгерцог утверждает, что если бы Суворов даже и имел основание опасаться столкновения с главными силами Массены, то все же это не должно было его остановить, а дальше заявляет: «Что остается делать человеку, которому преграждены все выходы?» Еще через две строки эрцгерцог, однако, снова говорит: «Единственный свободный выход, имевшийся у Суворова (а именно через долину Зернфт), обошелся бы ему гораздо дороже из-за естественных трудностей, чем если бы он пробивался сквозь всю армию Массены».

Во-первых, это преувеличено, а во-вторых, эрцгерцог забывает, что если бы даже потери Суворова в горах и были столь же велики, как при прорыве, то, по крайней мере, в первом случае успех не был бы так сомнителен, как во втором. В-третьих же, он не замечает, что главное затруднение, которое Суворов встретил во время перехода через хребет, был свежевыпавший снег, т. е. совершенно случайное обстоятельство, которое было Суворову еще неизвестно и не могло быть учтено в тот момент, когда он принял свое решение.

Насколько мы теперь знаем положение, мы можем быть уверены, что если бы Суворов выступил 1 октября со всеми силами, которые он имел при себе в долине Линты, навстречу французам, то он безусловно опрокинул бы Молитора и все то, что подоспело бы из дивизии Газана, и овладел бы Моллисом и Нефельсом.

После этого дорога к Валенштедтскому озеру была бы открыта и соединение с австрийцами завершено. Дело в том, что Елачич, узнав о прибытии Суворова в Гларис, 2 октября снова выступил к Саргансу, занял Валенштедт и выдвинул свой авангард еще дальше вдоль озера, где последний наткнулся у Керенцена на посты французов, отступивших перед ним. Петраш, получив приказ эрцгерцога оказать поддержку русским, тоже собрал 4 октября часть своих сил между Флешем и Майенфельдом. Однако Суворов 1 октября не мог еще знать об этом наступлении Елачича. На следующий день, однако, он мог и должен был бы узнать об этом, и, быть может, было еще не поздно захватить Нефельс и Моллис и расчистить себе путь, насколько это требовалось. Однако 2 октября уже было опасно удаляться от Гларуса, так как Суворов не мог еще знать, оттеснен ли в тот день Розенберг до самой долины Линты или же он удержался на своих позициях.

Итак, мы видим, что поход к Валенштедтскому озеру должен был представляться Суворову чрезвычайно рискованным делом. Но так как, с другой стороны, несомненно, что о трудностях, сопряженных с перехо-

дом через Паниксенский хребет, он не имел представления, легко понять, почему Суворов или, вернее, его штаб отдал предпочтение этому последнему пути.

Что же касается пребывания Суворова от 1-го до 5-го у Гларуса, то, на первый взгляд, оно, правда, несколько бросается в глаза. Суворов ведь находился в таком положении, в котором ему, безусловно, не следовало задерживаться, так как оно с каждым часом могло заметно ухудшиться. Однако при более внимательном исследовании рассеивается все, что так «бросается в глаза». Жомини, как это часто делают историки, старается обойти эту неувязку в общем ходе событий тем, что заставляет Суворова выступать 4-го, т. е. в тот же самый день, когда к нему присоединился Розенберг, и говорит, будто Суворов хотел подождать этого генерала. Однако Розенберг стоял всего лишь в 3 милях от Суворова и, следовательно, мог соединиться с ним в любой день. Кроме того 4-го Суворов не выступил, а только выслал вперед своих вьючных животных. Сам он выступил только 5-го в 3 часа утра.

Если же мы себе скажем вдобавок, что Суворов вполне разумно не позволял Розенбергу отойти из Муттена до тех пор, пока он сам не принял решения направиться через долину Зернфт, и что, с другой стороны, Суворов не мог приступить к этому походу раньше, чем подойдет Розенберг, то пребывание Суворова у Гларуса можно объяснить просто тем, что запоздали известия из Рейнской долины. Если он, например, лишь 3-го вечером узнал о решении австрийцев и их местонахождении, о том, удачно ли достиг Ауфенберг перевала Паникс, отстоящего от Гларуса на 4 мили, а также о том, какие Ауфенберг получил сведения из Рейнской долины, — то из этого следует, что Суворов мог подтянуть к себе Розенберга только 4-го, а 5-го выступить сам.

Правда, все это лишь догадки. Но гораздо лучше оставаться при догадках, имеющих долю вероятности, чем исходить из предположения, будто у Суворова на целых 72 часа остановилась работа мышления и парализовалась воля. Такое ожидание известий, в которых, пожалуй, не было такой уж неотложной нужды, такое прислушивание к слухам, вероятно менявшимся из часа в час, могло, впрочем, заслуживать, так сказать, клейма нерешительности. Мы уже говорили, что таким образом нерешительность прокрадывается в главные квартиры и незаметно заползает в душу полководца. Но для того чтобы вынести такое суждение о Суворове, следовало бы видеть собственными глазами документы из главной квартиры Суворова. Повидимому, эрцгерцог не имел недостатка в таких документах; только исходя из этого, мы и считаем, что эрцгерцог не без оснований бросает русскому полководцу упрек в нерешительности [1].

---

[1] Милютин пишет, что Суворов ожидал в Гларисе прибытия Розенберга, войска которого два с лишним дня (2 и 3 октября) тянулись через гору Брагель, и только 4-го утром у Гларуса собралось все, что осталось еще от армии Суворова, но в ужасном

Обстоятельно доказывать всю опасность затяжного пребывания под Гларисом, пожалуй, нет никакой необходимости. Те плохие пути отступления через Шахенскую и Рейнскую долины, которые оставались еще открытыми Суворову, могли быть захвачены с минуты на минуту, а полнейший недостаток жизнеприпасов очень скоро выгнал бы его из долины Линты, словно лисицу из норы.

Розенберг соединился с Суворовым 4 октября. Таким образом, он, очевидно, не выступал до 3-го, а Мортье не повторял 2-го и 3-го своих атак на него. Отсутствие упоминаний об арьергардных боях точно так же указывает на то, что не было никакого серьезного преследования.

После того как 4-го пополудни пришла в движение вереница вьючных животных, сам Суворов 5-го утром снялся с лагеря и дошел до Эльма. 6-го начался переход через горы Паникс, совершенный Ауфенбергом уже за 3 дня до этого, т. е. 3 октября. Путь, ведущий из долины Линты в Паникс по долине Зернфт, через Мат, Эльм и Вихлер-Бад, гору Ринкенкопф и мимо Гауштока, является узкой горной дорогой, еще проходимой для лошадей. Путь этот является обычной дорогой из Гларуса в Кур. Однако это не единственный путь из долины Линты в Рейнскую долину; кроме него, через Альпы ведет еще ряд пешеходных троп, но часть их — лишь очень опасные охотничьи или пастушьи тропинки. Продвижение такой массы людей и лошадей по этим тропинкам наткнулось бы на точно такие же трудности, как между Шахенской и Муттенской долинами. Вследствие же значительной высоты и массивности северо-западного главного хребта Альп эти пути оказались бы, пожалуй, даже совсем непроходимыми. Поэтому для отступления Суворова речь могла итти только о вышеупомянутой дороге, а эта дорога была, несомненно, несравнима по удобству с пешей тропой через Кинциг-Кульм. Однако вследствие того, что несколько дней тому назад на ней выпал снег глубиной в несколько футов, и эта дорога сделалась почти совершенно непригодной.

И вот бедные русские, еще не отдохнувшие от своего перехода через Кинциг-Кульм, влача за собой массу больных и раненых, в большинстве своем босые, терпящие нужду в самом насущном, снова ценой невыразимых усилий были вынуждены перебираться через один из высочайших альпийских хребтов, которые вот уже две недели везде становились поперек пути и должны были вызывать в них ощущение, будто они находятся во власти какой-то демонической силы, поклявшейся их погубить в этих скалистых местах.

В своем описании этого похода эрцгерцог рассказывает: «От Эльма колонна направилась 6-го через крутую границу Граубюндена. Свежевыпавший снег глубиной в полметра, проваливавшийся при каждом шаге, покрывал узкие тропинки, по которым приходилось с трудом поодиночке карабкаться на скалистые массивы горного хребта. С вершины, куда

положении: изнуренные походом и боями, голодные, оборванные, босые, без патронов и почти без артиллерии. На совете в Гларисе было решено итти в долину Рейна к Иланду и кружным путем искать соединения с Римским-Корсаковым.— *Ред.*

только ни взглянешь, простирались Граубюнден и Тироль в виде огромной снежной пустыни. Не было видно ни одной тропинки, ни следа человеческого жилья. Не было ни одного куста, чтобы развести огонь. Не выступало ни вершины скалы, для того чтобы послужить путнику путевым указателем или точкой опоры.

На противоположном склоне, под влиянием холодных ветров, снег примерз так гладко, что лишь падение идущих впереди людей и лошадей могло предупреждать шедших следом об опасности поскользнуться и необходимости заменить данную тропинку другой, столь же опасной. На это был потрачен целый день. С трудом достигли авангард и главная квартира деревни Паникс. Вся колонна провела ночь на самой высокой вершине, на обоих склонах хребта, под открытым морозным небом. Свыше 200 чел. и большая часть вьючных животных поплатились жизнью. Привезенные с собой горные пушки одна за другой сбрасывались в пропасть, и 8 октября хвост колонны все еще не достиг Паникса».

Итак, и этот переход опять продлился целых 3 дня. Несколько тысяч больных и раненых Суворову пришлось оставить в долине Линты и поручить их чувству человеколюбия врага.

8-го Суворов перенес свою главную квартиру в Иланц, а 10-го там соединились все те, которые не пали жертвой грозной природы.

Французы последовали за отходящими русскими из района Нефельса 5 октября только до Мата и в дальнейшем больше не тревожили их.

На этом закончились Альпийский поход Суворова и страдания его армии. В Рейнской долине он нашел продовольствие и хорошую, занятую австрийскими частями дорогу, ведущую вплоть до самого Боденского озера.

Этот поход через высокие Альпы длился с 21 сентября по 10 октября, т. е. 3 недели, и сопровождался непрерывными боями, усилиями, лишениями и стоил армии около трети людского состава, большей части лошадей и всей артиллерии, взятой с собой из Варезе. Эти потери были равноценны потерям проигранного сражения; однако иначе обстояло с моральным эффектом. Когда Суворов и его армия бросали взгляд назад, на этот совершенный ими поход через столь диковинную для них страну, о которой у них даже впоследствии остались только самые смутные и сказочные воспоминания, — то этот поход должен был представляться им стремительным потоком, прорвавшим все плотины, поставленные ему неприятельской армией у Сен Готарда, Криспальта, Амштега, Альторфа и в Клентале, а преодоление каждой из этих плотин — победой над неприятельской армией. Они перешли через эти диковинные горы по тропинкам, на которые никогда еще не вступали войска и, вероятно, никогда и не вступят. И когда после тягчайших усилий они, как загнанная дичь, валились от истощения в Муттенской долине и неприятельский главнокомандующий сам примчался для того, чтобы одолеть их без потерь и усилий, они, точно медведь в своей берлоге, свирепо скаля

зубы, набросились на него и выгнали вон из берлоги, перепуганного и смятенного.

Поэтому, если мы видим, что Суворов доносит об этом походе — кризисе его кампании—как о великом победном потоке, мы не должны смешивать это с тем пошлым бахвальством, которым другие обычно прикрывали полнейшее поражение. Если по своим материальным последствиям поход Суворова был скорее поражением, чем победой, зато в духовном отношении он явился больше победой, чем поражением. И поход этот превратился бы в победу, если бы наряду с сознанием совершения чего-то исключительного и наличием способности совершить нечто еще более исключительное, не выросла, тесно связанная с этой победой, жгучая ненависть к австрийцам, уничтожившая в русском полководце последние искры доброй воли, и он повернул свою армию в обратный путь на родину[1].

Массена завершает завоевание Швейцарии

Мы уже рассказывали, что французский главнокомандующий, оставив Мортье с 6 батальонами в Муттенской долине, 2 октября направился с 4 000—5 000 чел. в долину Линты. Дорога от Швица до Нефельса, через Эйнзидельн, не превышает 4 миль. Таким образом, Массена отлично мог прибыть туда 3-го. Точно так же все те части из состава дивизии Газана, которым Массена приказал 26 или 27 сентября направиться туда же, должны были оказаться там к 3 октября. Так как дивизия Газана проникла следом за австрийцами, повидимому, до самого Рейна, то можно себе представить, как рассеялись ее силы. Поэтому в долине Линты Газан имел, несомненно, лишь около 2 000 чел. Примем, что его силы равнялись 4 000 чел., силы Молитора — 1 500 чел., войска, приведенные Массеной, из которых он оставил еще батальон в Эйнзидельне, — 4 000 чел., то мы получим от 9 000 до 10 000 чел.; и это было все, что могло сосредоточиться в долине Линты. Французский главнокомандующий, о котором, однако, история умалчивает в течение целых 8 дней, поджидал, повидимому, с этими силами русских на позициях у Нефельса и Моллиса в течение двух дней, а именно 4-го и 5-го. Это было, впрочем, вполне естественно, поскольку, преследуя Суворова, Массена должен был оставить австрийцев у Валенштедтского озера, т. е. почти позади себя. О резерве под командованием Клейна, направившемся в Рихтеншвиль, не упоминается ни слова. Повидимому, резерв этот там и остался.

После того как Суворов 5-го приступил к своему походу через долину Зернфта, Массена также покинул долину Линты и лично отправился, повидимому, к своему левому флангу, для того чтобы у мостов Бюзингена, Дизенгофена и Констанцы окончательно оттеснить через реку нахо-

[1] Отказ от продолжения войны и возвращение армии Суворова в Россию определялись не доброй волей Суворова, а приказом императора Павла, разочаровавшегося в пользе для России союза с Австрией и Англией и прекратившего войну с Французской республикой. — *Ред.*

дившихся еще по эту сторону Рейна союзников. Генералу Луазону он приказал оттеснить союзников из Сен Готарда и с тех постов, которыми они еще владели на левом берегу Верхнего Рейна. Из этого возникло следующее новое распределение французской армии.

Дивизия Тюрро все время находилась в долине Роны против Гаддика.

Луазон снова собрал свою дивизию в долине Рейсы, для того чтобы овладеть Сен Готардом.

Мортье с большей частью своей дивизии наступал на Валенштедт, Мельс и Сарганс.

Сульт с небольшой частью дивизии Мортье и бригадой дивизии Газана направился в Рейнек для наблюдений за австрийцами на Рейне. Другая бригада, под командованием самого Газана, направилась в Констанц. Пехота Клейна двинулась в Андельфинген, в качестве резерва левого фланга, который стоял вдоль реки Тур, под командованием Удино, в составе дивизии Лоржа, Менара и кавалерийского резерва.

Со стороны союзников полковник Штраух недолго сохранял указанную ему Суворовым позицию на Сен Готарде. Вместо этого он оставил на Сен Готарде и в долине Бедретто (западный исток Тичино) только аванпосты, а в Дацио — 2 батальона для их поддержки; с остальными же частями он вернулся в Белинцону. Эрцгерцог считает эти мероприятия вполне естественными вследствие затруднений с жизнеприпасами. Русские же, повидимому, отнеслись неодобрительно к этому отходу от Сен Готарда.

Если подумать, что местность у подножия Сен Готарда, вероятно, была опустошена походом Суворова, то можно себе представить, что полковник Штраух как раз в это время столкнулся бы с очень большими затруднениями, если бы оставался со своими главными силами в Айроло.

Генералы Линкен и Ауфенберг соединились в Рейнской долине и оказались между Иланцем и Дисентисом.

Елачич стоял в районе Майенфельда, но занял также еще и долины Кункель и Тамина на левом берегу Рейна.

Петраш занял позицию у Фельдкирха и наблюдал за Рейном вплоть до Боденского озера. На правом фланге Римский-Корсаков соединился с 4 000 чел. баварской дивизии, корпусом Конде силой в 2 700 чел. и расположился между Шафгаузеном и Констанцским озером.

Генерал Титов, сражавшийся 26-го с 3 батальонами у Валенштедта, отступил на Констанц, однако 30-го, когда к этому пункту приблизился слабый неприятельский рекогносцировочный отряд, покинул Констанц, разрушил мост и затем отошел к Римскому-Корсакову. После этого французы вступили в Констанц и занялись восстановлением моста к Петерсгаузену, где оставался еще один продовольственный склад. Но тут еще во-время подоспели несколько эскадронов австрийских драгун, которые, спешившись, снова прогнали французов и сами заняли Констанц. Сам Римский-Корсаков имел у Бюзингена предмостное укрепление, занятое 1 800 чел. Для прикрытия второго моста у Дизенгофена он располо-

жил лагерем перед этим селением 6 батальонов и 12 эскадронов, а с остальными войсками стал позади обоих пунктов (около 10 км восточнее Шафгаузена).

Генерал Науендорф сосредоточил свои войска, рассыпанные до сего времени между Шафгаузеном и Базелем, в одном пункте и усилился несколькими тысячами человек австрийской кавалерии, находившимися на марше для соединения с эрцгерцогом на реке Неккар. Эта кавалерия, по-видимому, ушла из корпуса Готце еще до атаки французов. Таким образом, силы Науендорфа равнялись 8 000—10 000 чел., и он был в готовности поспешить теперь на помощь Римскому-Корсакову. Однако французы последовали за отступавшими только до реки Тур. Корпус Конде получил приказ занять Констанц.

Теперь надо рассказать только о нескольких событиях, которые имели место на позициях обеих сторон и завершили завоевание французами Швейцарии.

Так как Штраух находился в Белинцоне, Луазон смог вновь овладеть Сен Готардом, без труда прогнав оттуда австрийские аванпосты. После этого Луазон проник 10 октября через Криспальт, а вероятно, также и через Мадеранскую долину в долину Переднего Рейна. Вероятно, этот генерал направился через долину Линты, перевал Клус и Шахенскую долину прямо на Альторф, ибо если бы ему пришлось сделать обход через Эйнзидельн, а затем от Брунена до Флюелена водным путем, он никак не смог бы появиться у Дисентиса и повести наступление уже 10-го, т. е. в тот самый день, когда последние войска Суворова только подходили к Иланцу. Быть может, эти авангардные части французов состояли только из бригады Гюденя, отступившей 24 сентября на Фурку.

Генерал Линкен, который, после того как Суворов спустился в Рейнскую долину, продвинулся, как мы указали выше, влево к Дисентису, для того чтобы прикрыть переход русских, был, таким образом, атакован как раз в тот день, когда этот переход закончился. Был ли он прогнан Луазоном силой, или же, считая свое задание выполненным, он сам спустился подальше вниз, — из изложения хода событий неясно. Он расположился у Рейхенау и занял долину Домлеч вплоть до Тузиса. Австрийцы точно так же продолжали пока еще обладать Кункельбергом и долиной Тамина, поскольку Луазон не выдвинулся дальше за Иланц. Вследствие этого Суворов смог без помех продолжать свой поход.

На левом фланге французской армии 7 октября произошли три более серьезных боя.

Когда Суворов, прибыв в Муттенскую долину, узнал о поражении Римского-Корсакова, он написал генералам этой армии 28-го следующее письмо: «Вы ответите своей головой за каждый шаг назад, который вы еще сделаете. Я прибыл для того, чтобы исправить ваши ошибки». Вероятно, это было то самое письмо, которое Римский-Корсаков получил в первых числах октября и которое заставило этого генерала почувствовать всю тяжесть ответственности, которая легла бы на него,

если бы он ничего не предпринял в помощь своему главнокомандующему. Снова собрав свои войска позади Рейна, он мог, включая баварцев и эмигрантов, располагать от 18 000 до 20 000 чел., но с очень незначительным количеством артиллерии. Примерно той же силы были и дивизии Лоржа и Менара. Правда, в его непосредственной близости находился генерал Науендорф со своими 8 000—10 000 чел. Но этот генерал стоял, собственно говоря, против дивизии Шабрана, находившейся у Лераха, и кроме того, Римский-Корсаков не имел права им распоряжаться. Если бы Римский-Корсаков действительно сразу же, в первые дни октября, т. е. еще до того, как прибыл Массена с резервами, сумел закончить приготовления к новому наступлению, то и в этом случае обстановка не обещала бы ему особенного успеха. Однако его атака была отложена до 7-го, а в этот день Массена со своим резервом, под командованием Клейна, уже находился в Андельфингене. Перспективы успеха, таким образом, еще более уменьшились.

К этому времени положение Римского-Корсакова стало таким, что всякий генерал, попавший в подобное, должен был попытаться что-то сделать, даже при отсутствии вероятности успеха. В таком случае лично для него несомненно было бы лучше быть еще раз разбитым, чем, будучи неразбитым, пребывать свидетелем тех бедствий, которые в данный момент, может быть, обрушивались на Суворова. Критика не должна отвергать мотивов личной заинтересованности, если речь идет не о бесполезном самопожертвовании, а лишь о великом дерзании, ибо человек в своих практических действиях никогда не может быть простым автоматом долга, а в особенности полководец. Именно в наиболее благородных личных устремлениях должны мы искать источники энергии для выполнения поставленных полководцу задач и возложенных на него обязанностей. Таким образом, мы находим решение Римского-Корсакова совершенно естественным. Критика может возразить против этого лишь то, что, вместо осторожности и осмотрительности, основанной на создавшейся обстановке, он применил в данном случае лишь полумеры.

Едва только Римский-Корсаков собрался начать наступление из Шафгаузена, как Массена дал приказ своему левому флангу перейти в наступление против мостов, занятых русскими. Это было выполнено 6-го, причем дивизия Менара наступала на Бюзинген, а дивизия Лоржа — на Дизенгофен и против Штейна. Удино с 2 000 чел. дошел в тот же день до монастыря Парадиз и вогнал русские аванпосты в ретраншаменты предмостного укрепления. Когда гарнизон сделал вылазку и решительно атаковал его, Удино снова несколько отошел назад.

Французы сами собирались 7-го атаковать своими обеими колоннами, вероятно, для того чтобы совсем прогнать русских через эту реку, но русские их предупредили.

Эрцгерцог очень хорошо характеризует в своем изложении это наступление Римского-Корсакова: «27-го генерал Корсаков перешел в наступление с 10 батальонами и 22 эскадронами. Он точно себе не

представлял, что именно он собирается делать: желание не связываться в серьезную операцию боролось в его душе с боязнью упреков за длительную бездеятельность и ответственности за то, что он ничего не предпринял для облегчения положения Суворова. Поэтому вся операция получила название рекогносцировки. Как всякий, кто неохотно решился, наконец, что-то предпринять и пытается довести такое дело поскорее до конца, Римский-Корсаков, не дожидаясь подхода кавалерии, поспешил с одной своей пехотой навстречу дивизии Менара, на высотах Шлота и Труликона. Дивизия же Менара только что собиралась, так же как дивизия Лоржа, начать атаку Дизенгофена. Русская пехота с такой стремительностью ворвалась в неприятельские ряды, что отбросила их с большими потерями до самого Андельфингена. Тут Массена, во главе своих гренадеров из резерва, восстановил положение, вырвал у русских победу и принудил их отступить через лес Шарен обратно в предмостное укрепление. Овладев этим лесом, французы держались спокойно до 7 час. вечера. Но после этого они внезапно бросились на штурм предмостного укрепления, который, однако, русские дважды стойко и успешно отбивали. После этого Массена снова отошел на Труликон, а русские заняли, наконец, Шаренвальд».

«В связи с атакой Римского-Корсакова из Дизенгофена подходил также и генерал Воинов с 2 батальонами и 1 эскадроном. Счастье сперва благоприятствовало его продвижению: он захватил у неприятеля пушку и несколько пленных. Однако, когда главной колонне пришлось отдать обратно завоеванные ею преимущества, Воинов не смог удержаться против натиска дивизии Лоржа. Он вернулся в Дизенгофен, где с большим мужеством держался до поздней ночи, затем покинул левый берег Рейна, разрушив за собой мост». Не лучших результатов союзники достигли у Констанца. Здесь находился корпус Конде, силой в 2 700 чел., состоявший по большей части из конницы. Корпус этот только что прибыл с Волыни, где он до этого гостил на полном иждивении у русских. Когда этот корпус прибыл в Штоках, там снова оказался эрцгерцог, вернувшийся с Неккара.

Это был тот момент, когда русские, к великому неудовольствию эрцгерцога, покинули Констанц. Это и послужило причиной, почему эрцгерцог направил туда это соединение, ибо, рассчитывая на новое проникновение в Швейцарию, он придавал большое значение переправе у Констанца. К корпусу Конде примкнул (как будто у Конде и без того было мало своей кавалерии!), неизвестно, по какой причине, русский гусарский полк. Таким образом, корпус Конде, имея свыше 3 000 чел. французской, австрийской и русской кавалерии и очень мало пехоты, расположился впереди Констанца на сильно пересеченной местности, среди виноградников.

7 октября Газан атаковал принца Конде, к вечеру опрокинул левый фланг его позиций и занял Крейцлингенские ворота Констанца еще до того, как правый фланг Конде успел начать отступление. Французы во-

рвались в Констанц. Однако, вместо того чтобы сразу завладеть рейнским мостом, они рассыпались по городу, расстроили свои ряды и начали грабить. Это обстоятельство и наступившая ночь позволили правому крылу Конде в самом Констанце пробиться сквозь линию французов и удачно перейти через мост, разрушив его за собой.

Эрцгерцог Карл, который, как было сказано выше, в то время уже вернулся с Неккара, выразил недовольство столь слабыми достижениями на упомянутых трех пунктах и стал беспокоиться за судьбу понтонов, на которых был построен мост у Бюзингена, почувствовав, что в намерения русских не входило серьезно и долго оборонять предмостные укрепления. Поэтому он разрешил Римскому-Корсакову отвести свои войска и дал приказ разрушить мост.

Теперь французы оказались во владении всего левого берега Рейна, исключая Кункельский перевал, который они захватили лишь в начале ноября,— другими словами, всей Швейцарии, за исключением Граубюндена, т. е. совершенно в таком же положении, в каком они были в начале кампании. Однако с одной стороны, по направлению к Боденскому озеру, продвигался Суворов из Граубюндена, а с другой — армия эрцгерцога Карла из Швабии. Соединение обоих этих главнокомандующих с Римским-Корсаковым и Петрашем должно было вновь доставить союзникам заметный численный перевес, а это вновь могло поставить под вопрос исход всей кампании. Следующая глава, в которой мы расскажем о событиях на Рейне, снова вернет нас к этим обстоятельствам и к окончанию кампании в Германии.

Выводы. Поход через Сен Бернар

В том периоде кампании, описание которого мы только что закончили, заложен поворотный момент всей кампании и всей войны, притом момент тем более поразительный, что до сих пор война принимала для союзников все более счастливый оборот. За исключением двух крепостей — Генуи и Кони,— вся Италия была вырвана у французов, и уже, казалось, близилось падение даже бастиона французов в Швейцарии. Вдруг, благодаря двум, в сущности малозаметным, мероприятиям, возникли события, в течение 3 недель взорвавшие союз между Австрией и Россией и тем самым приведшие к полному перевороту в ходе войны.

Оба эти мероприятия были следующие: отход эрцгерцога Карла на Рейн и приход Суворова в Швейцарию. Поскольку оба эти события по своему значению больше относятся ко всей кампании в целом, чем к данному периоду ее, мы отложим наши соображения по их поводу до конца описания всей кампании, а пока займемся походом Суворова в Швейцарию только в связи с его ближайшими задачами и связанными с ними событиями. Хотя мы только что изложили наши выводы о важнейшем из этих событий — сражении под Цюрихом, — нам все же придется снова занять внимание, а может быть, и терпение наших читателей, несколько дольше, чем обычно. Было бы, пожалуй, короче, а быть

может, и лучше высказать всего в двух словах все то, что явится, в конце концов, окончательным результатом наших выводов, а именно: Суворову было разумнее всего направиться только через Сплюген. Однако в таком случае осталось бы без обсуждения огромное количество обстоятельств и вопросов, имеющих всеобщий интерес. Поход через Сен Готард — событие настолько исключительное и, можно сказать, настолько гигантский промах, что пытливый исследователь должен испытывать величайшую потребность дать себе ясный отчет, в чем тут дело, и очень внимательно вглядеться в его причины.

Поход через Сен Готард нельзя рассматривать исчерпывающим образом, не затронув мысли о походе через Сен Бернар, о котором в самом начале говорилось и в Асти. Поэтому в интересах теории мы считаем необходимым включить в круг наших обсуждений эту столь близкую альтернативу. Мы проделаем это еще до того, как подробнее исследуем поход через Сен Готард в отношении его цели, плана и выполнения. Теоретическое изучение первого вопроса облегчит нам критическое исследование этого последнего события уже тем, что предварительно прольет на него некоторый свет.

Поход через Сен Бернар привел бы через Мартиньи в долину Роны, а затем вдоль Роны и Женевского озера к Веве, откуда ведут несколько дорог в открытые (менее гористые) районы Швейцарии. Среди этих дорог для целей Суворова не было более подходящей, чем та, которая вела через Фрейбург на Берн.

Путь через Сен Бернар являлся *стратегическим* обходом, т. е. таким обходом, который либо совсем не приводит к решительному сражению, либо влияет на обстановку у противника *только путем перерыва его линий сообщений*, т. е. решает кампанию *не совместно* с теми силами, которые действуют непосредственно перед неприятельским фронтом. Что же касается этого варианта, то как мог бы генерал Суворов рассчитывать ударить в таком случае на врага совместно с Римским-Корсаковым и Готце? Ведь с того момента, как направление на Сен Бернар дало бы себя почувствовать, ему потребовалось бы еще от 4 до 5 дней для того, чтобы добраться до Веве. Веве же находится на расстоянии 25 миль от Цюриха. Другими словами, только от французского полководца зависело — на каком пункте последних 10 или 15 миль этого пути к Цюриху он пожелает дать сражение Суворову.

Если же мы задаем себе вопрос: какую из двух вышеприведенных целей стратегического обхода мог бы преследовать поход Суворова, то ответ может быть один — только первую, а именно, достижения решения путем сражения.

Если мы обратимся теперь к линии расположения французской армии вдоль рек Лимата и Линты, то увидим, что тыл этой армии обращен прямо к Женевскому озеру; однако кантон Во у этого озера не служил ей базой, а тем менее — путем отступления. Основная база французской армии находилась за хребтом Юры, и наиболее важный участок ее сооб-

щений несомненно простирался от Безансона до Базеля. Неприятельская армия, наступавшая через Веве и не стремившаяся к решению кампании силой оружия, т. е. не наступающая решительно, несомненно не угрожала бы этой базе действительным образом. Французский главнокомандующий, потеряв одну из южных дорог, мог бы перенести свои сообщения на ближайшую дорогу к северу от них. В самой же Швейцарии для французов не имелось ни одного пункта решающего значения. Самым важным, пожалуй, мог оказаться Берн, но и тот находился на полпути по направлению к французской армии. Итак, что получилось бы, если бы Суворов прошел где-нибудь между Тунским и Женевским озерами и вторгся в глубь Швейцарии? Это, безусловно, могло бы рассматриваться только как демонстрация, при помощи которой можно было, быть может, испугать французского полководца и вовлечь его в отступление до района Берна. Но Суворов вышел из Италии не с намерением произвести демонстрацию. Демонстрация к тому же является средством слабого, не чувствующего себя достаточно сильным для полноценной операции. Между тем союзники обладали в данный момент численным превосходством и хотели использовать это превосходство для завоевания Швейцарии.

Демонстрация или нет, но всякая операция, направленная на стратегический фланг французов, которая не привела бы к быстрому решению силой оружия, а оказывала бы лишь медленное воздействие, была бы сопряжена с величайшей опасностью для союзников. Ведь если бы они использовали треть своих сил в этом отдаленном пункте для операции, дающей лишь медленный эффект, и притом сомнительный, французский полководец смог бы использовать свой численный перевес для того, чтобы поодиночке разбить отдельные отряды союзников, находившиеся в пределах досягаемости, как он это и сделал на самом деле. Какую бы форму наступления на Швейцарию ни придумал Суворов, он всегда был бы вынужден в первую очередь считаться с необходимостью как можно скорее покончить с той опасной обстановкой, которая создалась в Швейцарии.

Стратегический обход с намерением дать генеральное сражение, к чему мы, таким образом, свели поход Суворова, приводит к гораздо более решительным результатам, чем обычное наступление, потому что в таком случае размер успеха возрастает, зато вероятность его уменьшается. Подобное предприятие подходит, таким образом, более сильному, который, благодаря своему численному перевесу, уже питает в известной степени уверенность в своем успехе и который должен стремиться к возможно большему успеху. Правда, на войне никогда нельзя точно установить, насколько высоко может полководец расценивать свои собственные силы, т. е. свой талант и свое счастье. Это должно быть, очевидно, предоставлено решить ему самому, как равно и степень того дерзания, с которым он идет к своей цели. Теория может лишь требовать, чтобы

он знал все объективные условия и правильно их оценивал,— другими словами, ничего не начинал бы без того, чтобы отдавать себе полный отчет.

Задача критики, таким образом, состоит в том, чтобы показать обстановку, в которой мог бы состояться такой поход.

Если бы Суворов соединился с генералом Гаддиком, силы которого, включая полковника Штрауха, равнялись максимум 14 000 чел., численность его армии возросла бы до 34 000 чел. Если бы он, оставив в тылу несколько тысяч человек, повел с таким корпусом, силой от 25 000 до 30 000 чел., энергичное наступление, опрокинул бы все, что французы бросили бы ему навстречу в первый момент, направился бы через Фрейбург на Берн и дал бы сражение всем тем силам, которые Массена повел бы ему навстречу из Цюриха (а эти силы вряд ли могли быть намного сильнее его сил), если бы он затем выиграл это сражение, в чем полководец типа Суворова при подобной обстановке мог иметь достаточную уверенность,— то Швейцария была бы завоевана одним этим ударом, а переход через Сен Бернар стал бы примером одной из самых блестящих военных операций, вполне достойной быть поставленной наравне с тем переходом, который, 9 месяцев спустя, совершил Бонапарт в обратном направлении через этот же перевал. Вполне понятно, что подобный результат мог побудить смелого полководца к большим дерзаниям. Однако в таком виде это событие могло предстать перед нашими глазами лишь при поверхностном представлении о нем. Более же подробное исследование показало бы, что в действительности оно вряд ли приняло бы такую форму.

Генерал Тюрро со своими 10 000 — 12 000 чел. стоял в долине Роны. Если бы этот генерал отступил перед Суворовым до Веве, а Лекурб в тот же момент совсем покинул Сен Готард и долину Роны, то могло бы получиться, что Суворову пришлось бы на протяжении 15 миль двигаться сквозь длинную вереницу теснейших альпийских проходов, и через эту «узкую трубу», как сказали бы мы, проходила бы единственная коммуникационная линия и путь отступления Суворова в Италию. Но французы ни за что бы не покинули Валлис. Если имелась где-либо на свете возможность занимать настоящую фланговую позицию, то только тут. Если бы Тюрро остался с главными силами своей дивизии в Валлисе, Суворов никоим образом не смог бы выгнать оттуда этого генерала, не дав себя вовлечь в побочную операцию, которая отняла бы у него все время и все силы, предназначенные для главной. Итак, он не смог бы сделать ничего, кроме как отогнать его несколько выше в горы и установить за ним наблюдение при помощи отряда соответствующей силы. Так как Суворову пришлось бы занимать и самый Сен Бернар, и долину Аоста, в которой до сего времени стоял с частью своих войск Гаддик, то получается, что Суворов вряд ли смог бы взять с собой в Веве что-либо из состава корпуса Гаддика, а в таком случае силы его составили бы не свыше 20 000 чел., в том числе только 16 000 чел. пехоты.

С такими силами должен был, значит, Суворов искать решительного

сражения, и притом в тот момент, когда линия его отступления через Сен Бернар находилась под столь сильной угрозой, что он со дня на день рисковал ее потерять. Ведь пока французы владели Сен Готардом, Суворов никогда не мог быть уверенным, не спустят ли они наибольшую часть дивизии Лекурба в долину Роны, не прикажут ли ей соединиться с Тюрро и после этого непременно овладеть Сен Бернаром и долиной Роны вплоть до Женевского озера.

Если считать, что Готце должен был встретиться с Суворовым на полпути, то надо при этом сделать и предпосылку, что Готце разобьет своего противника Сульта еще раньше, чем Суворов окажет какое бы то ни было воздействие. Если же такая предпосылка вообще была безоговорочно допустима, то обратное завоевание Швейцарии не потребовало бы даже такой опасной операции, как переход Суворова через Сен Бернар. Но был ли Готце в самом деле сильнее Сульта и тех войск, с которыми мог броситься ему навстречу Лекурб?

Всю шаткость этой предпосылки слишком ясно показал ход событий 25—29 сентября на реке Линте.

Таким образом, переход Суворова через Сен Бернар нисколько не был бы лучше десанта, при котором сжигают за собой корабли. На такое смелое действие даже самый смелый из всех решился бы только в двух случаях: если бы он был заранее почти уверен в своем успехе, так что та опасность, которая угрожала бы ему с тыла, могла быть оставлена совершенно без внимания вследствие своей малой вероятности (Бонапарт под Иеной), или если бы его принудило к этому отчаянное положение. Ведь как только необходимая степень осторожности уменьшается настолько, что вероятность успешного результата становится совершенно ничтожной, так сейчас же возникают совершенно другие законы действия. В таких случаях только величайшая смелость сможет создать хоть какую-нибудь вероятность успеха, и главным образом потому, что величайшая смелость всегда сопряжена с преимуществом неожиданности. В таком случае высшая смелость превращается в высшую мудрость! Однако Суворов не находился ни в одном из этих двух положений, и потому мы считаем, что переход через Сен Бернар, на первый взгляд привлекавший своей гениальностью, при ближайшем рассмотрении явился бы полнейшим безрассудством, и его ничем нельзя было бы оправдать.

Поэтому, если составитель реляции о походе Суворова, приложенной к труду Жомини, считает этот путь самым лучшим только потому, что Суворов дебушировал бы в Швейцарию, в 40 лье позади Массены, то это только одна из обычных пустопорожних фраз, высказывая которую, составитель данной реляции не думал ничего определенного, т. е. не представлял себе никакого окончательного результата[1].

---

[1] Любопытно, что составитель этой реляции, в остальном написанной разумно и основательно, говорит: «В таком случае Суворов мог бы соединиться с корпусом Гад-

При подобных стратегических рассуждениях чаще всего застревают на каком-либо среднем звене и не доводят их до конечного результата, а только тогда бы и обнаружилось, что это среднее звено имеет совершенно иное значение, чем казалось вначале.

Переход через Сен Готард

Так как генералы Римский-Корсаков и Готце были настолько разбиты Массеной, что первый потерял всю свою артиллерию, а австрийцы, по обыкновению,— большое число пленными, то эти поражения и являются, собственно говоря, тем решительным сражением в Швейцарии, которое главным образом вызвало неудачный исход кампании для союзников. Поражения же эти являются прямым следствием междуцарствия, наступившего у союзников в Швейцарии, т. е. результатом слишком раннего отхода эрцгерцога и слишком позднего прибытия Суворова. Любой разумный человек устроил бы так, чтобы оба эти события совпали, но опыт показал, что требовать от кабинета министров, руководившего военными действиями, или придворного совета (Гофкригсрата), чтобы они всегда поступали, как разумные люди, — означает требовать от них слишком многого.

Это междуцарствие длилось свыше 3 недель. Если бы оно продлилось только несколько дней, можно было бы рассчитывать, что французы не успеют закончить свои приготовления, однако при промежутке в несколько недель не может быть и речи о таком предположении. Мы отмечаем это именно потому, что французы закончили свои приготовления к переправе через Лимат лишь 24 сентября, а большинство писателей сочло, что все дело заключалось лишь в том, сумеет ли Суворов пройти к 25-му высокогорные районы Швейцарии и выбраться из них или вообще энергично атаковать именно в этот день. На самом деле так и случилось.

Однако, если мы будем исходить из точки зрения кабинета министров и главнокомандующих за 4 и 6 недель до этого решительного дня, то тогда о таком рассуждении ведь не могло быть и речи. Кто знал тогда что-нибудь о 25 сентября, и как могли бы такие маловажные, чисто местные и индивидуальные события, как приготовления к переправе французов через Лимат, являться предметом особых догадок! Кроме того, по нашему убеждению, неготовность французов принималась на веру уж чересчур буквально.

Мы считаем очень возможным и даже очень вероятным, что если бы Суворов атаковал Сен Готард на 14 дней раньше, то и Массена тоже на 14 дней раньше нашел бы средства для переправы через Лимат. Если

дика, с 5 000 чел., стоявшими в долине Аосты, с Штраухом, Виктором и Роганом». Штраух и Роган принадлежали к корпусу Гаддика, а те 5 000 чел. составляли именно главные силы Гаддика. Виктор же — не что иное как имя самого принца Рогана. Очевидно, составитель этого донесения считал, что эти 5 отрядов насчитывают гораздо больше, чем 12 000—14 000 чел.

дело обстоит так, то, значит, и все неудачи союзников в Швейцарии следует рассматривать только как последствие междуцарствия, а направление похода Суворова на Сен Готард следует при этом принимать во внимание лишь постольку, поскольку, как мы покажем в дальнейшем, оно продлило междуцарствие на целых 3 или 4 дня. Установить более точное взаимоотношение перехода Суворова через Сен Готард с другими событиями безусловно необходимо, ибо из этого вытекает, что переход через Сен Готард не повлек за собой какого-либо ущерба, который не был бы в дальнейшем восполнен, раз взятое Суворовым направление обещало заметно лучший результат, чем всякое другое.

Намерение Суворова заключалось в том, чтобы с массой от 40 000 до 50 000 чел. появиться на фланге французского расположения и дать там решающий бой. Но до его прибытия решающий бой был уже дан на фронте, и таким образом, Суворов появляется слишком поздно. В этом нет ничего такого, что не могло бы случиться и в сотне других, гораздо менее сложных случаев.

После этого Суворову приходилось несколько раз подаваться вправо. Эти изменения маршрута производятся через высочайшие горные хребты, частью по простым пешеходным тропам, и обходятся русским потерей, быть может, 6 000—8 000 чел., огромного количества лошадей и от 20 до 30 пушек. Это было уже последствием взятого направления, и уже из-за одного этого последствия критика в праве осудить это направление.

Однако кризис, преодолеваемый с 24 сентября по 10 октября армией Суворова, моральные последствия которого выразились в дальнейшем в возмущении и нерасположении русских и их полководца к австрийцам, кризис, придающий походу Суворова столь величественный характер в истории, вызывается, очевидно, не только тем обстоятельством, что ему пришлось вести свое отступление по плохим дорогам и потерять при этом половину своих боевых сил, ибо такого рода обстоятельства часто встречаются в военной истории, и притом без таких моральных последствий. Нет, великая интенсивная сила этого 16-дневного кризиса заключается в том, что Суворов со всем своим корпусом трижды находился в величайшей опасности быть вынужденным положить оружие — в долинах Шахенской, Муттенской и реки Линты.

Итак, мы видим, что поход Суворова через Сен Готард на Швиц в случае неуспеха не только должен был привести к неизбежной потере части его войск, но очень легко мог окончиться полной гибелью всего его войска и к чрезвычайно чувствительному удару для чести его оружия, а следовательно, и к величайшей победе неприятеля. Этой оборотной стороны данного мероприятия, этого великого противоречия, показывающего всю его нецелесообразность, мы хотим коснуться отчетливее до того, как приступим к обсуждению его положительной стороны. Ибо очевидно, что в выводах все такие опасности всегда противопоставляются успехам, те и другие одинаково велики и расстояние между ними то

увеличивается, если положительные успехи становятся более вероятными, то, наоборот, уменьшается по мере того, как уменьшается вероятность успеха.

Теперь обратимся к самому мероприятию, как средству, направленному к положительной цели.

Поход Суворова через Сен Готард имеет два различных значения и должен рассматриваться почти как двойное мероприятие, что должно было умножить трудность задачи.

Во-первых, поход этот являлся маршем на *соединение* двух разобщенных неприятелем масс. Подобный стратегический акт имеет свои особые трудности, и кризис его обычно наступает в самый последний момент. Сначала неприятель, стоящий между обеими идущими на соединение армиями, либо не настиг ни одной из них, либо уклонился от той, которая находилась уже вблизи от него, или же стоял на неприступной позиции и т. д. Как только оба корпуса приблизились на определенное расстояние друг к другу, а тем самым и к противнику, они уже больше не могут уклоняться слишком далеко в сторону, избегая противника, если не хотят упустить своего соединения. Теперь уже возникает опасность, как бы противник не бросился на одного из них и, воспользовавшись численным превосходством своих сил, не разбил бы его до того, как оба корпуса согласуют друг с другом совместное нанесение удара. Мы постоянно сталкиваемся с этим в военной истории: огромное количество отдельных мероприятий, принимаемых в таких случаях обеими сторонами, богатый выбор тактических и стратегических диспозиций, а также обстоятельные описания историками таких событий показывают нам это с достаточной ясностью.

Второе значение похода Суворова заключалось в *нападении на стратегический фланг* французского расположения. Вполне ясно, что такое наступление есть нечто иное, чем простая атака в тыл французского расположения, которая могла развернуться в результате перехода через Сен Бернар. В последнем случае нечего было бы и думать о плане совместного нанесения удара, да совместный удар и не был бы необходим, ибо массы союзников находились бы слишком далеко друг от друга, чтобы позволить противнику, соединив собственные силы, бросаться то на одну, то на другую. При фланговой атаке *удар сообща* с генералом Готце был необходим, потому что сама природа флангового удара требует, чтобы неприятельская позиция была атакована и с фронта, по крайней мере на атакуемом фланге. Поэтому при стратегическом фланговом ударе все сильно зависит от точного расчета моментов, от большой точности движений.

Если теперь одновременно взглянуть на обе задачи суворовского похода, то становится ясным различие их тенденций, а потому и трудность сведения их воедино.

Обычно мероприятия *для стратегического флангового удара* исходят из наличия такого расположения сил, в котором эти силы если и не были

объединены, то все же поддерживали связь между собой, могли надлежащим образом условиться обо всем, точно рассчитать расстояние и время. А в данном случае все это должно было проделываться во время марша на соединение, причем неприятель находился между обеими соединяющимися армиями и не было возможности давать друг другу достаточно надежные и точные указания.

В походе на соединение, в тот момент, когда приближаешься к критической линии, на которой могут развернуться решающие бои, возникает опять-таки срочная необходимость, чтобы каждая из разобщенных масс как можно скорее попыталась соединиться с другой, подобно тому как две капли воды, сблизившиеся до определенного расстояния, быстро стекаются друг к другу. Но это совершенно противоречило намерениям флангового удара, требующего, чтобы одна из сил навлекла на себя противника,— другими словами, отдалилась от другой.

Правильно организованный *стратегический фланговый удар* потребовал бы, чтобы последние совместные решения были приняты самое раннее за 24 часа до выполнения, а между тем в данном случае они были приняты за 14 дней. *Марш на соединение* привел бы Суворова непосредственно из долины Рейсы в долину Линты в качестве последнего пункта, где можно было с уверенностью рассчитывать на осуществление соединения. *Стратегический же фланговый удар* привел бы его к Люцернскому озеру.

Если к этому еще добавить, в какой степени природа альпийских местностей должна была увеличить все эти затруднения, то сразу обнаруживается, что вся задача в целом, поставленная австрийским генеральным штабом старому полководцу, уже исходя из самых общих оснований, принадлежала к труднейшим и наиболее ненадежным, которые только могла представить себе стратегия, и что если бы из этого вышло что-нибудь путное, то только благодаря талантливости исполнения или же благодаря слепому счастью. Из этого ясно, что зародыш неудачного исхода заключался уже в самом задании.

Нечего доказывать, что циркуляр Суворова на имя генералов в Швейцарии не может считаться твердым планом, всеобъемлющим предварительным приказом. Неясности и неопределенности, которые мы в нем находим, отчасти являются, конечно, результатом нечеткого представления себе задачи и перевода на чужой язык. Но главным образом это результат того, что Суворов находился в 30 милях от той местности, в отношении которой он давал распоряжения, что он этой местности не знал, что о расположении подчиненных ему командующих генералов он знал лишь очень мало или ничего не знал, несмотря на то, что должен был иметь с ними дело и ими руководить.

Если мы обратим внимание на главные распоряжения этого циркуляра и позднейших соглашений, основанных на нем, то мы находим следующее:

1. Союзные генералы должны 26 сентября везде перейти в наступление, для того чтобы облегчить переход Суворова через Сен Готард.

2. Готце и Елачич должны наступать в район Эйнзидельна.

3. Линкен — соединиться с Суворовым в Муттенской долине.

4. Ауфенберг — атаковать долину Рейсы, пройдя через Мадеранскую долину.

5. Розенберг — обойти Сен Готард и вступить в соприкосновение с Ауфенбергом.

6. Суворов должен взять Сен Готард, спуститься в долину Рейсы и затем наступать по обеим сторонам Люцернского озера, имея своим объектом Люцерн.

7. Готце должен атаковать правый фланг французской позиции за Лиматом.

Из этих распоряжений наиболее характерными являются главным образом первые два и предпоследнее.

Атакуя неприятельскую линию расположения на нескольких пунктах сразу, как имелось в виду согласно первому распоряжению, нельзя ожидать, что победа будет одержана повсеместно. Поэтому нужно заботиться о том, чтобы достигнуть победы на главном пункте, т. е. на таком пункте, где удар наносится центру тяжести всей неприятельской линии обороны или же каким-либо другим важным объектам противника. Возможно, что Суворов один со своей колонной, соединившись с Ауфенбергом и Линкеном или даже без последнего, считал себя достаточно сильным для того, чтобы справиться с любыми силами, которые мог бы ему противопоставить Массена. Но из направления, которое избирает Суворов,— вдоль обоих берегов Люцернского озера,— если бы движение туда действительно оказалось выполнимым, нельзя усмотреть, что оно смогло бы привести к таким решающим успехам, которые возместили бы все, утраченное на других пунктах. Люцерн был, правда, резиденцией нового швейцарского правительства, но отнюдь не пунктом решающего значения. Направление на Люцерн отнюдь не было направлением для атаки на главные силы Массены, а еще меньше — для соединения с Готце.

Если мы соединим распоряжения, содержащиеся в пунктах 2 и 6, то увидим, что и тут намечалось, очевидно, нечто вроде стратегического сосредоточения. Такое сосредоточение, даже если оно в самом деле приводит к самой лучшей линии расположения на свете, не означает ровно ничего в момент стратегического кризиса, в течение которого ударами во всех пунктах мы вынуждаем неприятеля принять решение.

Таким образом, направление Суворова на Люцерн не привело бы к какому-либо значительному результату, зато совершенно разобщило бы союзников. Победоносный Готце в Эйнзидельне оказался бы в результате в худшем положении, чем разбитый Готце за Линтой. А что получилось бы из приказаний Суворова, если бы Готце не оказался победителем, а был бы разбит еще до вмешательства Суворова,— нам достаточно показала действительность.

Итак, мы не находим в плане Суворова стремления к взаимодействию всех сил для достижения точно задуманной и точно высказанной цели и уже поэтому ожидаем только провала такого плана, даже если бы Массена и не предупредил союзников на один день.

Последнее распоряжение, определяющее дальнейшую задачу Готце, повидимому, было добавлено самим эрцгерцогом, из труда которого мы его и почерпнули, для того чтобы придать больше ясности целому; однако цель этим отнюдь не была достигнута.

Окинем теперь взором еще раз все в целом. Получается, что вследствие отдаленности как по времени, так и по месту составления этого плана шесть генералов, а именно: Римский-Корсаков, Готце, Елачич, Ауфенберг, Розенберг и сам Суворов, отделенные друг от друга и потому в момент решительных действий совершенно независимые друг от друга,— *другими словами, шесть самостоятельных военных импульсов, должны были действовать согласованно в течение 4 или 5 дней.* Этого более чем достаточно для провала самого лучшего плана.

Таким образом, поход Суворова через Сен Готард, который, очевидно, казался австрийскому генеральному штабу совершенно гениальной идеей, расплывается при ближайшем рассмотрении в совершенно бесформенный туман неясных целей, неопределенных приказов и неточных данных.

Если мы к этому еще добавим такую невероятную оплошность, как полная неосведомленность об отсутствии дороги из Альторфа, то можно прямо сказать, что самая идея этого похода являлась гигантской ошибкой. Весь неуспех этого похода — результат стратегической идеи, положенной в основу его, и даже если бы в выполнении его не было сделано никаких ошибок, не произошло никаких несчастных случаев,— результат его получился бы не намного лучше. Какую пользу принесло бы, если бы Готце с Елачичем проникли 26-го и 27-го вплоть до района Эйнзидельна? 28-го, т. е. в тот самый момент, когда Суворову приходилось преодолевать Кинциг-Кульм, они были бы атакованы генералом Массеной и снова прогнаны за Линту, пожалуй, с большими потерями. Опять-таки, какую пользу принесло бы, если бы Линкен действительно вступил 27-го в Муттенскую долину и соединился с Суворовым? Тем самым Суворов все еще не получил бы достаточно сил для того, чтобы без Готце наступать по равнине между озерами. Даже если бы Суворов очутился в Швице, а Готце, в тот же самый момент, — в Эйнзидельне, оба все-таки оказались бы отделенными друг от друга горным отрогом, который при всех условиях достаточно изолировал бы обоих друг от друга.

В сущности, Суворову, преодолев Сен Готард, ничего не оставалось лучшего, как направиться, через Мадеранскую или Шахенскую долины и перевал Клус, в долину Линты, где он застал бы Линкена, снова подтянул бы к себе Елачича и смог бы направиться на Бильтен (1 км к северо-западу от Нефельса). Благодаря этому его переход через Сен Готард дал бы хотя бы небольшое стратегическое преимущество обхода

позиций французов между Цюрихским и Валенштедтским озерами. Однако такое направление воспрепятствовало бы указанному в плане сбору у Швица и Эйнзидельна.

Весь неуспех этого похода, ставшего знаменитым по своей смелости и трудности, заключался, таким образом, в самом походе. И было бы почти чудом, если бы из него получилось что-нибудь более удачное. То, что этот поход не привел к еще худшему результату, что не стряслось полной катастрофы, скрытой, как мы разъясняли выше, в обратной стороне этой операции,— за это русские должны благодарить в первую очередь свою собственную храбрость, а затем французов за те грубейшие ошибки, которые они совершили, как мы это покажем ниже.

Милютин в своей истории (т. 2, стр. 200—204) следующим образом излагает соображения Суворова при выборе направления на Сен Готард и опасности этого решения.

«Суворов, предпочитавший всегда действия самые быстрые и решительные, избрал путь через Сен Готард. Общая мысль его состояла в том, чтобы в одно и то же время наступать с трех сторон: пока русские войска из Италии, с помощью австрийского отряда Штрауха, будут пробиваться через Сен Готард и в ущелье Рейсы, Линкен, Елачич и Готце (20 000) — должны оттеснить французов от Линты, а Корсаков (27 000)— перейти через Лимат. Тогда Массена, атакованный со всех сторон и угрожаемый в тыл движением самого Суворова, вынужден будет беспрепятственно покинуть сильную позицию на Альбисе и отступить за Рейсу и даже за Аар.

Такова была общая мысль предположенного похода. Отдельные части союзных сил, раскинутые на обширном полукружии, разделенные одна от другой непроходимыми хребтами и ущельями, должны были наступать с разных сторон к центру, стараясь постепенно открыть между собою связь. Такое разобщенное движение отдельных колонн было тем опаснее, что неприятель имел значительный перевес в силах, хорошо знаком был с местностью и приобрел опытность в горной войне. Занимая внутреннее пространство, охватываемое расположением союзных сил, Массена мог свободно передвигать свои войска с одного фланга на другой, усиливать то или другое крыло и, предупредив соединение союзных отрядов, нанести поражение каждому из них отдельно.

Однакож опасения эти не остановили Суворова. Полководец наш не хотел терять время на большое кружное движение, для одного лишь предварительного соединения сил; он предпочел итти прямо, ударить решительно на противника, выйти ему во фланг и в тыл. Фельдмаршал в одном письме своем к Готце сам выразил так свои мысли: «Истинное правило военного искусства — прямо напасть на противника с самой чувствительной для него стороны, а не сходиться, робко пробираясь окольными дорогами, через что самая атака делается многосложною, тогда как дело может быть решено только прямым, смелым наступлением».

Надобно при этом заметить, что Суворов не имел точных сведений ни о силах неприятельских, ни о местности нового театра войны. В том и другом отношении положился он на австрийцев: по сведениям, доставленным от генерала Готце, фельдмаршал считал во всей Швейцарии не более 60 000 неприятельских войск. Относительно же местности, вероятно, русскому полководцу и на мысль не приходили все страшные преграды, ожидавшие его на пути через Сен Готард. Суворов, конечно, не мог изучить во всей подробности топографию этого края; но по тому самому и назначены были к нему офицеры австрийского генерального штаба, знакомые с местностью Швейцарии. Один из них, полковник Вейротер, получивший впоследствии такую известность своими неудачными стратегическими планами, пользовался доверенностью фельдмаршала; он составлял в продолжение швейцарского похода все диспозиции и

проекты; он вел всю военную переписку; он же, сколько известно, присоветовал и выбор пути через Сен Готард. Однако же Суворов, как бы для большего поручительства, счел нужным спросить мнения по этому предмету австрийских генералов: еще из Асти сообщил он общие мысли свои о предстоявшем походе Штрауху, Линкену, Готце и требовал, чтобы каждый из них доставил немедленно свои предположения и замечания. Никто, однако же, не обратил внимания фельдмаршала на то, что дорога, по которой предполагал он наступать вдоль верхней Рейсы, не могла никуда вести его далее озера Люцернского. Ужели австрийцы могли добродушно надеяться, что на этом озере заготовлены будут французами суда для русских колонн? Об этом не было ни слова в предположениях Готце и Штрауха. Суворов, получив оба эти предположения, вообще одобрил их и поручил Вейротеру соединить их в один общий план»[1].

«С первого взгляда видно, что русским войскам, наступавшим со стороны Италии, предстояла задача чрезвычайно трудная: кроме всех препятствий местных, которые они должны были преодолевать на своем пути, независимо от сопротивления со стороны неприятеля,— было еще одно затруднение существенное, которое могло расстроить все соображения. Оно состояло — в средствах продовольствия. Путь через Сен Готард в то время недоступен был для повозок; а потому Суворов не мог взять с собою ни обоза, ни полевой артиллерии.

По вступлении в горы Швейцарии, русские войска не могли уже рассчитывать на подвоз запасов из Италии: обеспечить сообщение было бы весьма трудно, и к тому же, при безостановочном движении колонны вперед, по трудной горной дороге, вьючные транспорты не могли бы поспевать во-время. Но Суворов думал, что ему стоило только достигнуть Швица, а там откроются уже новые сообщения с Северной Швейцарией и получатся обильные запасы продовольствия через посредство Готце и Корсакова. К несчастью, расчет этот был не совсем верен: с одной стороны—Суворов возлагал напрасные надежды на Корсакова и Готце, которые сами часто нуждались в продовольствии для собственных своих войск; с другой стороны — можно ли было ручаться, что взятый из Таверно 7-дневный запас провианта станет на весь переход до Швица? Если б даже не было встречено никакого сопротивления от неприятеля, никакой особенной остановки в движении, то и тогда было бы невозможно в 7 дней пройти с армиею более 140 верст по самой недоступной горной стране.

Таким образом, самый план похода не предвещал уже счастливой развязки. К тому же встретились еще при исполнении остановки неожиданные.

Первоначально Суворов предполагал подойти к Сен Готарду 6 сентября, а 8-го атаковать неприятельскую позицию. Фельдмаршал дорожил временем и хотел нагрянуть на противника так внезапно, чтобы тот не успел подкрепить свое правое крыло. Поэтому русские войска шли от Алессандрии до Таверно усиленными переходами, так что в 6 дней сделали более 150 верст. Но прибыв 4-го числа в Таверно, Суворов узнает, что нет обещанных мулов... Итти далее невозможно: ибо через Монте-Ченере (между Таверно и Белинцоной) не было тогда колесной дороги. С сокрушенным сердцем Суворов вынужден остановиться в Таверно, дождаться мулов и отложить день предположенной атаки».

После такого результата наших выводов, пожалуй, бесполезно добавлять, насколько благоразумнее был бы переход на Сплюген, причем в этом случае Суворов мог бы сохранить при себе бо́льшую часть артиллерии, все время двигаться хоть и по тяжелой, но все же проходимой для обозов дороге, преодолеть трудности местности вдали от неприятеля и под прикрытием расположения австрийских войск, а следовательно, прибыть к Готце с совершенно неослабленной армией.

[1] План этот изложен на стр. 69.

Суворов прибыл бы тогда со всей своей армией уже к 22 сентября в Кур, и с этого момента прекратилось бы междуцарствие в Швейцарии. Путь же через Сен Готард привел его лишь 26-го к Альторфу, у которого только стали возможны совместные действия. Такое изменение направления похода и более быстрое приближение Суворова, может быть, заставило генерала Массену организовать нанесение ударов Римскому-Корсакову и Готце гораздо ранее,— об этом мы судить не можем, но если этого не случилось бы, то события 25 и 26 сентября на Линте безусловно приняли бы совершенно иной оборот, и очень вероятно, тогда бы не произошло и сражения у Цюриха.

Французский главнокомандующий

Поход Суворова через Сен Готард справедливо рассматривается как рискованное предприятие. Победы Массены и Сульта над союзными генералами 25 сентября уничтожили, вдобавок, все предпосылки, на которых основывался этот поход, а трусливое поведение Елачича и Линкена, казалось, довершило несчастья Суворова. Тем не менее из всех операций Массены против Суворова не получалось ничего иного, что и без того явилось бы почти неизбежным следствием похода Суворова, т. е. что Суворову пришлось уклониться вправо и вследствие одной только борьбы с горами и долинами потерять половину своей армии. Подобный результат, казалось, не соответствовал той катастрофической обстановке, в которую попал Суворов, и именно это прежде всего направило острие критики на французского главнокомандующего. Как обычно, был задан только вопрос: как надлежало распределить силы для того, чтобы добиться поистине блестящих результатов, т. е. в данном случае полностью запереть Суворова, не ставя себя при этом целиком на ту точку зрения французского главнокомандующего, из которой последний должен был бы исходить. В результате, естественно, было установлено, что, вместо того чтобы направиться на Швиц, Массена должен был бы немедленно направиться в долину Линты и закрыть Суворову этот последний выход.

Если мы и не можем допустить критику такого рода, то мы все же остаемся при том мнении, что Массена не проявил себя тут великим полководцем, а в особенности — таким же решительным стратегом, каким он был решительным дивизионным генералом. И это не должно нас очень удивлять, так как сам Бонапарт, знавший его достаточно хорошо и никогда не питавший к нему враждебных чувств, говорит про него в своих мемуарах: «Вне сражения он был самым путаным человеком на свете». Во всяком случае, ясно, что он не позаимствовал у Бонапарта, своего учителя в походах 1796 и 1797 гг., наилучший из его принципов: *обходиться на второстепенных пунктах с наивозможно меньшим количеством войск для того, чтобы оказаться наиболее сильным на главном пункте.*

Если мы себе представим, что 26 сентября на поле сражения под Цюрихом генерал Массена получил сообщение о том, что Сен Готард и Чортов мост взяты, что Лекурб отступает на Альторф, то для него было довольно естественно устремиться со всеми своими свободными силами к Швицу, для того чтобы тем или иным способом соединиться с Лекурбом или действовать согласованно с ним. Если даже Суворов не имел дороги на Эйнзидельн ни из Альторфа, ни из Швица, то все же нельзя требовать, чтобы Массена целиком положился на это обстоятельство. С одной стороны, он, несомненно, не знал про все возможные дороги в этом районе столь же точно, ясно и наглядно, как мы знаем о них теперь из атласа Вейса, тогда еще не существовавшего; французы же всегда привыкли рассматривать пункты Швиц и Эйнзидельн как два единственных плацдарма для развертывания своих сил в районах между Люцернским и Цюрихским озерами. С другой стороны, опыт научил нас, что проникнуть в Муттенскую долину, а следовательно, и в окрестности Швица, было вполне возможно. Наконец, направление на Швиц подходило не только для одних районов Швица и Эйнзидельна, но в крайнем случае и для выхода в долину Линты, и даже для Люцерна, который также нельзя было оставлять совершенно без внимания, поскольку существовала вероятность, что Суворов может направиться и туда, пройдя к югу от Люцернского озера. Одним словом, направление на Швиц было средним решением, а такое среднее решение всегда предпочтительно, пока события еще не развернулись.

Тут, в особенности, нельзя оставлять без внимания того, что французы, как они это подчеркивают, не знали, с какими силами подходил Суворов, и что они безусловно не верили, будто он ведет с собой всего лишь около 20 000 чел. Они скорее должны были предполагать, что Суворов наступал со всей русской армией целиком и вдобавок еще с одним корпусом австрийцев, а в таком случае его силы должны были доходить скорей всего до 40 000—50 000 чел. С такими силами, безусловно, можно было бы даже выйти на равнину между Люцернским и Бриенцским озерами и направиться на Люцерн или же на Берн.

Если мы себе это представим, то, конечно, поймем, что задачей Массены на поле сражения под Цюрихом была не простая закупорка естественной щели, через которую мог бы ускользнуть слабый, оставленный всеми на произвол судьбы корпус, укрывшийся в лабиринте скалистых ущелий. *Для Массены поход Суворова был приближением значительной армии, предводимой верховным главнокомандующим союзников, от победоносного меча которого пали Моро, Макдональд и Жубер.* Казалось, в первую очередь надо было сделать все, чтобы по возможности преградить этой армии выход из гор на равнину и по возможности оказать сопротивление вообще всем ее наступательным попыткам.

Итак, мы находим совершенно понятным, что Массена направил свои войска на Швиц, а сам лично поспешил через Люцерн к Лекурбу, для того чтобы посоветоваться с последним. Во всяком случае, мы

не решаемся высказать по этому поводу какой-либо определенный упрек.

Однако мы безусловно должны упрекнуть французского главнокомандующего за то, что, вместо того чтобы оставить против разбитого Римского-Корсакова слабую дивизию в 5 000—6 000 чел., он оставил для наблюдения за ним целый корпус в 18 000 чел. Если удалось захватить 100 орудий, т. е. всю неприятельскую артиллерию, можно быть вполне уверенным в том, что с таким противником справишься и в дальнейшем, и даже нет никакого риска, если для наблюдения за такой армией оставить простое сторожевое охранение. Для чего же одерживается блестящая победа, как не для того, чтобы добиться такого права? Сделай это Массена, он смог бы выступить с 25 000—30 000 чел., которые можно было бы довести до 40 000, присоединив к ним части войск из дивизий Лекурба и Сульта, и этого было бы не слишком много, даже если бы Суворов, подойдя всего лишь с 30 000 чел., довел при помощи Елачича, Линкена и Ауфенберга свои силы до 40 000 чел. и с такой численностью наступал в равнинах между Люцернским и Цюрихским озерами.

Точно так же генералу Массене следовало установить только наблюдение за Петрашем, а Сульта с главными силами его дивизии заставить вернуться на левый берег Линты и направить его в долину Линты для поддержки бригады Молитора.

Массена смог надлежащим образом ознакомиться с обстановкой только в Альторфе. Это было 29 сентября. Мы считаем, что он отлично мог сделать это и 28 сентября, но в этом отношении не следует слишком строго судить его. В тот день Сульт мог вполне уже дойти до Гларуса и, соединившись с Молитором, образовать кулак, примерно в 8 000 чел., в долине Линты. Под Швицем, по нашему предположению, в этот день легко могли собраться 20 000 чел. В таком случае Лекурба нечего было бы отводить назад в Брунен, а наоборот, он мог бы в тот же день выступить к перевалу Клус. 30 сентября Массена мог атаковать в Муттенской долине с 20 000 чел., и в тот же день Сульт мог занять Брагельский перевал, в то время как Лекурб наступал бы через долину верхней Линты на Гларус. Те части сил Массены, которые он, основываясь на предположенной нами численности его соединений, мог бы направить на Эйнзидельн, могли 30-го выступить также и в долину Линты. При таких обстоятельствах Суворов, весьма вероятно, не смог бы уже ускользнуть из Муттенской долины и уже никоим образом не выбрался бы из долины Линты, куда, разумеется, должен был последовать за ним через Брагельский перевал и сам Массена[1].

[1] Клаузевиц считает вероятным, что Суворов не смог бы выйти из окружения в долинах Мутты или Линты; с этим нельзя согласиться, если принять во внимание не только взаимное положение сторон, но и качества противостоящих войск. С одной стороны были русские войска под предводительством гениального Суворова, только что закончившие победоносный поход в Италии, с другой — французские войска, второй год топтавшиеся на одних и тех же местах Швейцарии. Они, правда, одерживали успехи

Итак, мы видим, что Массена, если он сначала и в самом деле избрал среднее, нерешительное направление, все же имел бы время (если бы он это предпринял с решительным использованием всех своих сил) со всех сторон окружить Суворова отрядами, достаточно сильными для того, чтобы сделать невозможным прорыв сквозь узкие альпийские перевалы.

Мы вовсе не хотим сказать, что подобное окружение русского полководца, другими словами, осуществление приведенной выше расстановки войск, оказалось бы легким делом и проходило бы совершенно гладко, само собой, так же просто и ясно, как это нам представляется здесь на бумаге. Те, кто знает, как под давлением большой ответственности и наличия тысячи неизвестных доселе неясностей и противоречий меняется на практике характер решения, в особенности на войне, тот поймет, что и тут не обошлось бы без *многочисленных* сомнений; и, несомненно, то, что кажется нам столь простым, не могло претвориться в жизнь без наличия и содействия большой силы воли. Поэтому-то на войне при достижении чрезвычайных успехов инициатива создания плана является всегда самой меньшей заслугой, хотя правильный план всегда остается необходимым условием успеха. Однако такого результата, как пленение Суворова и всей его армии, можно было ожидать только при той степени энергии и решительности, какую мы привыкли видеть у Бонапарта. Приводя нашу расстановку сил, мы хотели только показать, что если бы Массена оказался достаточно сильным между Линтой и Люцернским озером, то это могло бы кончиться крупным успехом.

Когда выше мы говорили, что Суворов трижды находился в опасности потерять свои пути отступления, в первый раз уже в Шахенской долине, то мы при этом имели в виду лишь те случаи, которые могли возникнуть, если бы французы раньше вошли с достаточными силами в долины Линты и Муттенскую и преградили бы выходы из Шахенской долины. Такой случай очень легко мог возникнуть и при других комбинациях.

После того как Массена пропустил главное, а именно — возможность направить и вызвать свои войска туда, где могла итти речь о новом решительном ударе, — ожидать от него чего-нибудь великого, безусловно, было уже нельзя. Однако и в использовании средств, имевшихся у него под рукой, мы не видим у Массены, как и в сражении у Цюриха, — во-первых, ни той ясности и всепроникающей энергии плана, который невольно напоминал бы нам решения Бонапарта, во-вторых, и той энергии и экономии времени, которыми обычно так отличались французы.

над австрийцами, но совершенно частного значения. Это различие противников резко сказывалось в боевых столкновениях. В Муттенской долине один только русский арьергард Розенберга два раза разбил более значительные силы французов, наступавшие второй раз под командой французского главнокомандующего Массены, и заставил его отказаться от дальнейших действий против русских. Еще более решительный удар мог получить Массена, если бы он попытался запереть русским дорогу в долине Линты, где французов встретил сам Суворов. Со своими чудо-богатырями Суворов мог и ускользнуть и выбраться из всех тех опасных положений, которые, по мнению Клаузевица, могли создать ему французы. — *Ред.*

Лекурб позволяет русским 27 и 28 сентября перейти через Киндиг-Кульм, не исполнив ничего, кроме серенады в виде беглого ружейного огня по арьергарду. 29-го Лекурб и Массена теряют время на верховую прогулку по Шахенской долине. 30-го Массена еще не собрал своих сил для энергичной атаки в Муттенской долине, вероятно потому, что, притянув только Мортье, не считал себя достаточно сильным для этого, а Лекурб еще только переправлялся через озеро. Между тем 30-го у Муттена находились только войска Розенберга, которые несомненно не были сильнее дивизии Мортье. Очевидно, Массена совершил еще и другую ошибку, а именно — зря разбросал дивизию Мортье по мелочам. 31-го Массена позволяет даже Розенбергу разбить себя наголову, хотя он мог намного превосходить его численностью. После этого Массена совершенно отказывается от атаки в Муттенской долине, хотя мог предвидеть, что Розенберг отойдет в ближайшее время и что нигде он не сумел бы так задержать Суворова среди гор, как именно здесь, следуя за ним по пятам. Массена напрасно оставляет от 3 000 до 4 000 чел. под командованием Мортье в Муттенской долине, а сам направляется через Эйнзидельн в долину Линты, т. е. опять разбрасывает свои силы и теряет 2 дня на марше. Прибыл ли он по истечении этих 2 дней, т. е. 3 октября, в долину Линты,— мы даже не знаем. Во всяком случае, не происходило никаких событий, а резерв его, под командованием Клейна, который должен был направиться с цюрихского поля сражения на Рихтеншвиль, повидимому, совсем не пошел в долину Линты, поскольку уже 6-го эта дивизия прибывает опять в Андельфинген.

Так растрачивает французский полководец свое время и силы и действует, сам хорошо не зная, чего он хочет. Считать своей задачей воспрепятствование проникновению Суворова на равнину он 30-го уже не мог, ибо для чего понадобилось бы Суворову выходить на эту равнину к югу от Линты?

Если бы Массена обладал решительностью Бонапарта, он собрал бы все свободные войска у Нефельса; вместе с резервом Клейна войска эти могли насчитывать до 16 000 чел. С этими силами в тот же день, когда Суворов направился на Эльм, он мог бы броситься через Керенцен к Валенштедтскому озеру, отбросить войска, выдвинутые Елачичем, атаковать этого генерала у Сарганса, опрокинуть его через Рейн и самому попытаться форсировать эту реку для того, чтобы еще раз преградить Суворову путь и в Рейнской долине, заставив его уклониться еще дальше по направлению к Тиролю. Мы ни минуты не сомневаемся, что так поступил бы Бонапарт, но не считаем, что этого можно требовать от любого другого полководца.

Относительно действия австрийских генералов на реке Линте мы уже высказали свои замечания в течение нашего рассказа, поэтому не будем сейчас терять на них время.

Однако мы позволим себе еще одно заключительное замечание.

Этот великий пример показывает, что на войне исключительные предприятия благодаря эффекту своей неожиданности и своему выдающемуся характеру хотя и производят большое моральное впечатление и тем самым оказывают некоторое влияние на ход военных действий, но все же недостаточны, и приводят к цели только те исключительные и выдающиеся действия, которые входят в рамки целого, т. е. всей войны. Поэтому, если смелый полководец решается на какое-нибудь исключительное предприятие потому, что чувствует в себе силу его выполнить, то все же первым условием должно быть, чтобы он нащупал надлежащее соответствие между средством и целью. Если этого не будет, то стремление к выдающемуся легко превратится в свою противоположность и тем самым сможет привести к большим несчастьям. К этому именно и подходит французская поговорка: «От великого до смешного — один шаг» [1].

[1] Упрек Клаузевица Суворову нельзя признать достаточно обоснованным. План Суворова был связан с общей целью войны в Швейцарии. Занятие этой страны союзниками обеспечивало завоевание Италии и создавало удобное исходное положение для наступления через Юру (Франш-Конте) во Францию. Только потому, что Швейцария осталась в руках французов, Наполеон мог в следующем, 1800 г. использовать Сен Бернар для маневра в тыл Меласу и одним ударом вернуть Италию. — *Ред.*

ГЛАВА VIII

ЭРЦГЕРЦОГ КАРЛ ОСВОБОЖДАЕТ ФИЛИПСБУРГ ОТ ОСАДЫ, ОВЛАДЕВАЕТ МАНГЕЙМОМ и ВОЗВРАЩАЕТСЯ НА БОДЕНСКОЕ ОЗЕРО. СУВОРОВ УХОДИТ В ШВАБИЮ. ОКОНЧАНИЕ ШВЕЙЦАРСКОЙ КАМПАНИИ. СТАРАЙ ДВАЖДЫ ОСВОБОЖДАЕТ ФИЛИПСБУРГ ОТ ОСАДЫ. ОКОНЧАНИЕ КАМПАНИИ НА РЕЙНЕ

(Схема 6)

Эрцгерцог Карл освобождает Филипсбург от осады и штурмом овладевает Мангеймом

В главе VI мы привели основания, заставившие австрийское правительство направить армию эрцгерцога Карла на Рейн. Эти основания, относившиеся к диверсии для облегчения высадки в Голландии 40 000 чел., состоявшейся в конце августа у Текселя, настолько мало совпадали с непосредственными целями войны, что австрийский кабинет и его главнокомандующий хорошенько даже не знали, что им, собственно говоря, надо было предпринять с этой армией на Рейне. Использование главной армии для простой диверсии уже само по себе является большой глупостью. Кроме того, диверсию можно производить только там, где имеется лишь один объект для нападения, а на Рейне таких объектов именно и не было. Ведь эрцгерцог Карл не мог даже и думать, не обладая на Рейне ни одной крепостью, еще в сентябре перенести военные действия через Рейн и Вогезы. То, что французы снова создали Рейнскую армию, могло, правда, послужить поводом для усиления и австрийцев на Рейне, однако считать именно это обстоятельство причиной отхода армии эрцгерцога на Рейн было бы попыткой ввести в историю заведомо неверный мотив. Между тем на первый взгляд это, пожалуй, так и выглядит, ибо французская Рейнская армия переправилась через эту реку 26 августа, а эрцгерцог Карл выступил к Шафгаузену 31-го. Но мы видели, что приказ для этого отхода эрцгерцог получил несколько раньше, а по его собственным словам, ближайшим поводом его отхода явилось,

в сущности, нечто вроде отвращения, вызванного неудачей форсирования реки Лимат. Эрцгерцог Карл уподобляется здесь человеку, которому стало скучно сидеть дома и который берет палку и шляпу, бредет было к двери, но вскоре снова останавливается, потому что, в сущности, не знает, что́ с собой делать. Едва только эрцгерцог отходит на несколько миль от Шафгаузена и еще не достигает истоков Дуная, как снова останавливается у Сен Блазьена и собирается выделить всего лишь один отряд для того, чтобы снять осаду с незначительного Филипсбурга.

У французов, наоборот, отнюдь не было недостатка в объектах для наступления, так как каждое серьезное продвижение их к Дунаю угрожало австрийским военным складам и вывело бы из себя эрцгерцога Карла. Но у французов нехватало войск для того, чтобы решиться продвинуться так далеко. Из 54 000 чел., которыми они располагали на Рейне, они смогли сосредоточить у Оггерсгейма не более 12 000 чел. для образования действующей армии, а с 8 000, под командой Бараге д'Илье, повести наступление из Майнца. Как бы ни были малы эти силы, правительство все же правильно считало, что они должны были проявлять деятельность, хотя бы в виде диверсии на пользу Массене в Швейцарии. В самом деле, следовало ожидать, что, не будь такой диверсии, одна лишь скука или даже скорее стыд снова погнали бы эрцгерцога в Швейцарию. Он и сам говорит: «Ничего не могло быть желательнее для эрцгерцога, как активные операции противника на правом берегу Рейна, которые предоставили бы ему случай хотя бы отчасти и с подобием последовательности выполнить намерения венского двора». Наверно никогда еще не видели полководца в таком затруднении из-за отсутствия противника.

Генерал Мюллер, который все еще командовал Рейнской армией в ожидании прибытия Моро, имел приказ по возможности проникнуть вперед до истоков рек Неккара и Дуная. 26 августа Мюллер переправился у Мангейма через Рейн, а 27-го продвинулся до Филипсбурга, гоня перед собой легкие австрийские части, принадлежавшие к корпусу Старая.

Австрийцы отступили на Дурлах, Пфорцгейм и Лауфен и в этих местах получили некоторое подкрепление австрийскими, швабскими и вюртембергскими войсками. Теперь Мюллер осадил Филипсбург и решил дожидаться Бараге д'Илье.

Этот последний направился 28-го из Майнца во Франкфурт и обложил этот город значительной контрибуцией. Оттуда он выдвинул авангард к Зелигенштадту, но решил, что в этом направлении он дальше продвигаться не сможет, так как майнцский министр Альбини сосредоточил здесь ополчение под прикрытием некоторого количества майнцских, пфальцских и австрийских отрядов, доведя, таким образом, свои силы до 15 000 чел. Бараге д'Илье отправил бо́льшую часть своей дивизии к Мюллеру, а с остальной частью снова отступил в Майнц. Благодаря этому подкреплению, вряд ли направившемуся по горной дороге, а скорее всего вдоль левого берега Рейна и прибывшему в Гейдельберг

31 августа, генерал Мюллер довел свои силы до 18 000 чел. 6 сентября он приступил к обстрелу Филипсбурга, где засел гарнизон в 2 300 чел. имперских войск, под командованием рейнского графа Зальма, в чине генерал-лейтенанта Франконской области. Город вскоре загорелся, а гарнизон и жители его не знали, где им укрыться, из-за недостатка казематов. Это положение длилось, однако, недолго, ибо начавшийся 6 сентября обстрел пришлось приостановить уже 11-го.

Если бы эрцгерцог не прерывал своего похода или хотя бы направил крупный отряд немедленно к Филипсбургу, то, поскольку этот пункт находится всего лишь в 25 милях от Шафгаузена, снять осаду с Филипсбурга, естественно, было бы вполне возможно уже 7 или 8 сентября. Однако эрцгерцог считал, что ему некуда спешить. Он говорит: «Убежденный, что обладание Филипсбургом не имеет большого значения, а французский осадный корпус не отличается многочисленностью, эрцгерцог, уходя из Швейцарии, решил послать для снятия осады с этой крепости лишь относительно незначительное количество войск, а самому на первых порах оставаться на более важном месте у истоков Дуная. Но малое беспокойство за эту местность, в силу слабости врага на Верхнем Рейне, и преувеличенные известия о нарастании сил французов на Среднем Рейне побудили его изменить свое решение. 14 000 чел. остались в сторожевом охранении между долиной Ренх и Вальдсгутом, 10 000 чел. — в резерве между Вальдсгутом и Вилингеном, остальные же войска эрцгерцог направил таким образом, чтобы можно было сосредоточить на реке Энц между Пфорцгеймом и Вайтингеном к 12 сентября 30 батальонов и 76 эскадронов».

Эти 30 батальонов и 76 эскадронов образовали силу в 34 000 чел., а вместе с 24 000 чел., оставленными эрцгерцогом на Верхнем Рейне, это составляет 58 000 чел. Поскольку эрцгерцог выступил из Швейцарии всего лишь с 30 000 чел., то в данный подсчет вошел несомненно и корпус Науендорфа, поскольку Старай один вряд ли мог располагать силами свыше 20 000 чел.

Повидимому, 5 сентября эрцгерцог выступил из района Сен Блазьена. При его приближении генерал Мюллер 11 сентября снял осаду с Филипсбурга и отошел к Мангейму, а 14-го и 15-го перешел обратно через Рейн, заняв только Мангейм и Некерау силами дивизии Ларoша.

За несколько месяцев до этого французы взорвали укрепления Мангейма, теперь они занялись их спешным восстановлением.

Мангейм, расположенный в остром углу слияния Неккара с Рейном и, таким образом, достаточно защищенный водой с трех сторон, безусловно, можно было без особого труда укрепить настолько, чтобы он не подвергался опасности быть захваченным с налета. Для этого французам надлежало лишь снова привести в боеспособное состояние 3 или 4 бастиона с относившимися к ним верками. Но французы этим не удовольствовались. Подходя к Мангейму с точки зрения удобства этой крепости в качестве предмостного укрепления, французы соорудили пе-

ред мостом через Неккар довольно обширное предмостное укрепление. При этом они укрепили деревню Некерау, расположенную между Рейном и Неккаром в $^3/_4$ мили от валов, а для обеспечения связи с последней выдвинули вперед большое количество небольших флешей и редутов. Правый фланг этой линии окопов упирался редутом Гольцгоф в Рейн, а левый — редутом Кайзергютте в Неккар. Французы еще были заняты этими работами, когда подошел эрцгерцог; большинству из этих верков нехватало еще основательных брустверов. Дивизия Ларош, которой было поручено оборонять Мангейм и эти укрепления, состояла из 5 батальонов и 6 эскадронов, из которых 2 батальона и 2 эскадрона стояли в Некерау, а 3 батальона и 4 эскадрона — в Мангейме и его укреплениях. Крепость была очень бедна артиллерией, и австрийцы после ее завоевания захватили там всего лишь 23 орудия, причем часть их была, вероятно, полевыми, принадлежавшими войскам.

Очевидно, условия обороны были таковы, что, с одной стороны, французы не могли льстить себя надеждой сохранить Мангейм, если у противника возникнет срочная необходимость атаковать эту крепость, с другой же стороны, австрийцы не видели в этих условиях невозможности или очень большой трудности для овладения штурмом как укреплениями, так и самой крепостью.

12 сентября эрцгерцог прибыл со своей армией на реку Энц. Он по пятам последовал за французами в Мангейм и, оставив 5 батальонов в Илингене на Энце, на шоссе из Штутгарта в Дурлах, прибыл 17 сентября с 14 000 чел. в Швецинген, с 6 000 чел. в Эдинген и с 8 000 чел. резерва в Леймен.

Таким образом, эрцгерцог со своими 34 000 чел. прошел из Сен Блазьена до района Швецингена 35 миль и совершенно удалился от швейцарского театра военных действий, где назревали решающие бои, не предприняв решительно ничего, кроме снятия осады с мало значительного Филипсбурга. Если бы он снова отошел от Филипсбурга, то нельзя было поручиться, что французы снова не выдвинутся за эту крепость. Таким образом, эрцгерцога должно было охватить гнетущее чувство совершеннейшей бесцельности всех его предприятий. Это чувство должно было привести его в первую очередь к мысли захватить Мангейм внезапным штурмом. Взятие штурмом крепости всегда производит большое впечатление; в таких случаях не бывает недостатка в трофеях; кроме того, Мангейм, как предмостное укрепление, все же имел кое-какое стратегическое значение, и следовало надеяться, что французы, потеряв такую удобную переправу, уже не смогут в эту кампанию угрожать Швабии со стороны Рейна. Таким образом, штурмом Мангейма эрцгерцог мог придать своему походу то, чего ему нехватало, а именно — нечто вроде цели, и этого было вполне достаточно, если не с точки зрения будущей критики, то хотя бы для общественного мнения в данный момент. Итак, эрцгерцог с 28 000 чел. прибыл в район Швецингена; хотя в это число входили 9 000 чел. кавалерии, пехоты все же было

достаточно для того, чтобы своим численным перевесом сделать успех почти несомненным. Правда, Мюллер мог бы в любой час подкрепить гарнизон Мангейма, однако эрцгерцог получил сведения, что Мюллер, после того как он отошел за Рейн, одну свою дивизию отправил в Ландау, а другую в Голландию.

18 сентября, под покровом густого тумана, австрийцы атаковали Некерау и окопы между этой деревней и Мангеймом.

Мы не задерживаемся на подробностях этой атаки, отчасти потому, что это не входит в нашу тему, отчасти же потому, что она и в самом деле не очень поучительна. Отряд, стоявший у Швецингена, прошел по Швецингенской дороге на Некерау. Отряд, двигавшийся из Эдингена, направился вдоль Неккара к Кайзергютте. Резерв следовал за этим отрядом. Один батальон и 7 эскадронов были переправлены у Неккарсгаузена через Неккар для того, чтобы создать угрозу предмостному укреплению. В то время как пехота шла в наступление на окопы, кавалерия развернулась между обеими колоннами. Деревня Некерау была захвачена главным образом одним батальоном, который пробрался через луга, расположенные между этой деревней и Рейном, и атаковал Некерау с правого фланга, в то время как 5 батальонов вели лобовую атаку. Колонна, выступившая из Эдингена, наступала от Некерау к Гольцгофу, который не смог оказать длительного сопротивления. Как только выгнанные из окопов французы стали стекаться в крепость, в ней неизбежно возникали большая паника и смятение, и даже не потребовалось содействия местного населения для того, чтобы открыть изнутри ворота и впустить австрийцев. Весь успех атаки, очевидно, был скорее результатом численного превосходства атакующих и недостаточных оборонительных мер противника, чем каких-либо особенно искусных распоряжений, для чего, впрочем, — насколько об этом можно судить столько времени спустя и вдали от места событий — не имелось больших возможностей. Оригинальнее всего в данном случае было то, что участие в штурме должны были принимать и 9 000 чел. кавалерии, не имевшие даже достаточно места для того, чтобы развернуться.

Трофеи этого дня составили 2 знамени, 23 орудия и 1 800 чел. пленных, в том числе 2 генерала. Потерь австрийцев эрцгерцог не приводит, но они были, повидимому, весьма незначительны.

Штурм Мангейма почти совпал со сражением под Бергеном, выигранным Брюном 19 сентября против герцога Иоркского, решившим судьбу англо-русской высадки в северной Голландии. С этого момента союзники больше не смогли уже подвинуться вперед ни на шаг и спустя 4 недели заключили конвенцию об очищении Голландии. Таким образом, если от операции эрцгерцога ожидали диверсионного воздействия, то оно слишком запоздало. Эрцгерцог остановился у Мангейма и занялся полным разрушением укреплений, ибо без затраты больших средств было невозможно их основательное восстановление. Часть же своей ка-

валерии эрцгерцог направил для патрулирования всего района вплоть до самой реки Лан.

Эрцгерцог сам говорит о своем предприятии: «Как ни блестящ был штурм Мангейма, тем не менее он мало принес пользы английской высадке в Гельдере. Отдаленность этих пунктов была слишком велика, и между ними находилось слишком много препятствий, чтобы одна операция смогла послужить на пользу другой. Кроме того, обе эти операции не угрожали противнику настолько, чтобы он лишился возможности обратиться сначала против того, который внушал бы ему наибольшие опасения. По этой причине наступление эрцгерцога на реке Неккар не удержало французов от отправки всех свободных сил к морскому побережью. Они рассчитывали, что со стороны Рейна им в данный момент нечего опасаться быстрого и чувствительного удара, поэтому они и отвели в Ландау остаток своих войск, вернувшихся с правого берега Рейна».

Возвращение эрцгерцога на Дунай

Эрцгерцог ничего не рассказывает нам в своей истории о своем дальнейшем пребывании в Мангейме и о своих намерениях до получения сообщения о Цюрихском сражении. Ничего он не рассказывает также и о получении этого сообщения, о впечатлении, которое оно на него произвело, и о задачах, которые поставило перед ним это сообщение. Ничего он не рассказал и о своем отходе. Наоборот, после того как от Мангейма он переносит нас к Цюриху и Сен Готарду и обстоятельно описывает нам тамошние события, мы застаем его 6 октября снова на Дунае, между Донауэшингеном и Вилингеном. Его армия силой в 27 батальонов и 46 эскадронов прибыла туда из Мангейма между 1 и 7 октября.

Поскольку эрцгерцог прошел от Мангейма до Донауэшингена в 8 переходов, мы может заключить, что он вышел из Мангейма в последних числах сентября, т. е. немедленно после получения сообщения о сражении под Цюрихом. Из 30 батальонов и 76 эскадронов, которые он привел на Неккар, он оставил в районе Мангейма 2 батальона и 13 эскадронов. Таким образом, в отношении своей пехоты он не дает нам сведений только лишь об одном батальоне, а из его кавалерии нехватает 17 эскадронов. Эти 17 эскадронов могли быть, очевидно, использованы для усиления кордона в Шварцвальде и Рейнской долине, повидимому, вниз по течению реки Ренх.

Эрцгерцог не говорит ничего о распределении его сил после прибытия на Дунай. Мы можем, однако, примерно представить себе, что между Рейном и истоками Дуная, позади Шварцвальда, у него была под рукой масса в 40 000 чел., а около 18 000 чел. были рассеяны в кордонах вдоль Рейна или находились в районе Мангейма.

Если бы эрцгерцог, не мудрствуя лукаво, присоединился с этими 40 000 чел. к Римскому-Корсакову, принял бы этого генерала под свое

командование и вернулся бы с ним на левый берег Рейна, то нет ни малейших сомнений, что он либо на-голову разбил бы левый фланг Массены на реке Тур, либо отогнал бы его, по крайней мере, на такое расстояние, на какое ему захотелось бы, т. е. хотя бы за реку Лимат.

Эрцгерцог отлично мог несколько исправить последствия Цюрихского сражения, быть может, полностью отомстить за него, а может быть, и с лихвой,— в зависимости от того, насколько ему сопутствовала бы при этом удача и насколько французы ухудшили бы свое положение несвоевременным упорством сопротивления. Таким быстрым вмешательством он снова выровнял бы материальные невыгоды, показал бы добрую волю австрийцев, предупредил бы невыгодное впечатление, произведенное последними событиями в Швейцарии на русских, на их полководца и на их императора, даже отвел бы многие из их вполне обоснованных жалоб, поскольку австрийская победа непосредственно вслед за русским поражением послужила бы самым лучшим опровержением жалоб. Совершенно непонятно, как такая «рыцарская» решимость не пришла в голову эрцгерцогу. Он был молод, в возрасте 28 лет, уже с 25 лет отведал всю «сладость» славы и всегда, как только его энергия угрожала иссякнуть под давлением действительности, мог вновь оживить и питать свою энергию тем воодушевлением, которое вызывало его имя повсюду в Европе. В его характере не было ничего напоминавшего об эгоизме или холодной расчетливости, в его рассудке — ничего напоминавшего мелочность эгоистического политика. Поэтому-то мы и еще раз восклицаем: просто непостижимо! Эрцгерцог мог избавиться тем самым от всей бесцельности до сих пор своего похода, давившей, как кошмар, на его совесть и, словно тяжкий свинцовый груз, сковавшей его члены. Вся запутанность австрийских планов, бесконечных, подобно дурному сну, все осложнения, которые иначе никак не удавалось благополучно разрешить, были бы этим закончены и разрешены. Но такова уж природа человеческая! Если нехватает энергии и силы воли, то представления бесплодно сменяют друг друга в уме, подобно тому как на корабле бесплодно колеблется на своем штыре магнитная стрелка, если крепкая рука не направляет по ней свой руль. Охваченный столбняком еще может думать, но не может двигаться!

Мы уже видели, каким образом русские оставили 7 октября мосты у Бюзингена, Дизентофена и Констанца, как эрцгерцог был тому свидетелем, но, вместо того чтобы не позволить этого русским, под влиянием минутной досады нарочито уполномочил на это Римского-Корсакова. Поскольку поблизости стоял генерал Науендорф с австрийским отрядом, а первые войска с Неккара уже 1 октября прибыли на Дунай, то, в случае если бы эрцгерцог решил, что русские не смогут удержать предмостных укреплений, для этого можно было бы уже использовать австрийские войска и, таким образом, обеспечить свободную переправу через Рейн. Мы ни одной минуты не позволяем себе поставить ему целиком в вину эту большую ошибку, поскольку он сам говорит: «Оставление

предмостного укрепления у Бюзингена было чересчур скороспелым шагом союзников, тем более что они еще не отказались от планов нового наступления в Швейцарии, а это последнее тем самым затруднялось. Но даже если бы такое наступление и не имело места, все же удержание предмостного укрепления оказалось бы очень полезным, ибо нет обороны крепче и длительнее, чем располагающая пунктами, пригодными для развития наступления, чтобы постоянно угрожать оттуда неприятелю атакой и тем самым заставить его хотя бы частично занять оборонительное положение». Далее он говорит: «Именно в тогдашних условиях на швейцарской границе Бюзингенское предмостное укрепление могло сыграть блестящую роль, ибо ни позднее время года, ни большой численный перевес не позволяли Массене заставить очистить это укрепление посредством серьезной операции. Наоборот, этот пункт давал возможность союзникам тревожить расположение неприятеля и продолжением партизанской войны утомлять его войска, не истощая своих. Предмостное укрепление было оставлено потому, что эрцгерцог усомнился не в храбрости русских, а в твердой воле Римского-Корсакова удержать его, после того как последний неоднократно высказывал сомнение в такой возможности. Что мешало, однако, эрцгерцогу занять в таком случае укрепление австрийскими войсками, для чего требовалось всего лишь 2 500 чел. гарнизона? Если же и нехватало еще кое-чего для окончательного оборудования этого укрепления, то все же удерживать его было возможно, а довести укрепление до совершенства можно было в очень короткий срок».

Из этой самокритики мы усматриваем, что потеря переправ через Рейн не может служить оправданием для бездеятельности, проявленной эрцгерцогом на Дунае.

Как эрцгерцог сам обвиняет себя за эту *бездеятельность* и в то же время оправдывает ее, мы читаем у него в другом месте: «Но в распоряжении эрцгерцога оставались еще средства вновь вторгнуться в Швейцарию, немедленно после отхода его войск от Мангейма, обратно захватить Цюрих и занять выгодную линию для своих зимних квартир по обоим берегам Рейна, между швейцарскими озерами и истоками Неккара. Быть может, он увлек бы за собой и русских и вдохнул бы в них энергию, ибо всякий охотно присоединяется к решительному человеку и, по крайней мере, стремится не отставать от него, если не в состоянии его превзойти. Однако этот упрек необходимо сопроводить упоминанием обстоятельств, которые, правда, не вполне его устраняют, но все же в состоянии, по крайней мере, смягчить его. Политические соображения удалили эрцгерцога из Швейцарии. Их подоплека не была ему настолько ясна, чтобы он вполне мог пренебречь ими, но во всяком случае эти соображения должны были возбудить в нем сомнения, а когда бывало, чтобы сомневающийся, блуждающий в неизвестности полководец действовал решительно? Поскольку операция у обоих концов Боденского озера должна была совершаться двумя колоннами, то было

неизбежно оставление на некоторое время Форарльберга и Граубюндена или же уменьшение численности стоявших на подступах к ним войск, для того чтобы каждой из обеих колонн предоставить достаточную самостоятельность и чтобы они до своего объединения не были уничтожены по частям. Хотя это временное ослабление сил не принесло бы никакого существенного военного ущерба, все же оно не соответствовало намерениям венского двора и господствующему мнению. С другой стороны, французская Рейнская армия, наряду с улучшением ее организации, ежедневно получала подкрепления и приобретала все большую возможность угрожать Германии, оборона которой лежала исключительно на обязанности эрцгерцога».

Мы не будем останавливаться на оспаривании отдельных, крайне слабых оправданий, которым и сам эрцгерцог, повидимому, не придает большого значения, а сделаем три общих замечания.

Первое замечание заключается в том, что такие речи подобали бы скорее старому, отжившему, чрезмерно опасливому полководцу, а не 28-летнему принцу, и мы удивляемся главным образом тому, как 28-летний эрцгерцог не пошел по стопам 25-летнего, а застрял где-то далеко позади него. Ведь жизнь человека обычно так рано не достигает своего апогея.

Второе замечание: решительность является чертой характера, которая должна проявить себя именно в те моменты, когда полководец окружен неясностями. Если эрцгерцог в самом деле был в некотором неведении относительно настроений в Вене, то он тем менее должен был сомневаться в вероятности успеха. Что же касается готовности Римского-Корсакова, то этот бедный грешник испытывал ведь крайнюю потребность совершить хоть какой-нибудь блестящий подвиг, как мы уже видели по его наступлению 7 октября. И таким образом, не было *никаких сомнений*, что Римский-Корсаков с радостью последовал бы за эрцгерцогом.

Наконец, наше третье замечание заключается в том, что эрцгерцог опять-таки слишком задерживается на материальной стороне вопроса и оставляет совершенно без внимания моральные моменты. Цюрих и лучшая линия для своих зимних квартир были наименьшей целью. Главной целью должно было быть предотвращение духа раздора, недоверия и ненависти, которые должны были неизбежно возникнуть в результате последних событий. Речь шла не об обратном захвате Цюриха, а о восстановлении единства и доверия; не о том, чтобы исправить линию зимних квартир, а о том, чтобы вдохнуть новое мужество. Речь шла о том, чтобы вызвать новый энтузиазм на пользу общего дела, ибо только от этого зависела вся судьба кампании. Если бы явилась возможность вновь воспламенить лучами новой победы мужество и энергию, то в таком случае был бы не только предотвращен распад союза, не только завоеваны Цюрих и линия реки Лимат, но вся Швейцария упала бы к ногам победителя, словно давно созревший плод.

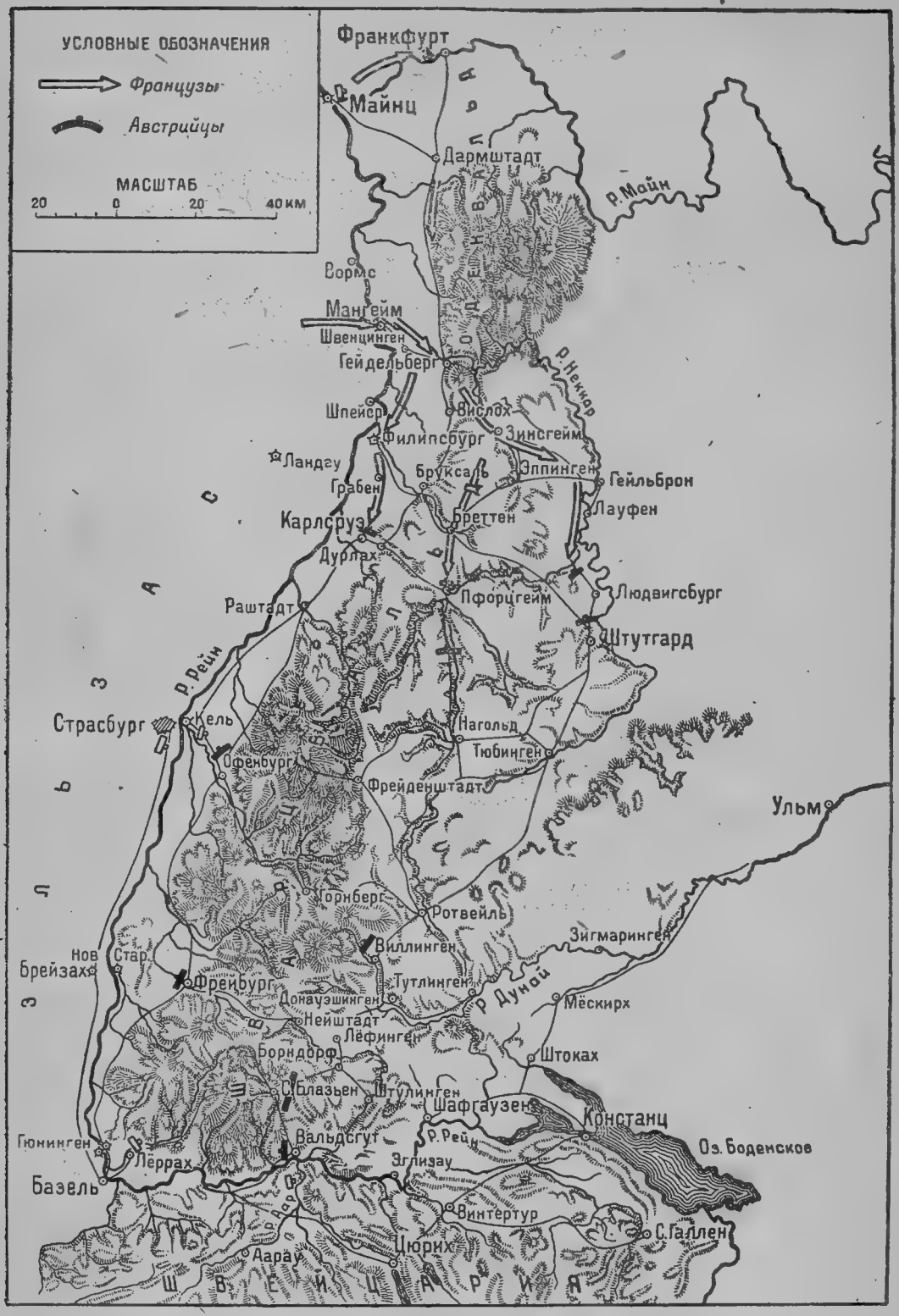

Схема 6. Действия на Рейне

Но сколь далек был эрцгерцог от понимания этой взаимной связи вещей, показывает начало следующей главы его истории, где с подлинной наивностью несознательного он заявляет: «Усилия генерала Массены и даже его победа в Швейцарии оказывали слишком малое влияние на общую судьбу кампании и не возымели тех блестящих результатов, которые обещало себе французское правительство от успехов его оружия на этом участке театра военных действий». То, что так думало французское правительство до того, как оно догадалось о распаде союза, — это его дело! Но то, что так смог написать эрцгерцог 20 лет спустя, заставляет нас воскликнуть вместе с Виландом: *из-за деревьев он не видит леса!*

Теперь вернемся к изложению событий.

Отход Суворова в Швабию

В то время когда эрцгерцог прибыл со своей армией в Донауэшинген, Суворов переходил через Паниксенский хребет. Эрцгерцог стоял от Шафгаузена только в 1 или 2 переходах. Таким образом, уже 8 или 9 октября он мог перейти через Рейн. Суворов же прибыл в Фельдкирх лишь 12-го, и если бы они оба захотели наступать совместно, были бы, значит, потеряны 5—6 дней. Такое промедление само по себе не имело большого значения. Однако в течение первых дней октября Массена был еще занят Суворовым, и значительная часть его войск ввязалась в горную войну; по крайней мере, так должен был предполагать эрцгерцог и, значит, рассчитывать застать французов на реке Тур гораздо менее способными к сопротивлению. Между тем ясно, что если эрцгерцог не придавал никакого значения моральной ценности внезапного нападения, то упомянутое соображение отнюдь не побудило бы его действовать в одиночку, пока Суворов не окажется готовым для нового наступления. Поэтому эрцгерцог и счел вполне естественным дожидаться этого полководца, и оба приступили к письменным переговорам о дальнейших операциях.

13 октября эрцгерцог получил от Суворова предложение, в котором рекомендовалось покинуть Граубюнден, сжечь Нижний таможенный мост (мост через Рейн у Майенфельда) и взорвать Сен Луциенштейг. После этого Суворов предполагал 17-го со всеми войсками, находившимися в Форарльберге, форсировать Рейн у Мейнингена и Хёхста и 18-го соединить свои войска у Сен Галлена, а у Винтертура сомкнуться с Римским-Корсаковым, который должен был наступать двумя колоннами из Констанца, через Бишофсцель, и из района Штейна, через Пфин и Фрауенфельд. До соединения с корпусом Римского-Корсакова 6 000 австрийцев совместно с «ландверными стрелками» должны были оставаться на позиции у Фельдкирха и прикрывать левый фланг во время переправы через Рейн.

В этом плане, если только эрцгерцог приводит его полностью, в первую очередь бросается в глаза, разумеется, то, что в нем совершен-

но не упоминается об армии эрцгерцога. Повидимому, тут имелась в виду умалчиваемая предпосылка, что эта армия со своей стороны любым образом будет содействовать операции, т. е. переправит через Рейн у Шафгаузена значительный корпус.

Кроме того, наступление Римского-Корсакова через Пфин и Фрауенфельд является директивой, основанной на том, будто в этом районе нет никакого противника и речь идет о простом этапном переходе. Если бы Римский-Корсаков с силами от 12 000 до 15 000 чел. прибыл в Фрауенфельд, то он подвергался бы опасности быть атакованным Массеной с очень значительным численным перевесом сил и быть снова совершенно разбитым еще до того, как подоспела бы на помощь хотя бы колонна из Констанца, не говоря уже о самом Суворове со стороны Сен Галлена.

Тем не менее план Суворова был не таким неосуществимым, и мы даже убеждены, что он мог быть удачно выполнен, так как французский главнокомандующий сильно рассеял свои силы. Дивизия Луазона (бывшая Лекурба) находилась по большей части в долине Верхнего Рейна и на Сен Готарде. Поэтому она не смогла бы принимать участия в боях под Сен Галленом. Мортье находился с большей частью своей дивизии у Мельса, Сарганса и Валенштедта. Он во всяком случае смог бы подоспеть с 3 000—6 000 чел. Дивизия Шабрана (бывшая Сульта), прикрывавшая Рейн именно в том районе, где хотел его форсировать Суворов, выслала заставы одновременно и против Рейнека и против Констанца. Поэтому мало вероятно, чтобы эта дивизия оказалась в состоянии воспрепятствовать переправе у Мейнингена и Хёхста и соединению обеих колонн у Сен Галлена. Резерв Клейна снова отошел в Андельфинген.

Если только подумать, что Суворов все еще мог иметь с собой 14 000 чел. русских, а австрийские корпуса Петраша, Елачича, Линкена и Ауфенберга образовывали примерно подобную же массу и что, если бы 6 000 чел. из них были оставлены у Фельдкирха, Суворов смог бы форсировать Рейн с 22 000 чел.—то, очень вероятно, Суворов застал бы правый фланг Массены настолько разобщенным, что смог бы всюду разбить его и продвигаться безостановочно до Бишофсцеля, чтобы там соединиться с констанцской колонной. Тем самым Суворов неизбежно вернул бы все, что мог тем временем потерять на своем участке Римский-Корсаков. Дальше, если подумать, что левый фланг Массены оказался бы пригвожденным к своему месту вследствие наступления эрцгерцога, то французский полководец несомненно не оказался бы в состоянии задержать натиск Суворова. Наименьшим последствием этого явилось бы отступление Массены через реки Теси и Глатте, а следовательно, беспрепятственное соединение Суворова с эрцгерцогом. Возможность такого успеха вызывает тем меньше сомнений, если читатель припомнит, как Массена, обладая превосходящими силами и занимая в мае центральную позицию на реке Тур, не сумел разбить противника, наступавшего раздельно.

Эрцгерцог Карл не мог, правда, так уж точно знать, как французы распылили свои силы. Поэтому, если бы он согласился без всяких возражений на план Суворова, то сделал бы это лишь для того, чтобы показать свою готовность пойти на все, и свою веру в личные способности Суворова, в самого себя, в численный перевес сил, которым они вдвоем в конечном итоге должны были располагать, и, наконец, в счастье. Однако эрцгерцог, не ощущавший необходимости проявлять большую готовность, взглянул на план Суворова лишь глазами критика, нашел в нем много рискованного, обратил на это внимание Суворова и предложил, чтобы Римский-Корсаков присоединился к нему — эрцгерцогу, пройдя позади Констанцского озера, а он, эрцгерцог, направит крупную австрийскую колонну для вторжения в Швейцарию. Из этого почти получалось, что лично он со своей главной армией отнюдь не питает намерения снова переправиться через Рейн. Это было последней каплей, переполнившей чашу. Суворов ответил 14 октября, что его войска не годятся для горной войны и что он решил обойти Боденское озеро, соединиться с Римским-Корсаковым и затем с ним вместе приступить к операциям в Швейцарии. Этот ответ — полное противоречие его прежнему плану — был, очевидно, не чем иным, как первым выражением горечи, мгновенной идеей, какая может возникнуть в оживленном разговоре; мы это утверждаем не потому, что осуществление такой идеи не было бы вполне разумным, а потому, что через несколько дней после этого русский полководец принял иное решение, в котором недовольство и горечь созрели до реального действия, тогда как в его первом ответе, приведенном выше, эта горечь сквозила только на словах.

15 октября Суворов прибыл в Дорнбирн, а 16-го в Линдау, на Боденском озере. Тут Суворова застал один из адъютантов эрцгерцога, имевший поручение пригласить его к эрцгерцогу на переговоры для согласования дальнейшего плана. По этому случаю, как рассказывают, старик дал волю своему гневу и заявил: «Передайте его светлости эрцгерцогу, что я не знаю, что такое оборона, а умею только атаковать. Я двинусь вперед, когда сочту нужным, и тогда не остановлюсь в Швейцарии. Я направлюсь, согласно имеющимся у меня приказаниям, прямо в Франш-Конте. Передайте ему, что в Вене я буду у его ног, но здесь я, по крайней мере, равен ему. Он — фельдмаршал, и я тоже. Он на службе у великого императора, и я тоже. Он молод, я стар. Я приобрел опыт в результате одержанных побед, и мне не от кого получать советы или указания. Я получаю их только от бога и от своего меча». Перед окружающими его русскими он разразился горькими упреками на эрцгерцога и австрийцев и заявил 17-го своим приближенным, что его войска не в состоянии немедленно перейти в новое наступление и нуждаются сперва в отдыхе. Поэтому он их отведет на отдых в тыловые биваки. Все попытки эрцгерцога побудить его принять иное решение оказались тщетны, и эрцгерцог добился лишь с трудом, чтобы дивизия Розенберга оставалась хотя бы 4 ноября в Брегенце.

Суворов собирался сперва перевести свои войска на левый берег Верхнего Дуная и расположиться своей главной квартирой в Ридлингене: тогда бы он все же оставался под рукой. Однако под влиянием нараставшего гнева на эрцгерцога Суворов изменил и это решение и сообщил эрцгерцогу, что отведет свою армию за реку Лех, расположится своей главной квартирой в Аугсбурге и там будет ожидать дальнейших распоряжений своего «двора». Эрцгерцог, словно он еще мало обижал Суворова, велел сделать ему представление, что такое лагерное расположение послужит помехой тылу австрийской армии, в особенности же главная квартира в Аугсбурге. На это Суворов ответил вопросом: «Может быть, хотят, чтобы я отошел в Чехию?»

Эти отдельные факты, хотя они как будто относятся к мелочным личным счетам, все же не что иное, как признак полного недовольства, настолько углубившегося у Суворова, великого князя Константина и у прочих русских генералов, что они считали продолжение союза с Австрией совершенно противоречащим интересам России. Это чувство и эту точку зрения Суворов еще не решался высказывать прямыми словами, но она проскальзывала во всех его донесениях императору Павлу, и они-то и довели недовольство последнего австрийским кабинетом до полного разрыва.

Мы не можем знать, насколько этому содействовали последние возражения эрцгерцога, его расчетливое, холодное поведение, которое могло бы быть еще исправлено внимательным и вместе с тем задушевным обращением с Суворовым. Нам же важно показать в этих личных взаимоотношениях обоих полководцев пример того влияния и значения, которое во время войны имеет чуткое отношение к человеку и чуткость, как черта характера. Война есть общение между людьми, и притом такое, в котором настроение играет очень большую роль. Бестактное обращение эрцгерцога с Суворовым мы безусловно присоединяем к его ошибкам, и притом не к самым мелким из совершенных эрцгерцогом как полководцем [1].

Третье обложение и освобождение Филипсбурга [2]

Едва эрцгерцог ушел из Мангейма, как французы снова переправились на правый берег Рейна, притом на этот раз со стороны Майнца. Это продвижение, очевидно, не простое следствие отхода эрцгерцога. Вероятнее всего, Директория, получив сообщение о победе Массены под Цюри-

[1] Милютин в своей истории пишет, что «дело происходило не совсем так, как представлено эрцгерцогом и другими иностранными писателями». Из подробного исследования переписки обоих полководцев (том II, стр. 321—334, издание 2-е, 1857 г.) можно вывести такое заключение: на первое предложение эрцгерцога Суворов ответил согласием предпринять общие действия, но, выяснив тяжелое положение своих войск, он отказался что-либо предпринимать раньше, чем они отдохнут и придут в порядок. — *Ред.*

[2] Первое обложение имело место немедленно после начала кампании под командованием Бернадота.

хом, уже сделала из этого заключение, что эрцгерцог вернется в Швейцарию, и именно потому предписала генералам на Рейне новую диверсию, что Суворов прибыл в Швейцарию и Массена мог легко попасть в тяжелое положение. Такой образ действий следует признать весьма целесообразным, и даже если бы эта вторая диверсия опоздала вследствие проявления большой решительности и энергии со стороны эрцгерцога, то это явилось бы уже результатом обстановки, т. е. ошибочности всех прежних диверсий. Если же такая диверсия, невзирая на нерешительность эрцгерцога, не дала никаких результатов, то причиной тому являются ошибки в ее исполнении, как мы это покажем в наших окончательных выводах.

Из смены командования видно, что мы не можем рассматривать возобновление наступления французов как простую местную меру генерала, командовавшего на Рейне. В конце сентября, как мы уже рассказывали, на место ранее назначенного на эту должность генерала Моро главнокомандующим Рейнской армией был назначен генерал Лекурб. Это назначение состоялось уже раньше и было вызвано, повидимому, недовольством Моро. Однако и генерал Мюллер тоже потерял (мы не знаем, по какой причине) временное командование над Рейнской армией, и на его место вступил генерал Ней. Когда обстановка в Голландии приняла явно благоприятный оборот для французов[1], войска, направленные было туда, были посланы для подкрепления Рейнской армии, куда они и начали постепенно прибывать в течение второй половины октября.

Эрцгерцог после своего ухода оставил в районе Мангейма 2 батальона и 13 эскадронов австрийцев. При ландштурме города Майнца под командованием Альбини находилось 6 эскадронов австрийцев, 1 батальон и 3 эскадрона пфальцских войск и батальон и эскадрон майнцских войск. Эти 4 батальона и 21 эскадрон, повидимому, составляли численность от 6 000 до 7 000 чел., к чему следует еще добавить вооруженное сельское население.

Главные силы австрийцев, под командой князя Шварценберга, остались на Неккаре, генерал же Чен-Керешти с частью кавалерии продвинулся даже по ту сторону Франкфурта. 5 октября Ней послал отряд под командой генерала Лорсе через Рейн, и этот отряд 7-го оттеснил генерала Чен-Керешти обратно к Франкфурту и через Майн.

11 октября Ней со своими главными силами переправился у Касселя через Рейн и ниже Гохгейма через Майн и, кроме того, особой колонной у Оппенгейма через Рейн. Австрийцы отступили по горному шоссе. Майнцский же ландштурм, против которого направилась еще третья колонна под командованием Бараге д'Илье, отступила вверх по Майну на Ашафенбург.

---

[1] В результате сражения под Бергеном 19 сентября англичане снова сели на свои суда.

Сражение у Гейдельберга 16 октября

Французы, получавшие со дня на день новые подкрепления, медленно следовали за австрийцами. 16 октября они атаковали тремя колоннами Гейдельберг, Ладенбург и Мангейм. У Гейдельберга князь Алоизий Лихтенштейн оказал энергичное сопротивление генералу Лорсу, однако переправившаяся под Ладенбургом французская кавалерия, под командованием генерала Дюбуа-Крансе, ударила Лихтенштейну в левый фланг, и австрийцы были вынуждены 17-го очистить Гейдельберг и Мангейм. Они отступили в трех эксцентрических направлениях, а именно: через Зинсгейм по шоссе на Гейльброн к Неккару; через Бретен по шоссе на Штутгарт к реке Энц и по Рейнской долине на Бруксаль. Французы преследовали их своими авангардами до Вислоха, Бруксаля и Грабена, задержались своими главными силами еще на несколько дней у Мангейма и Гейдельберга, а затем снова осадили 3 000 чел. Филипсбург, гарнизон которого усилился на 1 батальон.

Тем временем Лекурб прибыл в армию и перешел 21 октября в наступление: своим левым крылом, под командованием Нея,— в направлении на Гейльброн, а правым крылом — по горной шоссейной дороге на Дурлах. Французы постепенно оттеснили австрийские отряды за реки Неккар, Энц и Мург. Но это происходило столь медленно, что лишь 2 ноября они дошли до этих рек.

Эрцгерцог, очевидно, всего лишь через 8 дней по прибытии со своей армией в Донауэшинген получил сообщение о возобновившемся наступлении французов на Неккар. Если бы он немедленно предпринял операцию против Массены, то это сообщение застало бы его уже в самый разгар решительных действий, и тогда мало бы его обеспокоило. В данном случае оно тоже не могло сильно встревожить его, поскольку было мало вероятно, чтобы французская Рейнская армия внезапно взялась выполнять гораздо более значительную роль, чем три недели тому назад. Так как, помимо этого, он вел в то время переговоры с Суворовым о новом вторжении в Швейцарию, а гарнизоны Страсбурга и Брейзаха делали демонстративные вылазки из своих предмостных укреплений, то, конечно, не могло быть и речи о новом отходе на Неккар. Эрцгерцог удовольствовался лишь тем, что усилил отряды на реке Энц. Однако он считал, что при такой обстановке ему надлежало оставаться со своими главными силами на верхнем Дунае, для того чтобы занимать центральную позицию по отношению к дорогам из Шафгаузена, Брейзаха, Страсбурга и Штутгарта.

Эрцгерцог обратился поэтому к герцогу Вюртембергскому с настоятельным предложением присоединить к австрийцам на реке Энц часть своих войск для охраны своей страны и столицы и добился, что туда выступили поставленные под командование князя Гогенлоэ 5 батальонов, 1 эскадрон и 10 орудий. Далее, эрцгерцог распорядился направить из своей армии 2 кавалерийских полка, а из кордонного охранения, стоявшего на Рейне,— 2 батальона и 12 эскадронов на реки Энц и Мург, и

командование всеми этими силами поручил принцу Лотарингскому. Таким образом, отряд, организованный для оказания сопротивления Лекурбу, был доведен в конце октября до 9 батальонов и 41 эскадрона, т. е. до численности около 12 000 чел., не считая 2 батальонов и 4 эскадронов, находившихся у Альбини.

Каковы были силы французов, — мы точно сказать не можем, но 14 днями позднее, уже после того как они получили еще некоторое подкрепление пехотой, силы эти исчислялись в 20 батальонов и 37 эскадронов, т. е. в 17 000 — 18 000 чел. Поэтому мы не впадем в большую ошибку, если к тому времени оценим их в 15 000 чел. С этими войсками Лекурб занял, по недомыслию, разбросанное расположение за реками Мург, Энц и Неккар, так что длина его линии расположения превышала 10 миль.

Тем временем принц Лотарингский получил, повидимому, от эрцгерцога указание не предпринимать никаких наступательных действий, и потому сражение у Эрлигхэйма 3 ноября, результатом которого явилось третье освобождение Филипсбурга от осады, явилось, повидимому, лишь результатом личной инициативы князя Гогенлоэ.

Четвертое освобождение Филипсбурга от осады Стараем

Обе стороны провели 9 дней на только что указанных позициях, и в течение этого времени Лекурб, как мы уже упоминали, получил еще некоторые подкрепления пехотой. Теперь Лекурб разделил свою армию, насчитывавшую 20 батальонов и 37 эскадронов, на 4 дивизии — Лаборда, Декана, Нея и Бараге д'Илье, с кавалерийским резервом под командованием Д'Опуля.

16 ноября при Альт- и Ней-Лосгейме Лекурб атаковал этими 4 дивизиями австрийцев в четырех эксцентрических направлениях. Дивизия Лаборда находилась на правом фланге и наступала на Филипсбург. Пока войска гарнизона упорно сопротивлялись французам на своих позициях у Альт- и Ней-Лосгейма, французы сумели отрезать им отступление в крепость при помощи колонны, наступавшей дальше влево, на Вегхейзель. Там самым гарнизон, насчитывавший 3 000 чел., уменьшился до 1 800, а австрийцы потеряли тут, повидимому, 1 200 чел.

Вторая колонна, при которой находился сам Лекурб, состояла из дивизии Декана и кавалерийского резерва и наступала по горной дороге на Бруксаль и близлежащий район.

Третья колонна, состоявшая из дивизии Нея, наступала на Зинсгейм.

Четвертая колонна, состоявшая из дивизии Бараге д'Илье, наступала в направлении на Неккар—Эльц к Лобенфельду для наблюдения за линией реки Неккар, с целью воспрепятствовать попыткам наступления со стороны майнцского ландштурма.

Австрийцы считали себя повсеместно слишком слабыми для серьезного сопротивления и вновь отошли за реки Эльц и Неккар. Лекурб занял, таким образом, свое прежнее расположение. Однако теперь оно

было несколько менее растянуто, поскольку правый фланг стоял у Грабена, центр — у Бруксаля и Зинсгейма, а левый фланг — у Лобенфельда. Это расположение все-таки еще простиралось свыше 6 миль; Лекурб считал это неизбежным, для того чтобы, с одной стороны, прикрывать осаду Филипсбурга, а с другой — свой мост через Рейн, наведенный у Некерау. По всей вероятности, французами была также занята еще и линия Неккара от Мангейма до Неккар-Гемюнд, хотя в сообщениях историков об этом ничего не говорится. Эрцгерцог делает совершенно правильное замечание, что мост, наведенный у Филипсбурга, позволил бы Лекурбу занять расположение на горной дороге в районе Бруксаля, при котором почти все его силы сосредоточились бы в одном месте.

На этой новой позиции снова проходят 14 дней без всяких событий. Тем временем эрцгерцог закончил свои переговоры с Суворовым; русские отошли в Швабию, и австрийский полководец оказался, таким образом, вынужден вместо Римского-Корсакова занять Рейн. Хотя эрцгерцог сейчас уже не мог думать о какой-нибудь операции в глубь Швейцарии и не ожидал какой-либо операции в глубь Германии со стороны Массены, все же можно понять, что он уже более не помышлял о том, чтобы еще раз отойти на Неккар, поскольку из этого ничего бы не получилось, кроме простого усиления находившихся на Неккаре войск. Поэтому эрцгерцог ограничился лишь тем, что, получив сообщение о новой осаде Филипсбурга, направил на реку Энц Старая с 6 батальонами и 10 эскадронами, которые и прибыли туда 29 ноября. Так как и вюртембержцы снова пробудились от своей «спячки» нейтралитета, то с их помощью на этом участке образовался кулак в 15 батальонов и 51 эскадрон.

Поскольку этот кулак был не намного слабее армии Лекурба, последний на своем правом фланге находился вдобавок под угрозой австрийского кордона в Рейнской долине, на своем же левом фланге—майнцского ландштурма, то исход атаки соединенными силами на любой из пунктов французского расположения не мог внушать ни на минуту сомнений. Поскольку Рейнская долина перерезана бесчисленным количеством мелких ручьев, канав и других препятствий, австрийцы же обладали огромным излишком кавалерии, то Старай предпочитал сражаться на высотах, где он лучше мог бы использовать этот род оружия. Поэтому он избрал для своего наступления район Зинсгейма.

Весь день 1 декабря Старай провел в приготовлениях к выступлению. 2 декабря мы застаем его с одной колонной, под командой князя Гогенлоэ, на дороге из Гейльброна в Зинсгейм, с другой колонной, под командой принца Лотарингского, — у Эпингена и, наконец, с третьей колонной (названной в официальной реляции авангардом второй, но в течение всей операции действовавшей совершенно самостоятельно), под командой генерала Гергера,— у Гохсгейма, с резервом под командой генерала Канизиуса—у Бретена.

Мы не смогли точно установить силу каждой из этих колонн. Эрцгерцог говорит, что Гогенлоэ имел 3 батальона и 16 эскадронов, принц

Лотарингский и Гергер (поскольку он рассматривает последнего как авангард первого)—5 батальонов и 24 эскадрона, Канизиус—1 батальон и 6 эскадронов, что составляло вместе 9 батальонов и 46 эскадронов, т. е. почти все наличные силы австрийцев. Где находились 5 вюртембергских батальонов и 1 эскадрон,— об этом не упоминает ни одна австрийская реляция. По мнению Жомини, они шли следом за князем Гогенлоэ в качестве резерва.

Кроме этих четырех ударных групп в Рейнской долине и на горной дороге, бой с французами завязали также и австрийцы, принадлежавшие к рейнскому кордону; на левом же фланге, у Лобенфельда,— полковник Вреде с 1 батальоном и 1 эскадроном пфальцских войск, форсировавших Неккар у Неккар—Эльца, а также с некоторым количеством австрийской кавалерии под командой генерала Чен-Керешти, присоединившегося к нему.

Из перечисленных четырех пунктов генерал Старай намеревался теперь атаковать французов.

Мы не в состоянии точно указать позицию французов. Повидимому, в районе Зинсгейма стояла 1 дивизия, занимавшая позиции по горному кряжу, тянущемуся от Гохсгейма до Зинсгейма. Главная часть их, повидимому, стояла на Штейнберге, между Гильсбахом и Штейнфуртом, правый же фланг — у Мюнценгена, недалеко от Гохсгейма.

Диспозиция для атаки была основана на странной идее оттяжки назад левого фланга, ибо в одной из австрийских реляций говорится: генерал Старай решил энергично атаковать левый фланг неприятеля (у Зинсгейма) и для этого нашел наиболее подходящим движение вперед *по косой линии*. Таким образом, получался косой боевой порядок в стратегической операции. Дело в том, что четыре пункта расположения австрийцев отстояли друг от друга на 4 мили и потому не могли привести к совместному сражению. Если мы высвободим эту странную идею от всех ее искусственных покровов, то окажется, что у генерала Старая нехватило мужества сосредоточить все свои силы для атаки в одном пункте, что он опасался удара на свой левый фланг со стороны Бруксаля и потому оставил один отряд у Бретена, а другой — у Гохсгейма; третий же, у Эпингена, собирался использовать в качестве резерва и только с осторожностью привлечь его для наступательных действий, которые будет производить первый отряд на большой дороге.

Эта атака, выполненная 2 декабря, имела следующий результат.

Принц Гогенлоэ наступал по шоссе через Фюрфельд по правому берегу реки Эльзенц на Зинсгейм. Принц Лотарингский выслал сперва вперед к Штейнбергу полковника Ракичевича, примерно с 1 000 чел., только для того, чтобы прикрыть левый фланг князя Гогенлоэ. Когда этот отряд застал на Штейнберге 1 000—2 000 французов, оказавших сопротивление, принц Лотарингский дослал в подкрепление полковнику Ракичевичу еще 1 батальон и 2 эскадрона. Французы продержались несколько часов на Штейнберге, но затем отступили, как только обозна-

чилось продвижение князя Гогенлоэ на правом берегу Энца. Каким образом и какими силами французы сопротивлялись у Зинсгейма,— в сообщениях историков не упоминается.

Когда после сопротивления, длившегося несколько часов, французы были, таким образом, прогнаны с горы Штейнберга и из района Зинсгейма отступили в Герренберг, на полпути из Зинсгейма к Вислоху, и заняли там новую позицию, генерал Старай приказал генералу Гергеру наступать от Гохсгейма на Оденгейм, в то время как другую часть отряда, подчиненного принцу Лотарингскому, он одновременно тоже направил на Оденгейм. Генерал Гергер застал неприятеля на сильной позиции на Мюнцингенских высотах, между Гохсгеймом и Оденгеймом, и, повидимому, не надеялся прогнать его оттуда, как вдруг отряд, направлявшийся из Эпингена на Оденгейм, стал угрожать путям отступления с этой позиции и заставил французов оставить ее. У Оденгейма, однако, французы снова стали оказывать сопротивление, и австрийцы овладели этим пунктом лишь с наступлением ночи.

Генерал Чен-Керешти и полковник Вреде в течение всего дня занимались перестрелкой с французами у Лобенфельда без какого-либо решительного результата. Генерал Канизиус со своим резервом подтянулся к генералу Гергеру.

С своей стороны, французы очистили ночью Бруксаль и позиции под Филипсбургом, благодаря чему с этого последнего и была в четвертый раз снята осада.

3 декабря австрийцы снова перешли в наступление тремя колоннами: князь Гогенлоэ—по большой дороге, принц Лотарингский—через Вальдангелох, Раунберг и через долину реки Ангель, генерал Гергер — по горной дороге через Мюнгольсгейм.

Первое сопротивление князь Гогенлоэ встретил у Геррендорфа, где французы соорудили сильную позицию за рекой Эльзенц и сопротивлялись столько времени, сколько, по их мнению, требовалось для обеспечения отступления отходивших по Бруксальской дороге войск. Однако, оказывая сопротивление, они слишком задержались, ибо когда поровнялись с Вислохом, головные части принца Лотарингского уже ворвались в это селение. Поэтому французы атаковали их и отбросили обратно за реку Ангель. Однако французы сопротивлялись у Вислоха лишь в продолжение времени, необходимого для прикрытия отступления на Швецинген своего правого фланга, стоявшего между горной дорогой и Рейном. В сущности сражение у самого Вислоха было чистейшим арьергардным боем, которому благоприятствовал необыкновенно густой туман, поднявшийся к полудню. Однако дело тут не обошлось и без сумятицы: Вислох был вторично захвачен австрийцами еще до того, как войска, спускавшиеся с высоты, прошли это селение, и потому им пришлось уходить уже по краю высоты. Австрийцы последовали за ним до Леймена, где ночь положила конец сражению.

До сих пор двухдневное сражение, в котором взаимно уравновешивались и нейтрализовались ошибки обоих противников, не дало значительных трофеев. Австрийцы насчитали 800 пленных и признали, что сами потеряли 500 чел. Потери французов, таким образом, не превышали, повидимому, 1 500 чел. Однако французский главнокомандующий опасался дальнейших последствий. Силы Старая целиком сосредоточились против Леймена. Французский правый фланг еще отступал на Швецинген, зато левый удерживал в течение всего 3 декабря свою позицию у Лобенфельда, и Лекурб очень беспокоился, как бы этот фланг не оказался совсем отрезанным. Для того чтобы по возможности скорее предотвратить такой результат, 3-го вечером Лекурб попытался предложить перемирие, под тем предлогом, будто он получил сообщение, что генерал Бартье направляется в Вену с мирными предложениями. Старай попался на удочку не потому, что он придавал большое значение этому сообщению, а потому, что сам не считал себя в таком уж выгодном стратегическом положении или, другими словами, просто не знал всей тяжести положения противника. Наоборот, Старай испытывал тревогу относительно намерений французского левого фланга по отношению к его собственному правому флангу. Исходя из такой совершенно превратной точки зрения о своем собственном положении, когда сама просьба Лекурба о перемирии могла ему показать, что положение это гораздо лучше, чем ему кажется, Старай решил, что если французы без дальнейшего кровопролития очистят район до Мангейма и Некерау, его задание избавить Филипсбург от осады будет вернее всего выполнено, и притом не будет подвержено случайностям. Поэтому Старай принял предложение о перемирии, обусловив утверждение этого согласия эрцгерцогом; французы же, ввиду того что отказ эрцгерцога прибыл лишь 8 октября, выиграли 4 дня, для того чтобы перебросить все свои войска обратно через Рейн и сжечь мост у Некерау.

Окончание кампании в Германии

В конце октября Суворов покинул театр военных действий. Естественным следствием этого явилось, что эрцгерцог уже не мог больше думать о каком-либо дальнейшем вторжении в Швейцарию, если и питал когда-либо серьезные намерения сделать это, и должен был ограничиться обороной. Он усилил войска, стоявшие вверх по течению от Боденского озера и в Граубюндене, до 35 батальонов и 21 эскадрона, занял Рейн от Боденского озера до Базеля сильным сторожевым охранением, расположил главную армию на квартирах между Штокахом и истоками Неккара, распорядился наблюдать за Рейном вниз по течению только некоторым количеством кавалерии и ландштурма и приказал генералу Стараю расположиться в дальнейшем на квартирах между рекой Мург и Бруксалем, на центральной позиции, на случай возможной переправы французов через Рейн у Келя или Мангейма. Этот последний пункт был, впрочем, оккупирован пфальцскими войсками.

Массена тоже не мог бы думать о продолжении наступления в глубь Швабии. Если бы этот генерал хотел удерживать всю линию сторожевого охранения в долине Роны и от Сен Готарда вплоть до Констанцского озера, что входило в систему всей кампании, то из тех 65 000 чел., которые еще находились под его командованием, он смог бы повести через Рейн самое большее 30 000 чел. По ту же сторону Рейна он мог встретить эрцгерцога с силами от 40 000 до 50 000 чел., не имея уверенности, что Суворов не повернет назад в случае вторжения французов в Швабию. Поэтому шансов на прочный успех в Швабии не имелось. Однако, даже если бы такие шансы и в самом деле в некоторой степени имелись, то все же подобная операция не была бы настолько решительной, чтобы повлиять на обстановку на итальянском театре военных действий. Эта операция превратилась бы лишь в выдвижение вперед головной колонны, которая совершенно не могла бы удержать своих позиций. К этим соображениям еще следует прибавить события 18 брюмера (5 ноября), благодаря которым Бонапарт стал во главе правительства, после чего можно было предвидеть, что дальнейший план военных действий будет больше исходить из общей обстановки.

Таким образом, Массена тоже стал придерживаться оборонительной тактики и ограничился тем, что прогнал в начале ноября те немногие посты, которые австрийцы еще занимали на левом берегу Рейна, на перевале Кункель и в долине Тамина, чтобы в дальнейшем коммуникационные линии его собственных сил не находились под угрозой.

31 октября часть дивизии Мортье проникла из Сарганса, через Рагац, в долину Тамина, в то время как более мелкие отряды вышли из долины Линты через Эльм и Флимс, а Луазон с 3 000 чел. своей дивизии наступал от Дисентиса через Иланц. Австрийцам было не под силу сопротивляться наступлению этих отрядов: они покинули левый берег Рейна и сожгли мост у Рейхенау.

7 ноября французы ворвались даже через Бонадуц, в долину Домлеч (долину Заднего Рейна), однако не сочли себя в состоянии удержаться на этих позициях, как слишком выдвинутых вперед по отношению к их собственным линиям, и 9 ноября вернулись снова в долину Рейсы.

Этим закончилась кампания, ибо, поскольку обе стороны перешли к обороне и вскоре обнаружили друг у друга подобное же стремление, они перешли с наступлением сурового времени года на зимние квартиры.

Австрийцы устроили свои зимние квартиры в том расположении, которое мы уже указали. Их левый фланг занимал в Граубюндене линию Рейнской долины, однако мы не знаем, какие там были силы и как далеко вверх по долине они стояли. Во всяком случае, повидимому, до Рейхенау, поскольку они, вероятно, не хотели бы отодвигать свои коммуникации с полковником Штраухом, стоявшим в долинах Тичино,

еще дальше Силюгена. В Тироле, Энгадине и Граубюндене не оставалось войск, и эти местности, если вообще можно было их считать угрожаемыми, прикрывались вооруженным населением, благодаря чему выдвинутое вперед в Рейнской долине австрийское сторожевое охранение получало обеспеченный тыл. Главная масса австрийских войск стояла в Форарльберге, вверх от Констанцского озера.

Сен Луциенштейг был окончательно взорван австрийцами вскоре после отхода русских — 20 октября. Так как это укрепление было обращено фронтом против Фельдкирха, то оно вообще не могло иметь для австрийцев большого значения, а тем менее теперь, когда занятие Рейнской долины последовало лишь незначительным числом войск. Пока Сен Луциенштейг числился укреплением, для него всегда требовался гарнизон в несколько батальонов, которому всегда угрожала поэтому опасность быть захваченным. На позиции у Фельдкирха остались 8 батальонов и 6 эскадронов.

Расположение зимних квартир французской армии эрцгерцог приводит лишь в нескольких словах. Одна дивизия осталась у Базеля, 4 дивизии и резерв — в открытой местности между Рейном, Лиматом и Боденским озером для прикрытия подступов из Кобленца (в Аарау) до Сарганса; 1 дивизия в долинах Линты, Переднего Рейна и Рейсы и 1 дивизия в Валлисе. Из этого можно заключить, что Рейнская долина была оккупирована чрезвычайно слабо.

Массена получил от Бонапарта приказание принять главное командование в Италии вместо Шампионе, и лучшие «полубригады» его армии направились в конце этой кампании туда же.

Выводы и рассуждения по поводу этой главы

Вся эта глава описывает две диверсии и вызванные ими противодействия; ведь, безусловно, французам было менее важно овладеть Филипсбургом, чем отвлечь главные силы австрийцев от Швейцарии.

Первая диверсия, под командованием генерала Мюллера, действительно достигла своей цели, однако только благодаря стечению других обстоятельств, совершенно не входивших в расчеты этого генерала и, таким образом, являвшихся случайными. Эти обстоятельства заключались в том, что для облегчения высадки в Голландии австрийский кабинет обещал устроить диверсию на Среднем Рейне главными силами армии эрцгерцога. Не будь этого совпадения, операция генерала Мюллера столь же мало привела бы эрцгерцога на берега Неккара, как и диверсия генерала Лекурба.

Этот последний явно не добился поставленной себе цели. И нельзя поэтому не высказаться, что если бы французское правительство передало для прямого использования в Швейцарии те 18 000 — 20 000 чел., которые были использованы для этой операции косвенного воздействия, то результат во всяком случае оказался бы гораздо более благоприятным.

Диверсии на-авось, если так можно выразиться, т. е. без поводов, тесно сочетающихся с их сущностью, всегда являются ошибкой.

Мы не можем здесь вдаваться в исчерпывающее изложение теории диверсии, но можем все же сказать, что диверсия отличается от настоящей атаки тем, что главной целью ее является не предмет, непосредственно достигнуть которого она стремится, а отвлечение неприятельских сил от какого-либо другого пункта. Из этого уже видно, что предназначаемым для этого боевым силам свойственна значительно меньшая интенсивность наступательной энергии, чем если бы они производили *действительную атаку*.

Подвергать себя этой невыгоде следует лишь тогда, когда не имеется достаточных сил для настоящей атаки, а силы, находящиеся на данном направлении, не могут быть извлечены оттуда и использованы иначе, а значит, могут принести пользу только диверсией,— не будь же такой диверсии, они оставались бы в бездействии. Можно подвергать себя этой невыгоде и в том случае, если на том участке, куда мы направляем нашу диверсию, мы ожидаем *чрезмерную*, мы сказали бы болезненную, чувствительность противника. В результате такой чувствительности диверсия вызовет у неприятеля противодействие тем, что для ее парализации последний отвлечет несоразмерно крупные силы и, таким образом, нейтрализует больше боевых сил, чем это могло бы быть сделано путем прямой атаки.

После 30 прериаля французы составили план — выставить на Рейне новую главную армию. Этот план не был осуществлен потому, что высадка в Голландии отвлекла их силы туда. Но тем не менее их боевые силы на Рейне оказались значительнее, чем это соответствовало обстановке. Для занятия крепостей требовалось от 20 000 до 30 000 чел., а в них находилось от 40 000 до 50 000 чел. Это было плохим распределением своих сил, но раз уж так было и раз эти войска могли гораздо скорее оказать воздействие на общий ход кампании путем диверсии на своем участке, нежели если бы их направили на соединение с Массеной через Эльзас и долину Фрик, то это безусловно являлось очень важным доводом в пользу данной диверсии. И второй довод для диверсий также имелся налицо. Австрийское правительство и эрцгерцог всегда испытывали по отношению к своему стратегическому тылу, т. е. к сохранности военных запасов на Дунае, чрезмерно преувеличенную заботу, и всякая операция в этом направлении встревожила бы сверх всякой меры.

Таким образом, мы считаем, что к французским диверсиям следует отнестись с одобрением, поскольку использованные для них силы все же не находились при главной армии, и *притом эти силы были направлены на линию Дуная*.

Идею образования новой Рейнской армии мы исследуем в наших заключительных выводах, а здесь остановимся на самом предмете диверсии.

Филипсбург, сыгравший такую большую роль при Людовике XIV лишь потому, что в то время французы не имели на Рейне предмостного укрепления, и потому, что в те времена война почти все время велась за обладание крепостями, в условиях 1799 г. не имел, как крепость, почти никакого значения, как мы в этом уже убедились из кампании 1796 г., когда французы совершенно не обращали внимания на эту маленькую крепость. Захват ее всегда потребовал бы от 3 до 4 недель, и потому являлся такой диверсией, которая не обещала быстрого противодействия. Такая диверсия предоставила бы эрцгерцогу от 8 до 14 дней, в течение которых последний, если бы вообще чувствовал себя достаточно подготовленным для этого, смог бы успеть нанести главный удар в Швейцарии. Чем же мог бы помочь Филипсбург самим французам, если бы они захватили его на самом деле? Они едва ли нашли бы средства снабдить его на всю зиму запасами, и потому Филипсбург был бы снова потерян. Таким образом, осада Филипсбурга не была целесообразной диверсией.

Наоборот, наступление на Дунай оказало бы совершенно другое воздействие и немедленно заставило бы эрцгерцога облачиться в доспехи. Однако, чтобы такое наступление достигло своей цели, следовало направить его хотя бы на Ульм, для того чтобы отвлечь эрцгерцога достаточно далеко от Швейцарии. Однако тот французский корпус, который наступал бы от Мангейма на Ульм, вскоре испытал бы сильную угрозу своим собственным путям отступления, и это быстро свело бы на-нет всю эффективность такой диверсии. Для подобной цели, значит, следовало бы, чтобы корпус, производящий диверсию, смог отступить на Майн, т. е. располагать у Франкфурта и между Франкфуртом и Майнцем обеспеченной переправой через Майн. Этому опять-таки препятствовал майнцский ландштурм, и правильнее было бы, пожалуй, форсировать реку у Майнца и Мангейма, но сперва концентрическими колоннами обратиться против майнцского ландштурма, совершенно рассеять последний, а затем лишь направиться через Гейльброн и Штутгарт на Ульм.

Правда, как только выяснилось бы, что эрцгерцог подходит с превосходными силами, движение пришлось бы приостановить, если же эрцгерцог захотел бы принудить к решительному бою,— то отступать в направлении на Франкфурт. Вследствие чрезвычайной осторожности эрцгерцога, французскому полководцу было бы нетрудно, отступая шаг за шагом, увлечь за собой австрийского главнокомандующего до Майна. Да, возможно, пожалуй, что эрцгерцог не успокоился бы, пока не прогнал бы французов снова за Рейн, а это вовлекло бы его в трудоемкую и требующую затраты значительного времени операцию переправы через Майн, при отходе же оттуда принудило бы его оставить там значительный отряд.

Однако помехой подобной диверсии являлось то затруднение, что путь этой диверсии проходил через вюртембергские территории, а по-

тому и герцог Вюртембергский оказался бы вынужденным присоединиться к австрийцам со всеми своими войсками. Мы не можем в настоящее время дать столь точную оценку этому обстоятельству и судить, чего следовало бы ожидать в том или ином случае от вюртембергских войск, ибо мы уже видели, что и так не обошлось без того или иного соприкосновения с вюртембергской территорией и какие были от этого последствия. Мы должны все же признать, что если французы руководствовались таким политическим соображением, то мы не можем порицать их и можем осуждать их только за то, что они низвели свою операцию на ступень полумеры.

Если уж нужно было обязательно сделать Филипсбург предметом диверсии, то для французских генералов нашелся бы, безусловно, иной путь ее выполнения, а не тот, который они избрали.

Генерал Мюллер застал не много австрийцев в этой местности, и то небольшое количество, которое он там нашел, отходило, повидимому, настолько осторожно, что он не мог ничего с ними поделать. Его расположение сил во время осады Филипсбурга не представляет интереса, ибо оно оказалось неудовлетворительным. Эрцгерцог приближается с 34 000 чел., а у Мюллера было всего 18 000 чел. Мюллер делает все, чтобы убраться во-свояси, и это вполне естественно. Точно так же и попытки удержать Мангейм и Некерау не имеют ничего необычного, ибо на войне, в которой не сражаются за крупные цели, всегда придают значение мелким. Но Мюллер застрял на полумере. Почему он не остался со всем своим отрядом на позиции Некерау и Мангейма или же, если он снова хотел отправить часть своих сил в Майнц, то хотя бы с 12 000 чел.? Эрцгерцог никогда бы не напал на такие силы.

Эрцгерцог говорит, будто Мюллер после перехода через Рейн отправил часть своих войск в Голландию, однако французские историки об этом ничего не говорят. Пытаться с 3 000—4 000 чел. удержать Некерау и ряд мелких, слабых траншей, находившихся перед гласисом Мангейма, было плохой и определенно негодной мерой.

Во время второй осады Филипсбурга французы наступают по горной дороге и дорогам, ведущим из Штутгарта и Гейльброна, и поэтому растягивают свои позиции за реками Мург, Энц и Неккар свыше чем на 10 миль. Генерал Ней также имел против себя лишь слабого противника, так как эрцгерцог оставил в той местности настолько мало войск, что Ней не мог бы одержать над ними большой победы и тем самым произвести шум и оказать известное воздействие. Если бы наступление на таком широком фронте было рассчитано на то, чтобы придать больший внешний размах операции, то такое соображение имело бы некоторое основание. Но в случае приближения отряда, собирающегося освободить крепость от осады, надо было такое растянутое расположение оставить для того, чтобы сосредоточенными силами наброситься на неприятельскую главную колонну.

Однако широкое расположение сил французов, которое не изменил и Лекурб, прибывший тем временем на поле сражения, было основано, повидимому, только на силе привычки и на том, что австрийцы отступили по этим трем дорогам в эксцентрических направлениях с намерением прикрывать таким путем переправы через Неккар от Гейдельберга до Мангейма. Поэтому положение французов получило бы совсем другой облик, если бы они навели у Филипсбурга мост через Рейн. В таком случае они тем более смогли бы сосредоточить свой корпус вблизи этой крепости, что они на самом деле не осаждали Филипсбурга, и потому для их отхода не потребовалось бы много времени.

Но если не было возможности построить такой мост, тогда французы, при обложении Филипсбурга, всегда попадали в чрезвычайно стесненное и невыгодное стратегическое положение. Им приходилось рассматривать вюртембергские области и Оденвальд как неприятельские страны, на протяжении 15 миль тянувшиеся в непосредственном соседстве с их линиями отступления и коммуникаций. С другой стороны, их линия отступления была преграждена Рейном, через который, не располагая мостом, они нигде не могли бы переправиться. Такое положение было настолько неблагоприятно, что создать возможность реального сопротивления приближавшемуся для снятия осады корпусу несомненно было труднейшей стратегической задачей. Потому-то Лекурб и не сумел разрешить эту задачу ни при третьей, ни при четвертой осаде, ибо в обоих случаях мы видим, что он отступает еще до какого-либо решительного боя.

Мы считаем, что единственным способом извлечь из этой неблагоприятной обстановки какую-нибудь возможность успеха было бы занятие сосредоточенными главными силами позиции у Грабена и выдвижение легких наблюдательных отрядов к Бруксалю, Эпингену и Фюрфельду. Мы выбрали позицию у Грабена потому, что тем самым достигалась бы полностью хотя бы одна цель, именно — прикрытие окружения Филипсбурга, и не требовалось бы дополнительного выделения войск.

Как только поступили сведения, что неприятель крупными силами наступает на Бруксаль, французский генерал должен был немедленно выйти ему навстречу. Если бы неприятель разделил свои силы, то французский генерал мог надеяться разбить его у Бруксаля и тогда, воодушевленный победой, должен был броситься на части, наступавшие на Вислох, и таким образом, освободить себе, на худой конец, по крайней мере, тыл. Если бы неприятель сразу направил свои силы на Вислох, то французский главнокомандующий должен был немедленно выступить туда и снять осаду с Филипсбурга. В таком случае у него все еще была надежда при помощи успеха, которого добьются на каком-нибудь пункте его сосредоточенные в кулак силы, выйти без ущерба из положения. По тому, как сложилась обстановка, Лекурб, если бы даже сосредоточил при себе хотя бы 15 000 из своих 20 000 чел., одержал бы решительную победу, по всей вероятности, на любом участке неприятельского наступ-

ления, куда бы он бросил эти силы. Правда, столь большая вероятность его победы основана только на ошибочной тактике австрийцев.

Больше всего мы должны порицать Лекурба за то, что при атаке, которую он предпринял 16 января во время четвертого обложения Филипсбурга, он не стремился достигнуть значительного успеха хотя бы на одном каком-либо пункте, ибо в то время силы его насчитывали 20 000 чел., тогда как силы австрийцев на левом берегу Неккара, даже если присчитать к ним вюртембержцев, едва достигали 10 000—12 000 чел. и были рассеяны на большом пространстве. Между тем в момент, когда сам переходишь в наступление, забота о собственной стратегической линии отступления должна несколько отойти на задний план. Наступление же того типа, которое предпринял Лекурб 16-го, а именно четырьмя эксцентрическими колоннами, никоим образом не могло привести к какому-либо особенному успеху даже при величайшем счастье.

Расположение Лекурба для прикрытия четвертой осады было ничуть не лучше предыдущего. Если оно и имело меньшую окружность, то все же дуга этого круга была велика: от Грабена до Лобенфельда она имела свыше 7 миль.

То, что Лекурб так проявляет себя в должности главнокомандующего, нас очень удивляет, несмотря на французскую поговорку: «Кто проявляет блеск во втором ряду, тот в первом его теряет»,— ведь он не был, подобно Ожеро и Массене, простым тараном в сражениях Бонапарта, а вел в течение 6 месяцев во время данной кампании труднейшую войну в высокогорных районах, и притом все время разъединенными силами. От него во всяком случае можно было ожидать гораздо большего в области комбинирования отдельных боев с целью превращения их в единое генеральное сражение.

Относительно произведенного эрцгерцогом снятия осады с Филипсбурга мы высказали наше мнение уже во время ее описания. Третье снятие осады [1], под командованием принца Лотарингского, не дает много поводов для замечаний, поскольку оно являлось экспромтом, выстрелом из ружья еще до того, как охотник успел как следует прицелиться. По поводу же четвертого снятия осады, под командованием Старая, мы позволим себе сделать некоторые пояснения.

Эрцгерцог в своем изложении ссылается на странную внешнюю форму операции, произведенной Стараем, а именно на оттяжку левого фланга, и делает ее основой всей операции. Однако, если уж класть в основу наступления Старая геометрическую идею, то следует различать два элемента: во-первых, захождение плечом его линии фронта, а затем эшелонированное наступление. Ведь если 1 декабря он стоял у Бреттена, Гохсгейма, Эпингена и Фюрфельда, то он уже повернул свой фронт на 45°, и таким образом, его линия отступления проходила вкось за его флангом. Простое эшелонированное наступление еще не приводит

[1] Если снятие осады эрцгерцогом следует считать вторым по счету, то первое снятие осады было произведено косвенным образом, путем сражения у Штокаха.

к повороту фронта. И вот из этой-то повернутой позиции он решил 2-го перейти в эшелонированное наступление. По нашему мнению, если собираешься атаковать главными силами неприятельскую линию расположения на одном из ее флангов, только лишь тревожа или даже просто подвергая наблюдению другой фланг, то гораздо лучше разделить свои силы именно на такие две, соответствующие различным целям, части, но отнюдь не устанавливать непрерывной связи между частями выставлением нескольких промежуточных отрядов, увеличивая тем раздробленность и сложность всей операции и раздробляя без всякой нужды свои силы.

Идея эшелонированного боевого порядка заимствована из старой тактики. Эта форма атаки приобрела известность в эпоху Фридриха II, как первое нарушение неподвижного и неэшелонированного боевого порядка XVIII века. Мы не можем пускаться здесь в объяснения, какие возникли недоразумения после того, как была сделана попытка вновь придать этому боевому порядку геометрическую форму, но мы никоим образом не считаем, что одно только происхождение этой формы боевого порядка обеспечивает ей некоторые заслуги в стратегии. Если требуется сохранить связь между наступающим усиленным флангом и более слабым, оттянутым назад, то необходимо производить это только небольшим количеством легких войск; при этом, безусловно, не следует приписывать какое-либо значение владению местностью между обоими флангами. Войска, которые *располагаются* между атакующим и оттянутым назад флангами, так сказать, «двуполые существа», не знающие, к какого рода деятельности им приспособиться, и это всегда заметно из характера тех приказов, которые им даются. Эшелонированное расположение должно применяться в стратегии только при обороне, и даже тогда только лишь до известного предела, иначе возникнет бесполезное растрачивание сил.

Между тем эшелонированное расположение Старая вскоре изменилось в том смысле, что левый фланг образовал собственную атакующую колонну; последствием же вышеупомянутой более ранней идеи явилось лишь то, что правый фланг австрийцев на Зинсгеймском шоссе оказался слишком слабым для того, чтобы опрокинуть неприятельский левый фланг и, таким образом, отрезать правый, и что вообще нигде нехватило сил для достижения блестящего успеха и использования, таким образом, чрезмерной растянутости неприятельского расположения. Потому-то, в результате, и количество трофеев оказалось почти равным нулю.

Другой вопрос: должен ли был Старай, вместо того чтобы производить всеми своими силами поворот влево, прорываться вдоль Зинсгеймского шоссе и, таким образом, пытаться отрезать французский *правый* фланг или лучше было пробиваться по горной дороге в долину Рейна, для того чтобы отрезать их *левый* фланг? Эрцгерцог, который, в противоположность вышесказанному, называет эту операцию оттяжкой правого фланга, придерживается именно такого мнения. Нам оно кажется неверным, ибо если мы обозначим французское расположение пунктами Грабен, Дурлах, Зинсгейм и Лобенфельд, то правый фланг французов был явно

гораздо менее обеспечен, чем левый; а это *в данном случае должно было быть* единственным решающим доводом, ибо австрийцам их собственный поворот фронта не мог принести никакого ущерба, а связанная с таким поворотом потеря времени в расчет не шла.

Поведение генерала Старая носит отпечаток боязливой осторожности, и мы тут снова видим, как редко храбрые и решительные солдаты умеют сохранить свою храбрость и решительность, когда они переходят через грань, т. е. вступают в область деятельности полководца.

ГЛАВА IX

МЕЛАС НАНОСИТ ШАМПИОНЕ ПОРАЖЕНИЕ И ЗАХВАТЫВАЕТ КОНИ. ФРЕЛИХ ОСАЖДАЕТ И ЗАХВАТЫВАЕТ АНКОНУ

Соотношение сил обеих сторон

(Схема 7)

Мы оставили противников в Италии в тот момент, когда Моро отказался 11 сентября от своей попытки освободить Тортону, снова отступил на Ривьеру, Тортона пала, Суворов выступил в Швейцарию, а Мелас, оставив генерала Карачая в районе Нови, приступил к своему походу на реку Стуру.

Прежде чем мы снова примемся за наш рассказ, мы должны дать себе ясное представление о соотношении сил и расположении обеих сторон, а также об их намерениях.

Французская армия была поделена между Моро и Шампионе. Первый занимал позиции на Апеннинах, примерно с 30 000 чел., второй же, располагая силами в 34 000 чел., должен был находиться в Альпах. Когда в конце августа и в начале сентября Шампионе перешел в наступление во всех альпийских долинах, он располагал силами всего лишь в 18 000 чел. Таким образом, вся совокупность сил французов равнялась в то время только 48 000 чел. Можно было предположить, что остальные 16 000 чел. тоже скоро вступят в линию активных войск. Однако этого не случилось. Директория после сражения у Нови приняла решение придерживаться в Италии оборонительной тактики и потому распорядилась перевести 18 батальонов и 12 эскадронов из Итальянской армии в Швейцарию, для того чтобы заменить те войска, которые Массена должен был отправить на Рейн. Поскольку численность этих войск равнялась, вероятно, 10 000 чел., становится понятным, почему в середине октября обе французские армии состояли лишь из 54 000 чел. вместо 64 000.

Момент отхода этих войск генерал Жомини точно не приводит, он только указывает: «*Вскоре после принятия генералом Шампионе глав-*

Схема 7. Действия в Италии в конце 1799 г.

Клаузевиц. Швейцарский поход 1799 г.

ного командования». Это случилось 21 сентября, а потому мы должны считать, что отход этих войск произошел между 11-м и 21-м. В то же время приходится, пожалуй, предположить, что за тот же период из числа войск, находившихся в стадии формирования, такое же количество вступило в строй. В противном случае нам пришлось бы считать силы французов ослабленными на 10 000 чел. как раз в тот момент, когда Шампионе вновь приступил к военным действиям с Альпийской армией, т. е. 15 сентября. Между тем это неправдоподобно, и притом ни одно сообщение не дает нам права сделать такое заключение. Таким образом, мы не очень ошибемся, если в начале данной главы будем считать силу обеих французских армий в 50 000 чел.

Следует заметить, что военный министр Дюбуа-Крансе говорит в своем докладе Директории от 15 сентября: «Наконец, граница Альп прикрыта Альпийской и Итальянской армиями, объединенными под командованием генерала Шампионе и составляющими вместе 80 000 чел., не считая от 10 000 до 12 000 чел., расположенных в тылу, в крепостях и в различных пунктах вдоль альпийской границы».

Жомини называет эти данные преувеличенными. Поскольку, однако, мы не можем считать преувеличенными данные этого доклада в отношении других французских армий, то вопрос, как нам кажется, этим не разрешается. Быть может, ошибочно было присчитывать гарнизоны крепостей? Во всяком случае, гарнизоны Генуи и Кони, повидимому, включались в упомянутые 80 000 чел. Больные несомненно включены в эту цифру, хотя трудно допустить, чтобы было 26 000 больных. С другой стороны, мы в праве считать данные Жомини слишком малыми, поскольку они так уточнены. Самое важное для нас, однако, то, что позади Альпийской армии находились еще от 10 000 до 12 000 чел., которых не считали свободными для использования на фронте. Это, весьма вероятно, один из часто встречающихся случаев растрачивания сил от того, что правительства считают необходимым создавать себе таким путем, т. е. при помощи своего рода *стратегического резерва*, вспомогательные силы на случай особых несчастных случаев. Если бы у Нови французы имели на 12 000 чел. больше, это, вероятно, обеспечило бы им победу.

Итальянская армия французов стояла своей главной массой на Ривьере. Она занимала ряд сторожевых постов на гребне Апеннинских гор. Ее правый фланг, под командованием Миолиса, стоял в восточной Ривьере за рекой Стуртой. Левый фланг этой армии, под командованием Виктора, находившийся у истоков Танаро, поддерживал связь с Альпийской армией. Правый фланг последней, под командованием Гренье, стоял у выхода долин рек Стуры, Майры и Врайты, центр, под командованием Дюгема, — в долинах Пиньероло и Сузы, и левый фланг, под командованием Мале,— в долине Аосты.

Главная квартира Моро находилась в Корнильяно под Генуей, а главная квартира Шампионе — у Пиньероло.

Что касается австрийцев, то после сражения у Нови, не считая корпуса Гаддика, силы союзников в Пьемонте сохранили численность около 68 000 чел. Через 4 недели ушел Суворов с 23 000 русских. Значит, должно было остаться лишь 45 000 чел. Однако мы устанавливаем, что главная армия генерала Меласа и после отхода Суворова все еще сохраняла численность в 50 000 чел. Это отчасти результат того, что к тому времени вновь вернулось в строй некоторое количество раненых в сражении под Нови, а отчасти — результат подкрепления в 4 батальона, полученного австрийцами из Австрии. После отхода Суворова в Италии не осталось ни одного русского. Таким образом, армия союзников Верхней Италии, за исключением некоторых отрядов русских и турок под Анконой, состояла только из австрийцев, и главное командование над ними получил Мелас. Эти австрийцы были поделены на следующие части:

Корпус Гаддика стоял фронтом против Сен Готарда, Симплона и Сен Бернара. Он состоял из первоначально входивших в его состав частей полковников Сен Жюльена, Штрауха и принца Рогана и еще 2 бригад	14 500 чел.
Генерал Кайм стоял у Турина фронтом против долин Сузы и Пиньероло; левый фланг его, под командованием Готесгейма, стоял против Кони у Савильяно и Фоссано	14 000 »
Итого	28 500 чел.
Главная армия находилась в походе из Алессандрии в Хераско	31 000 чел.
Генерал Карачай в районе Нови	5 000 »
Генерал Кленау на восточной Ривьере . . .	5 000 »
Генерал Фрелих во Флорентийской провинции	7 500 »
Вообще в Италии находились гарнизоны . .	15 500 »
Итого	92 500 чел.

В начале кампании силы австрийцев составляли 84 000 чел., в течение кампании к ним прибыли: Вукасович с 34 000 чел. и Бельгард (включая Гаддика и остатки отряда Сен Жюльена) с 26 000 чел. Кроме того, из внутренних областей пришло подкрепление в 4 батальона, которое мы оцениваем в 4 000 чел. Это составляет 118 000 чел. До середины сентября австрийцы, повидимому, потеряли около 26 000 чел., что кажется даже почти слишком малой цифрой, и приходится сделать вывод, что в течение кампании они получали подкрепления и рекрутами.

Если мы вычтем отсюда гарнизоны, отряд Фрелиха, а также Штрауха и Рогана, стоявшие против Тюрро, а всего 30 000 чел., то у австрийцев остается 62 000 чел. против 50 000 с лишним у французов.

Кони и Генуя были единственными крепостями, которыми французы еще владели к востоку от Альп, ибо Гави и Савона, которые французы тоже все еще считали крепостями, не позволяли рассчитывать на серьезное сопротивление.

Из этого получается, что если бы французы захотели придерживаться оборонительной тактики, то они должны были бы главным образом стремиться к сохранению обеих этих крепостей. С другой же стороны, естественной задачей австрийцев было завершить завоевание Италии путем захвата этих крепостей, для чего они, во всяком случае, располагали достаточным перевесом сил.

События, которые мы собираемся рассказать в этой главе, состоят из одного сражения и одной осады (а именно осады Кони), причем оба эти события не принадлежат к числу крупнейших моментов войны. Кроме того, имелось бесчисленное количество мелких сражений, которые мы сочли бы не имеющими никакого значения, если бы они все же не были лишены стратегического смысла. Однако по отношению к стратегической обстановке они были столь же бессильны, сколь чуть заметные судороги охваченного столбняком служат признаком стремления вернуться к жизни. Далее, ни один раздел кампании не был так бесконечно плохо описан обоими противниками, как именно этот. Изложение дробится на мелкие события еще больше, чем та система ведения войны, которой придерживались в данном случае полководцы. Нигде не даются связные последовательные представления о событиях, одни лишь беглые сообщения, в виде заметок, перемешанных между собой и полных самых бессмысленных противоречий. Это походит на текст лекции, записанной неопытным студентом.

К этому следует прибавить большую трещину, которую вносит в течение событий отход Суворова, заставляющий всех писателей (как и нас самих) сделать на этом остановку, а эта остановка приводит их к той ошибке, что они возобновляют нить изложения не точно с того места, где они остановились. В результате конец и начало не сходятся между собой, как при соединении плохо сделанной карты.

Мы попытаемся сгруппировать множество мелких боев хотя бы в виде общего обзора и показать их взаимную связь путем выяснения их целей, не входя в подробности каждого движения, для чего нехватает ни материалов, ни интереса.

Зато эта глава в отношении обстановки в целом дает повод к постановке важного стратегического вопроса, составляющего ее главный интерес. Французское правительство решило объединить командование обеими своими итальянскими армиями в одном лице и передало командование над ними генералу Шампионе. Поскольку французское правительство должно было предположить, что австрийцы осадят Кони или Геную, оно занялось разработкой наступления на своего противника, и тут-то обнаружились два различных мнения. Моро хотел наступать со стороны Апеннин, Шампионе же предполагал совершенно оставить Апеннины и

Генуэзскую область, отвести правый фланг армии за Ройю и наступать со стороны северных Альп на Новару. Так как исчерпывающее обсуждение этого вопроса заведет нас слишком далеко от событий, то мы отложим его на конец, а сейчас только отметим, что французское правительство отклонило идею генерала Шампионе и полностью приняло идею генерала Моро. Правительство ограничилось тем, что дало генералу Шампионе задание заботиться о безопасности Кони и по возможности снять осаду с Тортоны, о падении которой оно еще не знало.

Из этого решения, повидимому, вытекает, что главное командование было передано генералу Шампионе примерно с 15 сентября, с этого момента и начинаются его операции. Тем не менее генерал Моро покидает Итальянскую армию лишь 21-го, и Шампионе до этого момента, повидимому, не мог еще распоряжаться ею. Поэтому мы должны предположить, что ближайшие операции велись при наличии раздельного командования.

Шампионе делает попытку подтянуть свой центр к правому флангу. Первая группа сражений

Сражения в течение 6 недель, предшествовавших сражению у Женолы (Дженолы), о которых мы должны рассказать, могут быть сгруппированы в четыре операции, а именно: операции в середине сентября, когда Шампионе командовал одной лишь Альпийской армией, операции в конце сентября, в середине и в конце октября. Бои последнего периода приводят нас на порог сражения у Женолы. Все эти группы боев начинаются по инициативе французов и имеют целью оборону крепостей Генуи и Кони, хотя обе эти крепости даже еще не вступили в соприкосновение с неприятелем. Историки настолько увлеклись этой идеей, что они, а в особенности Жомини, считают целью этих атак чуть ли не непосредственное снятие осады с Кони, хотя до сражения у Женолы Кони еще не разу не осаждался австрийцами и даже почти все время находился позади линии французского сторожевого охранения. Вторую цель, которую историки приписывают этим боям, а именно объединение французских сил, мы еще можем некоторым образом признать, но и то с натяжкой, так как, строго говоря, такое объединение было возможно и без всех этих сражений.

Ближайшая операция Шампионе была направлена на то, чтобы подтянуть к своему правому флангу, к реке Стуре, свой центр под командованием Дюгема из Пиньероло и Риволи. Это должно было произойти на равнине, по выходе из гор,— другими словами, по соседству с генералом Каймом. Шампионе выбрал для ее осуществления дни 15 и 16 сентября. Мы ничего не знаем о причинах этих двух обстоятельств. Повидимому, он принял меры для этого объединения непосредственно после получения сообщения о падении Тортоны, потому что он справедливо ожидал, что Мелас со своей главной армией направится из района Алессандрии в район Кони. Если Шампионе не пытался сделать это раньше, то, быть может,

только потому, что хотел еще подождать момента, когда наступление его левого фланга, начавшееся лишь 6 сентября, произведет на Кайма диверсионное воздействие. Почему же это объединение французских сил должно было бы произойти обязательно на равнине, т. е. в нескольких милях от Турина,— тем менее объяснимо, что отроги Альп во многих местах были несомненно проходимы для войск, и во всяком случае, от Сузы до Фенестреллы ведет дорога через перевал Коль ди Фенестра, по которой мог совершенно спокойно направиться левый фланг генерала Дюгема, после чего он мог, хотя бы соединенными силами, продвигаться через Пиньероло на Морету и Савильяно, где вряд ли можно было ему помешать соединиться с Гренье.

Дело, повидимому, в том, что Шампионе не считал трудность объединения своих сил на равнине особенно значительной. Он приказал генералу Гренье, с 10 000 чел., наступать 16 сентября на Фоссано и Савильяно, а генералу Дюгему 15-го выдвинуть вперед отряды через Риволи и Пиньероло, чтобы отвлечь туда внимание неприятеля, своими же главными силами быстро пройти позади этих пунктов вправо и соединиться с Гренье.

Сражение у Риволи 15 сентября

Эта операция не увенчалась ожидаемым успехом. Колонна, продвинувшаяся за Риволи, правда, дошла до Коленьо, в 1 миле от Турина, но была затем разбита подоспевшими резервами под командованием Кайма и вынуждена была отойти в лагерь Авильяно, в 1 миле за Риволи.

Сражение у Саленго 15 сентября

Колонна, наступавшая от Пиньероло, при которой находился сам Дюгем, дошла лишь до Саленго, в 1 миле от Пиньероло, но точно так же должна была отступить оттуда перед численно превосходившей ее австрийской кавалерией и снова отойти на Пиньероло.

Сражение у Фоссано и Савильяно 16 сентября

15 сентября дивизия Гренье захватила Салуцо и 16-го направилась на Савильяно и Фоссано. Она атаковала генерала Готтесгейма и заставила его отступить на Бра, куда в тот же день прибыла и главная армия под командованием Меласа.

Сражение у Фоссано и Савильяно 17 сентября

Мелас решил атаковать генерала Гренье 17-го двумя колоннами, силой каждая в 10 000 чел.,— другими словами, с двойным численным перевесом сил, через Савильяно и Фоссано. Первая колонна, направившаяся на Савильяно, была под командованием генерала Отта; при ней находился сам Мелас. Другая, наступавшая на Фоссано, была под командованием Края. Обе колонны смогли начать свою атаку лишь к вечеру, и после краткого, но энергичного сопротивления французов обе одержали победу благодаря своему численному превосходству.

Французы, потеряв 2 орудия и около 2 000 чел. убитыми, ранеными и пленными, вынуждены были отступить от Савильяно на Салуцо и в долину Майры, а от Фоссано на Кони.

Мелас не развил своей победы и остановился у Савильяно. Когда Мелас прибыл со своей главной армией в этот район, к ней присоединились и войска, стоявшие уже там и принадлежавшие к отряду Кайма; поэтому главная армия усилилась до 38 000 чел., в то время как у Кайма осталось всего 7 000 чел.

20 сентября Шампионе захватил обратно Риволи. Этим он не добился никакого особенного преимущества, зато Меласа это еще более побудило не терпеть дольше его пребывания в этом районе.

Сражение у Пиньероло 23 сентября

22 сентября Мелас послал генерала Лихтенштейна с 18 батальонами и 12 эскадронами через Салуцо на Пиньероло. Лихтенштейн направил отряды в долину рек По и Люцерны, соединился с одним отрядом из дивизии Кайма и 23-го атаковал французов, стоявших у Пиньероло, разбил их и гнал их до Фенестреллы. Он оставил несколько отрядов в этой местности, а затем возвратился со своим корпусом в лагерь у Савильяно.

Сражение у Сузы 25 сентября

Генерал Кайм направил в долину Сузы генерала Бельгарда младшего[1] с отрядом в 3 000—4 000 чел., захватившим 25 сентября Сузу и принудившим французов отойти до самого подножия Мон-Сениса. Затем, оставив на месте небольшой отряд, Бельгард возвратился в Турин.

После этого Мелас счел возможным выслать две бригады, силой в 6 000—7 000 чел., под командой Края, для того чтобы помочь Гаддику снова овладеть своими прежними позициями против Сен Бернара и Симплона, утраченными им с 6 сентября, о чем мы уже рассказывали раньше. 29 сентября в Ивреа Край принял общее командование над всеми этими частями; однако французы не сочли себя достаточно сильными для того, чтобы помериться с ними силами. Малле снял осаду с замка Бард и отошел на Сен Бернар, точно так же отошел и Тюрро через Домо д'Оссола и Симплон в Валлис. Вследствие этого Край с обеими своими бригадами возвратился назад к главной армии. Несколько позднее Мелас даже подтянул к себе часть войск Гаддика, поскольку позднее время года не предоставляет больших оперативных возможностей в тех высокогорных районах. Поэтому в долине Аоста он оставил лишь слабые силы, а Гаддик по собственной инициативе занял позицию у Ивреа, где он служил также и поддержкой полковнику Штрауху, стоявшему у подножия Сен Готарда.

---

[1] Генерал Бельгард старший к тому времени был отозван в Вену.

Во время этой отбитой наступательной попытки Альпийской армии Итальянская армия французов в Апеннинах сохраняла полное спокойствие. Моро покинул эту армию 21 сентября, и с этого дня мы должны считать генерала Шампионе главнокомандующим обеими армиями.

Шампионе наступает своим центром на Мондови, а правым флангом на Нови. Вторая и третья группы сражений

Французская армия под командованием Шампионе делилась теперь следующим образом:

Первая дивизия	Миолиса	4 100 чел.	Правый фланг под командованием Сен-Сира
Вторая »	Ватрена	7 300 »	
Третья »	Домбровского	4 600 »	
Четвертая »	Лабуасьера	5 000 »	
Пятая »	Лемуана	7 800 »	Центр
Шестая »	Виктора	8 500 »	
Седьмая »	Гренье	8 000 »	Левый фланг под командованием Гренье
Восьмая »	Дюгема	7 500 »	
Девятая »	кавалерийский резерв	1 200 »	
	Итого	54 000 чел.	

Этот боевой порядок генерал Жомини приводит на 17 октября. За 3 недели до этого мы можем поэтому рассматривать его лишь как приблизительный. Очевидно также, что в нем нехватает тех войск, которые в конце сентября стояли еще у Большого Бернара, под командованием генерала Малле. Однако в основном мы можем считать упомянутое распределение сил действовавшим и на конец сентября; поэтому мы вправе положить его уже сейчас в основу наших представлений, для того чтобы придать им хотя бы некоторую точность, которой так нехватает изложению событий в данной главе.

Едва только Шампионе принял командование и перенес свою главную квартиру в Финале, как он приказал своему центру, т. е. дивизиям Виктора и Лемуана совместно с 1 бригадой дивизии Лабуасьера под командой генерала Гардана, произвести движение в сторону Мондови с намерением захватить эту крепость и после этого соединить свой центр с левым флангом на равнине. Для этой цели левый фланг его должен был вновь выступить из своих альпийских долин. Правый фланг, под командой Сен-Сира, силой в 18 000 чел., должен был произвести демонстрацию на восточной Ривьере и на реке Скривия.

28 сентября центр продвинулся до Вилла Нова, на западной стороне реки Элеро, Сан Микеле на реке Курсалья и Ла Ниелла на реке Танаро и окружил Чева. Однако Мелас распорядился усилить гарнизон Мондови и направить отряд для поддержки крепости. Кроме того, 29 сентября он выступил сам со своей главной армией из лагеря Савильяно, для того чтобы продвинуться влево, 29-го дошел до Ля Тринита к во-

стоку от Фоссано, 30-го до Мальяно ди Сопра за рекой Пезио, благодаря чему он приблизился к Мондови на расстояние почти 1 мили. Его левый фланг, под командой Готесгейма, стоял у Каррю, правый фланг, под командой Эльсница,— у Мурацо. Край с тремя бригадами остался у Фоссано.

Сражение у Мондови 1, 2 и 3 октября

Шампионе перенес свою главную квартиру в Баньяско на реке Танаро, однако не решился атаковать Мондови и сообщил Гренье, что на этот раз отказывается от своего намерения. После того как он распорядился занять 1 октября Вико, а 2-го и 3-го произошли довольно ожесточенные бои между Лаудоном, сделавшим вылазку из Мондови, и Серрасом, Шампионе отвел правый фланг своего центра назад от Танаро к Бормиде и приказал ему стать на позицию у Салицето, в то время как Виктор остался у Вилла Нова.

Хотя это наступление французского центра на Танаро и заставило Меласа приказать генералу Карачаю выступить с 4 000 чел. из Нови в Асти, куда этот генерал прибыл 6 октября, все же операция Сен-Сира против австрийского левого фланга не увенчалась никаким иным успехом, кроме того, что он снова отнял у генерала Кленау Торилью, занятую последним еще 26 сентября, и затем продвинулся вперед вдоль Скривии, вплоть до Серавале, Нови и Овадо. О продвижении левого фланга не было и речи.

Таким образом, не удалась и вторая попытка объединения; под этим названием проходят все эти события.

Мы честно признаемся, что мы понимаем эту попытку еще меньше, чем первую, и в особенности не знаем, какое значение должно было иметь при этом овладение Мондови. Однако несвязные рассказы историков делают напрасным всякое стремление получить достаточно углубленное представление об этих событиях. Австрийцы рассматривали все эти различные аванпостные бои лишь как средство, которым противники беспрестанно тревожили и отвлекали их, тем самым препятствуя их операциям против Кони и Генуи. Это, правда, имело бы некоторые основания и было бы если не наилучшим средством, то все же хотя бы понятным. Однако мы не в праве тут соглашаться с австрийской точкой зрения на этот вопрос, поскольку французские писатели определенно высказываются, что тут имело место именно намерение сосредоточения сил.

Едва только закончилась эта серия безуспешных сражений, как Шампионе выработал новый план для операций, столь же безуспешных. В сообщениях о событиях в Швейцарии, которые стали распространяться в начале октября, французы усмотрели полное поражение союзников на этом театре военных действий, размер которого, повидимому, был к тому же еще сильно преувеличен вследствие слухов о судьбе Суворова. Следствием этого явилось то, что отход австрийцев из Пье-

монта стали считать делом решенным, и притом делом ближайшего будущего; эта точка зрения сильно подкреплялась донесениями шпионов. Шампионе возымел намерение отомстить Меласу за неудачные бои в середине сентября и решил использовать для этой цели тот кризис отступления, в разгаре которого находился, по его мнению, Мелас. Для того чтобы получить возможность располагать для своих операций против Меласа в долине Стуры также и частью своего правого фланга, Шампионе дал задание Сен-Сиру сперва прогнать Кленау из окрестностей Генуи, ибо пребывание там последнего вызывало в этом городе постоянные беспорядки и напряженное положение, что легко могло привести к неожиданному падению этой важной крепости.

Сражение у Бракко 13 октября

Сен-Сир с дивизиями Лабуасьера и Домбровского остался в районе Серавале, Гави и Овадо, а Ватрену дал приказ отбросить со своей дивизией австрийские посты на южном склоне Апеннин и форсированно наступать на Пьетро ди Вара на реке Варе, для того чтобы выйти оттуда в тыл генералу Кленау. До того времени дивизия Миолиса, стоявшая перед фронтом Кленау, должна была сохранять полное спокойствие. Только лишь 1 батальон, посаженный на лодки, должен был плыть вдоль побережья, для того чтобы высадиться в тылу у Кленау, в Монелья. Однако Кленау, заблаговременно предупрежденный об этой операции, отступил и оставил у Киявари на реке Стурте лишь арьергард. Тем временем Ватрен, быстро продвигаясь вперед, достиг уже 12 октября Пьетро ди Вара, и таким образом, 13-го ему удалось захватить в плен у Бракко 3 роты егерей, оставленных Кленау для поддержки своего арьергарда, состоявшего из 1 батальона. Поскольку этот арьергард позднее тоже попал в руки французов, то они захватили тут около 1.000 чел. пленными.

После этого Кленау расположился у Сестри, дивизия же Ватрена осталась у истоков Вара, Тидоне и Требии.

После этого правый фланг под командой Сен-Сира простоял 10 дней, не совершив ничего, достойного внимания.

В центре обеих армий с 8 октября безостановочно велись авангардные бои, из которых наиболее значительным является сражение у Бейнете.

Гренье стал лагерем у Мадонна дель Ольмо перед Кони. Когда Мелас увидел, что французы усиливаются в этом районе, он решил покинуть свой лагерь у Мальяно и приблизиться со своей главной армией к Кони для того, чтобы, как гласит австрийское, несколько устаревшее стратегическое выражение, «предложить» французам сражение. Мелас и Край выступили 12-го и расположились лагерем у Мурацо между реками Бробио и Стура.

Сражение у Бейнете 13 и 14 октября

Дивизия Виктора занимала крупными силами деревню Бейнете в качестве связующего поста между Вилла Нова и Кони. Мелас приказал генералу Митровскому 13-го атаковать этот пункт 6 батальонами и 4 эскадронами. Французы были выбиты оттуда, однако после полудня вернулись с подкреплениями и дрались с большим ожесточением за обладание этой деревней, пока, наконец, австрийцы, трижды овладевавшие ею, окончательно не утвердились в ней, забрав у французов от 500 до 600 чел. пленными.

После этого и центр тоже простоял 8 дней, почти в полном бездействии, о левом же фланге французов почти совершенно не упоминается.

Трудно сказать, как характеризовать эту третью группу сражений. Кленау был удален от Генуи, для того чтобы быть более спокойным в отношении этого города и, пожалуй, для того чтобы получить возможность ослабить *правый* фланг. Этого, однако, не случилось. Даже Карачай, и тот не был атакован. Все походило на операцию, приостановленную уже во время ее осуществления.

Сен-Сир разбивает у Нови Карачая, Мелас же — центр у Бейнете, Лезеньо и Чентальо. Четвертая группа сражений

В течение последней трети октября снова разразилась боевая стихия, в виде ряда сражений, на этот раз несколько более крупных, хотя каждое из них, в общем, имело столь же ничтожные результаты. Это новое коллективное сражение производит впечатление возобновленного продолжения боев, еще не законченных в середине октября.

Стратегическую идею, которая должна была служить основанием для этих сражений, мы заимствуем у Жомини, хотя находим, что такая идея свойственна скорее историку, нежели полководцу.

«Шампионе предвидел, что снега вскоре заставят его предоставить Кони своим собственным силам, и в то же время сознавал необходимость сохранить выход из Пьемонта для будущей кампании. Поэтому, ободренный известием о возвращении Бонапарта во Францию, Шампионе решил сделать последнее усилие, если не для того, чтобы выручить эту крепость, то хотя бы для того, чтобы завезти туда все продовольствие, которое он предполагал собрать на большой армейской фуражировке. С этой целью Дюгему был послан приказ спуститься долинами Сузы и Перуджии на Риволи и Пиньероло, Гренье — продвинуться из лагеря Мадонна дель Ольмо на Савильяно и Фоссано. В то же время в центре Виктор совместно с Лемуаном должен был наступать через Вилла Нова и Бейнете. На правом же фланге Сен-Сир, поручив Миолису оборону Генуэзской Ривьеры, имел задание направиться со своими 3 остальными дивизиями на Акви».

Не только сама эта идея оказалась снова лишенной всякой реальной цели, но и непосредственное выполнение ее показывает, что оно никак

не вязалось с этой идеей, ибо Сен-Сир не пошел на Акви, а поступил гораздо лучше, разбив Карачая у Нови.

Поскольку события в центре длятся дольше и доводят до самого сражения у Женолы, мы начнем с описания событий на французском правом фланге.

Сражение у Боско 24 октября

Карачай, отряд которого, как нам известно, состоял всего из 5 000 чел., находился в районе Боско, между реками Скривия и Орба. 23 октября Сен-Сир выступил с дивизиями Домбровского и Ватрена через Нови, а с дивизией Лабуасьера — в долине реки Орбы, располагая в целом 12 000 чел. Из этого мы заключаем, что дивизия Ватрена вскоре снова покинула позицию у истоков реки Требии, которую она заняла после сражения с Кленау. 24-го противники столкнулись. Бой начался в районе Бассалуцо (на поле сражения Нови) с аванпостами австрийцев и распространился через Фрасонара до Боско, где было оказано главное сопротивление, окончившееся отступлением австрийского генерала через Бормиду, причем французы захватили 3 орудия и 1 000 пленных. Однако и австрийцы забрали от 500 до 600 пленных из числа поляков. Поскольку уровень воды на Бормиде и Орбе сильно поднялся, а Сен-Сир не имел никакого мостового имущества, он не смог переправиться через эти реки, и ему пришлось остановиться между Бормидой и Скривией.

Это поражение Карачая произвело довольно глубокое впечатление на австрийцев. Оно распространило панику до Тортоны и Алессандрии и заставило Меласа приказать Гаддику, необходимость пребывания которого в покрытых снегом Альпах отпала, спешно прибыть к нему со своими 5 батальонами и 2 эскадронами для подкрепления основных сил, генерала же Края послать к Карачаю с другими подкреплениями, позаимствованными из главной армии, и поручить последнему командование над всем этим новым отрядом.

Левый фланг французов, под командованием Дюгема, должен был одновременно с Сен-Сиром наступать по долинам Сузы и Пиньероло. Однако Жомини пишет, что Дюгем не смог начать свою операцию до 1 ноября, и потому она уже относится к периоду сражения у Женолы. Почему произошло это запоздание, мы не знаем. Быть может, причиной тому явилось прибытие войск левого фланга с Большого Сен Бернара или других подкреплений.

Сражение у Бейнете 20 и 21 октября

В центре Виктор снова захватил 20 октября деревню Бейнете, однако на следующий день был опять вытеснен оттуда Оттом и, потеряв 500 пленных и 2 орудия, был вынужден отступить за Певераньо.

Лемуан прогнал 21-го австрийцев из Вилла Нова и стал со своей дивизией перед Мондови, а Гардан повел одновременно наступление через Чева. Мелас несколько дней наблюдал за этим, ничего не пред-

принимая, а затем забеспокоился за Мондови, подкрепил гарнизон этого пункта несколькими тысячами человек, а 26 октября выслал генерала Ауершперга с 6 батальонами и 2 эскадронами из лагеря Монтанеро, для того чтобы оттеснить назад правый фланг Лемуана.

Сражение у Лезеньо 28 октября

Ауершперг пошел через Карю и Ля Ниелла, где он оставил пару батальонов, на Сан Микеле. В течение 27-го он отбросил французов от этих пунктов и собрался на следующий день атаковать Вико, но узнал ночью, что у Лезеньо находится французский отряд, тот самый, которым командовал Гардан. Ауершперг решил еще ночью атаковать Гардана в тыл, из Сан Микеле, парой батальонов, в то время как оба батальона, оставленные им в Ля Ниелла, повели лобовую атаку. Эта атака удалась полностью: Гардан был застигнут врасплох и вынужден отступить в горы, потеряв 3 орудия и 450 чел. пленными. После такого поражения своего правого крыла Лемуан отступил от Вико на горный хребет, тянущийся между реками Эллеро и Курсалья, в Монастеро. Теперь уже ничто не угрожало Мондови, и Ауершперг вернулся к главной армии.

Сражение при Ченталло 31 октября

После того как Виктор 21-го, а Лемуан 28-го были, таким образом, отбиты и наполовину разбиты, очередь дошла и до Гренье, выступившего 28-го из своего лагеря в Кони.

Он оттеснил 28-го австрийские аванпосты за Ченталло и Мурапо. 29-го Гренье остался на этой позиции и лишь производил демонстрации по направлению к Фоссано, Виктор же должен был в это время снова наступать через Бейнете на Мурапо.

Мелас не дал запугать себя этой демонстрацией и переправил в ночь с 30 на 31 октября дивизии Отта и Эльсница, силой в 15 батальонов и 30 эскадронов, через реку Стуру у Кастелето и Монтанеро. Несмотря на то, что им пришлось сперва наводить мосты и производить переправу на глазах у противника, им это все же удалось, и дивизии Гренье пришлось очень туго сначала у Мурапо, а затем у Ченталло. Кончилось это тем, что дивизия Гренье была разбита, потеряла 4 орудия и 800 чел. пленными и была вынуждена отступить на реку Майру. Австрийские дивизии в тот же день вернулись к главной армии.

Мы нигде не находим ни слова о том, почему дивизия Гренье так поздно приступила к активным действиям.

Едва австрийские дивизии переправились обратно через Стуру, как авангарды Гренье вернулись в район, где происходил бой.

Мелас получил сообщение, что Дюгем снова наступает; оно заставило его отослать Латермана с 6 батальонами и 4 эскадронами в Турин для подкрепления Кайма. Сам он покинул 5 октября свою позицию у Монтанеро и снова расположился лагерем у Мальяно ди Сопра, за рекой Пезио, без всяких видимых причин, потому что одно только изве-

стие о том, что генерал Дюгем вновь перешел в наступление, не могло послужить поводом для такого маневра влево. Скорее всего можно предположить, что в него вселила новую тревогу дивизия Лемуана.

Однако австрийский главнокомандующий пробыл и в этом лагере всего 2 дня. Уже на следующий день он распорядился очистить Мондови, а 3 октября приступил к походу через Фоссано на Марене.

Этот маневр, для которого в австрийском изложении мы тоже не находим ясных оснований, мог быть вызван и неожиданным наступлением Дюгема и сообщениями о подкреплениях, которые этот последний к себе подтянул. Дело в том, что 30 октября французский генерал, заняв в долине Сузы австрийцев демонстрациями, снова захватил Пиньероло и даже занял Салуцо. Согласно австрийскому описанию, генерал Мелас получил, еще в последние дни октября, сообщение о намерении французов приступить теперь к решительной концентрической атаке против него. Поэтому Мелас хотел занять в районе Марене подходящую позицию, для того чтобы получить полную возможность поодиночке атаковывать отдельные колонны. Однако, независимо от того, что пункт Марене явно не обладает приписывающимися ему качествами, так как он настолько отстоит от линии фронта, что французы имели полную возможность сосредоточивать перед боем все войска, расположенные между Салуцо и Мондови, нам попрежнему приходится задать себе вопрос: какую цель преследовал предпринятый 1 ноября поход Меласа на Мальяно? Мы здесь не можем позволить себе высказать отрицательное суждение, но определенно в праве сказать, что Мелас, очевидно, воображал, будто 31 октября он основательно потрепал французов у Ченталло и со стороны дивизий Гренье и Виктора ему в данный момент бояться нечего. Однако, когда поступило сообщение, что эти самые дивизии 1 и 2 ноября снова наступают между Стурой и Граной, он сообразил, что его позиция у Мальяно совершенно не годится, и потому перешел на позицию у Марене.

Сражение у Женолы 4 ноября

Австрийцы очистили Мондови уже 2 ноября, а дивизия Лемуана отошла бригадой Серраса на Бреолунго, а бригадами Клозеля и Гардана на Каррю. Мы записываем эту дату со слов генерала Жомини, но нам трудно поверить, чтобы это могло случиться в тот момент, когда австрийская главная армия еще стояла под Мальяно, и предполагаем, что в данном случае, как очень часто бывает, произошла ошибка в числах.

Дивизия Виктора соединилась 3 ноября с дивизией Гренье, переправившись через Стуру. На правом берегу Стуры они оба оставили генерала Фрессине, с отрядом от 4 000 до 5 000 чел. Виктор двинулся вдоль Стуры, а Гренье — вдоль Граны, и дошля до района Женолы, которую они захватили еще 3-го, но лишь поздно вечером.

В этот день австрийцы покинули Савильяно, однако удержали Фоссано. Как происходило передвижение главной армии,— нигде не расска-

зано. Мы предполагаем, однако, что австрийцы перешли у Фоссано реку Стуру, что вполне возможно, если это случилось рано утром, так как французы заняли пригороды Фоссано только около 7 час. вечера.

Мы должны, значит, представить себе следующим образом расстановку сил обеих сторон в центре в ночь с 3 на 4 ноября.

Австрийская главная армия состоит из 29 000 чел.; поскольку же Мелас, по прибытии его на Стуру, имел 38 000 чел., то получается, что она уменьшилась на 9 000 чел. Эта разница не обратила бы на себя нашего внимания, если бы мы могли принять убыль за 6 недель в размере от 5 000 до 6 000 чел. Однако это не так. Согласно списочным составам, приводимым австрийцами на оба эти момента, австрийские батальоны и эскадроны к моменту сражения у Женолы оказались, в конечном итоге, даже еще несколько сильнее, чем 6 недель назад. Таким образом, они несомненно получили пополнение. Кроме того, состав главной армии в сражении у Женолы равнялся уже 40 батальонам и 44 эскадронам. Когда же Мелас прибыл на Стуру, армия его насчитывала 57 батальонов и 52 эскадрона. Из них 6 батальонов были направлены в сторону Турина. Таким образом, нехватало 11 батальонов и 5 эскадронов, большая часть которых, очевидно, присоединилась вместе с Краем к Карачаю; остальные же, вероятно, стояли между корпусом последнего и главной армией для поддержания связи.

Упомянутые 29 000 чел. главной армии были подразделены в день сражения 4 ноября на следующие соединения:

Дивизия Отта	7 600 чел.
» Митровского	2 700 »
» Эльсница	8 000 »
Бригада Соммарива	2 800 »
» Готесгейма	4 700 »
Кавалерийский резерв Лихтенштейна	3 400 »
Итого	29 200 чел.

Эти силы были сосредоточены между реками Грана и Стура. Кроме того, по приказанию Меласа к району Ракониджи снова приближался генерал Латерман со своими 3 500 чел.

Французы, стоявшие против австрийских главных сил, между названными реками, т. е. дивизии Виктора и Гренье, насчитывали 15 000 чел. Дивизии Лемуана и Фрессине, которые, вместе взятые, образовали массу, по крайней мере, в 12 000 чел., находились на правом берегу Стуры и, по всей видимости, направились на Кераско. Дюгем, правда, занял Салуцо, но своими главными силами стоял еще у Риволи, значит, вне досягаемости для решительного сражения, ожидавшегося на следующий день. Еще больше относится это к Сен-Сиру, который вел военные действия против Края между Акви, занятым одним его отрядом, и Нови.

Французский главнокомандующий отнюдь не был склонен давать сражение. Он уже давно рассчитывал на то, что австрийцы отступят из Пьемонта, и решил, когда Мелас начал свое движение, что его предположение, наконец, сбылось. Говорят, он намеревался даже приказать своему правому флангу, под командованием Сен-Сира, повести победоносное наступление, после чего подтянуть его к Лемуану. Таким образом, он рассчитывал, вероятно, отрезать австрийцев от Алессандрии и Тортоны, после чего их можно было бы побудить совершенно очистить правый берег реки По. После же очищения правого берега реки По он надеялся на очищение австрийцами и всего Миланского округа и строил тому подобные воздушные замки. Только лишь этим можно себе объяснить, что обе дивизии — Виктора и Грены — так смело набросились на главные австрийские силы, дивизия же Лемуана и генерал Фрессине даже не получили *директивы — в случае нужды оказать помощь этим двум дивизиям.*

Если намереваешься преследовать противника, то все должно быть направлено на непосредственное движение вперед. Если рассчитываешь на сражение, то все силы располагаются, во всяком случае, с учетом того пункта, где следует ожидать начала этого сражения.

Мелас видел, что, несмотря на бои, до сих пор почти всегда оканчивавшиеся для них неудачей, французы все же не оставляли своих наступательных намерений. Сообщение о подкреплениях, будто бы полученных Дюгемом, очевидно, заставило австрийского главнокомандующего опасаться каждое мгновение нового, более сильного удара. Поэтому он предпочел наброситься немедленно со всеми своими силами на обе стоявшие против него французские дивизии и, исходя из этого, отдал следующий приказ на 4 ноября.

Отт, подкрепленный бригадой Соммарива, должен был овладеть Савильяно, слабо преследовать противника в направлении на Салуцо, со всей же энергией броситься на Вальтиньяско и Вальдигио (на дороге к Кони).

Митровский должен был наступать влево от Отта и действовать в связи с ним.

Эльсниц должен был атаковать Женолу, затем следовать на Вальдигио и там задержать врага до тех пор, пока туда не прибудут первая и вторая колонны.

Преследование разбитого врага должно было производиться тремя путями — на Вилла Валетта, Ченталло и Рончи.

Для того чтобы разобраться хоть как-нибудь в этой диспозиции, не следует упускать из виду, что французы, став своим правым флангом у Мурацо, а левым у Савильяно, занимали диагональную линию между Навильяно Ново и рекой Грано. Мелас, очевидно, думал, что левый фланг французов отступит через реку Грано к Салуцо.

Французы, со своей стороны, собирались в тот день продолжать свое продвижение для мнимого преследования австрийцев. Виктор должен

был овладеть Фоссано, Гренье — наступать на Марене, а Дюгем приближался из Салуцо во главе 3 000 чел. для того, чтобы через Савильяно соединиться с Гренье.

В такой обстановке 4-го утром встретились обе стороны. Продвигаясь на Марене, Гренье наткнулся близ Савильяно на Отто и Соммариву, имевших до 10 000 чел. Бой вскоре принял очень оживленный характер и продолжался некоторое время с переменным успехом, так что результат его, казалось, зависел от того, кто прибудет скорее — Дюгем или Митровский. Однако, поскольку Дюгему приходилось итти от Салуцо, Митровский же стоял у Сан Лоренцо, т. е. в непосредственной близости, вопрос этот на практике не мог вызывать сомнений. Гренье был разбит 14 000 австрийцев под командованием Осса и Митровского и отброшен на свой резерв, стоявший у Вальдиджи, так что Савильяно попало в руки австрийцев еще до прибытия Дюгема.

Несколько позднее, чем на участке Гренье, началось сражение с Виктором у Женолы. Тут находился и сам Шампионе. До полудня сражение длилось без успеха для обеих сторон. Но когда бой с Гренье полностью был решен и Мелас мог с этого момента использовать генерала Митровского, перебросив его оттуда для подкрепления своего левого фланга, то и Виктору пришлось очистить поле сражения и отступить на Мурацо. Мелас неотступно теснил его, и потому Шампионе пришлось продолжить свое отступление до Ченталло и его окрестностей. Мурацо все же было удержано французами. Про бригаду Готесгейма не только говорится, что она ничего не смогла добиться против Мурацо, но и в самом австрийском официальном сообщении совершенно определенно признается, что на этом участке французы продержались до следующего утра.

Пока эти события происходили на фронте, на фланге австрийцев появился, наконец, Дюгем примерно с 3 000 чел., захватил Савильяно и продвинулся в направлении на Марене. Мелас направил против него Соммарива с 4 батальонами, для того чтобы тот соединился с оставленным в Савильяно батальоном и оставленными в том же районе 2 эскадронами. Соммарива атаковал Дюгема, и этот последний, подвергаясь одновременной угрозе со стороны наступавшего от Ракониджи Латермана, опять оказался вынужденным отступить через Савильяно, в направлении на Салуцо. Взятое Дюгемом направление на Марене, упоминаемое во всех донесениях, объясняется, повидимому, только приближением Латермана, несмотря на то, что в австрийских донесениях об этом генерале совершенно не упоминается.

5 ноября генерал Отт подступил к самому укрепленному лагерю Мадонна дель Ольмо, Митровский остался у Ченталло, Эльснитц же направился против Мурацо. Виктор уже очистил эту позицию, но оставил там арьергард, который, будучи отрезан, попытался спастись вплавь через Стуру. Но так как при этом погибло в волнах 400 чел., то остальные 1 000 чел. из этого арьергарда, очевидно, сдались в плен.

6 ноября Гренье покинул лагерь Мадонна дель Ольмо и отступил в Борго Сан Дальмацо. Виктор же вернулся в район Мондови и занял позицию между Монастеро и Вилла Нова.

Австрийцы продолжали свое преследование. Латерман направился в долину Майры через Боско в Дронеро, для того чтобы воспрепятствовать соединению Дюгема с Гренье. Отт и Митровский направились в Каналь, в долине Граны. Лихтенштейн — в Виньоле на реке Стуре, совсем близко от Борго, Эльснид же — в Мадонна дель Ольмо.

На всех этих направлениях они взяли еще множество пленных.

Это сражение стоило французам около 7 000 чел., т. е. несколько меньше половины двух дивизий, участвовавших в этом бою. Австрийцы захватили 4 орудия и около 4 000 пленных. Их собственные потери составили 2 000 чел.

Пока дивизии Гренье и Виктора были атакованы почти вдвое превышавшими их силами, дивизия Лемуана спокойно стояла своим правым флангом перед Хераско, а левым — между Каррю и Бене, в нескольких милях от поля сражения. Только лишь 6-го Мелас направил генерала Готесгейма через Стуру для наблюдения за этой дивизией.

Мелас оттесняет французов от Мондови и Кони. Край безуспешно атакует Сен-Сира

Мы уже видели, что перед сражением силы Меласа равнялись 62 000 чел. Потери его в сражении не превышали 2 000 чел. Итак, у него осталось 60 000 чел. Напротив, французская армия настолько пострадала от сражений, болезней и все более распространявшегося дезертирства, что стала на зимние квартиры, имея всего лишь 38 000 чел. Поэтому мы вполне можем предположить, что после сражения у Женолы французская армия вряд ли могла превышать 40 000 чел. Это давало генералу Меласу общий численный перевес почти на одну треть, что следует признать очень значительным. Представим себе далее, что французы (если мы не примем при этом в расчет те немногие отряды, которые они могли еще иметь на Большом Сен Бернаре, и вообще к северу от Мон Сениса) все же занимали, от долины Сузы вдоль Альпийского хребта до Борго Сан Дальмацо за Кони, а оттуда вдоль Апеннинского хребта до реки Скривии, а затем на Восточной Ривьере, вплоть до Сестри, — в общем линию протяжением около 50 миль. Эта линия, за исключением той части, которая проходила по Восточной Ривьере, концентрически охватывала австрийцев и, таким образом, предоставляла последним преимущество операций по внутренним линиям. Исходя из этого, мы должны признать, что после сражения у Женолы генерал Мелас, имея такое численное превосходство и такие позиционные преимущества, имея вдобавок еще моральный перевес победителя, был бы в состоянии нанести еще один сокрушительный удар, совершенно рассеять французскую армию и привести к падению Геную в результате одного только морального воздействия такого сокрушительного удара.

Так как мы являемся противниками всяких неопределенных выражений и пустопорожней терминологии, то мы должны точнее определить возможность подобного разгрома французской армии. Под этим мы представляем себе новую атаку на неприятельские главные силы; или же, если они были настолько раздроблены, что главной армии и не было,— на *основное ядро неприятельских сил*, т. е. на ту дивизию, при которой находился главнокомандующий. Мы себе представляем, что атака на эту часть французских войск была бы произведена численно превосходящими силами и в охватывающей форме. Мы представляем себе, что эта атака была бы продолжена до самого моря и, таким образом, принудила бы эту часть неприятельских войск искать убежища в Генуе или отступить до самой реки Вар, если только она была бы еще в состоянии сделать то или другое. Мы убеждены, что при таких условиях были бы добыты относительно многочисленные трофеи, достигнуто большое смятение среди неприятельских войск, а следствием *такого неотступного натиска численно превосходящими силами на главном пункте* явилось бы крупное моральное поражение противника. После сражения у Женолы главной частью неприятельских сил являлись, безусловно, Виктор и Лемуан. Численность войск обоих не превышала, по всей вероятности, 12 000 чел. Представим себе, что они были бы атакованы 30 000 чел., отброшены в горы, обойдены со всех сторон и оттеснены к морю. В таком случае можно было бы отрезать их одновременно и от Генуи и от Вара и, таким образом, принудить к капитуляции. Но даже если бы не было достигнуто такой блистательной победы, французам пришлось бы отступать в большом беспорядке, неся большие потери, и этому отступлению сопутствовало бы значительное их разложение — безусловное последствие такого поражения. Очень сомнительно, успел ли бы Сен-Сир, находившийся у Боско, Ривальты и Акви, т. е. всего лишь на один переход ближе к Генуе, чем Лемуан и Виктор, стоявшие у Мондови, добраться при таких условиях до Генуи. Если бы Сен-Сир не пробрался в Геную, ему пришлось бы отступать к Вару обходными путями, пробиваясь сквозь неприятельские силы, или к выходам из Пьемонтских Альп. А тогда вряд ли можно было бы сомневаться в падении Генуи. Но даже если бы Сен-Сир еще во-время успел начать отступление и войти в Геную, то все еще было бы возможно, что победа австрийцев до такой степени усилит внутреннее брожение в Генуе, что одно это заставит генерала Сен-Сира или того, кто принял бы главное командование в Генуе, думать больше о свободном выходе из крепости, нежели об упорной обороне ее.

Если 6 месяцев спустя мы, наоборот, видим, как генерал Массена все же ведет такую упорную оборону и доводит при этом население Генуи до крайних испытаний голодом и лишениями, то мы не должны забывать, что общая обстановка тогда была совершенно иная, чем в момент сражения у Женолы.

В мае и июне 1800 г. Россия вышла из союза. Бонапарт, в качестве первого консула, стал во главе французского правительства. Формировалась резервная армия для освобождения Генуи от осады. Эрцгерцог Карл и Суворов больше не командовали армиями. Моро проник в самую глубь Швабии. Поэтому в такой обстановке Массена, запертый в Генуе, мог, даже и не предвидя катастрофы у Маренго, рассчитывать на полное изменение военного счастья в пользу французов и в Италии.

Непосредственно же после сражения у Женолы еще не было событий 18 брюмера (9 ноября), а отход Суворова с театра военных действий в Швабию, состоявшийся 3 октября, не мог еще стать известным, тем менее могли быть учтены все последствия этого отхода. Поэтому все представлялось для французов в очень сумрачном, а для данной кампании — в безнадежном виде.

Тот, кто не придает значения такому различию в обстановке, кто считает влияние общих и более отдаленных причин на действия лиц, занятых выполнением непосредственных заданий, чем-то случайным, тот явно не познал сути войны и тому мы безусловно не позволим судить о ходе развития сил, движущих войну. Итак, мы заявляем, что генерал Мелас мог и должен был усмотреть для себя богатое поле жатвы в той обстановке, в какую попали французы после сражения у Женолы, и после своей победы (но, конечно, только при условии решительных и умелых действий) он мог добиться блестящих успехов различными способами, исходя из целого ряда предпосылок. Большего же полководец на войне не может требовать от затлядывания в будущее. Если же открывающееся перед ним будущее недостаточно для того, чтобы увлечь его честолюбие, то такой полководец никогда не добьется ничего великого.

Но все эти преимущества его положения, эти возможности блестящих успехов исчезли, когда генерал Мелас, вместо того чтобы действовать сосредоточенными силами против длинной, тонкой линии французов, сам занял еще более растянутую линию, в свою очередь концентрически охватил их концентрическое расположение и, таким образом, нейтрализовал ошибки своего противника тем, что превзошел каждую отдельную его ошибку. При таких условиях Мелас утратил возможность совершения чего-либо великого, а по мере того как такая возможность отпадала, концентрическое расположение, занимаемое французами по отношению к Меласу, от Сузы до Нови, становилось для них даже выгодным и *создало им даже преимущество возможности эксцентрических отступлений*, что теоретики, по глупости [1], считали некоторое время даже *абсолютным* преимуществом.

В самом деле, мы видим, как после сражения при Женоле французы отходят своим левым флангом к подножию Альп, своим центром — к перевалу Коль ди Тенде, а своим правым флангом — к Нови. Австрийский

[1] Намек на писателя Бюлова и его теорию *всегда* действовать двумя армиями и отступать в эксцентрических направлениях.— *Ред.*

же главнокомандующий именно вследствие этого впадает в состояние какого-то бессилия. Если Мелас и не собирался преследовать отступавшего неприятеля одновременно по всем радиусам, что, безусловно, было бы для него наихудшим решением, если он хотел применить систему оттеснения своими главными силами по очереди сначала одного, затем другого фланга противника, на расстояние, необходимое для беспрепятственного обложения Кони, он все же не мог оставить совершенно без внимания другие пункты. Его главные силы были недостаточно велики для нанесения таких *решительных ударов*, которые безусловно возместили бы потери, возможные на других пунктах. Таким образом, его главные силы, и без того не превышавшие 30 000 чел., попрежнему вынуждены были бы действовать раздельно, и 15 000—20 000 чел. оказались бы самой крупной силой, которую он смог сосредоточить для наступательных действий.

И в самом деле, мы видим, как после сражения у Женолы Мелас сперва наступает по шоссе на Кони, затем поворачивает на Мондови и, наконец, снова наступает против французских сил, оставшихся позади Кони, чтобы добиться достаточного простора для осады этой крепости. Но поскольку эти события наступили на несколько дней позже, чем совпавшее по времени со сражением у Женолы наступление генерала Края на Сен-Сира, мы должны сперва упомянуть об этом сражении.

Сражение у Нови 6 ноября. После поражения, понесенного 24 октября Карачаем, о котором мы уже рассказывали, Мелас отдал Гаддику приказ спешно выступать в район Алессандрии с 6 батальонами и 2 эскадронами, ставшими излишними для действий в Альпах в это позднее время года. Одновременно он направил к Карачаю еще и другие подкрепления под командованием Края[1] и передал последнему главное командование над всеми этими силами.

Австрийские данные не указывают, насколько этим усилился корпус Края. Если мы предположим, что Карачай после своего поражения все еще сохранил численность в 3 000 чел., Гаддик привел с собой 3 500 чел., а Край — от 5 000 до 6 000 чел., то силы этого последнего должны были бы достигнуть 12 000 чел., т. е. примерно такого количества, какое можно предположить и у его противника.

Сен-Сир продвинулся до Ривальты и Боско, обложил Серавале и только что собирался приступить к осаде, как был атакован Краем. Этот

[1] Австрийское изложение об этом не упоминает. Судя по нему, получается, будто генерал Край направился туда по собственной инициативе. Однако, поскольку в сражении у Женолы австрийские главные силы недосчитывали 11 батальонов и 8 эскадронов, использование которых не приводится, а Край, подкрепленный одними только 5 батальонами и 2 эскадронами, приведенными Гаддиком, вряд ли решился бы атаковать Сен-Сира, то предположение, что он увел с собой часть упомянутых 10 батальонов и 8 эскадронов, приобретает большую вероятность. Непонятна неряшливость военных историков, дающих самые точные списочные составы сил сражающихся армий, но точно не указывающих их использование в момент основных, решающих действий.

австрийский генерал, который сосредоточил все свои войска, повидимому, лишь в последних числах октября, сначала не мог переправиться через Бормиду, так как половодье принудило развести мост. Поэтому 3 ноября он занялся вытеснением французов из Акви и захватом этого селения.

4-го Краю удалось восстановить мост через Бормиду у Алессандрии. В тот же день он переправился со своими главными силами через эту реку и направился на Боско и Ривальту. Сен-Сир не стал дожидаться серьезного боя и отступил к Нови. Так как Край еще поджидал прибытия некоторых откомандированных им войск, он не стал продолжать в этот день свое наступление, а остановился на ночь близ Страда Левата. 5 ноября ему опять помешали очень сильный дождь и густой туман. Он остановился в районе Поццоло Формигаро.

6 ноября Край приступил к атаке, причем сперва его атака, казалось, была направлена только на селение Нови и носила авангардный характер. Однако, овладев Нови без больших затруднений, Край счел момент благоприятным для нанесения общего удара. Сен-Сир же, повидимому, основывал свое сопротивление главным образом на обороне высот и нападении на неприятельские колонны позади Нови и выполнил это с несомненным успехом. Повидимому, австрийцы, по своему обыкновению, снова чрезмерно растянули свои линии, поскольку их левый фланг направился на Серавале, для того чтобы снять осаду с этого селения, а правый пошел на Пастурану и реку Лемму. Таким образом, вся совокупность сил Края оказалась разбросанной на пространстве в 2 мили. При такой обстановке Сен-Сиру было нетрудно порвать центр, что он и сделал, после того как австрийцы, атаковав Нови, уже целиком рассыпались в стрелковые цепи. В результате флангам австрийцев тоже пришлось отступить, Край проиграл сражение и потерял 5 пушек.

Таким образом, за удовольствие снять на мгновение осаду с Серавале и узнать от коменданта крепости, что самочувствие его вполне удовлетворительно, было уплачено проигранным сражением. Сперва Край остановился у Поццоло Формигаро, но когда 10 ноября дивизия Лабуасьера переправилась через Орбу, а 11-го снова захватила Акви, Край отступил в район Алессандрии и выставил против Сен-Сира, оставшегося на своей позиции у Нови, только сторожевое охранение.

Нам представляется, что эта победа Сен-Сира была нейтрализована известием о сражении у Женолы, но даже если бы этого и не было, мы не могли бы ожидать многого от этой победы, так как наличие Алессандрии и Тортоны в нескольких милях от Нови сыграло бы задерживающую роль. Победа же Края вряд ли привела бы, в результате, к изгнанию Сен-Сира с гребня Апеннин.

На участке главной армии, как мы уже рассказывали, Виктор 6 ноября повернул на Мондови, а Гренье в тот же день покинул лагерь Мадонна дель Ольмо и занял лагерь у Борго Сан Дальмацо. Непрерывный дождь и, повидимому, слишком сильное переутомление войск заставили

Меласа не предпринимать ничего достойного внимания целые 3 дня, т. е. 7, 8 и 9 ноября. Между тем поступило сообщение, что на реке Пезио, в районе Мондови, противник снова очень усилился, очевидно, в результате появления в этом районе дивизии Виктора. Такое сообщение заставило генерала Меласа, для поддержки генерала Готесгейма, переправить обратно через Стуру дивизию Митровского.

Далее, получив сообщение о бое при Нови, Мелас распорядился направить генерала Латермана, стоявшего в долине Майры с его 6 гренадерскими батальонами и 4 эскадронами, через Альбу в Ниццу (селение), для того чтобы, на всякий случай, предотвратить последствия победы Сен-Сира.

Сражение у Борго Сан Дальмацо 10 ноября

Приняв эти меры на своем левом фланге, Мелас приказал силам Отта и Эльсница 10 ноября атаковать французов в их лагере у Борго Сан Дальмацо, где находились главные силы дивизии Грение, под командой генерала Ришпанса. Сопротивление было довольно упорным, но так как численность обеих этих австрийских дивизий равнялась примерно 15 000 чел., войска же Ришпанса, вероятно, не превышали и одной трети этого числа, то последним пришлось очистить позицию и отступить по дороге на Вернанте, ведущей к перевалу Коль ди Тенде (Тенде).

В то же время Соммарива с 2 000 чел. вторгся в долину Врайты и Майры и заставил французов совершенно очистить эти долины, отступить через Мон Визо в долину Дюранс, где они расположились на зимние квартиры.

После этого Мелас решил увести из долины Врайты войска Латермана.

Сражение у Мондови 13 ноября

Немедленно после сражения у Борго Сан Дальмацо Мелас направился с дивизией Лихтенштейна к реке Пезио, чтобы совместно с Митровским и Готесгеймом прогнать дивизии Виктора и Лемуана из района Мондови. По списочному составу войск во время сражения у Женолы, приведенному австрийцами, Лихтенштейн командовал только резервной кавалерией в количестве 24 эскадронов. Однако на реке Пезио под его командой оказывается и Бельгард с 6 батальонами из дивизии Эльсница; вероятно, этот генерал был придан Лихтенштейну специально для данной операции. Таким образом, силы, собранные Меласом на Пезио, состояли, повидимому, из 5 батальонов и 6 эскадронов Готесгейма, 7 батальонов Митровского, 6 батальонов и 24 эскадронов Лихтенштейна, а всего из 18 батальонов и 30 эскадронов, т. е. имели численность около 14 000 чел. Численность обеих французских дивизий, из которых дивизия Виктора расположилась у Монастеро, а Лемуана — у Мондови, оценивалась вместе не свыше 9 000 чел.

13 ноября австрийцы двинулись в атаку двумя колоннами из Бейнете и Маньяно-Сопра. Лихтенштейн, к которому присоединился и Го-

тесгейм, вел первую колонну и атаковал Виктора, Митровский с другой колонной атаковал Лемуана. Сопротивление французов длилось довольно долго и на правом фланге у Лемуана было вполне удачно для них. Наоборот, Виктор оказался вынужден отступить, скорее в результате обхода своего левого фланга, чем лобовой атаки, и отошел на Вико, т. е. по направлению к реке Танаро, мимо Мондови. Теперь уже не мог удержать свои позиции и Лемуан, и Шампионе решил отступить. Мондови было очищено, Лемуан отступил по долине Бормиды к Калисано, у подножия Бернардо, а дивизия Виктора — по долине Танаро к Гаресио.

Австрийцы захватили в Мондови 5 орудий, повидимому, не входивших в состав полевой артиллерии, о других же трофеях не упоминается. Австрийские потери равнялись приблизительно 500 чел., французские было, вероятно, не больше.

Мелас поручил преследовать французов в долине Танаро лишь Бельграду со своей бригадой, занявшему позицию у Баньяско. С остальными силами Мелас повернул на Кони. Для того чтобы еще больше обеспечить обложение со всех сторон этой крепости, он приказал Отту отогнать отряд французов, стоявший еще у Вернанте, до самого перевала Коль ди Тенде, что тот и сделал к 15 ноября при помощи отряда Ауершперга, силой от 3 000 до 4 000 чел. Французы позднее сами очистили перевал Коль ди Тенде из-за наступившего негостеприимного времени года.

Мелас осаждает и захватывает Кони

Наконец, Мелас получил возможность обложить и осадить Кони. Эта крепость хотя и была окружена почти со всех сторон реками Стурой и Гессо и была доступна лишь на узком, сильно укрепленном участке фронта, все же не была лишена слабых мест, присущих специально ей, и вряд ли следовало ожидать сопротивления длительностью свыше 4 недель. Поэтому можно было надеяться закончить осаду еще до наступления сильных холодов. Тем не менее в австрийской главной квартире царили, повидимому, большие сомнения — ограничиться ли простой блокадой или же приступить к осаде.

Хотя французы почти повсеместно очистили северные и восточные выходы из горных проходов, исключая район Нови, и отошли за высокий хребет, все же австрийцам во всех долинах Альп и Апеннин мерещились приготовления французов для освобождения крепости Кони. По их сведениям, среди прочих попыток через один только Мон-Сенис должна была наступать колонна силой в 10 000 чел. При таких условиях осада казалась им делом рискованным, потому что при этом оставалось бы меньше свободных войск, чем при простом обложении. Кроме того, снятие обложения не причинило бы особенных потерь, подобных тем, которые могут возникнуть при снятии осады, когда большой опасности подвергается осадный парк.

С другой стороны, австрийцы получали сведения о том, в каком состоянии от больших лишений, падения духа и роста дезертирства находилась французская армия. Эти сведения делали очень мало вероятной попытку французского полководца в столь позднее время года, когда в высоких горах каждая операция сопряжена с удвоенными трудностями, предпринять что-нибудь энергичное и действительное для освобождения Кони. Между тем завоевание этой крепости имело некоторое значение для открытия военных действий в следующую кампанию, а кроме того, Мелас чувствовал, что если ему не удастся на самом деле сорвать единственный плод своей победы, то, несмотря на все превосходство сил, весь его трехмесячный поход окажется безуспешным и тщетным. Эти соображения вскоре одержали верх над опасениями, и были начаты спешные приготовления к осаде, осадную артиллерию для которой можно было, вероятно, позаимствовать из Турина, т. е. совсем поблизости.

18 ноября Лихтенштейн, которому была поручена осада с 11 батальонами и 4 эскадронами, продвинулся между реками Гессо и Стурой к Кони, в то время как 6 эскадронов кавалерии установили наблюдение за крепостью вдоль правого берега Гессо и столько же эскадронов кавалерии — вдоль левого берега Стуры. Эти силы достигали, таким образом, максимум 8 000 чел. Остальные свои войска Мелас поделил на 3 отряда и занял с ними позицию к югу от Борго. Эльсниц с 10 батальонами стоял на левом берегу Стуры, Митровский с 9 батальонами и 6 эскадронами — между Гессо и Стурой, Отт с 11 батальонами и 6 эскадронами — между Гессо и Верманьяной. У Борго Сан Дальмацо была создана центральная укрепленная позиция, на которую Мелас собирался отойти, если будет атакован.

Хотя в долине Танаро французы дали прогнать себя 17 ноября Бельгардом из Гаресио и теперь стояли на Ривьере, они все же во время осады делали вид, будто собираются итти на выручку этой крепости со стороны Генуи.

Об этом намерении мы не знаем больше ничего, и лишь по австрийским сведениям, французы 24 ноября снова продвинулись в Апеннинах, до Каиро в долине Бормиды, до Понцоне в долине Эрро и до Овадо в долине Орба, а дивизия Виктора сосредоточивалась у Онелья, на Восточной Ривьере. Генерал Жомини совсем не упоминает о каком-либо действительном движении французов в этом направлении, а говорит лишь о намерении Шампионе выручить Кони, чему, однако, был положен конец неожиданно быстрым падением этой крепости. Незначительное выдвижение французами своих сторожевых постов 24 ноября ни в коем случае нельзя считать уже началом этого наступления.

Французы снова продвинулись вперед и в долине Танаро, принудив Бельгарда отойти до позиции Деле-Торете. Эти передвижения имели последствием изменение в расположении австрийцев. Не только отряд Ла-

термана был переброшен из Ниццы к Чева, для того чтобы принять на себя отступающего Бельгарда, но также и Край переместился с частью своего корпуса вправо, через Асти к Кераско, куда он прибыл 1 декабря и откуда он через несколько дней направился в район Мондови. У Алессандрии остались 9 батальонов и 12 эскадронов под командой князя Гогенцоллерна, вызванного из Средней Италии на место Карачая. Этот последний должен был беспрестанно тревожить французский правый фланг, поддерживать связь с Кленау, а в случае, если будет атакован, отступить в укрепленный лагерь Алессандрии.

Под Кони рытье траншей было начато 26 ноября, т. е. через 8 дней после обложения. Гарнизон состоял из 3 000 чел. под командой генерала Клемана. Большой упадок духа, охвативший гарнизон, недовольство населения и слабость коменданта привели к тому, что крепость сдалась уже 3 декабря, т. е. через 8 дней после начала рытья траншей. Гарнизон сдался в плен. Австрийцы нашли в Кони 187 орудий и 14 000 центнеров пороха. Они заплатили за обладание этой крепостью незначительным уроном в 130 чел.

После потери Кони французы не имели больше никаких положительных целей для развития своей деятельности в эту кампанию, и им оставалось лишь спокойно стоять на месте, тем более что к ним подходили подкрепления из Швейцарии. Кроме того, состояние духа французской армии настолько упало после 9 месяцев беспрестанных поражений, что без возрождения этого духа она не могла рассчитывать на удачное использование своего оружия. Наоборот, скорее мог возникнуть вопрос, не должен ли генерал Мелас продолжать свое наступление, совершенно прогнать французов с Ривьеры и приступить хотя бы к обложению Генуи. Казалось, такая цель могла быть достигнута без особых усилий и каких-либо дальнейших кризисов.

Причины, выдвинутые против остановки этой кампании, излагаются австрийцами следующим образом: «Но против этого выставлялась необходимость предоставить императорской армии отдых, увеличить ее численность и привести ее в порядок. Операция на Ривьере в это суровое время года должна была бы производиться непрерывно в Апеннинах, от Генуи до Ниццы, и пришлось бы осадить Савону и Финале. Вследствие такой зимней кампании австрийская армия значительно ослабела бы и численно, и в смысле энергии своих войск, и тогда, будущей весной, она, вероятно, уже не годилась бы для продолжения крупных операций».

Эти причины настолько обыденного характера, что лишь подчеркивают то, что и сам генерал Мелас был очень обыкновенным человеком, считавшим, что в этом году сделано совершенно достаточно и, значит, пора отдохнуть. Мы еще вернемся к вопросу о продолжении кампании, поскольку он имеет более глубокое значение, в наших заключительных выводах.

Мелас делает неудачную попытку захватить Геную

Хотя австрийцы уже не собирались совершить что-нибудь великое, но все же *попытка* нападения на Геную была в полном разгаре. Эта попытка была, собственно говоря, рассчитана на одновременный эффект с осадой Кони, для того чтобы оказать этому содействие в качестве контрмеры на тот случай, если неприятель начнет приготовления к снятию осады Кони. Однако крепость Кони пала столь быстро, что план наступления на Геную выполнить так и не удалось и операция эта стала вообще ненужной. Однако мысль, будто генуэзцы совершенно недовольны положением вещей, преувеличенные представления у австрийцев об их готовности сбросить с себя иго французов, как только под их стенами появится значительный отряд австрийцев, очень естественно побуждала австрийских генералов не оставлять этой попытки. Среди австрийских генералов Кленау был, вероятно, наиболее заинтересован в этом, потому что находился ближе всех к Генуе и, получив некоторое подкрепление, легко мог подойти к самым стенам этого города. Разумеется, содействие австрийского отряда на реке Скривии тоже было обязательным условием такого плана, ибо, если серьезно не сдерживать французов на этом пункте, они всегда могли бы, владея высоким хребтом, с большой легкостью ударить в тыл и в правый фланг генерала Кленау, притом с большим перевесом сил. Наглядным примером этому послужили события середины октября. Однако, несмотря на этот наглядный урок, австрийцы на этот раз проявили еще меньшую предусмотрительность, так что на этот раз Кленау отделался еще хуже.

Мы оставили генерала Сен-Сира 6 ноября победителем у Нови. Ни один историк не говорит нам, сколько времени он пробыл на этой позиции. Мы находим лишь, что 6 ноября Гогенцоллерн наступал на Нови и Гави, прогнал французское сторожевое охранение из первого селения и обложил последнее. Это заставляет уже заключить, что главные силы Сен-Сира уже не находились больше в Нови; вероятно, Сен-Сир отошел обратно к Бокете.

С тех пор как Кленау был отброшен, в середине октября, за реку Магру, мы в течение целых 2 месяцев не слышим о нем ни слова. Вероятно, Миолис вновь отошел за реку Стурту, ибо при выдвинутой дальше позиции ему было бы трудно поддерживать связь с Сен-Сиром; поэтому-то и Кленау, с своей стороны, смог вскоре продвинуться вперед до реки Стурты. По крайней мере, мы застаем его там в середине декабря, в тот момент, когда должна была осуществиться попытка нападения на Геную.

Когда, благодаря падению Анконы, которое состоялось в середине ноября и о котором мы упомянем ниже, высвободилась часть войск Фрелиха, Мелас приказал этому генералу отрядить 5 батальонов из своих войск к Кленау. Далее, в связи с предполагаемой попыткой атаки на Геную, он приказал Гогенцоллерну подкрепить в декабре Кленау еще

6 батальонами, под командой генерала Эдера. Эти 6 батальонов он хотел возместить Гогенцоллерну другими из своей армии. Далее, Мелас послал кавалерийскую бригаду Нобиле, в составе 12 эскадронов, в Реджио для подкрепления Кленау. Собрал ли этот генерал все эти войска, когда 12 декабря он приступил к своему походу на Геную,— к сожалению, в австрийском изложении опять-таки не говорится. В таком случае он должен был бы иметь от 10 000 до 12 000 чел. Неуспех его предприятия, однако, заставляет нас почти подозревать, что он так и не достиг этой численности. Во всяком случае, этой операции нехватало самого главного: *согласованности в действиях всех частей.*

Кленау, неизвестно по каким соображениям и по какому праву, предположил, будто Гогенцоллерн начнет 15-го наступление на Бокету и вышлет отряд через Скривию. Исходя из этого предположения, Кленау приступил 13 декабря к своему движению. 14-го он атаковал Миолиса у Сори, Монте-Кормеа и Торилья. Кленау без особого труда отогнал Миолиса и преследовал его 15-го до самых стен Генуи, выдвинув свой правый фланг почти до самых истоков Требии. Однако князь Гогенцоллерн не смог в тот же день атаковать Бокету и занять стоявшие там неприятельские силы, как говорят, только потому, что те 6 батальонов подкреплений, которые он ожидал от главной армии, еще не прибыли, а без них он чувствовал себя слишком слабым. Гогенцоллерн послал к генералу Кленау одного офицера, чтобы передать последнему, что он, Гогенцоллерн, *после отхода 6 батальонов не в состоянии предпринять что-либо против Бокеты, пока не получит замены этих 6 батальонов.* Этот офицер случайно задержался в пути и прибыл к Кленау тогда, когда этот генерал уже ввязался в бой. Это объяснение бросает сомнительный свет на всю операцию. Судя по этому случаю, 6 батальонов под командой Эдера только что отошли от Гогенцоллерна, а так как они должны были следовать через Реджио и там соединиться с бригадой Нобиле, они безусловно не могли прибыть еще к Кленау. Таким образом, это распоряжение было очень туманное. Во всяком случае ясно, что 6 батальонов, о которых говорил Гогенцоллерн, прибыли к нему слишком поздно. Наконец, случайное опоздание командированного офицера не могло превышать нескольких часов; между тем при операции Кленау речь шла не о нескольких часах, так как она длилась 3 дня. Очевидно, в этом деле что-то прикрашено.

Генуэзцы, на которых так положился Кленау, не сочли обстановку подходящей для восстания, поскольку в стенах города и вокруг него стоял Сен-Сир с значительным корпусом. Этот генерал выслал 15-го генерала Ватрена против правого фланга Кленау, в направлении на Торилья, примерно таким же образом, как он это проделал 2 месяца тому назад. Еще до зари 16-го Кленау узнал о том, что его правый фланг разбит в горах и его тыл опять под угрозой. Кленау немедленно выступил, как указывают, для того чтобы самому ударить в тыл неприятелю, через Валь Безаньо. Он имел при этом две ожесточенные

стычки: одну у Скаферы, близ истоков Требии, а другую у Торильи. Обе они, повидимому, были *операциями прорыва* и имели тот успех, что Кленау все-таки удачно достиг своими главными силами реки Стуры, потеряв, однако, не менее 1 795 чел. пленными. После этого он отошел к Сарцане за рекой Магрой.

Тем временем Гогенцоллерн (значит, повидимому, 16-го) продвинулся с частью своего отряда от Скривии почти до Борго ди Форнари, а с другой частью своего отряда усердно обстреливал Гави. Узнав, что Кленау разбит, он снял осаду с Гави и покинул горы.

Попытку наступления на Геную, безусловно, следует одобрить, если исходить из ее целей. Но самые распоряжения для этого оказались, повидимому, слишком недальновидными и, кроме того, полностью относятся к области путаницы и недоразумений.

Фрелих захватывает Анкону. Окончание кампании

Прежде чем сопровождать армию генерала Меласа на зимние квартиры, упомянем еще несколькими словами о взятии Анконы. Как мы уже рассказывали, после завоевания Мантуи, т. е. в конце июля, генерал Фрелих перешел с отрядом в 7 000—8 000 чел. через Апеннины, для того чтобы занять Тосканскую область. Сделав это главной целью своей миссии и тем самым значительно раздробив свой отряд, Фрелих отослал по домам восставших местных жителей и в сентябре дошел до Тибра, а 20-го сентября примерно с 3 000 чел. появился под Римом, где вызвал на бой генерала Гарнье. Однако этот последний уже несколько дней вел переговоры с сицилианцами и англичанами, которые привели 26 сентября к соглашению, по которому Гарнье со своими 4 000 чел. очистил Церковную область и морем отплыл во Францию.

Это соглашение, однако, не распространилось на Анкону, где засел генерал Монье с 2 800 чел., осажденную с суши 3 000—4 000 инсургентов, под командованием Лаоза, а с моря — русскими и турками. Однако жители Анконы дружно поддерживали ее оборону французами. После падения Рима Фрелих направился в Анкону. Поскольку он чувствовал себя все же слишком слабым для серьезной осады, он поручил ее, пока что, инсургентам, а сам стал дожидаться подкреплений, направленных к нему из Далмации. После того как Фрелих довел с их помощью свою численность до 8 000—9 000 чел., он подошел 14 октября к крепости, которая теперь была обложена австрийцами, инсургентами и русскими в количестве от 1 200 до 1 500 чел., выделенных для сухопутной службы с экипажей кораблей.

Генерал Лаоз незадолго до этого пал в одном из боев, после чего инсургенты тоже поступили под австрийское командование. Фрелих, которому совсем не хотелось делить честь этого завоевания с русскими и турками, решил вести основную осаду только австрийскими войсками и даже отклонил предложенное ему подкрепление из 2 000 турок. 17 октября Фрелих приступил к рытью траншей.

Хотя, судя по величине крепости, она требовала гарнизона самое меньшее в 6 000 чел., а наличный гарнизон был слишком мал, несмотря на то, что крепостные укрепления были в очень запущенном состоянии, тем не менее, благодаря энергии и мужеству генерала Монье, ему не только удалось восполнить недостаток всех нужных предметов чрезвычайными мерами и очень умелыми действиями, но он сумел также, путем многочисленных и очень энергичных вылазок, настолько задержать успехи осаждавших, что смог продержаться до 13 октября, т. е. примерно в течение 4 недель после начала рытья траншей. После этого даже добился от Фрелиха, правда, не свободного выхода своего гарнизона, но все же возвращения во Францию, при условии дать обещание не служить до взаимного обмена военнопленными.

В руки австрийцев попали 585 орудий и 10 военных судов, в том числе 3 линейных корабля.

Русские и турки хотели завладеть морскими запасами, поскольку они блокировали крепость с моря, однако Фрелих не согласился на это, утверждая, что эта блокада была настолько слаба и нерегулярна, что не оказала никакого влияния на падение крепости; поэтому-то он отказал им в получении доли добычи.

Такая жадность, а также единоличные переговоры с комендантом крепости произвели на русских очень плохое впечатление и нанесли последний удар союзу. Австрийцы пытались оправдать свою жадность тем, что будто бы Монье согласился вести переговоры только с ними одними, потому что русские и турки, якобы, раньше не сдержали слова при капитуляции гарнизона Фано. Очевидно, Фрелих имел инструкции свыше. Значит, мы и здесь снова видим, что австрийцами руководила мелочная политика, вследствие которой они сами себя били по лицу.

После захвата Кони австрийская армия перешла на зимние квартиры, а после неудачных попыток захвата Генуи на такие же зимние квартиры были отведены и дивизии Гогенцоллерна и Кленау. Немедленно после занятия Анконы Фрелих отправил 5 батальонов к Кленау, а с остальными войсками занял зимние квартиры в Тоскане и в «Марках». Австрийская главная армия расположилась на зимних квартирах непосредственно позади той линии, которую она заняла во время последнего периода кампании, т. е. от долины Аосты по склону Альп до Тортоны. Кленау остался позади реки Магры.

Французы повсюду сохранили за собой обладание вершинами хребтов, а в Апеннинах продвинули свои аванпосты даже на несколько часов пути по северную сторону от гребня. Главные же их массы стояли по ту сторону Альп и Апеннин, на Ривьере и на реке Дюрансе. Дивизии Дюрема и Гренье попрежнему образовали за Альпами левый фланг. Виктор и Лемуан — центр на Ривьере до Савоны, а дивизия Ватрена и Лабуасьера — правый фланг под Генуей. Миолис стоял за рекой Лаваньей на Восточной Ривьере.

Состояние французской армии было таким, какое можно было ожидать после неудачного исхода напряженной кампании, а также в результате деятельности насквозь развращенной, безалаберной и тупой администрации, т. е. было еще значительно хуже, чем то состояние, в котором застал ее Бонапарт в начале кампании 1796 г. Жалованье солдатам не выплачивалось в течение 5 месяцев, одежда у многих пришла в совершенную негодность, недостаток жизнеприпасов доходил почти до голода. Напряженная служба на огромной линии сторожевого охранения, в горах, которую еще больше затруднял недостаток дров, переполненные и плохо снабжаемые госпитали,— всего этого было более чем достаточно для роста недовольства до такой степени, что после того как в январе сам Шампионе пал жертвой тифа, стали разлагаться целые воинские части; одни из них оставили свои посты и возвратились в Геную, другие же совершенно разложились и, стремясь вернуться во Францию, разбрелись; некоторые пытались проделать то же, но сомкнутым строем — «с развевающимися знаменами».

Как раз в момент этого крайнего кризиса духа ощутились первые благотворные результаты 18 брюмера (9 ноября). Массена, назначенный Бонапартом главнокомандующим Итальянской армии, прибыл в армию. Его авторитету и энергии удалось унять разложение и мятеж.

Мы не можем удержаться при этом от двух замечаний. Первое: какова же была степень мужества и стойкости французских дивизионных генералов, в особенности генерала Сен-Сира, принявшего после смерти Шампионе главное командование, чтобы при наличии такого состояния все же оставаться на своих столь угрожаемых позициях; второе — чего только не мог бы достигнуть австрийский главнокомандующий, если бы он нанес хотя бы малейший удар такой разлагавшейся массе, если бы только у него слишком рано не иссякла последняя искра энергии!

Выводы

После ухода Суворова Мелас, как мы уже сказали, располагал 68 000 чел. против 50 000 с лишним французов. Это было умеренным численным превосходством, но к этому можно было еще добавить и некоторое моральное превосходство. Если австрийский генерал не хотел или не мог энергично продолжать наступательные действия, то приходится вести подсчет несколько иначе; в таком случае нужно присчитать к неприятельским силам, по отношению к которым Мелас должен был сохранить равновесие, почти всю дивизию Тюрро в Валлисе. Тогда у французов было бы свыше 60 000 чел., и значит, превосходство австрийцев оказалось бы совсем незначительным.

Что касается расстановки сил, то линия австрийцев проходила от Белинцоны через Аосту, Риволи, Пиньероло, Савильяно, Мондови, Акви, Алессандрию, Тортону, вплоть до Киавари на Восточной Ривьере. Эта линия образует, если исключить корпус генерала Кленау, т. е. от Белин-

ционы до Тортоны, полуэллиптическую линию с изгибом наружу, — другими словами, неприятель занимал по отношению к австрийцам сильно охватывающее положение. Если форма расположения значительно отклоняется от прямой линии, она всегда приобретает некоторые своеобразные преимущества или неудобства, в результате которых боевые силы можно считать усилившимися или ослабленными, и нельзя судить о действительном соотношении боевых сил, не приняв во внимание форму расположения; наоборот, о достоинствах этой последней можно судить лишь тогда, когда уже знаешь первоначальное соотношение численности боевых сил.

Мы не можем пускаться здесь в подробное теоретическое обсуждение концентрических расположений сил как охватывающего, так и охватываемого, ибо это завело бы нас слишком далеко. Мы тут приведем лишь основной закон этих расположений, правильность которого очевидна большинству наших читателей даже и без доказательств, а именно: *охватывающая форма является более слабой, но именно ей свойственно достижение наибольших успехов, охватываемая форма расположения более сильна, однако имеет меньшие шансы на успех.* Таким образом, первая увеличивает размер победы, а вторая — вероятность последней. В результате: охватывающая форма подобает только тому, кто располагает значительным численным превосходством, а охватываемая форма — только более слабому. Поскольку же французы в данном случае отнюдь не обладали превосходством сил, то из этого как будто следует, что если бы они хотели добиться крупного и решающего успеха, им надлежало бы покинуть свое охватывающее расположение.

Однако этот закон формулирует воздействие охватывающей формы расположения только лишь на случай крупного решения. В случае же, когда ни одна из сторон не ищет решения, когда обе сохраняют состояние равновесия, то возникает подлинная «обсервационная война» или же такая, в которой одна из сторон хотя и стремится быть атакующей и наступающей, однако без особого риска для себя. В таком случае возникает, как совершенно простой вывод из вышеупомянутого закона, нечто совершенно иное, что на первый взгляд может поражать, а именно: *в таком случае концентрическое расположение обеих сторон влияет главным образом на то, чтобы задержать дальнейшее развитие войны,* — другими словами, благоприятствует обороняющемуся, так как этому последнему важно главным образом сохранить существующее положение вещей. Если же это достигается, то безразлично, *будет ли обороняющийся занимать охватывающую или охватываемую форму расположения.* Доказать это чрезвычайно просто: действующий по внутренним операционным линиям одерживает беспрестанные победы в постоянно возникающих отдельных небольших столкновениях, но не может развить свои победы. Противник, занимающий охватывающую позицию, мог бы использовать победу, но не в состоянии этого добиться. Никто не может отрицать, что тенденции этого общего закона могут быть преодолены

индивидуальными привходящими обстоятельствами; однако самый поверхностный взгляд на военную историю показывает, насколько, в общем, правилен этот закон. Потому-то и видишь, как полководец, действующий по внутренним операционным линиям, доводит себя победами до гибели, не имея возможности добиться чего-нибудь; это всегда приписывается стратегическим невыгодам его позиции, вместо того чтобы сказать себе, что именно эта-то позиция и позволяла ему одерживать подобные победы. Опять-таки из такого же одностороннего подхода к вопросу возникает и обратное преувеличенное восхваление внутренних операционных линий.

Изложение данной главы дает в общем и целом достаточно веское подтверждение этому закону. Мелас, находясь в охваченном положении, одерживает целый ряд мелких побед, не достигая при этом никаких результатов. Если бы Кони не находилось некоторым образом под самым его носом, т. е., собственно говоря, *впереди линии французского расположения*, он вряд ли добился бы даже возможности осаждать эту крепость. Точно так же и в отношении левого фланга австрийцев, где охватывающее положение занимают австрийцы, Сен-Сир все время одерживает победы, но в результате ничего не может добиться.

Перейдем теперь к подробному анализу этого обстоятельства.

Для крупной решающей операции французы никоим образом не были снаряжены, и ни Шампионе, ни Моро, в сущности, не предусматривали такой операции в своих наступательных планах. Если бы они и в самом деле придерживались только стратегической обороны, т. е. если бы они допустили, чтобы австрийский главнокомандующий обложил и осадил Кони, то нет никакого сомнения, что их сильно охватывающее расположение предоставило бы им большие преимущества, несмотря даже на то, что Кони находилось так близко.

Мелас, пригвожденный, тем самым, со значительной частью своих войск к Кони, не был бы в состоянии появляться с превосходными силами на каждом из угрожаемых пунктов своих внутренних операционных линий, которым французы могли теперь угрожать: со стороны Новы — Алессандрии и Тортоне, со стороны Сузы — Турину, со стороны Аосты — Милану, в зависимости от того, откуда они наступали крупными силами. Все эти города, между тем, были сильны только своими цитаделями и отнюдь не были безразличны австрийцам. Мелас никогда не рискнул бы допустить, чтобы какой-либо из этих пунктов подвергался крайней опасности. И конечно, не может быть и речи, что его положение стало бы чрезвычайно тяжелым, а значит, французам было бы очень легко освободить Кони от осады именно благодаря их сильно охватывающему расположению.

Однако французы, хотя они не были снаряжены для большого решения, все же стремились быть все время наступающей стороной. Они обольщали себя при этом надеждой, что прогонят тем самым австрийцев хотя бы через По и Тичино. Для этого же, однако, их охватывающее

положение им не благоприятствовало, и прямолинейное было бы гораздо предпочтительнее.

Однако, для того чтобы не заниматься химерами, мы должны сказать, что тут, как и в большинстве случаев, охватывающее расположение французов возникло не по их собственному выбору, не из пристрастия к этому принципу, а благодаря стечению обстоятельств, причем ни один из обоих французских главнокомандующих, ни Шампионе, ни Моро, которые, как мы видели, выступали с противоположными планами, не мог и не хотел совершенно отказаться от этого расположения.

Моро совсем не собирался этого делать, а только намеревался сосредоточить свои главные силы в Апеннинах для наступательного удара. Шампионе, правда, намеревался, насколько возможно, покинуть охватывающее положение, в особенности в отношении своего правого фланга, и отвести этот последний за реку Ройю. Однако линия от Вентимильи (устья Ройи) до Белинцоны все еще носит ярко выраженный охватывающий характер, и Шампионе при всем своем желании не смог бы это устранить. В то же время правый фланг его сохранял бы в некоторой степени охватывающее положение благодаря гарнизонам в Конн и Генуе.

Поэтому мы можем говорить только о мере, предусматривавшей оставление Апеннин и занятие расположения за рекой Ройей. Если бы французы имели исключительное намерение действовать наступательно, это было бы бесспорно предпочтительнее. Ведь они содержали в горах, под командой Сен-Сира, 18 000 чел., которые не смогли бы принять участие в наступательном ударе в центре. Если же эти войска оставались по соседству с главными силами, то из их числа потребовалось бы всего 8 000 чел. для гарнизона Генуи; таким образом, центр усилился на 10 000 чел. в то время, когда австрийцы, безусловно, не смогли бы держать под Генуей меньше сил, чем то количество, которое они выставили против Сен-Сира. Мы убеждены, что в этом отношении Шампионе был прав.

Однако мы этим не хотим сказать, что план Шампионе был именно тот самый, который лег в основу знаменитого похода следующего, 1800 года, хотя он как будто и имеет с ним некоторые точки соприкосновения. Об операции такого великого, смелого и решающего характера не могло быть и речи при данном соотношении сил и многих других ограничивающих условиях. Кроме того, в этом плане в числе пунктов перехода через горы, от которых могло бы вестись наступление, определенно пропущен Сен Бернар. Это служит признаком того, что самая оригинальная часть плана Бонапарта, а именно идея перехода многочисленным корпусом всех родов оружия через этот перевал, тогда еще не была найдена или придумана[1]. Поэтому было бы бесполезно углуб-

[1] Мы ведь не можем утверждать, что пропуск Сен Бернара является будто бы делом Жомини, с той целью, чтобы сохранить всю свежесть замысла знаменитой кампании 1800 г.

ляться в комбинации, излагающие события последующего года, и достаточно лишь сказать, что Шампионе с теми 20 000 с лишним человек, которых он мог бы собрать в Альпах, никогда бы не мог рассчитывать на то, чтобы отрезать генералу Меласу пути отступления.

Речь идет, значит, не только о том, что было бы лучше — наступать с сосредоточенной главной армией от Мон-Сениса или от перевала Коль ди Тенде, поскольку находящиеся между ними альпийские проходы в расчет приняты быть не могут, так как они проходимы не для всех родов оружия и потому не могут быть избраны в качестве главных путей отступления, исключая крайней необходимости.

В пользу Мон-Сениса можно было бы сказать, что в таком случае действительно можно было бы оттянуть свой правый фланг до самой долины Ройи, т. е. за самый главный Альпийский хребет, упирающийся в море у Сен Ремо. Этого бы не могло, однако, случиться, если бы наступление велось от перевала Коль ди Тенде. Поскольку же Альпийский хребет тянется вдоль шоссе, ведущего через перевал Коль ди Тенде в Ниццу, на расстоянии от 1 до 2 миль от этого шоссе, и таким образом, недостаточно прикрывает его, наступление по шоссе через перевал Коль ди Тенде требует предварительного сохранения господства над Апеннинами, хотя бы по линии от перевала Коль ди Тенде до Лоано. Правда, эта линия заметно короче, чем линия в долине Ройи, однако она и менее сильна, так как именно оттого, что менее отогнута назад, она подвержена большей опасности. Зато в пользу наступления через перевал Коль ди Тенде говорило то, что в таком случае не было нужды занимать Геную и Кони столь уж сильными гарнизонами, а главным образом то, что основная масса войск находилась тут же, под руками, в то время как к Мон-Сенис войска пришлось бы сначала доставить, притом ценой больших усилий и большой затраты времени. Это же лишало данный план почти всякой возможности выполнения. Поэтому мы думаем, что плану генерала Моро нам в этом отношении следует отдать предпочтение.

Но как мы видели, французы не сделали в сущности ничего для приведения в исполнение любого из этих планов. Они не очистили район Генуи, они и не подтянули свой левый фланг к центру. Они предоставили Сен-Сиру с 18 000 чел. вести в Апеннинах за собственный риск и страх войну, которая в лучшем случае могла бы послужить прикрытием для Генуи, но не имела бы никакого значения для предполагавшегося французского наступления. Вместо этого они двинули в наступление центр и левый фланг четырьмя разрозненными колоннами, а именно на Мондови, через Кони, Пиньероло и Риволи, для того чтобы заставить их концентрически содействовать достижению единого общего решения. Это является щекотливейшей из всех стратегических задач, ибо до того, как доходишь до момента совместного удара на одном и том же поле сражения, окружность концентрического наступления настолько сужается, что противник именно тут в наиболее совершенной степени может

использовать преимущества внутренних операционных линий. Теоретический закон, который мы приводили уже раньше, гласит, что преимущество внутренних операционных линий возрастает по мере сокращения расстояний вплоть до того момента, когда все операционные линии сходятся на одном и том же поле сражения, и тогда наступает кульминационный момент. Таким образом, Шампионе всячески облегчал Меласу задачу встречать его повсюду превосходящими по численности силами.

Поэтому мы считаем, что генерал Шампионе должен был, собственно говоря, придерживаться оборонительной тактики, т. е. дождаться обложения и осады Кони, а затем использовать свое охватывающее положение для освобождения крепости от осады. Если же, однако, он желал во что бы то ни стало быть только нападающей стороной, то он должен был снабдить Геную минимальным гарнизоном, для чего хватило бы одной дивизии силой от 6 000 до 8 000 чел. Второй дивизией такой же силы он должен был занять Финале, Сен Бернардо в Апеннинах и долину Танаро, для того чтобы прикрывать шоссе, ведшее к перевалу Коль ди Тенде. Если иметь в виду, что австрийцы, несомненно, оставили бы под Генуей от 10 000 до 12 000 чел., то они вряд ли смогли бы противопоставить этой дивизии, не ослабляя сильно свой центр, такие силы, которые составили бы значительную угрозу дороге на перевал Коль ди Тенде. Остальные же силы Шампионе должен был бы соединить между Альпами и Апеннинами и с ними перейти в наступление вдоль шоссе от Кони на Турин. Для облегчения этой атаки он должен был использовать часть своего охватывающего расположения, поскольку он не мог от него отказаться, для энергичной диверсии, а именно: за 5 или 6 дней до атаки из долины Аосты перешел бы в наступление корпус силой от 10 000 до 12 000 чел., отогнал бы Гаддика и смело маршировал бы прямо на Милан. Это несомненно заставило бы Меласа отослать туда значительные силы. В долинах, которые ведут к Мон-Сенису, должны были остаться лишь 1 000—2 000 чел., для того чтобы маскировать сосредоточение остальных войск. При наличии таких распоряжений главные силы генерала Шампионе могли бы достигнуть 25 000—30 000 чел.

На первый взгляд как будто кажется, что очищение большей части Апеннин не даст большой выгоды, поскольку для Генуи и прикрытия шоссе требуется от 12 000 до 15 000 чел., а Сен-Сир имел всего 18 000 чел. Однако на своих позициях к северу и к востоку от Генуи Сен-Сир никоим образом не прикрывал дорогу через перевал Коль ди Тенде, а оттого, что он этого не делал, дивизиям Лемуана и Виктора пришлось по большей части оставаться в горах, из-за чего и произошло дробление сил.

Конечно, абсолютного прикрытия путем расстановки сил на Сен Бернардо и в долине Танаро достигнуть нельзя было, однако дело было не в этом, поскольку и сама дорога эта не была для французов абсолютно необходимой линией отступления; на войне же степень угрозы какому-нибудь предмету должна беспрестанно измеряться в соответствии

с той действительной ценностью, которую данный предмет имеет для нас и для противника.

Итак, все это относится к тому неверному направлению, которое Шампионе дал своим силам, но мы считаем гораздо более грубыми те ошибки, которые явились результатом нерешительности и недостатка энергии и которыми только и можно было объяснить отсутствие согласованности в передвижениях войск и в событиях.

Об австрийском главнокомандующем нам в сущности уже мало что осталось сказать.

Если принять во внимание, что Суворов увел с собой 20 000 чел. и что в то же время царило убеждение, будто французы заняты еще организацией своей Альпийской армии, которая должна была быть доведена до 34 000 чел., то, пожалуй, понятно, что Мелас не чувствовал себя достаточно снаряженным для нового стратегического наступления и решил пока что придерживаться оборонительной тактики, выжидая, удастся ли ему приступить к блокаде и осаде Кони или нет. Мы считаем, что такое решение вполне соответствовало обычной осторожности старого человека. Концентрическое расположение, которое в силу обстоятельств заняли обе армии, благоприятствовало оборонительной тактике. Но и помимо этого, положение Меласа еще больше укреплялось тем, что он располагал двумя базами, разделенными рекой По, так что ему нечего было придавать чрезмерное значение ограждению неприкосновенности каждой из них в отдельности. Точно так же мы поразительно мало читаем в австрийском изложении кампании о заботах командования о своем тыле, о складах, о мостах и т. д. Мы видим, что на первых порах фланговые корпуса, а именно Карачай и Гаддик, были далеко не равноценны своим противникам, Меласа же это особенно не тревожило! Между тем, если Мелас хотел придерживаться оборонительной тактики, было естественно и необходимо, чтобы охватывающему расположению неприятеля он везде противопоставил соответственные силы. В таком же случае у него создавалось почти столь же растянутое расположение сил, как и у противника.

Но Мелас пошел еще дальше, он сам охватил неприятельское расположение тем, что заставил Кленау наступать на Восточную Ривьеру. Это еще больше дробило силы Меласа; французы также не хотели допустить, чтобы Кленау расположился под стенами Генуи, а потому они и выставили против Кленау отряд. Таким образом, на этом пункте возникла новая «позиционная концентрация», при которой, однако, уже австрийцы занимали охватывающее положение, и это положение для них, как обороняющихся, оказалось и в самом деле благоприятным, поскольку Сен-Сир, несмотря на все свои победы над Кленау, Карачаем и Краем, все же ничего не мог с ними поделать. Кроме того, поскольку австрийцы постоянно прислушивались к настроениям жителей Генуи и считали поэтому важным оставаться поблизости от этой крепости, пребывание Кленау на Ривьере находит себе тем большее оправдание.

Поэтому вряд ли можно порицать, в общих чертах, поведение австрийского главнокомандующего до сражения у Женолы, если рассматривать это поведение под углом зрения обычной осторожности, которая в глазах Меласа была еще более обоснована вследствие событий в Швейцарии. Правда, несколько больше смелости и энергии в отдельных действиях привело бы к более положительным результатам; зато сосредоточение Меласом своих сил в единую главную армию было гораздо значительнее, чем можно было бы ожидать в подобных случаях.

Однако, после того как Мелас, при помощи оборонительной тактики, добился победы у Женолы, он получил такой значительный моральный и физический перевес, что все то, что он совершил после нее, следует считать ничтожным по сравнению с тем, что он мог совершить, о чем мы уже достаточно говорили в течение нашего рассказа.

Второй вопрос еще заключается в том, каков был бы успех, если бы Мелас продолжал свое стратегическое наступление и после овладения Кони.

Учитывая, в каком состоянии находилась к тому времени французская армия, мы, конечно, не можем сомневаться, что продолжение наступления Меласа привело бы к захвату им Ривьеры без всяких дальнейших осложнений и заставило бы французов отступить частью в Геную, а частью за реку Вар. При этом нельзя обойти молчанием и то, что в отдельных операциях был бы одержан еще ряд богатых трофеями успехов. Австрийцы знали, в каком состоянии находилась французская армия, и потому следовало ожидать, чтобы Мелас, не довольствуясь тем, что им совершено, не складывал рук или успокаивал свою полководческую совесть болтовней, будто «для данной кампании совершено уже достаточно и что пора дать отдохнуть войскам для того, чтобы они могли начать следующую кампанию в надлежащем виде». Нам нечего многословно убеждать читателя, что подобные утверждения ровно ничего не значат, ибо речь идет не о бесцельном жертвовании сил, а о таком, при котором будут достигнуты некоторые преимущества, которые, естественно, сохранят свое значение и для будущей кампании. Поэтому дело лишь в том, стоили ли эти успехи тех новых усилий, которые были предприняты ради них?

Не всякое продолжение наступления приводит к положению, усиливающему наступающего. Наоборот, чаще всего наступает обратное, и всегда возникает вопрос, имеет ли еще нападающий достаточный излишек сил, чтобы утвердиться в своем новом положении, и если это сомнительно, не следует ли опасаться контрудара, который лишит его части ранее достигнутого, ибо такой контрудар тоже в порядке вещей. В отношении этих вопросов нам нужно рассмотреть вероятные события на тот случай, если бы Мелас продолжал наступление.

Предметом такого продолжения наступления могло, естественно, служить только полное завоевание генуэзской территории, но ни в коем случае не вторжение на французскую территорию. То, что завоевание

генуэзской территории вместе с ее столицей создавало для будущей кампании австрийцев положение, которое не только не являлось для них более слабым, а наоборот, гораздо более сильным, чем то, которого они фактически достигли, само собой разумеется. Речь идет лишь о том, какие события наступили бы до того, как удалось бы достигнуть такого положения, и хватило ли бы у австрийцев сил с достаточной вероятностью преодолеть кризис в том случае, если бы перед самым падением Генуи французы, получив подкрепления, вновь перешли в наступление.

Теперь представим себе, что французы были вынуждены очистить генуэзскую территорию и отступить за реку Вар, но что они снабдили Геную сильным гарнизоном, а также снабдили кое-какими оборонительными средствами и наспех укрепленные пункты Гави, Савону и Финале, что уже, само по себе, мало вероятно. Если бы австрийцы оставили на Ривьере 30 000 чел., из которых 10 000 чел. были выставлены против реки Вар или оставались за рекой Пальоне для того, чтобы не понадобилось обложить Ниццу, 5 000 чел. под Финале, 5 000 чел. под Савоной, 10 000 чел. под Генуей, если бы, они, кроме того, оставили 5 000 чел. под Гави и столько же отрядили для наблюдения за Мон-Сенисом и остальными альпийскими перевалами, в связи же с тем, что к главной армии присоединились бы 4 000 чел. Фрелиха, пополнилась бы убыль, возникшая со времени сражения под Женолой, — то в главной армии оставалось бы еще 28 000 чел. из общей массы в 68 000 чел. Эти силы Мелас мог бы расположить в качестве резерва на равнине между Турином и Кони.

Крепости Гави, Савона и Финале, если бы они в самом деле удерживались французами, оказывали бы сопротивление, самое большее, несколько недель. В течение зимы вряд ли можно было бы осаждать Геную. На содействие со стороны жителей мы не будем слишком много полагаться, хотя оно и не было абсолютно невероятным. Во всяком случае, можно было предвидеть, что эта крепость, будучи осаждена в течение всей зимы, должна будет сдаться из-за недостатка продовольствия либо еще в течение этой зимы, либо перед началом следующей кампании.

Если же французы, еще до падения одной из маленьких крепостей, действительно получили подкрепления (за счет тех 10 000 — 12 000 чел., которые, по окончании кампании в Швейцарии, Массена послал оттуда в Италию) и поспешили на выручку одной из них, то, как нам кажется, Мелас был бы в состоянии успешно справиться и с таким кризисом. Если из тех 38 000 чел., которыми еще располагали французы после падения Кони, мы отсчитаем 10 000 чел. на гарнизон Генуи, 5 000 чел. на гарнизоны других крепостей и только 5 000 чел. на убыль как от руки противника, так и вследствие болезней и дезертирства, то у них оставалось бы еще 18 000 чел. Поэтому, если бы подкрепления из Швейцарии и из Франции действительно достигли

20 000 чел. с лишним, Массена все же не мог бы повести свыше 40 000 чел. на выручку крепостей. Теперь мы задаем вопрос, не находился ли бы Мелас, заняв вышеприведенные позиции и имея 60 000 чел. с лишним, в очень выгодном положении? Если бы 10 000 чел., выставленные против Вара, отступили при подходе значительных сил на перевал Коль ди Тенде, то Мелас усилился бы до 38 000 чел. На Ривьере же находились бы, — после того как были бы подтянуты и войска, блокирующие Гави, за исключением самого ничтожного количества, — 20 000 чел. Таким образом, Генуя была бы прикрыта, а главная армия получила бы такую силу, что смогла бы атаковать везде с численным перевесом противника, вынужденного раздробить свои силы.

Таким образом, мы видим, что даже в самом худшем случае продолжение наступления не поставило бы генерала Меласа в положение, требующее от него чего-либо выше его сил.

Между тем, овладев, таким образом, генуэзской территорией, Мелас, благодаря выгодам своего нового расположения, с лихвой вознаградил бы себя будущей весной за те 10 000,—скажем, даже 20 000 чел.,—на которые, возможно, уменьшилась бы вследствие этого его армия. Это не требует никаких особых доказательств, ибо один только корпус, осаждавший Геную, насчитывал весной 1800 г. 23 000 чел.

ГЛАВА X

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ВЫВОДЫ

Для того чтобы вывести из обеих кампаний в Италии и Швейцарии, в целом, те заключения, которые свойственны особенностям каждой из них, потребуется прежде всего еще раз окинуть взглядом их основные моменты.

Кампания в Италии, в сущности, очень проста. Она начинается с наступательного сражения, данного французами не успевшим еще сосредоточиться австрийцам (на реке Эч); это сражение французы выиграли только наполовину. Вслед за тем идут два победоносных наступательных сражения (у Маньяно и Кассано) союзников, превосходивших численностью французов. Эти сражения выводят обе стороны к реке Танаро. Затем следуют снова три наступательных сражения французов (на Требии, у Нови и у Женолы), для того чтобы вновь вернуть себе утраченное и спасти осажденные крепости. В течение всех этих событий, происходящих на прямой линии от Вероны до Кони, несколько сложнее лишь обстановка, в какой сражалась армия Макдональда. Поскольку при этом победа всегда склонялась на ту сторону, которая в основном обладала превосходством сил, то причины и результаты сохраняют естественное соотношение.

Что же касается Швейцарии, то связь с ней Итальянской кампании основана на довольно простом взаимодействии, а именно: пока не был преодолен последний кризис, Австрийская армия в Италии дважды получала подкрепление из Швейцарии, а именно 16 000 чел. под командой Бельгарда и 12 000 чел. под командой Гаддика [1]; после же преодоления кризиса в Швейцарию снова отправляются 20 000 чел., уже под командованием Суворова.

Наоборот, кампания в Швейцарии гораздо разнообразнее, потому что массы там гораздо более расчленены, а успехи все время чере-

[1] Если считать подкреплением отход Гаддика к подножию итальянских Альп, от Сен Готарда и из Валлиса, имевший место в конце июля.

дуются. Поэтому-то и труднее представить отчетливую общую картину этой кампании. Мы попытаемся облегчить это путем беглого обзора.

Австрийцы располагают 70 000 чел. в Тироле, Форарльберге и Граубюндене, а 90 000 чел. — в более отдаленных квартирных расположениях, за рекой Лех, как бы вроде большого уступа. Против этого оттянутого назад уступа французы выдвигают вперед сперва свой левый фланг, который затем останавливается, как бы предоставляя эрцгерцогу время подоспеть. Примерно через неделю после этого французы уничтожают генерала Ауфенберга в Граубюндене, еще через неделю они выгоняют австрийцев из Энгадина. Опять проходит одна неделя, и они уничтожают генерала Лаудона у Тауферса. Этими тремя последовательными ударами от центра к правому флангу французы в месяц завоевали Граубюнден и ослабили австрийцев на 20 000 чел. с лишком. Все эти победы одерживаются очень незначительными силами, не превышающими 20 000 чел. против 70 000 чел., потому что австрийцы ограничиваются местной обороной. Но после того как эти победы были одержаны, а массы австрийцев были стянуты в долинах Инна и Эча, небольшая победившая масса уже не в состоянии развить свои победы, и наступление на южных флангах застопоривается. Французы дожидаются успеха на своем левом фланге.

На этом фланге большой уступ австрийцев переходит в наступление, и развязка получается путем сражения у Штокаха, в совершенно противоположном направлении, как раз в тот момент, когда на южном фланге французами была одержана последняя решительная победа. Сражение у Штокаха и бой у Тауферса празднуют один и тот же день рождения. Но и эта победа, где столкновение центров тяжести должно было явиться решающим для всего целого, остается пустым звуком, без всякого содержания. Эрцгерцог не развивает своего успеха, и таким образом, наступает застой: на северной половине театра военных действий — из-за простой лени австрийцев, а на южном — из-за бессилия французов.

Вместо того чтобы использовать свою победу у Штокаха, дойдя вплоть до самого Рейна, а затем снова пожинать ее плоды в Швейцарии, австрийцы довольствуются тем, что после этого первого столкновения сил снова приводят в порядок дела там, где они вышли из колеи, и притом в порядке, обратном их продвижению, а именно от левого фланга к центру. Сперва Бельгард завоевывает Мюнстераль (в начале апреля), затем Энгадин (в конце апреля). Одновременная попытка захватить Сен Луциенштейг не удается из-за недостаточного сосредоточения сил, и благодаря этому французы выигрывают время для подавления восстания. После этого австрийцы снова бездействуют в течение 14 дней, и Лекурб получает время спуститься по итальянскому склону Альп, разбить принца Рогана и навести панику на австрийскую армию в Италии. Пока он это проделывает в середине мая, Готце и

Бельгард делают третий шаг, и, наконец, завоевывают Граубюнден, после чего Бельгард уходит в Италию, а Готце направляется к Рейну.

Эрцгерцог проводит целых 2 месяца в бездействии. 21 мая, т. е. после завоевания Граубюндена, он переправляется через Рейн и оттесняет Массену в сражении у Цюриха за р. Лимат, используя свое численное превосходство. В то время как это происходит, Лекурб возвращается через Сен Готард и набрасывается 28 мая на Гавазини в Муттенской долине. Однако и Гаддик, откомандированный Бельгардом, в тот же самый день прогоняет Луазона через Сен Готард. После этого Лекурб быстро поворачивает назад и наполовину уничтожает авангард Гаддика — отряд генерала Сен Жюльена — 31 мая и 1 июня в долине Рейсы.

Затем, после так называемой победы у Цюриха и всей этой возни на Сен Готарде, наступает длительный застой вследствие равновесия сил. Дело в том, что генерал Гаддик, которого приказами и контрприказами гоняли взад и вперед в течение 3 недель, спокойно оседает, наконец, в конце июня у подножия итальянских Альп, заняв своими войсками Сен Готард и Симплон. Лекурб, со своей стороны, отходит к немецкому подножию Высоких Альп, заняв расположение между Люцернским и Цюрихским озерами.

Заняв эти позиции, противники проводят 10 недель в полнейшем спокойствии. Французы получают некоторые подкрепления, но поскольку они намереваются сформировать новую Рейнскую армию и в то же время приближается момент высадки союзников в Голландии, размеры этих подкреплений незначительны. К австрийцам же подходят 30 000 чел. русских. Наконец, в середине августа французы вновь проявляют склонность к активным действиям, собираются кое-что предпринять до прибытия русских, но обнаруживают, что австрийская главная армия слишком сильна для них. Поэтому Массена довольствуется тем, что прогоняет левый фланг австрийцев из долин рек Роны и Рейсы и принуждает его отступить через реку Линту. Это приводит французов снова к овладению Сен Готардом, на котором они теперь закрепляются на 6 недель, вплоть до прибытия Суворова.

Русские, под командованием Римского-Корсакова, прибывают к австрийцам в конце августа. Эрцгерцог Карл, стыдясь своего огромного численного превосходства, делает в конце августа слабую, а потому тщетную попытку форсировать реку Аар и еще более слабую попытку вновь вернуть старые позиции на своем левом фланге. Затем он уходит на реку Рейн и нейтрализует в течение 5 недель свои 30 000 чел. одним бесполезным штурмом крепости и двумя напрасными походами.

В течение этих 5 недель в Швейцарии возникает продолжительное междуцарствие. Суворов задерживается в Италии на 14 лишних дней, ожидая падения Тортоны. В результате он выступает из Асти на 12 дней позже ухода эрцгерцога Карла из Цюриха. Проходят еще 14 дней, пока Суворов приступил к атаке Сен Готарда, и все это время новый

главнокомандующий Швейцарской армии еще пребывал на самом крайнем фланге своей новой армии, был отделен от трех четвертей этой армии неприятелем и непроходимым Альпийским хребтом, причем его вязали и впутали в направление и цели, совершенно противоположные первоначальным. Этого было более чем достаточно для того, чтобы дать Массене возможность подготовить и выиграть второе сражение у Цюриха.

В тот самый момент, когда происходит это крупное решающее событие, Суворов штурмует Сен Готард и, таким образом, только еще подготовляет свое собственное «решение» — то самое, которому предстояло родиться среди тысяч трудностей, которые были созданы им самим и которые, даже и без опередившей его французской победы, вряд ли могли бы поэтому обеспечить ему удовлетворительный успех. И в самом деле, это решение ввергает русского полководца и его армию в целый ряд опасных положений, которые, совместно с потерями людьми и воинской честью, понесенными под Цюрихом, наносят последний удар союзу Австрии с Россией.

Ближайшая цель общих выводов, подобных тем, которые мы здесь приводим, состоит всегда в разборе тех явлений, в которых не получается нормального соответствия между средствами и результатами. Таких явлений мы тут имеем два:

1. Союзники располагают очень крупным численным превосходством. То, что они, в конечном итоге, должны победить, мы можем считать нормальным результатом. Поэтому нам надо выяснить, почему они оказались победителями не везде и не до конца.

2. Кампания эта, в общем и целом, безусловно успешна для союзников, ибо положительные результаты целиком в их пользу, а все же союз (коалиция) распадается. Потому-то нам и надо исследовать все причины, приведшие к этому.

Помимо этих двух предметов нашего исследования, нам представляются достойными ближайшего рассмотрения еще следующие три отдельных момента:

— первый момент: стратегическая ценность высадки в Голландии;

— второй момент: то значение, которое французы придают Рейнской и Альпийской армиям, и, наконец,

— третий момент: какой результат можно извлечь из горной войны в Швейцарии.

Переходя к неудачам союзников, мы обнаруживаем их в Швейцарии, причем и в начале, и в конце кампании. Разумеется, мы сперва будем говорить о более ранних неудачах.

В то время как в Италии тройной и двойной численный перевес приводит к завоеванию обширной территории и нескольких крепостей, в Германии (т. е. в Швейцарии, в Тироле и на Рейне) двойное численное превосходство не приводит ни к чему большему, кроме достижения

линии рек Линты и Лимата, в результате ряда неудачных и удачных боев.

Нам кажется, что главные причины этого:

1) различие в характере обоих верховных главнокомандующих союзников — Суворова и эрцгерцога;

2) разделение командования в Германии;

3) оборонительное назначение Тирольской армии;

4) гористая местность.

Мы ничего не говорим о различии достоинств французских главнокомандующих на обоих театрах военных действий, а именно Шерера и Моро на одном, Журдана и Массены — на другом, потому что это различие не представляется нам достаточно выясненным.

Первая из указанных причин, пожалуй, не может являться предметом критики, поскольку полководцев нельзя создавать по своему усмотрению. Выбор полководцев редко бывает большой, а эрцгерцога за его кампанию 1796 г. безусловно следовало считать лучшим из австрийских генералов.

Однако, в целях теоретического поучения, нам все же чрезвычайно важно на данном примере установить, какое значение имеет волевая энергия верховного главнокомандующего.

Остальные же три причины заключаются в объективных условиях, которые могли быть либо иначе созданы, либо требовали иного подхода.

Нецелесообразность разделения командования и привлечения 50 000 чел. к обороне тирольской территории мы уже отметили в наших предшествовавших выводах, и потому в наши намерения не входит еще раз распространяться об этом. Обращая снова на это внимание, мы хотим здесь лишь отметить роль, сыгранную этими обстоятельствами в развитии всей кампании, и таким образом, доказать, что неуспех союзников явился результатом принципиальных ошибок правительства. Если бы преследовалась одна только цель — нанести своими собственными силами удар неприятельским силам в их центре тяжести, а затем в Италии — завоевать Италию, в Германии же — завоевать Швейцарию, то можно было совершенно не оставлять войск в Тироле. Будь Тироль сплошной равниной, возможно, так бы и поступили; но путаное представление о ценности горных районов несомненно послужило главной причиной занятия Тироля.

Что касается четвертой причины, то ее воздействие, нейтрализовавшее численный перевес австрийцев, было двояким.

Во-первых, австрийцы считали невозможным наступать в равнинной Швейцарии, не заняв одновременно и те горные хребты, которые отделяют Швейцарию от Италии. Это привело к тому, что прежде всего пришлось вновь захватить утраченный Граубюнден, а по возможности, овладеть также и Сен Готардом.

Во-вторых, австрийцам казалось, что хребет Юра преграждает им всякий возможный выход во Францию, а потому завоевание Швейцарии не очень-то их притягивало.

Обе точки зрения исходят из того ложного значения, которое, в общем, приписывается горам. Поскольку мы особо еще остановимся на стратегическом значении гор, мы не будем вдаваться здесь в дальнейшие рассуждения об этом. Позволяем себе, однако, считать решенным делом, что та задерживающая сила, которую имели здесь горы, оказалась совершенно несостоятельной, поскольку горы вовлекли союзников в не подходящую для них тяжелую войну в горных условиях, раздробили не соответствующим для наступления образом их силы и парализовали наступательную энергию из-за одной лишь мысли о перевалах Юры.

Между тем из упомянутых четырех причин последние три по своему значению столь мало сравнимы с первой, что все три только и возникли, собственно говоря, из первой. Сколько бы Бельгард ни изымался из подчинения эрцгерцога, каково бы ни было значение, которое гофкригсрат придавал Тиролю, и как бы глубоко ни снимал свою шляпу эрцгерцог перед Альпами и Юрой, — если бы эрцгерцог был человеком большой силы воли, у него хватило бы достаточно средств для того, чтобы своим примером и своими успехами увлечь за собой Бельгарда, даже не имея на то приказа. Своими победами он мог растопить тот жалкий клей, которым педантичный гофкригсрат намеревался прилепить Тирольскую армию к Тиролю, словно план к рисовальной доске. И, наконец, в опьянении настоящей победой эрцгерцог гораздо менее пугался бы и Альп и Юры.

Теперь обратимся ко второму периоду — безуспешного использования союзниками своего численного перевеса сил.

Тут, помимо недостатка предприимчивости у австрийского главнокомандующего, имеются еще два момента, которые следует рассматривать как главные причины, а именно смена ролей и направление похода Суворова.

Благодаря первой причине эрцгерцог получил предлог оставить неиспользованным свой значительный численный перевес в Швейцарии и отойти на Рейн. В Швейцарии командование над главными силами попало в руки человека, который вряд ли был бы избран на такой пост любым из обоих правительств. Мы имеем в виду генерала Римского-Корсакова. Это привело к крупному поражению у Цюриха. Эта смена ролей заставила далее Суворова руководить из Асти войсками в Швейцарии. В результате, не имея перед глазами картины действительного положения вещей и задержавшись в Пьемонте на 14 дней дольше, чем было целесообразно [1], Суворов разослал приказ на 26 сентября, вследствие

[1] Для Суворова настоятельная необходимость ускорить свое движение в Швейцарию выяснилась лишь 23 августа, когда он, ожидая падения Тортоны, получил умышленно задержанное австрийцами «сокрушительное» известие об уходе эрцгерцога

которого, когда австрийские войска 25-го были атакованы французами, эти войска оказались разрозненными, причем половина их, под командой Елачича, Линкена и Ауфенберга, не смогла быть использована генералом Готце.

Что же касается второй причины несчастий в Швейцарии, а именно неверного направления похода Суворова, то мы уже сказали, что не придаем особого значения тому, что направление этого похода через Сплюген могло случайно предотвратить даже сражение у Цюриха. Но мы утверждаем, что даже и после сражения у Цюриха обстановка для союзников была бы гораздо менее благоприятной, если бы Суворов прибыл к австрийцам, в Рейнскую долину, с неослабленными силами. Весьма вероятно, что в таком случае Суворов использовал бы для нового наступления на Массену те 35 000 чел., которые он имел с собой, и тогда он имел бы, по крайней мере, столько же шансов на успех, сколько и его противник.

Поход через Сен Готард ослабил Суворова приблизительно на 8 000 чел., но, что было гораздо хуже, в течение целых 14 дней с часу на час увеличивалось в нем чувство недовольства и отвращения к австрийцам как в отношении их честности и доброй воли, так и в отношении их способностей и ума. Ведь нельзя себе представить, чтобы при беспрестанных заминках, опасностях и самых неслыханных усилиях, наваливавшихся на Суворова во время похода, окружающие его лица все время не подвергали самой горькой критике непонятный им план похода.

Никогда стратегические ошибки противника так не облегчали победу какой-либо армии, как в данном случае французской, и если Массена не сумел одержать над Суворовым столь же блестящей победы, как над Римским-Корсаковым, то причина тому главным образом — неясность его замыслов [1].

Если мы вернемся к первым зародышам раздора между союзниками, то увидим, что они заключаются в обособленных политических намерениях австрийцев. Первое непосредственное влияние этих намерений вызвало то, что победа в Италии не получила своего полного развития, а это, естественно, должно было отразиться и на ведении всей войны, ибо победа возбуждает энергию, в особенности же в верховном главнокомандующем. Таким образом, прочность союза уже ослабла в Италии. Вторым воздействием австрийских и английских обособленных политических целей явилась смена ролей. Эта смена ролей привела к бесцельной растрате сил на Рейне. К этому прибавились ошибки, нерасторопные и

из Швейцарии на Рейн. Суворов убедительно просил эрцгерцога задержаться, но получил упрямый отказ; после этого Суворов ускорил выступление из Асти и приказал войскам итти форсированными маршами. Достигнув Таверно, он 6 дней ждал прибытия мулов, которые должны были везти продовольствие и запасы. Таким образом, задержка Суворова в Италии не может быть отнесена на счет неверной оценки им обстановки. — *Ред.*

[1] С этим нельзя никак согласиться; причина неудачи Массены заключается в гении Суворова, одно присутствие которого действовало подавляющим образом на его противников, и в чудесной доблести русских войск. — *Ред.*

превратные распоряжения, в результате которых получилось, будто «лошадей запрягли позади воза». Но так получается тысячи раз, ибо министры и советники, сидя в кабинетах министров, никогда себе ясно не представляют результатов своих распоряжений на театрах военных действий.

А между тем нигде цели и средства не находятся в такой постоянной взаимной зависимости, как на войне. Как бы верен ни был первый толчок, даваемый ходу событий политическими намерениями, средство выполнения этих намерений, а именно *борьбу*, никогда не следует рассматривать как безжизненный инструмент. Из самой борьбы, из ее богатого жизненного процесса возникают тысячи обстоятельств, которые могут оказаться гораздо важнее и повелительнее, чем все первоначальные политические мотивы. Война походит на корабль, борющийся с бурей и волнами: для того чтобы им хорошо управлять, необходимо самому находиться на нем, извлекать из самой стихии все доступные преимущества и, таким образом, довести плавание до успешного конца теми способами, какими только это окажется возможным.

Мы не будем удивляться тому, как непродуманны были мероприятия австрийского кабинета и как они всегда приводили все дело на край гибели, если мы еще примем во внимание, что большинство хорошо проведенных войн велось только при помощи *субъективных убеждений* полководцев и что до сих пор мало распространены ясные представления о ведении большой войны. А это безусловно необходимо, когда какой-нибудь *орган в государстве*, помимо полководца и вне театра военных действий, намерен оказывать регулярное влияние на ведение войны, поскольку он может рассматривать вещи только с объективной точки зрения.

Две вещи всегда ускоряют расторжение союзов: *тайные обособленные цели и слабость в ведении войны*. И то и другое в достаточной мере имелось у австрийцев.

Высадка в Голландии

К высадке в Голландии нельзя относиться отрицательно, но только нельзя понимать ее как диверсию. Операция в Голландии была, во-первых, естественна, ибо благодаря этому англичане могли кратчайшим и действительнейшим способом применить свои военные силы. Правда, это допускало еще придание данной операции характера диверсии. Однако для простого навлечения на себя французских сил хватило бы и одних английских войск. Русские же войска смогли бы быть использованы гораздо целесообразнее в Швейцарии и Италии. Второй целью такой операции несомненно являлось стремление побудить к активности силы партии оранжистов в Голландии, а это, естественно, должно было совершенно исключить понятие о диверсии, потому что было бы отвратительно вызвать к деятельности партию с намерением бросить ее затем на произвол судьбы.

Таким образом, высадка в Голландии, сама по себе, имела бы совершенно превратный результат, если бы она была задумана в качестве простой диверсии, ибо настроения и содействие партии оранжистов могли, разумеется, проявить себя лишь позднее, уже после того, как будет завоевана значительная часть страны. Напротив, противник для противодействия этому уже с самого начала ввел бы в действие некоторое количество военных сил, которые и без того были бы нейтрализованы, а именно батавские дивизии и все те войска, которые французы держали в Бельгии и которые они никоим образом не могли увести оттуда.

Таким образом, операция завоевания Голландии должна была рассматриваться как прямая атака на Французскую республику на данном участке. Если она увенчалась таким ничтожным успехом, то, очевидно, причиной тому явилось плохое руководство.

Что для поддержки этой атаки будто бы требовалось ведение войны более крупными массами и на Среднем Рейне — пустое воображение или, вернее, опять-таки путаное представление о характере и результатах диверсии. Те, кто много занимался этими предметами, наверно, уже заметили, что *диверсия* является главным образом «коньком» дипломатов.

Создание Альпийской и Рейнской армий

При создании Рейнской армии французы несомненно имели намерение нанести австрийцам удар в очень *чувствительном* месте, а именно на Дунае, т. е. добиться *несоразмеримо* значительного результата. Важным добавочным обстоятельством являлось и то, что в плодородной Швабии, которая успела несколько оправиться от разорения в 1796 г., они рассчитывали добиться лучшего снабжения своих войск продовольствием, тогда как их армия в Швейцарии все время боролась с величайшей нуждой. Наконец, при наступлении в Швабию французы смогли бы, пожалуй, держать в рейнских крепостях на 10 000 чел. меньше гарнизонов и, таким образом, привлечь и эти силы к активным действиям. Если французов не беспокоила мысль, что они вызовут тем самым вступление в войну вюртембергских и франконских войск, то с этими их рассуждениями можно согласиться.

Однако, размышляя о таких вещах, по большей части к ним подходят слишком поверхностно и не придают достаточного значения двум моментам. Первое — образование новой армии требует всегда значительного времени. Так как такая армия никогда целиком не создается из совершенно новых сил, то возникает очень много непроизводительных затрат людского материала, тем самым нейтрализуется огромная масса войск, которые могли бы действовать гораздо раньше на уже существующих театрах военных действий. Второе соображение заключается в том, что всякое деление военных сил, а в особенности всякое увеличение количества крупнейших войсковых соединений, является злом, на которое следует итти лишь постольку, поскольку этого требуют особо важные цели. Если только подумать, сколь незначительно количество людей,

которым правительства могут доверить командование независимой армией, то уже из-за одного этого нельзя сомневаться, насколько важен этот принцип. На это можно было бы возразить, что среди *трех* полководцев гораздо легче обнаружить одного с выдающимся талантом, чем среди *двух*. Но столь дешевая лотерея в таких случаях неприменима. Большая невыгода *разделения командования* заключается в утрате единства воли и действия.

Должны ли были такие соображения заставить французское правительство воздержаться от формирования новой Рейнской армии и в данном случае, — по меньшей мере несущественно. Нередко армии создаются и для того, чтобы удовлетворить соображениям личного характера. Мы не можем знать, не было ли, быть может, основной причиной этой идеи намерение удалить Моро с главного театра военных действий и в то же время не устранять его совершенно от деятельности.

Наоборот, образование независимой Альпийской армии было вызвано действительно превратным пониманием стратегической обстановки. Обратное завоевание Италии и оборона французской границы с давних пор представлялись французской Директории двумя столь же различными и обособленными функциями, какими, например, в государстве являются служба церковная и служба военная. Поэтому как тут, так и там для обеих задач должны были быть выделены совершенно независимые вооруженные сиаы. Мы уже были свидетелями подобной же глупости и во время кампании 1796 г., когда эту глупость не смогли совершенно устранить ни заслуги, ни военное счастье, ни самоуверенность Бонапарта. То обстоятельство, что нельзя завоевать Италию без того, чтобы именно этим самым защитить и французскую границу, и другое, что если такое завоевание не удастся, всегда будет достаточно времени для организации обороны границы, — не приходило на ум знаменитому «Топографическому бюро». Эта Альпийская армия французов является достойным аккомпанементом для Тирольской армии австрийцев.

Горная война

Теперь мы подходим к рассмотрению общего результата горной войны в том виде, в каком она велась в Швейцарии в течение этой кампании.

Перед началом кампании австрийцы вступили в Граубюнден и таким путем овладели Энгадином и Рейнской долиной. Остальная часть Альпийских гор, а значит, также и Сен Готард находились во владении французов, вследствие более раннего захвата ими этой территории. Такое вполне естественное положение вещей носит чисто политический характер, и в нем еще не сквозит никаких военных мотивов.

Кампания начинается, и австрийцы совершают ошибку, пытаясь сохранить свои выдвинутые вперед позиции. В результате они их лишаются и несут при этом большие потери.

Теперь у французов образовывается охватывающее и очень растянутое горное расположение до Ремюса и Тауферса[1]. По истечении 4 недель эту линию у них отбирают обратно австрийцы, вплоть до долины Рейна. Однако австрийцы занимают лишь Рейнскую долину и пока что оставляют все остальное во власти французов. Лишь через 4 недели Гаддик все же отбирает у французов Сен Готард, после чего французы оставляют также и долину Рейсы и располагаются между озерами, т. е. вне высокогорного района. В таком положении они пребывают 10 недель, после чего снова отбирают у австрийцев все эти районы, вплоть до долин Линты и Рейна, а значит, и Сен Готард. После этого австрийцы вновь застревают на 6 недель в долине Рейна, вплоть до прихода Суворова и вторичного захвата им Сен Готарда.

Таким образом, связь между горной местностью и мотивами главнокомандующих во всех этих различных операциях измеряется тем значением, которое придают:

1) австрийцы — собственной обороне Граубюндена;

2) французы — высокогорным альпийским районам в тот период, когда они в своем наступлении достигают Энгадина и Мюнстерталя;

3) австрийцы — обратному завоеванию Граубюндена, предпочитая начать с этого свое наступление;

4) Массена — горным районам, когда вместо того чтобы подтянуть к себе Лекурба и Дессоля, предоставляет последним оставаться в горах и даже спуститься на итальянскую сторону;

5) австрийцы — Сен Готарду, после того как в конце мая поручают Гаддику атаковать его и потом занимают растянутую линию расположения в горах;

6) французы — высокогорным альпийским районам, в свете того, что свое второе наступление они начинают (в августе) завоеванием снова высокогорных альпийских районов.

При возникновении этих различных моментов горной войны попутно оказывали влияние также и кое-какие другие мотивы, например, для первого и третьего — политические соображения австрийцев по отношению к населению Граубюндена, а для последнего — большая вероятность успеха, которую сулила французам атака в горах, но все же нельзя не признать, что направление военных действий было вызвано главным образом уважением, внушаемым горами, т. е. опасением попасть в неблагоприятное положение, не овладев ими.

Если же такое мнение о значении гор в данных случаях необосновано, если такое мнение объясняется просто неясным пониманием обстановки, то оно быстро исчезнет, как только внимательно рассмотрим каждый пункт в отдельности. Можно доказать следующие положения:

1) Альпы в данной обстановке не могли в такой уже степени командовать над равнинной частью Швейцарии.

[1] Ремюс в Энгадине (долина Инна) в 60 км восточнее Кура, Тауферс — в верховьях Адды (Мюнстерталь) в 25 км к югу от Ремюса. — *Ред.*

2) Для решительного наступления на равнине обладание горами было совершенно ненужно, потому что такое обладание ими было бы достигнуто именно этим наступлением.

3) На случай обороны для эрцгерцога было бы лучше всего расположиться за Валенштедтским озером, а Лекурбу — между Люцерном и Рапершвилем или же, в другом случае, между Бруненом и Везеном.

Если эти положения на самом деле справедливы, то очень большое растягивание линий с целью обладания высокогорными районами становится ошибкой. Всякое разделение и растягивание боевых сил должно ведь быть основано на достаточных мотивах; если же таких мотивов нет, оно превращается в неоправданное дробление сил, а значит, в ошибку.

Если при этом думать, что, растягивая в одинаковой мере свои силы, стороны взаимно нейтрализуют свою ошибку, то при этом забывается, что какая-нибудь из сторон первой дает такое неправильное направление своим силам, а следовательно, другая сторона может и должна использовать такую ошибку именно тем, что она се не совершит. Итак, ненужное растягивание сил — всегда ошибка, независимо от того, сам ли начинаешь такую операцию и подвергаешься опасности быть за нее наказанным, или только подражаешь в этом своему противнику и, таким образом, лишаешь себя возможности наказать его за такую ошибку.

Нам уже нечего больше доказывать, что в кампанию 1799 г. Альпы не могли настолько командовать над менее возвышенными районами. Что касается австрийцев, то сам эрцгерцог признался в этом, и выгода расположения армии за линией Валенштедтского озера слишком очевидна, чтобы было возможно подвергать ее сомнению. Французы же в течение целых 10 недель обходились без гор, и от этого для них не получилось никакой невыгоды. Однако для того, чтобы не возникло ложных представлений, мы попытаемся следующим рассуждением придать необходимую ясность и определенность данному предмету.

Господство гор над менее возвышенными районами может оказаться действительным лишь там, где эти горы тянутся на достаточном протяжении вдоль и вблизи от коммуникационных линий неприятельской армии.

Это имело бы место в Швейцарии, если бы французская армия была расположена по обеим сторонам Боденского озера и базировалась на кантон Во, австрийцы же при этом сохранили бы обладание всеми Альпами; или же наоборот, если бы австрийская армия захотела продвинуться между Женевским и Невшательским озерами и базироваться на Боденском озере, в то время как французы владели бы всеми остальными Альпами. Между тем позиция французской главной армии находилась за рекой Лимат, а базировалась она на Юру. Если бы ее основная коммуникационная линия вела при этом через Берн на Безансон, то такая линия все же не была бы единственной. Таким образом, если бы французская армия возымела намерение расположить на более долгий срок свой правый фланг между Люцерном и Цюрихом, то ей нужно

было только содержать сильную бригаду в самом Берне, которая и без того стояла там для охраны внутреннего порядка, и затем можно было уже совершенно не беспокоиться о горах.

Расположение же австрийцев позади реки Лимат было бы естественнее, если бы они держали свой левый фланг на линии Валленштедтского озера, тогда как *выгнутая вперед линия*, проходившая через долины Линты и Рейна до Дисентиса или, как это случилось позднее,— по долине Рейсы вплоть до Сен Готарда, была не линией, занятой для собственной безопасности, а расположением, предназначенным для создания угрозы неприятельской линия. Но этой цели она не достигла, ибо Массена в ответ на это даже не усилил свой правый фланг.

Если же скажут, что французы в самом деле сначала стояли на уровне Боденского озера и собирались даже продвинуться еще дальше и что эрцгерцог Карл тоже не питал намерения остановиться на реке Лимат, то мы ответим на это, что влияние местности, господствующей над стратегическим флангом, наступает лишь через некоторое время и что если тот, на котором будет отражаться это влияние, успеет, тем временем, достигнуть крупных успехов на фронте, то противнику его удастся удержать эти господствующие над его флангом горы лишь в немногих случаях. Здесь же обстановка была совсем иная. Если бы французы победоносно проникли в Швабию, то австрийцы, право, не думали бы удерживаться в Граубюндене. Столь же мало было бы возможно и французам удержаться в Альпах, если бы Швейцарская армия была прогнана за Юру, а Итальянская отступила за Тичино. Во всяком случае, если бы было достигнуто удачное решение на равнине, всегда оставалось бы время завоевать и Альпы. Пытаться же начать именно с завоевания Альп всегда было ошибкой.

Но, быть может, опять спросят: какую же выгоду получили бы оба полководца, если бы они заняли менее растянутую линию? Например, если бы Массена удовольствовался позицией между Люцерном и Цюрихом и, таким образом, предоставил бы все горные районы и даже Рейнскую долину австрийцам или самим себе, вследствие чего он, очевидно, владел бы гораздо меньшей территорией, а потому был бы беднее и источниками снабжения?

Преимущества более сжатого расположения мы указали уже выше. Для Массены они заключались главным образом в следующем: во-первых, возможность использования любого слабого места, которое эрцгерцог обнаружил бы на Лимате или на Ааре, ибо Массена мог бы в два перехода сосредоточить все свои силы; во-вторых, он не подвергался бы постоянной опасности понести поражение вследствие энергичной атаки эрцгерцога и в результате быть выброшенным из Швейцарии. Если на это ответят, что Массена не хотел и не мог использовать первое преимущество потому, что он был слишком слаб для этого, а второе отпадало потому, что ему нечего было бояться таких действий со стороны такого

противника, как эрцгерцог,— то вопрос, тем самым, переносится в другую плоскость.

Если господство над горами и обратное завоевание их исходило именно из такой точки зрения, то, значит, генерал Массена не хотел отказать себе в удовольствии владеть более значительной территорией, если представлялось возможным извлечь такое преимущество из слабости своего противника. Против такого рассуждения ничего нельзя было бы возразить, однако мы не думаем, чтобы так было на самом деле. Во-первых, Массена еще недостаточно познакомился с эрцгерцогом, чтобы настолько быть уверенным в его поведении, а во-вторых, такое большое растяжение его линий не рассматривалось бы им и его историками в различные периоды времени как необходимое зло, как тяжелое, обременительное для него обязательство. То же самое рассуждение распространяется и на австрийского полководца.

Итак, мы считаем, что преимущества, которых лишали себя оба полководца, неблагоприятные условия, которым оба себя подвергали, подражая взаимным ошибкам, вместо того чтобы ими воспользоваться, возникли исключительно из ложной точки зрения. Таким образом, мы были бы неправы, если бы рассматривали кампанию 1799 г. как доказательство того, что всякая война в Швейцарии должна превратиться в горную войну высшего напряжения. Если рассматривать войну, ведущуюся в Альпах, как арену свободного проявления энергии, т. е. не навязанную какой-либо настоятельной целью, как, например, необходимостью использования второстепенных сил при одновременном вынужденном бездействии главных сил, а просто как попытку на этом тяжелом поле брани превзойти своего противника мужеством и ловкостью, — мы против этого ничего не можем возразить.

Но в таком случае мы должны признать, что одни лишь французы в достаточной мере доказали свою способность к такой войне и, что это легко было предвидеть, ибо в горной войне воодушевление и воинский дух каждого в отдельности, от генерала до барабанщика, должны гораздо больше приниматься в расчет. Австрийский же полководец мог себе сказать, что до сего времени обстановка и ход войны дали французам большое превосходство в ведении такой войны. Нам самим кажется очень вероятным, что именно эта точка зрения, т. е. чувство своего превосходства, повлияла на то, что французы так углубились в горную войну. Однако все же нельзя это считать главной причиной, а надо искать ее попрежнему в ложном представлении о важном значении горных районов. Само собой разумеется, что и такая точка зрения только тогда допустима в горной войне, когда ничего не происходило и не могло происходить на главном театре военных действий. В таком случае подобная точка зрения совершенно не оправдывает наступления французов растянутым фронтом в начале кампании.

Вот каков наш взгляд на общее стратегическое взаимоотношение

этой горной войны ко всей кампании. Эта война была паразитическим растением, высасывавшим соки из основного ствола.

Установив это, мы можем теперь заняться взаимоотношениями борющихся сторон в этой горной войне. Эта война тем решительнее сложилась в пользу французов, что в результате ее они обрели своеобразное величие, которое они могут считать компенсацией за все то, что было ими, может быть, упущено на главном участке театра военных действий вследствие слишком большой растянутости расположения.

На первый взгляд колебание успехов горной войны как будто сохраняло некоторое равновесие: после того как австрийцы первоначально были отогнаны до Тироля и Форарльберга, они затем вновь продвигаются до самой долины Рейсы, а в конце концов снова отбрасываются за реки Линту и Рейн. Однако для того, чтобы воздать должное большой разнице между успехами обеих сторон, нам нужно только окинуть беглым взором отдельные операции.

Успехами французов являются: уничтожение корпуса Ауфенберга Массеной 6 и 7 марта в долине Рейна; нанесенное генералом Лекурбом поражение Лаудону 11—14 марта в Энгадине, сопровождавшееся значительной потерей пленными; уничтожение этого австрийского генерала Дессолем 25 марта у Тауферса; полууничтожение Менаром Сен-Жюльена 1 мая у Сен Луциенштейга; поражение принца Рогана на Монте-Ченере 13 мая; поражение, нанесенное Лекурбом Гавазини в Муттенской долине 28 июня; полууничтожение Сен-Жюльена 31 мая и 1 июня у Амштега и Чортова моста также Лекурбом; поражение генерала Бея на южном берегу Люцернского озера; полууничтожение Штрауха в Валлисе; нанесение Массеной и Лекурбом поражения генералам Зимбшену и Елачичу 14 и 15 августа; наконец, замечательное сопротивление, оказанное Молитором с пригоршней людей Елачичу, Линкену и Ауфенбергу, когда в конце сентября последние намеревались овладеть долиной реки Линты.

Такому ряду решительнейших побед, хотя и незначительных по своему размеру в связи с малым количеством участвовавших в них сил, австрийцы могут противопоставить только одну единственную равноценную победу, а именно успешную атаку 14 мая на Сен Луциенштейг. Успехи же Бельгарда в долинах Мюнстера и Инна все являются, собственно говоря, простым оттеснением противника с помощью огромного численного перевеса сил и без особых трофеев. Незначителен и успех, одержанный Гогенцоллерном 18 мая над Луазоном, а также успех, одержанный Гаддиком над тем же генералом у Сен Готарда и Чортова моста 29 мая, ибо они тоже не дали результатов, сравнимых с победой Лекурба над Сен-Жюльеном, совершенно опрокинувшей обстановку. Одним из наилучших успехов с австрийской стороны является отбитая им 23 марта атака на Фельдкирх. Этот бой совершенно определенно относится к горной войне, ибо позиция у Фельдкирха расположена в горах и черпала свою силу именно в них. Однако это событие находится уже

на грани горной войны, ибо позиции и массы войск, участвовавших в нем, уже гораздо значительнее, чем это бывает на отдельных горных постах. Для получения суммарного результата соотношения успехов обеих сторон нам надо только подсчитать трофеи обеих сторон.

Причины столь различных результатов заключаются не столько в различных методах, применявшихся обеими сторонами, сколько в разнице духа войск, а в особенности вождей. Ведь тот факт, что французы чаще, чем австрийцы, располагали свои позиции непосредственно на хребтах, а в долинах больше эшелонировали их, чем последние, имел значение только при обороне, да и тут не оказывал такого уж решающего влияния. Между тем, то замечательное использование своих сил, которое проявили Лекурб и Молитор, — несомненно скорее результат их собственного пыла, честолюбия и энергии, чем какого-либо определенного метода. Австрийский полководец, эрцгерцог Карл, следующим образом высказывается по поводу неудачной атаки на Сен Луциенштейг 1 мая: «Заслуживает внимания, что во время последних войн неспособность вождей приводила к совершенно противоположным результатам у немцев и у французов. У первых оно вызывало нерешительность, а у последних — безрассудную смелость. Французы, находясь под влиянием духа революции, стремились прорвать все преграды и ожидали результатов только от дерзаний и следовали этому импульсу там, где они не находили никакого другого исхода. Немцы же, воспитанные в зависимости воли, привыкшие к правилам и сковываемые чувством ответственности, приходили в таких случаях в замешательство и впадали в бездействие. Отсюда — перевес французов, когда речь шла об одновременной энергии нескольких, предоставленных самим себе людей, между тем как их противники достигали успехов лишь тогда, когда стояли под непосредственным руководством своего главнокомандующего. Отсюда ловкость французов в горной войне и надежность немцев в открытом поле».

Мы уже раньше говорили, что природа горной войны приводит к индивидуализации коллективных вооруженных сил, вследствие того что различные элементы их часто оказываются предоставленными самим себе, т. е. вынуждены действовать по собственной инициативе. Это начинается с соединений первой категории, т. е. от дивизионных или бригадных генералов, и доходит,—правда, все снижаясь,—до отдельных солдат. Но вплоть до батальонного командира как вероятность такой самостоятельности, так и значение ее у французов еще очень велики. Если же мы сравним австрийскую и французскую армии того времени, то уже из свойств их вытекает различная приспособленность для горной войны. Французские генералы были молодыми, воинственными, честолюбивыми и частью восторженными людьми. Эти качества заменяли даже недостаток таланта и опыта там, где это имело место.

Если бы австрийцы этим людям противопоставляли людей только талантливых и с боевым опытом, то такие люди, несмотря на старший возраст и недостаточную пылкость, быть может, сохраняли бы равнове-

сие или даже перевешивали бы его в свою сторону. Однако среди имен встречаемых здесь австрийцев мы не находим ни одного генерала, который уже создал себе репутацию или достиг впоследствии какой-либо славы. Из этого нам приходится заключить, что все это были люди не выдающихся военных способностей, а продвинувшиеся на свои посты только лишь благодаря старшинству. О массе прочего офицерства тогдашней австрийской пехоты известно, что общественное мнение давало ей не очень высокую оценку. Кавалерия принимала в горной войне мало участия или, вернее, никакого.

Качество простых солдат было тоже очень различно в обеих армиях. Мы не будем говорить о национальных особенностях, поскольку австрийская армия была набрана из самых различных национальностей. Но совершенно ясно, что как раз у простого солдата, в котором напрягается больше сила духа, чем разума, должны были иметь наибольшее влияние тот подъем духа и воли, доходившие до воодушевления и фанатизма, которые были столь характерны для армий Французской республики в тех случаях, когда этому духу предоставлялась возможность самостоятельного проявления. С другой стороны, нельзя не упустить и того, о чем указывает выше эрцгерцог, а именно, что безжизненный механизм служебной и боевой дисциплины, втиснутый в сплошную геометрию, должен уравновешиваться некоторыми духовными принципами, иначе он неизбежно парализует и убивает энергию в человеке.

УКАЗАТЕЛЬ ВАЖНЕЙШИХ ИМЕН И НАЗВАНИЙ

А

Альбини, Франц-Иосиф (1748—1816), германский государственный деятель. С 1790 г. премьер-министр курфюрста Майнцского; активный противник французского господства на Рейне. В 1799 г. организовал повстанческие отряды для борьбы с французской оккупацией Майнца и окрестностей.

Аржанто, Евгений, граф (1741—1819), австрийский фельдцейхмейстер, родом бельгиец. С 1795 г. руководил австрийскими войсками, сражавшимися с французами в Италии. После неудач 1796 г. занимал только тыловые административные должности.

Ауершперг, Франсуа Карл, граф, австрийский фельдмаршал-лейтенант. Сражался в Италии против французских войск.

Ауфенберг, австрийский генерал, командовал войсками в Граубюндене и горных районах Швейцарии, в частности во время похода Суворова в 1799 г.

Б

Бараге д'Илье (Лун) (1764—1812), французский генерал, один из наиболее выдающихся дивизионных генералов армий республики, а затем Наполеона, участвовал во всех походах эпохи.

Батавские дивизии — войска Батавской республики, организованной французами на завоеванной ими территории Голландии. Дивизии эти первое время состояли преимущественно из голландских республиканцев и входили в состав французской армии.

Баялич фон Баягаза, Адам (1734—1800), австрийский фельдмаршал-лейтенант. С 1795 г. командовал бригадой на Рейне, затем в Италии. В 1797 г. под Райблем, в Тироле, был взят в плен Массеной. В 1799 г. командовал бригадой в Италии.

Бельгард, Генрих (1756—1845), австрийский генерал. Сражался с Наполеоном в Италии и позже в Австрии. Участник горного похода через Граубюнден (в Швейцарии) в 1799 г. Один из лучших австрийских военачальников того времени.

Бергенское сражение 17 сентября 1799 г. Берген — деревня в Голландии близ г. Амстердама, у которой французский генерал Брюн одержал победу над англо-русской армией. Русский генерал Герман был взят при этом в плен, а английский генерал, принц Йоркский, сдался вскоре после сражения на капитуляцию.

Бернадот, Шарль (1763—1844), французский генерал, затем маршал Франции. Отличился в революционных войнах во главе самостоятельных соединений и армий (на Рейне). В 1799 г. военный министр. Командовал с 1805 г. корпусом Великой армии. В 1810 г. был сделан наследным принцем Шведским. В 1813 г. сражался во главе шведских войск против Франции. С 1818 г. король Швеции.

Бертье, Луи-Александр (1753—1815), маршал Франции, по образованию военный инженер-картограф. До революции занимал штабные должности. С момента Итальянского похода 1796 г. начальник штаба и ближайший сотрудник Наполеона. Военный министр в 1800 г. Бессменный начальник штаба французских армий с 1804 г. Покончил самоубийством в Бамбарге, в изгнании, после окончательного отречения Наполеона.

Бойе, Пьер, французский генерал. Доброволец 1792 г.; гусар, участвовал во всех войнах революции и империи. Изгнанный Бурбонами в 1815 г., перешел на египетскую военную службу. Особенно отличился в 1793 г. под Неервинденом и в 1801 г. под Гогенлинденом.

Бонтан, Франсуа (1753—1811), французский генерал из солдат старой королевской армии. Участник всех революционных кампаний на Севере и на Рейне с 1792 г. Командовал полубригадой и тяжело ранен в 1799 г. По выздоровлении командовал бригадой в Швейцарской армии (1799 г.) в дивизиях Сульта и Лоржа.

Брюн, Гильом (1763—1815), маршал Франции. Один из крупных полководцев французских революционных армий. Сыграл большую роль в Северной, Вандейской и Итальянской кампаниях с 1792 по 1798 г. В 1798 г. был главнокомандующим Итальянской армией, затем Голландской, во главе ее отличился в боях 1799 г. Командовал затем различными армиями. В 1802 г. был послом в Турции. Убит в 1815 г. в Авиньоне, во время белого террора.

Буавен, Жак-Дени (1756—1831), французский генерал. Отличился в вандейских войнах, затем служил в Рейнской армии. Особенно выдвинулся своей храбростью под Швицем в 1799 г. в Швейцарии, затем участвовал во всех кампаниях консульства и империи.

Бунцельвицкий лагерь в Силезии, в котором во время Семилетней войны в 1761 г. укрылся Фридрих II, имея 60 000 человек против 150 000 австрийцев и русских, в течение нескольких недель не сумевших, однако, ничего предпринять против его укреплений.

В

Вартенслебен, Вильгельм, граф (1734—1798), австрийский фельдцейхмейстер. Отличился еще в Семилетнюю войну, а в особенности в турецкую войну 1788—1790 гг. С 1796 г. главнокомандующий австрийской Южнорейнской армией. Тяжело ранен в сражении под Эммендингеном в 1796 г.

Ватрен, Пьер-Жозеф (1772—1802), французский генерал из рядовых кавалеристов. Участник всех кампаний с 1794 по 1801 г. и первой экспедиции на Сан-Доминго. С 1799 г. участвовал в итальянских кампаниях, был с Массеной в Генуе. Отличился под Маренго.

Виктор, Виктор-Клод-Перрен (1766—1841), герцог Беллунский, выдающийся французский республиканский генерал из рядовых солдат, впоследствии маршал Франции. Один из лучших корпусных командиров Великой армии.

Возвращение Бонапарта во Францию. Узнав о поражениях, понесенных Директорией в 1799 г. в Италии, а также об общем недовольстве ее режимом во Франции, Наполеон решил спешно и тайно вернуться из Египта во Францию для осуществления государственного переворота. 24 августа 1799 г. он отплыл из Александрии и после 45-дневного плавания высадился в Фрежюсе, избежав ряда опасностей. Слух о его прибытии с быстротой молнии распространился по Франции. Переворот 18 брюмера был подготовлен его сторонниками так, что одного его прибытия во Францию оказалось достаточно, чтобы Директория утратила всякое влияние и популярность.

Воинов, Александр Львович (1770—1832), генерал от кавалерии. Командовал бригадой в корпусе Римского-Корсакова в 1799 г.

Вольтер (1694—1778), известный французский поэт, писатель и философ, один из просвещеннейших и наиболее свободомыслящих умов XVIII в., предвестник Французской революции.

Вреде, Карл, князь (1767—1838), баварский полковник, впоследствии генерал. Командовал баварским контингентом армии Наполеона во время войны 1812 г., а также 1813 г. В 1813 г. изменил Наполеону и был разбит последним под г. Ганау, во время попытки преградить ему отступление.

Вукасович, Филипп (1755—1809), австрийский генерал, словенец. Вся его боевая карьера протекала в Италии, где он с честью сражался против Наполеона и других французских полководцев. Умер от раны, полученной в бою под Ваграмом.

Вюртембергский герцог Фридрих-Вильгельм-Карл, глава одного из самостоятельных германских государств, входивших в состав Священной Римской империи.

Вюртембергские войска — контингент Вюртембергского герцога в составе до двух дивизий, предоставленный им австрийскому императору.

Г

Гаваэини, Алуа (1762—1834), австрийский генерал-майор. С 1795 г. действовал на Рейне. Отличился в 1799 г. под Штокахом и во время кампании в Граубюндене (Нефельс).

Газан де-ла-Пейрьер, Оноре-Теофиль (1765—1844), французский генерал, проявивший исключительную храбрость и недюжинные способности во время революционных войн, а в особенности во время Швейцарской кампании 1799 г. В дальнейшем — один из лучших корпусных командиров Великой армии Наполеона. Занимал крупные командные посты и после падения Наполеона.

Гарданн, Клод-Матье (1766—1817), французский генерал. Отличился в революционных армиях. Командовал дивизиями в Великой армии и участвовал во всех ее походах.

Гарнье де-ла Буассьер, Пьер (1755—1809), французский генерал из офицеров старой армии, оставшихся верными республике. С 1800 г. инспектор кавалерии, занимал высокие правительственные посты.

Гергер, австрийский генерал, командовавший соединениями в Дунайской армии эрцгерцога Карла в 1799 г. Отличился в особенности в боях под Филипсбургом.

Германская империя — в данном случае Австрия и все королевства, княжества и герцогства, признававшие номинальный суверенитет германского императора и составлявшие так называемую «Священную Римскую империю».

Гиулай, Игнатий (1763—1831), австрийский генерал, венгерец. Участвовал во всех кампаниях против Французской республики и империи. Считался одним из самых способных австрийских полководцев.

Гогенлоэ-Вальденбург Бартенштейн, князь Людовик-Алоизий (1765—1829), германский генерал австрийской службы. Служил в армиях эрцгерцога Карла в 1799 г. (Дунай, Швейцария). В 1816 г. при короле Людовике XVIII перешел на французскую службу, произведен в маршалы Франции (1827 г.) и занимал высокие военные посты.

Годино, Део-Грациас-Николай (1765—1811), командир батальона, впоследствии выдающийся генерал. Отличился в войнах республики, произведен в генералы в 1805 г. за Аустерлиц.

Горчаков, князь, русский генерал, командовавший подразделением в армии Суворова в 1799 г.

Готтесгейм, Фридрих-Генрих (1749—1808), австрийский фельдмаршал-лейтенант, эльзасец. Сначала был на французской службе. Эмигрировал вместе с гусарами де-Сакса и, перейдя на австрийскую службу, сражался все время против французов. Генерал с 1796 г. Особенно выдвинулся в 1798 и 1799 гг. в Италии, в сражениях у Вероны, Маньяно, на р. Стуре. Тяжело ранен под Маренго в 1800 г., после чего ушел в отставку.

Готце, Давид (1740—1799), австрийский генерал, убит в бою на р. Линте в Швейцарии. Служил с 1771 по 1773 г. в русской армии. Во время войны с Францией произведен в чин фельдмаршала-лейтенанта. В 1799 г. ему были вверены оборона Граубюндена и крупные войсковые соединения в Швейцарии под общим руководством Суворова.

Гофкригсрат, т. е. придворный военный совет при австрийском императоре в Вене. Руководил всеми военными операциями австрийских армий, составлял планы кампаний и тормозил инициативу отдельных главнокомандующих, например Суворова и эрцгерцога Карла.

Гренье, Поль, граф (1768—1827), французский генерал. Отличился в сражениях у Нейвида в 1797 г. и у Гогенлиндена в 1800 г. Оставил интересные мемуары.

Гюдень де-ла Саблоньер (1768—1812), французский генерал. Участник германской и швейцарской кампании в 1799 г. Проявил исключительное геройство в сражении под Ауерштедтом, убит в сражении под Валутиным в 1812 г.

Д

Дамьен (1715—1757), совершил в 1757 г. покушение на короля Людовика XV под впечатлением тех ужасов, которые совершались его именем; находился под влиянием философов-энциклопедистов XVIII в. Был признан невменяемым и, несмотря на это, четвертован.

Дедон, Франсуа-Луи, артиллерийский и инженерный генерал. Участвовал во всех походах республики, в частности в Швейцарии в 1799 г. Служил в Испании при короле Жозефе. Генерал с 1805 г. Один из организаторов понтонных войск во Франции и автор исторических мемуаров.

Декан, Шарль-Матье-Изидор (1769—1832), французский генерал из добровольцев 1790 г. Один из лучших французских генералов революционных войн. Большая часть его карьеры протекала на Рейне и на Дунае в 1796—1799 гг. В 1800 г. отличился в сражении под Гогенлинденом.

Демаркационная линия, так называлась северная граница Священной Римской империи. Германские государства, находившиеся к северу от этой линии, не были обязаны предоставлять свои контингенты императору. В их число входили Пруссия и почти все северо-германские государства. В пределах демаркационной линии все государства обязаны были по требованию императора предоставлять свои воинские контингенты.

Дессоль, Огюстен (1767—1828), французский генерал, отличившийся во время итальянских кампаний 1796 и 1797 гг., а в особенности во время горной войны в Швейцарии в 1799 г. В 1818 г. был председателем Совета министров.

Директория (исполнительная), правительство, возглавлявшее Францию с 27 октября 1795 г. до 9 ноября (18 брюмера) 1799 г., когда оно было свергнуто Наполеоном. Состояла она из пяти директоров, Совета старейшин и Совета пятисот.

Домбровский, Жан-Анри (1755—1818), польский революционер и генерал, перешедший на французскую службу в 1796 г., организатор 1-го польского легиона французской армии. Во главе его отличился в итальянских кампаниях с 1797 по 1800 г. Участвовал во всех походах Наполеона. Написал историю польского легиона во Франции.

Друэ д'Эрлон, Жан-Батист (1765—1844), граф, французский генерал из рядовых солдат, а с 1843 г. маршал Франции. Сражался на многих фронтах республиканских войн. Особенно отличился в 1799 г. под Цюрихом, Шафгаузеном и Констанцем. В 1809 г. усмирил Тироль. В 1815 г. с исключительным упорством сражался под Ватерлоо.

Дурасов, русский генерал, командовал подразделением корпуса Римского-Корсакова в 1799 г.

Дюбуа-Крансе, Эдмон-Луи (1747—1814), французский генерал. Был военным министром во время Директории. Известен тем, что впервые ввел систему воинской повинности, основанную на периодических наборах новобранцев.

Дюгем, Филипп-Гильом (1766—1815), один из лучших дивизионных генералов Наполеона. Изрублен брауншвейгскими гусарами Блюхера после сражения при Ватерлоо.

Дюфур, Жорж-Жозеф (1758—1830), французский генерал. С 1793 г. отличился в Вандее, затем на Мозеле и в Баварии. Участвовал в отпоре англо-русского десанта в Голландии в 1799 г. За свои республиканские убеждения был долгое время в немилости при империи. Примкнул к Наполеону лишь в 1815 г. во время ста дней.

Е

Египетская армия, экспедиционный корпус, с которым Бонапарт отправился в конце 1798 г. на завоевание Египта. Состав ее — 15 полубригад (пехотных полков) и 7 кавалерийских полков с артиллерией и вспомогательными частями, всего около 28 000 человек.

Елачич де Бузим (1746—1810), австрийский фельдмаршал-лейтенант. В 1797 г. командир бригады в Италии, потерпел поражение от Массены. В 1799 г. сражался в Швейцарии против Массены под командованием Суворова.

Ж

Жомини, Анри (1779—1869), французский генерал, швейцарец родом. Известный военный писатель и теоретик. Был начальником штаба маршала Нея. Наполеон его ценил, но к себе не приближал. Впоследствии перешел на русскую военную службу и был одним из основателей русской академии Генерального штаба. Автор трудов по стратегии и истории революционных войн.

Жубер, Бартелеми (1769—1799), французский генерал, командовавший крупными соединениями и армиями на Рейне и Дунае, подавал большие надежды. В 1798 г. переброшен в Италию. Убит в сражении при Нови.

Журдан, Жан-Батист (1762—1833), французский генерал, впоследствии маршал Франции. Победитель австрийцев при Флерюсе в 1794 г. Одержал ряд побед на Рейне и Дунае, командовал одно время Итальянской армией.

З

Зимбшен, Иосиф-Антон (1746—1820), австрийский генерал-фельдцейхмейстер. В начале революционных войн Зимбшен был начальником штаба фельдмаршала Винса. В 1797 г. командовал резервным корпусом в Нидерландах. В 1799 г. под командованием Старая сражался на Рейне, затем в Швейцарии, в Граубюндене.

И

«Иена», сражение, выигранное Наполеоном над пруссаками 14 октября 1806 г.

Император австрийский Франц II, он же император Священной Римской империи.

Йоркский герцог, Фридрих, сын английского короля Георга III (1763—1827). Участвовал в ряде неудачных сражений с французами на севере Франции и в Голландии. После сражения при Бергене в 1799 г. сдался на капитуляцию.

К

Кайм, Конрад-Валентин (1731—1801), австрийский фельдмаршал-лейтенант. Отличился в первых боях с революционными французскими войсками в 1792 г., командовал соединениями в армии эрцгерцога Карла на Дунае в 1796 и 1797 гг., а затем и в армиях Альвинци и эрцгерцога Карла в Италии. В 1799 г. ранен под Вероной, проявил большую храбрость при Маньяно. 25 декабря 1799 г. смертельно ранен в сражении на Минчио.

Карачай де Валиесчака, Андрей, граф (1744—1808), австрийский фельдмаршал-лейтенант. Проявил хорошие боевые качества в турецкой войне 1788—1790 гг. и был замечен Суворовым. В его биографии отмечено, что «Суворов обнял полковника Карачая и поздравил его за его действия совместно с русскими в сражениях у Фокшан у Вада-Туркулуй в 1789 году». В 1794 г. Карачай переброшен на французский фронт на Рейне. Когда Суворов в 1799 г. был назначен главнокомандующим австро-русскими силами в Италии, он призвал его к себе. Карачай отличился в сражениях у Требии

и Нови. В 1800 г. тяжело ранен в сражении у Энгена, в Германии, после чего ушел в отставку.

Карл, эрцгерцог, третий сын императора Леопольда II австрийского (1771—1847), один из лучших австрийских полководцев в эпоху войн с Французской республикой и империей. Одержал победу при Штокахе в 1796 г. над французами. Разбит Массеной под Цюрихом в 1799 г. и Наполеоном под Ваграмом в 1809 г. Написал обстоятельную историю своих походов.

Клейн (1761—1845), французский кавалерийский генерал. Командовал почти всегда тяжелой кавалерией. В 1799 г. был одно время начальником штаба Массены (под Цюрихом). Отличился своими блестящими атаками в сражении под Прейсиш-Эйлау в 1807 г. В 1808 г. ушел в отставку.

Клеман де-ла Ронсьер, Франсуа (1773—1854), французский кавалерийский генерал из рядовых солдат. Сражался с 1797 г. в Италии. Ранен в сражении на Требии. Командовал бригадой тяжелой кавалерии в Великой армии. Впоследствии генерал-инспектор кавалерии.

Клеман, Габриель-Жозеф (1766—1812), французский генерал из рядовых солдат. В Итальянской армии в 1796—1798 гг. Затем участник Голландской кампании 1799 г. Впоследствии служил в Испании.

Кленау, Иоган, граф (1758—1819), австрийский генерал от кавалерии. В апреле 1797 г. за проявленную в итальянской кампании храбрость произведен в генералы. Особенно отличился в 1799 г. своими кавалерийскими операциями против Макдональда. Действовал на Требии под командованием Суворова. Затем под командованием Меласа в Пьемонте.

Клозель, Бертран (1772—1842), французский генерал с 1799 г., впоследствии маршал. Состоял в Итальянской армии французов с 1798 г. Известен своей миссией к сардинскому королю Карлу-Эммануилу, во время которой он добился бескровной передачи французам всех пьемонтских крепостей.

Колло, Жан-Сильвестр (1745—1819), французский дивизионный генерал. Отличился при Вальми (1793 г.) и в Рейнской армии под командованием Клебера. В 1798 г. подавил в Бельгии контрреволюционное восстание католиков; участник победы при Гогенлиндене в 1800 г.

Конде, Луи-Жозеф де Бурбон (1736—1819), вельможа при дворе Людовика XVI. В 1792 г. бежал за границу. В Кобленце сформировал армию из дворян-эмигрантов (белую армию), участвовавшую во всех войнах против Французской республики.

Корсаков (Римский), Алексей Михайлович (1753—1840), русский генерал от инфантерии. При Павле I был отправлен во главе 30-тысячного корпуса в Швейцарию, в подкрепление Суворову, и был разбит Массеной под Цюрихом 25 апреля 1799 г. После этого не занимал больше активных военных постов.

Край, Павел (1735—1804), австрийский генерал, венгерец. Командовал крупными соединениями во время войн в Германии и Италии, в частности в 1798 и 1799 гг.

Ксантрайль, французский генерал, участник Швейцарской кампании 1799 г.

Курфюрст, так назывались владетельные германские князья и епископы, имевшие право участвовать в избрании из своей среды германского императора. В числе их был и курфюрст Баварский.

Л

Лаборд, Анри-Франсуа (1763—1833), французский генерал. Участник всех походов с начала революции. В 1799 г. командовал дивизией под Филипсбургом.

Лабуасьер, Пьер-Гарнье (1755—1809), французский кавалерийский генерал. Участник кампаний на Рейне с 1792 г. С 1799 г. командовал дивизией в Итальянской армии, в сражении у Нови, затем в 1800 г. участвовал в походе через Граубюнден.

Лаваль, Анна-Жильбер (1762—1810), французский генерал. Участник походов на Рейне с 1792 по 1797 г. Перешел в Дунайскую и затем в Швейцарскую армии

в 1799 г., служил в дивизиях Сульта, Газана. Участник Цюрихского сражения; затем командовал дивизией Рейнской армии под начальством Лекурба.

Лагоц, итальянский патриот и французский генерал, сражавшийся сначала в рядах французской армии против австрийцев, в целях освобождения Италии. Убедившись, однако, в захватнических намерениях французской Директории, Лагоц перешел на сторону австрийской коалиции. Убит в 1799 г. при осаде Анконы.

Ландштурм, германское народное ополчение второй очереди.

Латтерман, Кристоф (1753—1835), австрийский генерал и фельдмаршал. Сражался в 1793 г. на Рейне под командованием Вурмзера, особенно же отличился в Италии в кампанию 1799 г. Занимал в дальнейшем высокие военные и административные посты.

Легран, Клод-Александр (1762—1815), из унтер-офицеров старой королевской армии. За выдающуюся военную доблесть произведен в 1799 г. в дивизионные генералы. Был видным участником военных действий в Швейцарии в 1799 г., затем под Гогенлинденом в 1801 г.

Лекурб, Клод-Жак (1759—1815), французский генерал из рядов Национальной гвардии. Участвовал в рейнских и дунайских кампаниях с 1794 по 1797 г. Отличался инициативой. В 1799 г. в Швейцарии в ряде горных боев разбил австрийцев, действовал против войск Суворова. Назначенный в том же году главнокомандующим Рейнской армии, не сумел проявить себя столь же блестящим полководцем. Под командованием Моро, в 1801 г. под Гогенлинденом, снова проявил выдающиеся качества. Лекурб был решительным сторонником Моро, чем вызвал гнев и подозрения Наполеона и был выслан им из Франции. Вернулся он лишь в 1814 году.

Лемуан, Луи (1764—1842), французский революционный генерал из рядовых солдат. При взятии Лиона в 1793 г. за храбрость произведен в генералы. После переворота 18 брюмера ушел в отставку, вернулся на службу лишь в 1813 г., когда вновь возникла угроза целости Франции.

Линкен, австрийский генерал. Командовал самостоятельным отрядом во время Швейцарской кампании 1799 г. Одно время находился в подчинении у Суворова.

Лихтенштейн, Мориц-Иосиф (1775—1819), князь, австрийский фельдмаршал-лейтенант. В 1796 г. флигель-адъютант эрцгерцога Карла. Отличился в кампанию 1799 г. в Германии, против генерала Нея.

Лорж, Жан-Гильом (1767—1826), французский генерал из рядовых драгун. При Флерюсе в 1794 г. был уже генералом. Проявил себя храбрым и инициативным дивизионным генералом почти во всех кампаниях республики и империи.

Лорсе, Жан-Батист (1768—1822), французский генерал. С 1796 г. в Итальянской армии. Командовал кавалерией под начальством Нея и Массены на Рейне и в Швейцарии в 1799 г.

Лотарингский, Карл-Евгений, фон Ламбеск (1751—1825), принц, австрийский генерал из французских эмигрантов. В Париже в попытках подавления революции 1789 г. принимал видное участие во главе «королевского немецкого» конного полка. Увел затем свой полк за границу для действий против Франции. В 1796 г. зачислен в Австрийскую армию и участвовал с ней во всех походах на Рейне.

Лоудон, Гидеон-Эрнет (1716—1790), австрийский фельдмаршал. Известный участник Семилетней войны и, в частности, Куннерсдорфского сражения. Один из видных австрийских полководцев XVIII в.

Лоудон, Иоган-Людвиг (1762—1822), австрийский фельдмаршал-лейтенант, племянник известного австрийского фельдмаршала Лоудона. Сражался против армий Французской республики в Италии и Баварии с 1796 по 1800 г. Командовал дивизией, переброшенной в 1797 г. для подкрепления Альвинци, принял видное участие в кампании 1799 г. в Тироле и Италии.

Лоше, Пьер-Шарль (1767—1807), генерал из солдат старой армии. Участник ирландской экспедиции генерала Гоша. Служил в Швейцарии в 1799 г., затем в Рейнской армии.

Луазон, Луи-Анри, граф, французский генерал. Близкий сподвижник Наполеона. Под его командованием сражался с 1796 г. в Италии, затем с 1799 г. занимал командные посты в Швейцарии. За действия у Сен Готарда произведен в дивизионные генералы; отличился также в итальянском походе 1800 г.

Людовик XIV, король Франции, родился в 1638 г., вступил на престол малолетним в 1643 г., принял управление государством в 1661 г., умер в 1715 г. Его царствование — апогей могущества безответственной королевской власти во Франции и ее военных и политических успехов.

М

Макдональд, Александр (1765—1840), маршал Франции. Родом ирландец. Особенно выдвинулся во время походов французских армий в Италии в 1797 и 1799 гг. Стоял во главе французской Неаполитанской армии. Участник сражения на р. Требии. В 1809 г. маршал Франции. Видный участник испанской и русской кампаний. В 1814 г. изменил Наполеону. Занимал высокие военные посты при королях.

Мале, Клод-Франсуа (1754—1812), французский генерал. Вступил в революционную армию с 1792 г. из рядов Национальной гвардии. Отличился в армиях на Рейне и в Италии, в особенности в 1799 г. под командованием Шампионе и Массены. Был губернатором Пармы и Рима. Пламенный республиканец, он выступил против диктатуры Бонапарта, а затем и против империи.

Марков, Евгений Иванович (1769—1828), генерал-лейтенант. Участник войн екатерининской, павловской и александровской эпох. Был шефом (командиром) Муромского пехотного полка, с которым и участвовал в Суворовском походе 1799 г. в корпусе Римского-Корсакова.

Массена, Андре (1756—1817), герцог Риволи, принц Эсслингский, маршал Франции. Один из наиболее выдающихся французских генералов и полководцев в эпоху Французской революции. Отличился при Риволи (1796 г.) в Швейцарии, в частности, приобрел известность победой под Цюрихом (26 ноября 1799 г.) и во время осады Генуи (1800 г.). Один из ближайших сподвижников Наполеона.

Мелас, Михаил (1729—1806), один из лучших австрийских генералов эпохи войн с французскими революционными армиями. Совместно с Суворовым действовал против французов в 1799 г. в Италии. Взял крепость Кони и осаждал Геную; 14 июня 1800 г. Наполеон нанес ему под Маренго сокрушительное поражение.

Менар, Филипп-Ромен (1750—1810), французский генерал из рядовых солдат. С 1795 г. в рядах Итальянской армии в дивизии Лагарпа, перешел затем в дивизию Массены. Вскоре принял командование над дивизией. В 1798—1799 гг. действовал в Швейцарии. Участник сражения под Цюрихом.

Мервель, Максимилиан (1766—1815), граф, австрийский генерал. Был одним из уполномоченных по ведению переговоров о мире в Кампо-Формио (1797 г.).

Миоллис (1759—1828), французский генерал. Командовал дивизиями в Итальянской и Швейцарской армиях во время кампаний 1796, 1798 и 1799 гг. Особенно отличился в Генуе во время ее осады в 1800 г.

Митровский, Иосиф-Антон (1735—1809), австрийский генерал с 1796 г., в 1799 г. фельдмаршал-лейтенант. Участник итальянских походов под командованием Альвинци и Меласа. Отличился в 1799 г. у Нови и Бейнете.

Молитор, Габриель (1770—1849), французский генерал, впоследствии (при короле Людовике XVIII) маршал Франции, из добровольцев 1791 г. Принял блестящее участие в революционных войнах на Рейне и в Германии. Генерал с 1799 г., принял участие в швейцарской кампании, особенно отличившись под Нефельсом. За завоевание Граубюндена произведен в дивизионные генералы. С 1810 г. главнокомандующий в Голландии и на Севере. Играл выдающуюся военную роль и после Наполеона.

Монье, Жан-Шарль (1738—1816), французский генерал, из добровольцев 1791 г. Участник всех итальянских кампаний. Проявил блестящие дарования, обороняя осаж-

денную Анкону в 1799 г., за что произведен в дивизионные генералы. После 1801 г. Монье, выступивший против деспотизма Бонапарта, был уволен из армии.

Моншуази, Луи (1744—1814), французский генерал-артиллерист. Одно время подозревался в сочувствии к восстановлению королевской власти и был устранен из армии. В 1797 г. получил дивизию в Дунайской армии, затем в 1799 г. оккупационную дивизию в Швейцарии (Берн). В 1800 г. сражался в Граубюндене.

Моро, Жан-Виктор (1763—1813), французский генерал. Командовал армиями республики на Рейне, Дунае и в Италии. Особенно прославился победой под Гогенлиденом в декабре 1801 г. Вскоре, однако, на почве личного соперничества, он вступил в борьбу с Наполеоном, был уличен в сношениях с роялистскими заговорщиками (Кадудалем) и австрийцами и был изгнан. Удалился в Америку. Вернулся в Европу в 1813 г. и поступил на русскую службу. Убит в сражении под Дрезденом в 1813 г.

Мортье, Адольф (1768—1835), маршал Франции. Произведен в генералы 25 сентября 1799 г. за форсирование р. Лимат, затем командовал дивизией в армии Массены. С 1800 г. командовал консульской гвардией, затем рядом корпусов Великой армии, в 1812 г.— молодой гвардией. В 1814 г. изменил Наполеону.

Мюллер, Жак-Леонор, барон (1749—1824), из рядовых солдат королевской армии (швейцарского полка Куртен). Бригадный генерал с 1793 г. В 1799 г. временно командовал Нижнерейнской армией. Во главе ее занял Гейдельберг и осаждал Филипсбург. После этого занимал пост начальника дивизии в различных походах консульства и империи.

Мюльгрейв, Генри Фиппс, лорд (1755—1831), английский политический и военный деятель, предпринимал различные военные авантюры по заданиям английского правительства. Известен своей неудачной экспедицией против Валжерена в Голландии в 1809 г.

Н

Науендорф, Фридрих-Август (1749—1801), австрийский фельдмаршал-лейтенант, кавалерист. Во главе своего гусарского полка в 1792 г. сражался на Рейне, год спустя произведен в генералы. С 1796 по конец 1799 г. командовал отдельным корпусом в Южной Германии и выполнил ряд самостоятельных заданий эрцгерцога Карла. В 1800 г. стоял во главе авангарда армии эрцгерцога Карла, действовал против Базеля.

Нашествие французов в Швейцарии; французы вступили в Швейцарию в 1798 г., первоначально стремясь обеспечить Франции «естественные границы» по призыву местных республиканцев. Они вскоре подчинили почти всю страну французскому влиянию и окончательно оставили Швейцарию лишь в 1814 г.

Ней, Мишель (1769—1815), маршал Франции из рядовых гусар, эльзасец по происхождению. Со славой участвовал во всех походах республики и империи. Наполеон ценил его за храбрость и блестящие тактические качества, а также за благородный характер. Особенно отличился Ней, прикрывая отступление Великой армии из России в 1812 г. и под Ватерлоо в 1815 г. Расстрелян в 1815 г. за преданность Наполеону.

Нобиле, Иоган, граф (1769—1823), австрийский инженерных войск фельдмаршал-лейтенант, участник боев в армии Больё с французами с 1793 по 1796 г. Отличился в 1799 г. при осаде Мантуи. Впоследствии был начальником инженерной академии.

О

Ожеро, Пьер-Франсуа-Шарль (1757—1816), маршал Франции, выдвинулся из рядовых солдат. Выдающийся республиканский генерал, первоначально ярый якобинец. Участник переворота 18 фрюктидора 1797 г. (4 сентября) против реакционного большинства законодательного корпуса. Впоследствии стал близким сподвижником Наполеона. Особенно отличился в сражении при Кастильоне в 1796 г.

Опуль, Жан-Жозеф (1754—1807), кавалерийский генерал наполеоновской эпохи. Командовал кавалерийскими дивизиями во время революционных войн в Германии и Италии.

Оранжисты, сторонники Оранской королевской династии в Голландии и независимости от Франции. Их противниками были члены республиканской партии, тяготевшей к Франции.

Отт, Петр-Карл, австрийский фельдмаршал, венгерец. Командовал крупными соединениями во время войн против Французской республики. Первоначально выдвинулся в боях с турками. Отличился в 1799 г. под командованием Суворова. Руководил в 1880 г. непосредственной осадой Генуи.

П

Пеллетье, Луи (1754—1843), французский генерал, из рядовых солдат. Участник осады Тулона, генерал с 1793 г., затем в Итальянской армии.

Петраш, Франц, австрийский фельдмаршал-лейтенант, участник сражения под Цюрихом (4 апреля 1799 г.) и всей швейцарской кампании. После смерти Готце принял временное командование над австрийскими войсками в Швейцарии.

Пижон, Жан-Жозеф (1753—1799), французский генерал из рядовых старой армии. В Итальянской армии с 1793 г. Под командованием Массены сражался у Лонато и Роверето в 1796 г. Перешел в швейцарскую армию и взял Фрейбург в 1798 г. Под командованием Брюна сражался в 1799 г. в Италии. Смертельно ранен 5 апреля 1799 г. под Маньяно.

Полубригады, так назывались реорганизованные в 1792 г. пехотные полки Революционной армии, в каждую из которых влились по 2 батальона из старой королевской армии и по одному батальону добровольцев-республиканцев.

Р

Республиканцы, так Клаузевиц называет французские войска, подчеркивая этим, что, в противовес войскам монархической коалиции, они являлись носителями революционных идей Французской республики.

Рей, Габриель Венанс (1763—1836), французский генерал из рядовых солдат, участник походов 1796 и 1797 гг. в Италии. Командовал затем кавалерией Римской и Неаполитанской армий в 1798 г. В 1799 г. захватил Гаэту. Впоследствии занимал различные второстепенные посты.

Ришпанс, Антуан (1770—1800), один из лучших генералов Французской республики. С 1794 г. участник кампании в Германии и Италии. Особенно выдвинулся в сражении при Энгене 3 мая 1800 г., затем при Гогенлиндене.

Роган, Шарль, принц (1764—1836), французский эмигрант, перешедший на австрийскую службу и достигший там чина фельдмаршала-лейтенанта. Участник кампании 1799 г. в Швейцарии. За целый ряд неудач в Тироле в 1805 г. уволен в отставку, однако вскоре восстановлен. Под Ваграмом он снова сражался против своей родины и был тяжело ранен. Заочно приговорен во Франции к смертной казни за службу во вражеской армии.

Розенберг, Андрей Григорьевич (1740—1813), генерал от инфантерии. Выдвинулся из рядовых солдат (явление, крайне редкое в те времена). Произведен в офицеры за выдающуюся храбрость и отличия в сражениях против немцев при Грос-Эгерсдорфе и Куннерсдорфе, во время Семилетней войны. Вскоре выдвинулся на штабные должности. Командовал корпусом в армии Суворова в 1799 г. Особенно отличился при штурме Сен Готарда и Чортова моста. Герой боя у Урзерна. Клаузевиц особо отмечает выдающуюся храбрость и военные качества Розенберга. В 1805 г. уволен в отставку по болезни.

Розенберг-Орсини, Франц (1761—1832), князь, австрийский генерал от кавалерии. Кирасирский офицер, участник войн с французами в Германии. Произведен в генералы за храбрость в сражении под Вюрцбургом 3 сентября 1796 г. Участвовал затем в кампаниях 1797, 1799 и 1800 гг. Отличился в особенности в боях у Остраха и Штокаха. С 1811 г. член гофкригсрата.

С

Салтыков, Петр Семенович, генерал-аншеф. В марте 1759 г. назначен императрицей Елизаветой Петровной главнокомандующим русской армией в Семилетнюю войну. После победы над Фридрихом Великим под Куннерсдорфом был произведен в фельдмаршалы, хотя главная заслуга в победе принадлежала Румянцеву. Умер в 1772 г.

Сен-Жюльен, Вальдес (Иоган-Иосиф), австрийский фельдмаршал-лейтенант. Командовал дивизией в армиях Вурмзера во время осады Мантуи в 1797 г. и в чине генерал-майора дивизией у Бельгарда в кампанию 1799 г. В мае 1799 г. ранен под Людиенштейгом.

Сен-Сир, Лоран, Гувион (1764—1830), французский генерал, впоследствии маршал Франции. Проявил недюжинные стратегические способности во время кампании на Рейне, Дунае и в Италии с 1796 по 1800 г. Особенно отличился в боях под Генуей и в сражении при Гогенлиндене. Один из лучших стратегов среди наполеоновских генералов. Участник всех главных походов Великой армии. Неоднократно выполнял самостоятельные задания. Автор содержательных мемуаров.

Серас, Жан-Матье (1765—1815), французский генерал. С 1795 г. состоял в Итальянской армии при Ожеро. Начальник штаба дивизии Груши при Сан-Джульяно с 20 июля 1799 г.

Советник парламента. Парламент во Франции XVIII в. был судебным органом, соответствовавшим Верховному суду. Члены этого суда назывались советниками и назначались королем.

Соммарива, Ганнибал (1755—1829), маркиз, австрийский генерал от кавалерии, родом итальянец. Сначала отличился в Германии под Раштаттом и в боях с Моро вокруг Ульма. Переведенный в 1799 г. с полком в Италию, Соммарива вскоре был произведен за боевые заслуги в генералы и отличился под командованием Меласа против генерала Шампионе.

Сорé, Пьер де-ла Борм (1742—1818), генерал из рядовых солдат с 1793 г. Отличился в Восточных Пиренеях. Видный участник походов 1796, 1797, 1798, 1799 гг. в Италии.

Старай, Антон (1740—1808), граф, австрийский фельдцейхмейстер. С 1792 г.— в Нидерландах, сражался против революционных войск. В 1794 г. тяжело ранен под Куртре, с 1796 г. снова в боях с французами, на Рейне. Сражался неудачно против Моро и Журдана. В 1799 г. командовал корпусом на юге Германии и освободил Филипсбург от осады.

Сугам, Жозеф (1760—1837), французский генерал из рядовых солдат. Произведен в 1793 г. под Жемаппом в бригадные генералы. Смещен по подозрению в близости к Пишегрю и Моро. Восстановлен лишь во время консульства. Отличился затем в Испании и Португалии, но в 1814 г., под Парижем, настолько демонстративно покинул свой боевой пост, что его собственные войска стреляли по нем.

Сульт, Николай-Жан де-Дье, герцог Далмации (1759—1851), маршал Франции из рядовых солдат. Участник кампаний на Рейне, Дунае, в Италии и Швейцарии. Командовал дивизиями и группами дивизий. Затем командовал консульской гвардией и рядом корпусов Великой армии. Сыграл видную роль под Аустерлицем, а особенно в Испании с 1810 по 1814 г. Впоследствии, при короле Луи-Филиппе (1830), был военным министром.

Т

Тарро, Жан-Виктор (1770—1812), французский дивизионный генерал из добровольцев 1792 г. Отличился в Швейцарии в 1799 г. под руководством Массены. Убит под Бородиным.

Титов, русский генерал, командовавший подразделением корпуса Римского-Корсакова в 1799 г.

Топографическое бюро при Комитете общественного спасения. Возглавлялось первоначально Карно, а затем Кларком. Играло на первых порах роль централь-

ного генерального штаба, стремившегося из Парижа руководить всеми военными операциями 14-й армии, сформированной для обороны «естественных» границ Франции.

Тугут, Иоган, барон (1736—1818), австрийский государственный деятель и дипломат. Премьер-министр австрийского императора и один из инициаторов первых двух коалиций против Французской республики.

Тюрро де Гарамбувиль, Луи, барон (1756—1816), французский генерал. Комитет общественного спасения назначил его в 1793 г. генералом и поручил ему разгромить контрреволюционное восстание в Вандее. Отличился во время швейцарской кампании 1799 г. под командованием Массены. Когда Бонапарт пришел к власти, Тюрро был среди оппозиционных генералов, за что отправлен в почетную ссылку, послом в США, где пробыл до 1810 г. Известен тем, что взял на воспитание одного из сыновей Бабефа после смерти последнего.

У

Удино, Николай-Шарль (1767—1847), маршал Франции из рядовых солдат. Выдающийся дивизионный генерал, отличившийся в 1796 и 1797 гг. на Рейне и Дунае, а также в Швейцарии, в 1799 г. — в качестве начальника штаба Массены. Долгое время командовал гренадерской резервной дивизией (затем корпусом) Великой армии 1812 г. Один из лучших маршалов эпохи Наполеона.

Ф

Фрелих, Михаил (1740—1814), австрийский фельдмаршал-лейтенант. В 1796 г. энергично преследовал армию Моро во время ее отступления через «Адскую Долину» в Шварцвальде. Особенно же отличился в 1799 г. в Италии, под Вероной, Леньяно и Маньяно, а также в сражении при Нови и при осаде Анконы.

Ч

Чент-Керешти, Зигмунд (1745—1823), австрийский генерал от кавалерии, участник сражения под Неервинденом в 1793 г. Участник всех кампаний в Германии против французских революционных войск. Особенно удачно действовал на р. Лан и в районе Франкфурта в 1796 г.

Ш

Шабран, Жозеф (1760—1843), французский генерал из добровольцев 1796 г. Отличился в итальянской кампании 1796 г., в особенности под Лоди, и в 1799 г. в Швейцарии.

Шампионе, Жан (1762—1800), французский генерал эпохи революционных войн. В 1799 г. командовал Итальянской армией. По поручению Директории создал из Неаполитанского королевства Партенопейскую республику, предварительно изгнав оттуда приверженцев королевской власти. Отличался рыцарским характером.

Шварценберг (1771—1820), князь, австрийский генерал, впоследствии фельдмаршал. Командовал в 1799 г. обсервационным корпусом между реками Майн и Неккар. С 1812 по 1815 г. главнокомандующий австрийской армией во время всех кампаний этих лет.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

От издательства 5

Глава VI. В Швейцарии главные силы противников, под командованием эрцгерцога Карла и генерала Массены, в течение 3 месяцев стоят друг против друга в бездействии. Лекурб разбивает в горах левый фланг австрийцев 7

Расположение обеих сторон 7
Бездействие обеих армий до середины августа 13
Бой у Швица и Брунена 3 июля 17
События на Рейне в течение лета 18
Лекурб отбрасывает левый фланг австрийцев из долин рек Роны, Рейсы и Зпля 21
Оценка этого сражения 28
Эрцгерцог делает неудачную попытку форсировать реку Аар 36
Бой 17 августа у Детингена 37
Эрцгерцог пытается вернуть прежние позиции на своем левом фланге, но оставляет эту попытку 40
Массена делает неудачную попытку переправиться через реку Лимат и прогоняет Готце за Валенштедтское озеро 43
Отход эрцгерцога Карла на Рейн 46
Выводы об австрийском полководце 48
Выводы о французском полководце 51

Глава VII. Поход Суворова в Швейцарию. Массена наносит Римскому-Корсакову поражение под Цюрихом. Союзники отходят за Рейн . . 56

Новый план обеих сторон 56
Силы и расположение обеих сторон в Швейцарии 63
План Суворова для соединения войск союзников в Швейцарии 67
План наступления генерала Массены 73
Второе сражение под Цюрихом 76
Выводы 87
Готце разбит Сультом на реке Линте 92
Елачич и Линкен безуспешно атакуют Молитора в долине Линты 97
Положение у Суворова. Поход через Сен Готард 100
Суворов захватывает Сен Готард и отгоняет Лекурба до Зеедорфа 103
Суворов захватывает Чортов мост 111
Суворов переходит из Шахенской долины в Муттенскую и отступает оттуда в долину реки Линты 117

Стр.

Суворов направляется через долину Зернфт в Рейнскую долину 126
Массена завершает завоевание Швейцарии 134
Выводы. Поход через Сен Бернар 139
Переход через Сен Готард 144
Французский главнокомандующий 152

Глава VIII. Эрцгерцог Карл освобождает Филипсбург от осады, овладевает Мангеймом и возвращается на Боденское озеро. Суворов отходит в Швабию. Окончание швейцарской кампании. Старай дважды освобождает Филипсбург от осады. Окончание кампании на Рейне. 158

Эрцгерцог Карл освобождает Филипсбург от осады и штурмом овладевает Мангеймом 158
Возвращение эрцгерцога на Дунай 163
Отход Суворова в Швабию 168
Третье обложение и освобождение Филипсбурга 171
Четвертое освобождение Филипсбурга от осады Стараем 174
Окончание кампании в Германии 178
Выводы и рассуждения по поводу этой главы 180

Глава IX. Мелас наносит Шампионе поражение и захватывает Кони. Фрелих осаждает и захватывает Анкону. 188

Соотношение сил обеих сторон 188
Шампионе делает попытку подтянуть свой центр к правому флангу. Первая группа сражений 192
Шампионе наступает своим центром на Мондови, а правым флангом на Нови. Вторая и третья группы сражений 195
Сен-Сир разбивает у Нови Карачая, Мелас же — центр у Бейнете, Лезеньо и Ченталло. Четвертая группа сражений 198
Мелас оттесняет французов от Мондови и Кони. Край безуспешно атакует Сен-Сира 205
Мелас осаждает и захватывает Кони 211
Мелас делает неудачную попытку захватить Геную 214
Фрелих захватывает Анкону. Окончание кампании 216
Выводы 218

Глава X. Заключительные выводы 228

Высадка в Голландии 235
Создание Альпийской и Рейнской армий 236
Горная война 237
Указатель важнейших имен и названий 245

Редактор *Белолипецкий*
Технический редактор *Галин*
Корректора *Шмидт, Новожилова*

Сдано в производство 14.4.39
Подписано к печати 14.11.39

Формат бумаги 70×108¹/₁₆
Объем 16¹/₄ печ. л.,+2 вкл. = ³/₄ п. л., 19,6 авт. л.

Уполн. Главлита № Г—3580
Издательский № 258. Заказ № 306

Отпечатано в 1-й типографии
Государственного военного изд-ва НКО СССР.
Москва, ул. Скворцова-Степанова, 3.

Мюльгаузен
Шафгаузен
Базель
Цюрих
Констанц
Оз. Боденское
Винтертур
Санкт-Галлен
Аарау
Брем-гартен
Аарбург
Золотурн
Люцерн
Берн
Фрейбург
Бургдорф
Тун
Тунское оз.
Бриенцское оз.
Интерлакен
Гларис
Мальмора
Варезе
Комо
Лугано
Оз. Изео
Бергамо
Милан
Верона
Сесто Календе
Ивреа
Ф. Рейн
Р. Рейн
Р. Аар
Р. Рона
Р. Тичино
Р. Адда
Р. Минчио
Р. Адидже
Р. По
Р. Сесия
Р. Дора
Р. Стура
Р. Тарро
Р. Бормида
Р. Танаро
Р. Секкья
Р. Олона
Р. Ламбро
Р. Адда
Р. Оглио
Р. Мелла
Р. Серио
Р. Брембо
Р. Серио